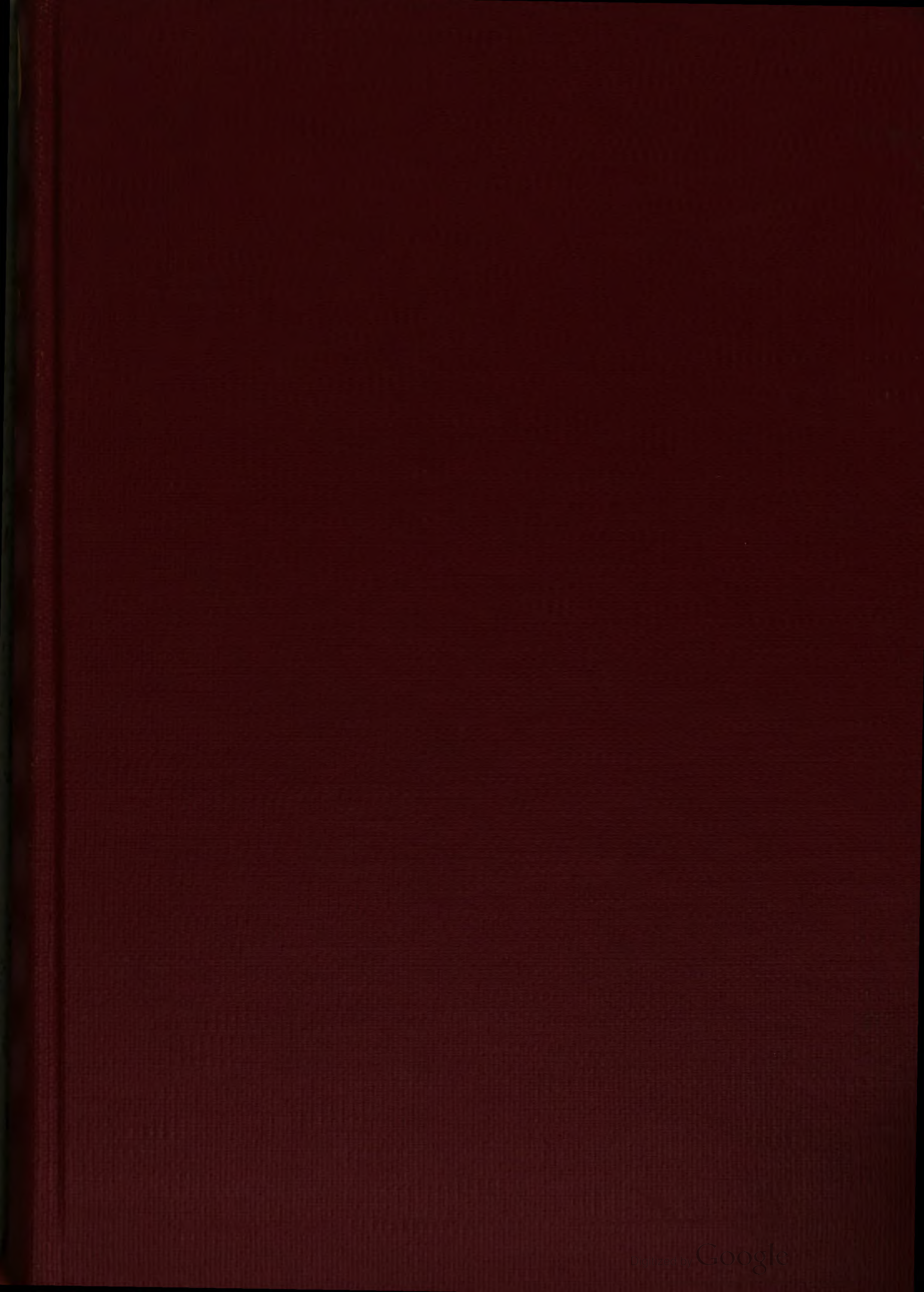
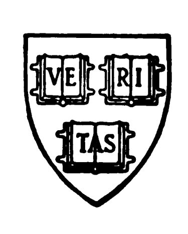



VE
RI
TAS

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА

„ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ"

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

Первое въ Россіи, общедоступное, **ежемѣсячное иллюстрированное** историческое изданіе, посвященное ознакомленію русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи, съ точки зрѣнія идеи прогресса.

ЗАДАЧИ ИЗДАНІЯ: Путемъ широкой аналогіи освѣтить преемственность историческихъ явленій въ жизни народовъ, **научно объяснить и художественно** воскресить вѣчно живые образы прошлаго, установить связь прошедшаго съ настоящимъ и отмѣтить великія завоеванія человѣчества въ безсмертной области духа, красоты и правды. **Исторія продолжается,** и на порогѣ XX вѣка, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо искать въ прошломъ разгадку сложнѣйшихъ проблеммъ современности.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: Е. К. Апостолиди, В. А. Апушкинъ, К. Н. Арабажинъ, кн. В. В. Барятинскій, В. Ѳ. Бопяновскій, Б. П. Бурдесъ, проф. А. Х. Гольмстенъ, кн. Д. Н. Голицынъ (Муравлинъ), Н. А. Гриневская, В. М. Грибовскій, М. В. Головинскій, академикъ Н. Н. Ждановъ, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. гр. Л. А. Камаровскій, проф. А. Н. Кирпичниковъ, Д. Ѳ. Кобеко, проф. Н. М. Коркуновъ, Іосибуми Куроно (лек. японскаго языка петерб. унив.), докторъ русской исторіи Н. П. Лихачевъ, С. В. Любимовъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. Мерцаловъ, М. Г. Мардарьевъ, Н. С. Морозовъ, К. В. Назарьева, Ф. К. Неслуховскій, В. Н. Никитинъ, Н. К. Никифоровъ, В. И. Панаевъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, В. Н. Перетцъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. А. Рейснеръ, А. Н. Субботинъ, Я. Г. Сѣверскій, А. Е. Суровцевъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Н. Фаресовъ, Н. К. Шильдеръ, проф. Н. А. Шляпкинъ, Н. А. Шафрановъ, А. Ф. Шидловскій, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), З. Ю. Яковлева и мн. др.

Для ближайшихъ книжекъ будущаго года уже теперь намѣчены статьи: проф. Н. И. Стороженко «Мартинъ Марпрелатъ и первые пуритане»; И. И. Иванова «Первый соціалистъ XIX вѣка»; проф. Н. А. Шляпкина «Фарнгагенъ-фонъ-Энзе и его русскія отношенія»; новый трудъ проф. Н. Н. Ковалевскаго; М. В. Головинскаго «Сверхчеловѣкъ конца прошлаго столѣтія»; Смоленскаго «Судьба Польши послѣ раздѣловъ» и др.; романы «Изувѣрка» Теплова (изъ древне-русской жизни) и «Послѣдніе Аѳиняне» Рюдберга (изъ древне-византійской жизни и временъ Юліана Отступника)

Особые отдѣлы посвящены: «На рубежѣ XIX вѣка»—изображенію состоянія общества въ Зап. Европѣ наканунѣ нашего столѣтія; «Странички прошлаго»—мелкимъ историческимъ фактамъ и курьезамъ; «Литературная Лѣтопись»—возможно полному обзору русскихъ и иностранныхъ журналовъ и нов. книгъ; «Изъ мертвыхъ законовъ»—оцѣнкѣ прошлаго нашихъ законовъ съ точки зрѣнія современника; «Изъ области археологіи»,—наиболѣе выдающимся фактамъ въ этой области.

Стремясь быть интереснымъ, яснымъ по изложенію, журналъ доступенъ и по цѣнѣ обширному кругу читателей, **какъ самый дешевый историческій журналъ въ Россіи**, выходящій въ больш. журн. форм. въ колич. 18—20 листовъ въ книжкѣ.

Новые подписчики получатъ немедленно всѣ книги журнала съ начала года со всѣми приложеніями.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **6** руб., на полгода **3** руб. и за границу **9** руб.

Лица, которыя желаютъ подписаться теперь-же на текущій годъ и на будущій, вносятъ за оба года только 11 рублей и получаютъ немедленно 11 первыхъ книгъ журнала.

Редакція и контора помѣщаются на Милліонной ул., д. 34, кв. 2, С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **С. С. Сухонинъ.**

Столичная типографія, С.-Петербургъ, Гороховая, 12

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

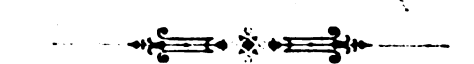
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 12.
1900 г.

Отъ конторы редакціи.

Настоящая двѣнадцатая книга послѣдняя въ этомъ году и, во избѣжаніе промедленія въ высылкѣ журнала, контора покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ: 1) озаботиться своевременной присылкой подписныхъ денегъ, такъ какъ ***декабрьская книга, первая въ 1901 году,*** будетъ разослана не позднѣе половины декабря и этой книгой начнется будущій годъ изданія журнала; 2) всѣ взносы въ разсрочку и всѣ взносы иногороднихъ подписчиковъ адресовать въ редакцію (Петербургъ, Милліонная, 34, кв. 2) и 3) при возобновленіи подписки на будущій 1901 годъ присылать прежній печатный адресъ.

Всѣ годовые подписчики, адресующіе деньги непосредственно въ редакцію, получатъ въ качествѣ безплатнаго приложенія, по своему выбору, или брошюру „Прошлое Китая“ или брошюру М. В. Головинскаго „О правѣ государства наказывать“, а новые годовые подписчики могутъ получить по своему выбору или упомянутыя выше брошюры или истор. романъ В. Я. Свѣтлова „Даръ слезъ“ или „Исторію польскаго народа“ В. Смоленскаго или романъ „Торжество силы“ Поля Адамъ.



Столичная типографія, Гороховая, 12 (уг. Б. Морской).

ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

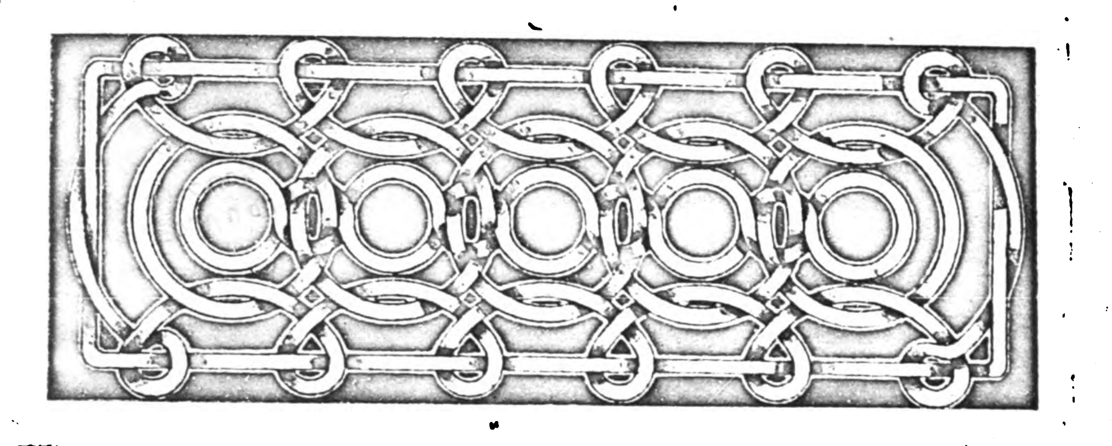
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

НОЯБРЬ

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12 (уг. Б. Морской).
1900.

Дозволено цензурою. Спб. 13 Ноября 1900 г.



О титулѣ „думный дьякъ".

Ъ концѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ въ составѣ боярской думы Московскаго государства упоминаются думные дьяки. Это—младшій іерархически думный чинъ, члены котораго, по сообщенію современниковъ, даже не сидятъ, а стоятъ въ думныхъ собраніяхъ, докладываютъ и объясняютъ дѣла, но не участвуютъ на равныхъ правахъ съ боярами въ рѣшеніи дѣлъ. Громадное значеніе и вліяніе думныхъ дьяковъ въ московскихъ служебныхъ кругахъ объясняется не тѣмъ, что они признаются сановниками, а тѣмъ, что они стоятъ во главѣ важнѣйшихъ московскихъ приказовъ, находящихся въ ближайшемъ вѣдѣніи самой думы. Вся текущая дѣятельность московской центральной администраціи направляется думными дьяками; въ этомъ ихъ сила; отсюда ихъ извѣстность.

Однако, не смотря на свою извѣстность, думные дьяки, вмѣстѣ съ учрежденіемъ, въ которомъ они дѣйствовали, стали предметомъ большихъ разногласій въ нашей спеціальной литературѣ. Тому, кто желалъ бы навести краткую справку объ этомъ думномъ чинѣ, придется получить отъ разныхъ изслѣдователей различныя, взаимно несогласимыя показанія. У Н. П. Лихачева онъ найдетъ категорическое, основанное на хорошемъ знакомствѣ съ первоисточниками, утвержденіе, что «точный титулъ *думный дьякъ* появляется лишь въ послѣдней четверти XVI столѣтія, но участіе дьяковъ въ думѣ несомнѣнно даже для XV вѣка». «Титулъ *думный дьякъ*,—про-

должаетъ далѣе г. Лихачевъ, — въ документахъ первой половины XVI столѣтія замѣняется другими болѣе или менѣе соотвѣтствующими обозначеніями;... такія, напримѣръ, названія, какъ *дьякъ введеной, дьяки великіе*, несомнѣнно относятся къ дьякамъ, введеннымъ въ думу» [1]). Въ приведенныхъ цитатахъ высказана совсѣмъ ясная мысль: новымъ титуломъ въ концѣ XVI вѣка почтена старая должность, искони бывшая въ Москвѣ. Вопросъ о происхожденіи думнаго дьячества есть вопросъ о происхожденіи только титула. Менѣе ясности въ отзывахъ В. И. Сергѣевича. Въ І-мъ томѣ его «Юридическихъ Древностей» читаемъ: «Въ первой половинѣ XVII вѣка, а можетъ быть и ранѣе, появляется и титулъ думнаго дьяка... Дьяки-совѣтники своихъ государей—явленіе очень старинное. Но въ старину это было дѣломъ домашней, кабинетной жизни. Теперь же (то-есть, «въ первой половинѣ XVII вѣка, а можетъ быть и ранѣе»?) дьяки удостоиваются и соотвѣтствующаго титула и такимъ образомъ явно на глазахъ всего Московскаго государства становятся рядомъ съ дѣтьми боярскими, живущими въ думѣ, съ окольничими и боярами введенными. Они признанные члены государевой думы, а не тайные совѣтники» (стр. 502—503). Выходитъ такъ, что удостоеніе титула «думный» было формальнымъ, сравнительно позднимъ, признаніемъ дьяковъ членами государевой думы. Изъ «тайныхъ совѣтниковъ» князя они были сдѣланы думцами. Во II-мъ томѣ того же труда оттѣнки изложенія становятся иными. «До насъ дошли,—пишетъ г. Сергѣевичъ, — указанія на дьяковъ, участниковъ боярской думы, отъ конца XVI вѣка... Но есть основаніе думать, что и думные дьяки могли появиться уже въ царствованіе Ивана Васильевича III... Прилагательное *думный* для обозначенія дьяка-совѣтника могло возникнуть позднѣе, но самое дѣло—приглашеніе дьяковъ въ думу—совершенно согласно съ политикою Ивана III» (стр. 353). Когда же совершилось признаніе дьяковъ членами думы? Въ княженіе великаго князя Ивана III Васильевича, когда дьяковъ пригласили въ думу, или же позднѣе, когда ихъ удостоили соотвѣтствующаго титула? Затрудненіе читателя возростаетъ еще болѣе при чтеніи страницы 396-й, гдѣ г. Сергѣевичъ говоритъ, что въ постановленіи думцами одного «боярскаго приговора» 1520 года участвовали «3 думныхъ дьяка», между тѣмъ читатель еще не забылъ, что на стр. 353-й

[1]) *Н. П. Лихачевъ.* Разрядные дьяки XVI вѣка, Спб. 1888, стр. 166, 180 и слѣд.

самъ авторъ, утверждая, что «до насъ дошли указанія на дьяковъ, участниковъ боярской думы, отъ *конца* XVI вѣка», прибавляетъ: «далѣе этого свидѣтельства памятниковъ, намъ извѣстныя, не восходятъ». Желаніе уразумѣть точно мнѣніе авторитетнаго ученаго ведетъ насъ, можетъ быть, къ мелочности и придирчивости, но и при всемъ томъ оно остается неудовлетвореннымъ. Рѣшаемся впрочемъ думать, что г. Сергѣевичъ въ данномъ вопросѣ слѣдуетъ г. Лихачеву, не выводя своихъ наблюденій изъ круга матеріаловъ, комбинированныхъ послѣднимъ. Эти матеріалы, повидимому, заставляютъ его признавать, что дьяки появились въ думѣ раньше, чѣмъ получили титулъ *думныхъ*. Если такъ, то и для г. Сергѣевича вопросъ о происхожденіи думнаго дьячества въ концѣ XVI вѣка есть вопросъ только о происхожденіи титула. Иначе стоитъ дѣло у гг. Ключевскаго и Владимірскаго-Буданова: они оба признаютъ должности думныхъ дьяковъ учрежденіемъ, выросшимъ при думѣ въ XVI вѣкѣ благодаря „новымъ потребностямъ администраціи“, „усиленію письменнаго дѣлопроизводства“ [1]). Думные дьяки стали какъ бы начальниками отдѣленій думной канцеляріи, отдѣленій, которыя разрослись въ цѣлые приказы съ обширнымъ кругомъ дѣлъ. Оставаясь подъ непосредственнымъ руководствомъ боярской думы, эти приказы передавались въ завѣдываніе дьякамъ, „какъ делегатамъ думы“ (выраженіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова). При такомъ взглядѣ на дѣло, учрежденіе должностей думныхъ дьяковъ должно быть поставлено въ связь съ административною реформою, создавшею кругомъ думы рядъ важнѣйшихъ по значенію приказовъ. Тотъ, кто опредѣлитъ время этой реформы, узнаетъ и время появленія должностей думныхъ дьяковъ. До сихъ поръ, однако, это никѣмъ еще не сдѣлано, хотя въ послѣднія десятилѣтія достигнуты большіе успѣхи въ изученіи той именно эпохи, къ которой относится появленіе думнаго дьячества, и того именно административнаго строя, въ которомъ это дьячество стало такою вліятельною силою.

Можно думать, что и впредь ученые тщетно будутъ искать момента „учрежденія“ новой должности думныхъ дьяковъ, потому что дьяки въ думѣ присутствовали всегда одинаково: и въ XV вѣкѣ, когда ихъ думными не звали, и въ XVI вѣкѣ, когда ихъ привыкли называть думными. Это совершенно ясно

---

[1]) *В. О. Ключевскій*, Боярская дума древней Руси. М. 1882, стр. 287—289. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е. К. 1900, стр. 177—178.

доказано г. Лихачевымъ, который оставилъ на долю послѣдующихъ изыскателей лишь одну задачу—объяснить, откуда появился въ XVI вѣкѣ ранѣе не существовавшій обычай именовать дьяковъ, ведущихъ доклады въ боярской думѣ, думными дьяками, не смотря на то, что они по-прежнему стояли во главѣ приказовъ и продолжали называться по имени своихъ приказовъ—разрядными, помѣстными и т. д. [1]) Акты XVI вѣка не даютъ этому готоваго объясненія; мало того—въ актахъ и приказныхъ записяхъ очень рѣдко встрѣчаемъ названіе дьяковъ *думными* вплоть до 1613 года. И въ спискахъ думныхъ чиновъ дьяки XVI вѣка вовсе не записываются. [2]) Это—признакъ того, что въ XVI вѣкѣ названіе *думный* скорѣе житейское прозвище, чѣмъ опредѣленное офиціальное наименованіе. То объясненіе, которое по нашему вопросу мы сейчасъ предложимъ, клонится къ тому же заключенію: названіе *думнаго* создалось бытовымъ порядкомъ, такъ сказать, само собою, съ появленіемъ опричнины Грознаго, благодаря тому, что явилась надобность какъ нибудь отличать дьяковъ, по старому докладывавшихъ дѣла думѣ, отъ дьяковъ, имѣвшихъ докладъ помимо старой боярской думы въ новомъ государевѣ „дворѣ" или „опричнинѣ". Первыхъ стали звать дьяками „изъ земскаго" или „думными", вторыхъ—дьяками „изъ опричнины" или „дворовыми". Затѣмъ мало по малу эпитетъ *думныхъ* закрѣпился за тѣми изъ дьяковъ, которые бывали въ думѣ, а прочіе параллельные эпитеты исчезли съ уничтоженіемъ „опричнины" и „двора". Справедливость этого наблюденія откроется всякому, кто дастъ себѣ трудъ просмотрѣть относящіеся къ дѣлу документы XVI вѣка и въ особенности тексты пространныхъ редакцій „разрядовъ" за вторую половину XVI столѣтія. Такимъ образомъ выходитъ, что въ эпоху Грознаго дѣйствительно произведена была перемѣна, но она касалась не столько дьячества, сколько самого правительства, и по отношенію къ дьякамъ сказалась только тѣмъ, что въ порядкѣ подчиненности раздѣлила дьяковъ на двѣ группы: подчиненныхъ, по старому, боярской думѣ и подчиненныхъ вновь устроенному „двору". Новостью оказывался не „думный" дьякъ, который и раньше ходилъ въ думу, а дьякъ *дворовый*, который пересталъ носить дѣла въ думу земскимъ боярамъ, а началъ являться съ ними въ опричнину, къ новой власти.

---

[1]) Напримѣръ „думный дьякъ Помѣстныя избы", „думный дьякъ Помѣстного приказу" (*Н. П. Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 183).

[2]) Въ Древней Росс. Вивліоѳикѣ, т. XX, думные дьяки впервые приведены подъ 7163 (1654—1655) годомъ (стр. 111); въ Архивѣ Ист.-юр. свѣдѣній *Калачева*, книга 2, I, стр. 132,—подъ 7115 (1606—1607) годомъ.

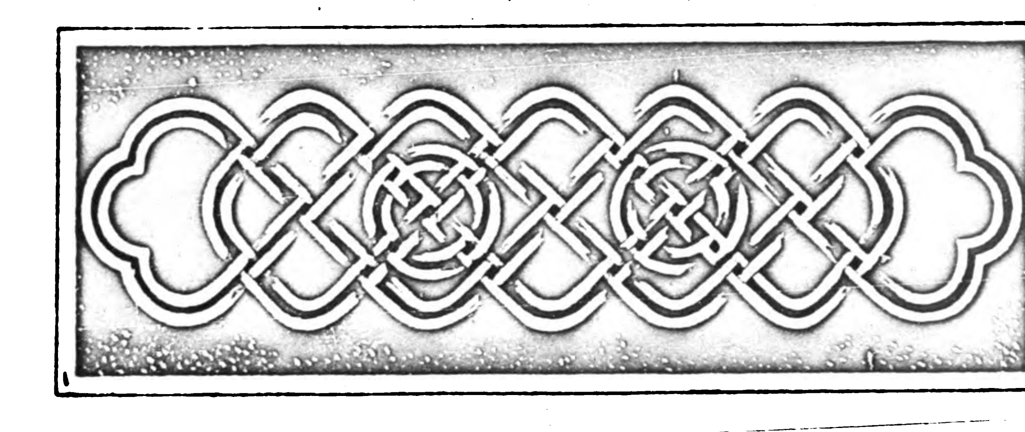
Мимоходомъ мы высказали эту мысль въ нашихъ „Очеркахъ по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“ [1]) при характеристикѣ того раздвоенія, которое было внесено опричниною въ функціи московской администраціи. По нашему представленію опричнина не создала новыхъ учрежденій, кромѣ новаго „двора особнаго“. Этотъ „особной дворъ“ пользовался для своихъ цѣлей старыми, до него существовавшими органами управленія, выдѣляя изъ состава приказныхъ людей особый штатъ „дьяковъ изъ опришнины“, но оставляя ихъ сидѣть въ ихъ прежнихъ приказахъ и вѣдать дѣла старымъ порядкомъ. Такимъ образомъ въ Разрядѣ, напримѣръ, въ 1574—1576 годахъ сидѣли вмѣстѣ дьяки Щелкаловы, Шерефединовъ и Арцыбышевъ. Братья Щелкаловы при этомъ вѣдали дѣла и мѣстности „изъ земскаго“, а Шерефединовъ и Арцыбышевъ — дѣла и мѣстности „дворовыя“. Щелкаловы докладывали боярской думѣ, а ихъ товарищи—царю въ его „особномъ дворѣ“. Но Разрядъ при этомъ оставался по-прежнему единымъ учрежденіемъ, работавшимъ по старой правительственной традиціи; механизмъ его не измѣнился отъ того, что вмѣсто одной высшей инстанціи стало двѣ. Для удобства различенія стали Щелкаловыхъ звать думными дьяками, а ихъ товарищей — дворовыми; но этими названіями не отмѣчалось никакой перемѣны ни въ служебной чести, ни въ служебной практикѣ этихъ лицъ. Существо службы не мѣнялось оттого, что мѣнялся порядокъ подчиненности.

То, что мы теперь говоримъ, есть плодъ личныхъ наблюденій надъ сырымъ историческимъ матеріаломъ; это — только гипотеза. Но ею объясняется такъ много въ исторіи не только самой опричнины, но и вообще московскихъ учрежденій XVI вѣка, что за эту гипотезу стоитъ постоять и надъ ея развитіемъ стоитъ поработать. Мы увѣрены, что историки права и учрежденій XVI вѣка въ Московскомъ государствѣ должны будутъ обратиться къ самому внимательному изученію опричнины, которая еще такъ недавно объявлялась нелѣпою и безсмысленною по своей цѣли и которая вовсе не изучалась со стороны ея дѣйствительнаго значенія и результатовъ.

С. Платоновъ.

---

[1]) Въ первомъ изданіи стр. 154; во второмъ стр. 117.



Проклятый дожъ.

Въ новомъ изслѣдованіи о Марино Фальери, казненномъ дожѣ Венеціи, участь котораго исполнена глубокаго трагизма, французскій писатель Hervieu пытается приподнять таинственную завѣсу, опущенную судьями дожа надъ его дѣломъ не только для современниковъ, но даже и для послѣдующихъ изслѣдователей.

Исторія несчастнаго Марино Фальери, казненнаго за измѣну въ 1355 году рукою палача, послужила, какъ извѣстно, многимъ поэтамъ, писател ямъ и драматургамъ сюжетомъ для произведеній. Воспользовавшись этимъ историческимъ фактомъ, Байронъ создалъ сильную, яркую, полную жизненной правды трагедію, въ которой, какъ онъ самъ говоритъ, онъ стремился къ исторической правдѣ изображенія. Трудно, однако, выполнить это условіе, если нѣтъ на лицо безспорныхъ свидѣтельствъ, доставляемыхъ историческими документами, а по отношенію къ Марино Фальери приходится довольствоваться только лѣтописью венеціанца Сануто, написанной спустя полтораста лѣтъ послѣ казни дожа. Сануто указываетъ на чрезмѣрное честолюбіе дожа и на его оскорбленное чувство супруга какъ на главную причину его гибели. Благодаря этому, всѣ пользовавшіеся лѣтописью — и Байронъ и Гофманъ и Казиміръ Делавинь, хотя и видоизмѣнили коечто въ этой легендѣ, но все-же придерживались указаній Сануто.

Конечно, довольно страннымъ должно казаться отсутствіе оффиціальныхъ документовъ, при той тщательности и заботливости, какую венеціанская администрація выказывала по отно-

шенію къ своимъ архивамъ; начиная съ IX вѣка, въ нихъ можно найти все, исключая процесса Фальери.

Повидимому, здѣсь былъ особый умыселъ, такъ какъ мѣсто въ сборникѣ, которое должно было занимать это дѣло, оставлено пустымъ и надъ чистой страницей стоитъ надпись: Non scribatur. Вслѣдствіе этого высказывалось предположеніе о существованіи спеціальной книги по этому дѣлу, потомъ исчезнувшей во время пожара или другого какого-нибудь несчастія.

Еще болѣе затемнено было это дѣло годъ спустя послѣ казни Фальери распоряженіемъ 13 января 1356 года Совѣта Десяти, постановившимъ, что долженъ быть подвергнутъ штрафу въ тысячу дукатовъ золотомъ и лишенію навсегда всякой должности и права участія въ Совѣтѣ каждый, кто предложитъ или согласится съ необходимостью пересмотра какого-либо изъ рѣшеній, относящихся къ дѣлу объ этомъ заговорѣ.

Въ обществѣ, однако, упорно продолжали говорить объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ ровно черезъ девять лѣтъ, 8 января 1365 г., принята была новая мѣра, а именно опредѣлена была конфискація имущества тѣхъ изъ близкихъ или друзей заговорщиковъ, которые осмѣлились-бы поднять вновь вопросъ о приговорѣ 1355 г. Наконецъ, въ 1366 г. 16 декабря Совѣтомъ Десяти рѣшено было уничтожить даже самое изображеніе казненнаго дожа, находившееся въ исторической галлереѣ наряду съ портретами его предшественниковъ. Траурнымъ чернымъ флеромъ покрыли мѣсто портрета Фальери и поставили на немъ надпись: «Здѣсь мѣсто Марино Фальери, казненнаго за его преступленія». Вслѣдствіе всей этой таинственности, естественно могло возникнуть мнѣніе, будто процессъ Фальери былъ вымышленъ и судъ приговорилъ къ смерти человѣка совсѣмъ невиннаго.

Собственно говоря, мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ виновности, кромѣ словъ, сказанныхъ народу однимъ изъ Совѣта Десяти въ день казни. Только изъ этихъ словъ и видно, что дожъ Фальери былъ казненъ за измѣну.

Съ другой стороны, у насъ имѣется одно историческое указаніе, изъ котораго видно, что за предѣлами венеціанской республики были люди, недовѣрявшіе преступности Фальери и даже открыто и безъ стѣсненія высказывавшіеся объ этомъ. Такъ, германскій императоръ Карлъ IV, мѣсяцъ спустя послѣ разыгравшейся въ Венеціи драмы, жестоко покаралъ возставшихъ противъ него пизанцевъ и казнилъ Покровителя ихъ республики, считая его виновнымъ, только на основаніи по-

казаній его личныхъ враговъ. На увѣщеванія венеціанскаго посла, императоръ отвѣтилъ съ презрительнымъ смѣхомъ: «Если что-либо подобное позволительно для Венеціи, то почему мнѣ нельзя поступить также!»... Посланникъ, разсказывая объ этомъ новому дожу въ письмѣ 21 мая 1355 г., добавляетъ, что онъ сдѣлалъ все возможное, чтобъ отстоять честь своего правителя. Этотъ новый дожъ—былъ Градениго.

Конечно, гораздо важнѣе было-бы найти документы, относящіеся къ самому суду—какъ-то: доносы на дожа, протоколы, составленные послѣ пытки, которой подвергались въ то время осужденные, допросъ дожа комисіей изъ четырехъ членовъ и резолюцію суда. Однако, за неимѣніемъ документовъ первой важности, приходится основываться лишь на совокупности свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ участниковъ и современниковъ трагедіи, разыгравшейся въ Венеціи, и на свѣдѣніяхъ о дѣлѣ, дошедшихъ до насъ изъ вторыхъ рукъ.

* * *

Первымъ кандидатомъ на престолъ дожа, послѣ смерти Андрео Дандоло (1354), оказался Джіованни Градениго.

Эта традиція наслѣдованія между Дандоло и Градениго установилась уже въ концѣ предыдущаго вѣка; при этомъ соперничество съ третьей линіей—Тіеполо было устранено усиліями Градениго I. Съ 1328 г. до 1354 г. дожами были: Франческо Дандоло, Бартоломео Градениго и Андрео Дандоло. Двумъ этимъ линіямъ постоянно удавалось устранять другихъ претендентовъ, даже принадлежавшихъ къ герцогскому дому. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ правленія дожа Андрео Дандоло Градениго терпѣливо ждалъ своей очереди, и легко себѣ представить, что этотъ старецъ, имѣя 75 лѣтъ отъ роду, не согласился-бы ни на какую дальнѣйшую отсрочку.

Народъ относился къ Градениго безъ особаго почтенія и прозвалъ его: «Большой Носъ». Его считали скупымъ и жаднымъ. Подобно своему предшественнику Андрео Дандоло, получившему ученую степень доктора въ Падуанскомъ университетѣ, и Джіованни Градениго основательно изучилъ право и принадлежалъ такимъ образомъ къ школѣ политиковъ, стремившихся грубую военную силу замѣнить нѣкоторой законо-мѣрностію въ правленіи.

Совершенно другимъ человѣкомъ былъ Марино Фальери. Благодаря своему огромному состоянію Фальери удалось пріобрѣсти титулъ графа Валмарено. Сначала онъ былъ капитаномъ галеръ въ Константинополѣ и на Черномъ морѣ, гдѣ

сопровождалъ торговыя суда; затѣмъ былъ губернаторомъ на Негропонтѣ, легатомъ на островѣ Кандіи; однимъ словомъ, занималъ должности, такъ или иначе прикосновенныя къ венеціанской торговлѣ. Впослѣдствіи онъ нѣсколько разъ былъ подеста [1]) различныхъ городовъ, а потомъ даже сдѣлался однимъ изъ Совѣта Трехъ, а именно предсѣдателемъ Совѣта Десяти. Въ 1354 г. ему исполнилось семьдесятъ лѣтъ.

Въ день выборовъ, 11-го сентября 1354 г., Джіованни Градениго даже не подозрѣвалъ, что имѣетъ соперника въ лицѣ Марино Фальери, тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ Фальери находился съ порученіемъ у папы въ Авиньонѣ.

Выборы всегда носили характеръ случайный, благодаря тому, что процедура ихъ была чрезвычайно сложной. Избирался дожъ Большимъ Совѣтомъ, состоявшимъ приблизительно изъ пятисотъ пятидесяти дворянъ; изъ нихъ при помощи жребія избиралось тридцать человѣкъ, изъ которыхъ въ свою очередь только девять попадало въ число избирателей. Эти девять случайныхъ избирателей назначали сорокъ человѣкъ, также трижды баллотируемыхъ. Послѣ окончательнаго избранія сорока одного непосредственнаго избирателя, каждый изъ баллотирующихъ подавалъ записку съ обозначеніемъ имени предлагаемаго дожа. Кандидатовъ оказалось четверо, между ними были Джіованни Градениго и Марино Фальери. Чтобъ узнать, кого изъ четырехъ голосовать первымъ, брошенъ былъ жребій, который и упалъ на имя Фальери.

Послѣ этого приступили къ голосованію и Фальери былъ избранъ большинствомъ тридцати пяти голосовъ, тогда какъ по закону было достаточно и двадцати пяти. Непримиримыхъ оказалось только шесть, но надо запомнить, что впослѣдствіи и эти шесть находились въ числѣ тридцати семи членовъ чрезвычайнаго суда, разбиравшаго дѣло Фальери.

* * *

Прошло три недѣли послѣ выборовъ, и Марино Фальери, возвратившись изъ Авиньона, приготовился къ торжественному въѣзду въ Венецію (5-го октября 1354 г.).

При этомъ произошло нѣчто въ высшей степени странное и неожиданное, истолкованное впослѣдствіи какъ указаніе свыше.

Марино Фальери, окруженный своей свитой, подъѣзжалъ на «Буцетаврѣ», парадномъ суднѣ дожей, къ берегу, гдѣ ему

---

[1]) Градоначальникъ.

готовилась торжественная встрѣча сеньорами и почетной стражей. Въ это время на море спустился туманъ и поэтому корабль уклонился немного отъ пути и подошелъ не къ мосту, гдѣ его ожидали, а къ «двумъ колонамъ», мѣсту отмѣченному позоромъ и безчестіемъ, служившему прежде для казни преступниковъ. Уже въ этомъ случаѣ можно усмотрѣть попытку оскорбленія достоинства новаго дожа. Несмотря на туманъ, легко было увидѣть стоявшую на берегу толпу, среди которой замѣтно выдѣлялось множество красныхъ сенаторскихъ мундировъ; и если не зрѣніе, то во всякомъ случаѣ слухъ долженъ былъ указать необходимое направленіе, такъ какъ съ берега доносился шумъ голосовъ ожидавшихъ...

Будучи очень суевѣрными, венеціанцы сочли этотъ небольшой случай дурнымъ предзнаменованіемъ, и съ этого времени толпа стала смотрѣть на Фальери, какъ на отмѣченнаго рокомъ.

Самъ Марино Фальери врядъ ли успѣлъ сообразить значеніе этого обстоятельства, но народъ замѣтилъ этотъ случай, и, при первой-же неудачѣ дожа, вспомнилъ о дурномъ предзнаменованіи.

За недѣлю до казни Фальери, Петрарка написалъ изъ Милана письмо, въ которомъ указываетъ, что дожъ вступилъ во дворецъ лѣвой ногой, *sinistro pede*.

Спустя мѣсяцъ послѣ водворенія въ Венеціи Марино Фальери, нѣсколькими молодыми людьми съ Михаиломъ Стено во главѣ нанесено было дожу страшное оскорбленіе. Это случилось, какъ передаетъ молва, въ послѣдніе дни масляной недѣли, въ государственныхъ-же архивахъ Венеціи имѣется указаніе, что въ дѣйствительности оскорбленіе было нанесено дожу 10 ноября 1354 г., но виновники, навлекшіе на себя всеобщее осужденіе, еще не были розысканы. На стѣнѣ дворца, въ той его части, гдѣ жилъ дожъ, стояла такая надпись: «Марино Фальери—мужъ красавицы; снисходителенъ къ ней, несмотря на ея благосклонность къ другимъ». Кромѣ того, другъ Михаила Стено видоизмѣнилъ герцогскую корону на гербѣ Фальери, прибавивъ къ ней сверху второй рогъ.

Можетъ быть, Стено мстилъ дожу какъ главѣ правительства, отъ котораго ему пришлось потерпѣть много непріятностей, хотя нельзя также отрицать и того, что между Фальери и Стено были и личные семейные счеты: двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Паоло Стено былъ заключенъ въ тюрьму на цѣлый

годъ за то, что пробрался однажды ночью въ комнату дочери Пiетро Фальери, надъ которой произвелъ насилiе.

Молва гласитъ, что Марино Фальери требовалъ смерти Михаила Стено за нанесенное ему оскорбленiе, или по крайней мѣрѣ вѣчнаго его заключенiя и, узнавъ о болѣе легкомъ наказанiи, къ которому приговорили оскорбителя дожи, воспылалъ гнѣвомъ ко всемъ олигархамъ Венецiи, давъ себѣ клятву погубить ихъ. Однако, едва-ли что-либо подобное могло произойти, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что къ проступку Стено былъ примѣненъ кодексъ XIV вѣка. Подобныя же легкiя наказанiя назначались за оскорбленiе дожей 15-го ноября 1328 г., 23-го апрѣля 1347 г. и 21-го мая 1351 г. Поэтому нельзя предположить, чтобы Марино Фальери, бывшiй предсѣдателемъ Совѣта Десяти, сдѣлавшись затѣмъ главою республики, могъ не знать порядка и размѣра опредѣленiя наказанiй за подобнаго рода проступки. Наконецъ, если бы Фальери задумалъ устранить Стено, то едва-ли бы это было для него трудно, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что вся эта исторiя разыгралась въ Венецiи въ то время, когда вообще охотно пускали въ ходъ ядъ и кинжалъ, и правители мало стѣснялись въ выборѣ средствъ къ «устраненiю» неудобныхъ и ненавистныхъ имъ лицъ.

Догарессу обыкновенно изображаютъ молоденькой, хорошенькой женщиной, которая могла быть скорѣе воспитанницей, чѣмъ подругой жизни стараго дожа. Дожъ, ревнуя жену, возненавидѣлъ будто бы всю знать Венецiи и рѣшился истребить ее и уничтожить республиканское правленiе, чтобъ затѣмъ, опираясь на своихъ сторонниковъ, спокойно продолжать царствовать. При ближайшемъ изслѣдованiи оказывается, однако, что догаресса, вторая жена Марино Фальери, родилась немного ранѣе 1317 года, такъ какъ подъ этимъ годомъ упоминается имя ея въ завѣщанiи отца. Слѣдовательно, въ 1354—1355 г. ей было уже около сорока лѣтъ. О ея нравственности трудно сказать что-либо опредѣленное, хотя и извѣстно, что во время продолжительныхъ заграничныхъ отлучекъ Марино Фальери, супруга пользовалась свободой, о которой многiе говорили съ порицанiемъ.

Довольно подозрительнымъ можетъ показаться то обстоятельство, что, при осужденiи дожа, судьи даже не допустили мысли о сообщничествѣ въ этомъ дѣлѣ догарессы, тогда какъ вмѣстѣ съ Марино Фальери осужденiю подверглись его другъ Цукуолъ и двоюродный братъ Бертуччiо Фальери.

Это объясняется, однако, если вспомнить, что догаресса была урожденной Градениго и приходилась внучкой дожу Градениго Первому. Тотчасъ же послѣ казни ея мужа, мы видимъ догарессу вновь владѣющей конфискованнымъ имуществомъ и возстановленной въ правахъ. Впослѣдствіи она поступаетъ въ монастырь, гдѣ составляетъ нѣсколько завѣщаній, начиная ихъ словами: «*Libera animam meam, Domine*»!.. Въ первомъ завѣщаніи она не забываетъ двухъ мужскихъ потомковъ Фальери и четырехъ дочерей его, тоже находившихся въ монастыряхъ; но въ послѣднемъ завѣщаніи она совершенно не упоминаетъ Фальери и оставляетъ все въ семью Градениго.

* * *

Изъ разсказа Сануто видно, что послѣ обиды, которой подвергся начальникъ судовъ Изарелло, у него съ дожемъ было тайное свиданіе; при этомъ оба они будто бы жаловались другъ другу на заносчивость венеціанской знати и будто бы Изарелло сказалъ дожу: «Окажите мнѣ *помощь* и черезъ нѣсколько времени вы будете неограниченнымъ властелиномъ Венеціи». Послѣ этого рѣшено было привлечь къ дѣлу сообщниковъ. Все уже было готово, разсказываетъ Сануто; заговорщикамъ оставалось только собраться по звону къ колокольнѣ Св. Марка и ожидать тамъ появленія важнѣйшихъ представителей знати города, которые должны были придти туда узнать, по какой причинѣ дожъ приказалъ звонить; въ этотъ моментъ рѣшено было перерѣзать ихъ всѣхъ. Все разстроилось благодаря болтливости одного изъ заговорщиковъ, Бельтрамо, разсказавшаго обо всемъ сенатору Николо Ліони. Тотчасъ-же при дѣятельномъ участіи этого патриція былъ составленъ контръ-заговоръ, при ближайшемъ содѣйствіи Джіованни Градениго и Марко Корнера. Градениго, Корнеръ и Ліони быстро сообразили, что Большой Совѣтъ не оставитъ заслугу ихъ безъ вознагражденія и, дѣйствительно, послѣ низложенія Марино Фальери, этотъ тріумвиратъ занялъ самыя выдающіяся должности: Николо Ліони сдѣлался Прокураторомъ, Марко Корнеръ—вицедожемъ, а Джіованни Градениго дожемъ. Изъ повѣствованія Сануто видно, что *помощь* дожа, о которой просилъ Изарелло, заключалась только въ *приказаніи звонить на колокольнѣ Св. Марка*. Да и дѣйствительно, на какую другую герцогскую помощь можно было расчитывать? Войскомъ дожъ не распоряжался, собственной стражи у него не было, всѣ тѣлохранители его были въ зависимости отъ партіи аристократической и, слѣдовательно, никакой другой поддержки заговорщикамъ

дожъ оказать не могъ. Изарелло и его тесть Календаріо — главные организаторы возстанія — старались убѣдить своихъ сообщниковъ, что они ничѣмъ не рискуютъ, что дожъ въ заговорѣ съ ними, доказательствомъ чего послужитъ звонъ на колокольнѣ Св. Марка, куда будто бы имѣлъ доступъ одинъ только дожъ. Здѣсь-то и возникаетъ сомнѣніе,—дѣйствительно-ли дожъ, одинъ дожъ имѣлъ доступъ на эту колокольню? Изъ дѣла видно, что Календаріо былъ главнымъ каменщикомъ и имѣлъ постоянную работу во дворцѣ. Легко допустить предположеніе, что въ извѣстный моментъ, когда понадобится доказать, будто дожъ участвуетъ въ заговорѣ, Календаріо могъ, опираясь на своихъ рабочихъ, проникнуть на колокольню и дать сигналъ, а заговорщики въ это время съ Изарелло во главѣ могли надѣяться сдѣлать свое дѣло. Едва-ли можно допустить мысль объ участіи дожа въ этомъ заговорѣ и по той причинѣ, что онъ врядъ-ли согласился бы на убійство и своихъ близкихъ, а между тѣмъ изъ числа лицъ, обреченныхъ на смерть, не было сдѣлано исключеніе ни для Фальери de San Samuele, ни для Фальери de San Tomà, ни de Santa Fosca, ни остальныхъ. Если даже допустить мысль о томъ, что престарѣлый дожъ стремился къ власти, независимой отъ Совѣта Трехъ, Совѣта Десяти и Главнаго Совѣта, то едва-ли онъ сталъ добиваться этой власти такимъ путемъ. Для семидесятипятилѣтняго старца этотъ путь крови и преступленій едва-ли былъ уже по силамъ...

Только Изарелло и Календаріо могли бы сказать правду относительно того, дѣйствительно-ли Марино Фальери далъ свое слово, что прикажетъ звонить на колокольнѣ Св. Марка.

Дѣло въ томъ, однако, что изъ всѣхъ повѣшенныхъ передъ народомъ на Піацеттѣ, только двоимъ ротъ былъ заткнутъ особымъ способомъ, чтобы они не могли ничего крикнуть—и эти двое были Изарелло и Календаріо. Такая предосторожность едва-ли не указываетъ, что они двое именно и могли бы сообщить нѣчто любопытное и во всякомъ случаѣ правдивое, такъ какъ имъ оставалось думать только о спасеніи души.

* * *

По мѣрѣ того, какъ открывались имена заговорщиковъ, ихъ спѣшили захватить. Изарелло былъ арестованъ въ саду Santa-Croce, его тесть Календаріо въ San Severo, а многіе другіе также поспѣшно въ различныхъ другихъ мѣстахъ. Для судей казалось яснымъ, что всѣ заговорщики должны едино-

гласно указать на виновность дожа, но нѣкоторые отрицали это, вслѣдствіе чего, чтобы заставить ихъ отречься отъ этой лжи, прибѣгли къ пыткамъ. Повидимому, палачамъ пришлось работать болѣе чѣмъ обыкновенно, такъ какъ 17-го іюня 1355 г. Совѣтъ Десяти присудилъ вознагражденіе въ десять дукатовъ золотомъ тѣмъ изъ стражи, «которые помогали мучить измѣнниковъ». Понятно, что послѣ этой ужасной пытки всѣ отрицавшіе вначалѣ виновность Фальери, не преминули дать утвердительный отвѣтъ.

Цукуолъ, другъ Фальери, обвинялся въ томъ, что не донесъ на дожа, зная о его намѣреніяхъ. Однако, онъ былъ наказанъ не слишкомъ сурово: его лишь сослали на островъ Кандію, даже не конфисковавъ имущества. Это опять-таки едва-ли объясняется тѣмъ, что Цукуолъ былъ женатъ на Люціи Градениго. Возникаетъ, однако, вопросъ, — могъ-ли Цукуолъ, зная о заговорѣ не донести о немъ, когда его три дочери были замужемъ за видными аристократами Венеціи, также обреченными на смерть заговорщиками?

Что касается Бертуччіо Фальери, то онъ, хотя и обвинялся въ томъ же, въ чемъ и Цукуолъ, но благодаря своей принадлежности къ роду Фальери, былъ осужденъ на пожизненное заточеніе въ тюрьму. До самой смерти Бертуччіо Фальери, въ продолженіи двадцати лѣтъ, никому не удалось видѣться съ нимъ. Кромѣ того, Совѣтомъ, подъ предсѣдательствомъ Андрео Градениго, постановлено было упразднить окошко въ той камерѣ, гдѣ сидѣлъ Бертуччіо Фальери. Такимъ образомъ, еще разъ была опущена завѣса на дѣло Фальери.

Марино Фальери предсталъ передъ судомъ коллегіи изъ четырехъ членовъ. Между этими четырьмя лицами было двое изъ числа тѣхъ шести, которые не подали голоса за Фальери при его избраніи; затѣмъ въ совѣтѣ, присоединяемомъ одновременно къ судьямъ, оказалось четверо остальныхъ его противниковъ. Если еще обратить вниманіе на то, что изъ среды судей были исключены два Фальери и вмѣсто нихъ въ составъ суда были введены Николо Ліони и Джіованни Градениго, то станетъ очевиднымъ, что у Фальери немного было шансовъ на оправданіе.

Отъ слѣдователей дѣло перешло къ чрезвычайному суду, состоявшему изъ тридцати семи судей. Обвиняемый, какъ полагалось по тогдашнимъ правиламъ, не присутствовалъ на судѣ. Правомъ защищать осужденнаго могъ воспользоваться, кто хотѣлъ. Врядъ-ли кто-нибудь осмѣлился на это въ дан-

номъ случаѣ... Послѣ подачи голосовъ, оказалось, что всѣ высказались за обезглавленіе.

Самъ Марино Фальери совсѣмъ не ожидалъ подобнаго рѣшенія и это также едва-ли не указываетъ, что онъ не былъ такъ виновенъ, какъ утверждали, ибо иначе, сознавая всю тяжесть своего преступленія, онъ зналъ-бы, что ждетъ его за попытку государственнаго переворота.

Можетъ быть и нельзя утверждать, что весь процессъ Марино Фальери былъ завѣдомо вымышленъ и что враги его постарались подтасовать такъ факты и обстоятельства, чтобы ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе относительно виновности дожа; но нельзя отрицать и того, что едва-ли было достаточно данныхъ и надлежащимъ, безпристрастнымъ образомъ провѣренныхъ уликъ для осужденія дожа, котораго судьба стала преслѣдовать съ перваго-же дня его водворенія въ этомъ званіи въ Венеціи. У Марино Фальери были съ одной стороны слишкомъ сильные противники и враги среди олигарховъ Венеціи, этой «республики» рабовъ и купцовъ, и съ другой стороны—слишкомъ мало сторонниковъ, чтобы всего этого не было достаточно для осужденія, вѣроятно, скорѣе несчастнаго, чѣмъ преступнаго дожа.

З. С.

Пѣснь Гаральда храбраго, короля Норвегіи.

Тихой ночью, лѣтней ночью, близъ нормандскихъ береговъ
Плылъ корабль. Дремало море, не былъ слышенъ шумъ валовъ.
На кормѣ стоялъ недвижно, надъ кормиломъ наклонясь,
Статный воинъ, и печально пѣснь изъ устъ его лилась...

. . . .

Корабль крѣпкодонный мой синихъ морей
Несла, колыхаясь, пучина;
Сверкало желѣзо тяжелыхъ мечей,
Стояла въ молчаньи дружина.
Намъ спутники были и ужасъ и страхъ,
Шумѣли побѣдою стяги,
Великую дань въ сицилійскихъ краяхъ
Оружіемъ взяли варяги.
Гаральда, сіяньемъ своимъ осѣня,
Лелѣяла бранная слава,
Но русская дѣва отвергла меня,
Прекрасная дочь Ярослава...

. . . .

Нѣтъ женщины, дѣвы въ родимомъ краю,
Которая съ радостью гордой,
Не пѣла бы пѣсни про славу мою
Про духъ мой могучій и твердый.
Но вражескимъ бронямъ сѣкирой звеня,
На славу добился я права,
Но русская дѣва отвергла меня
Прекрасная дочь Ярослава...

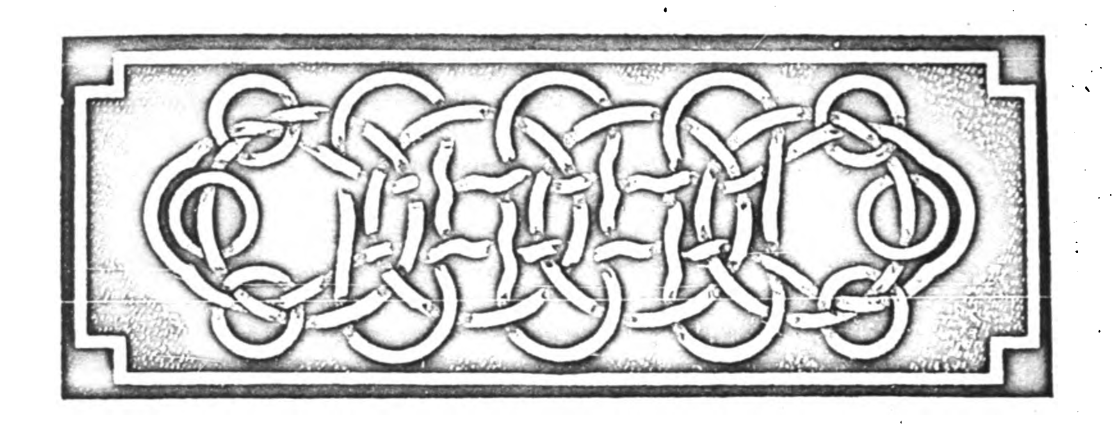
. . . .

Сливается съ пѣснею нѣжною дѣвъ,
Напѣвъ сѣдовласаго скальда:
Шумящій, какъ волны, печальный напѣвъ
Про мощь, про побѣды Гаральда.

С. Мельниковъ.

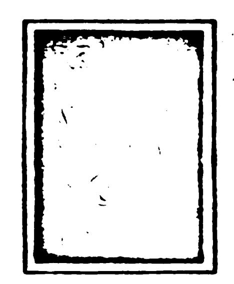
---

[1]) Стр. отъ 17 до 22 исключены изъ настоящаго нумера.
Прим. Ред.



Возникновеніе Миланской коммуны.

Переводъ съ итальянскаго.



ЗУЧЕНІЕ первоначальнаго періода въ исторіи каждой страны,—это надо запомнить, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу,—скорѣе упорный трудъ, чѣмъ удовольствіе.

Источниковъ мало, хронологія сбивчива и неопредѣленна, комментаріи къ фактамъ случайны и сомнительны. При такомъ положеніи дѣла изслѣдователю постоянно приходится строить предположенія; создавать спѣшныя индукціи, чтобы установить то, что обыкновенно называютъ исторической истиной и что въ большинствѣ случаевъ только стоитъ на границѣ наиболѣе правдоподобнаго предположенія. Съ другой стороны, законы далекой и мрачной эпохи до такой степени чужды нашимъ привычкамъ и чувствамъ, что утрачивается всякое удовольствіе отъ сравненія прошлаго съ настоящимъ. Воображеніе устаетъ подбирать и возстановлять обрывающіяся нити контуровъ, чтобы возстановить фигуры, для которыхъ исторія обыкновенно даетъ только неполныя и разрозненныя черты, не опредѣленныя въ моральномъ отношеніи и въ подробностяхъ факта.

Есть только одна точка зрѣнія, которая заставляетъ мириться со всевозможными затрудненіями при рѣшеніи этой проблемы. Въ концѣ концовъ она даетъ одно удовлетвореніе мысли, цѣнное для мыслителя, хотя, можетъ быть, и безразличное для артиста. Гордость гуманизма имѣетъ для себя гораздо больше данныхъ въ изученіи начала исторіи, чѣмъ въ изученіи исторіи упадка.

Съ исторической точки зрѣнія начальный періодъ города и страны представляетъ изъ себя тотъ моментъ, когда человѣческія учрежденія, каковы бы сами по себѣ они ни были, изъ состоянія анархіи переходятъ въ органическія формы. Этотъ переходный моментъ вызываетъ къ жизни лучшія свойства воли и ха-

рактера. Для этого нужны подвиги отдѣльнаго человѣка или цѣлаго народа, подъемъ личнаго генія или массоваго инстинкта, нуженъ энергичный починъ, хотя бы иногда и омраченнаго роковымъ преступленіемъ, или дружная работа всѣхъ, хотя бы она, по ошибкѣ въ первоначальномъ замыслѣ, и не привела къ цѣли.

Поскольку дѣло касается государственнаго устройства, на первыхъ порахъ мы всегда имѣемъ дѣло съ однѣми и тѣми же постоянными формами, монархіями, коммунами и республиками. Иногда кажется, что провидѣніе хотѣло сохранить за этими періодами, всегда до извѣстной степени творческими, тотъ характеръ величія, который неизбѣжно отмѣчаетъ личность и дѣятельность людей творческой силы и мысли. Такъ, нельзя думать о возникновеніи французскихъ монархій, не вспоминая при этомъ того Карла Мартелла, который сохранился въ народной памяти, какъ образъ непобѣдимаго національнаго бойца. Норманнъ Рожеръ и Гумбертъ Бѣлая Рука — суровыя и симпатичныя фигуры, которыя наполняютъ собою начальный періодъ въ исторіи двухъ огромныхъ областей Италіи. Основаніе испанской монархіи нельзя отдѣлить отъ благороднаго зерна тѣхъ патріотовъ, которые собрались вмѣстѣ съ Пелахъ на горахъ басковъ, чтобы образовать священный баталіонъ національной обороны. Великая исторія венеціанской республики не можетъ забыть энергичнаго движенія тѣхъ рыбаковъ, которые дали клятву сохранить на отмеляхъ Ріальто свою свободу, когда ей грозила воинственная орда континента.

Въ XI вѣкѣ Италія увидѣла возрожденіе къ органической жизни нѣкоторыхъ изъ своихъ политическихъ аггломератовъ. До этого термина нѣкоторыя попытки возрожденія говорятъ почти исключительно только о томъ состояніи полнаго разложенія, въ которомъ томился весь нашъ полуостровъ. Еще не были забыты послѣдніе ужасы варварскаго нашествія, когда предчувствіе скорой кончины міра самымъ тлетворнымъ образомъ стало вліять на всѣ попытки соціальной организаціи. Международныя войны, когда-то очень упорныя, за послѣднее время стали утрачивать свою напряженность, не потому чтобы ослабѣли привычки къ раздорамъ, но потому что всѣхъ пугала опасность конечной гибели, которую предвѣщали народные пророки.

Какъ ленныя владѣнія когда-то явились результатомъ завоеваній, такъ церковныя бенефиціи явились слѣдствіемъ всеобщаго страха передъ свѣтопреставленіемъ. Свѣтскій авторитетъ, который не могъ обезпечить жизни въ вѣчности, утратилъ всякое значеніе. Этого значенія, и въ безграничной степени, достигъ авторитетъ церковный, въ рукахъ котораго были ключи отпущенія грѣховъ и спасенія души. Такимъ образомъ политическая власть мало-по-малу переходила къ архіепископамъ, передъ которыми были безсильны графы и герцоги, и оставленные иноземными завоевателями по городамъ въ качествѣ представителей феодальной имперіи. Щедрые вклады обогатили духовенство и монастыри, хотя богатство послужило имъ великимъ искушеніемъ и соблазномъ и явилось причиною порчи нравовъ. Такимъ обра-

зомъ возникли двѣ задачи, которыя въ XI вѣкѣ волновали всю Италію—борьба изъ-за инвеститутуры и дисциплинарная реформа клира. Незадолго до рокового тысячнаго года жилъ Григорій VII, который по обоимъ вопросамъ былъ одновременно и самымъ могучимъ бойцомъ, и самою знаменитою жертвою.

Но какъ бы то ни было, роковой тысячелѣтній рубежъ прошелъ безъ страшной катастрофы. Міръ успокоился, когда явилась увѣренность, что его часъ еще не насталъ. Что-же оказалось? А то, что тѣ немногіе люди, которыхъ суевѣріе сдѣлало властными и сильными, пожелали укрѣпить и расширить свою власть, а многіе, которые неожиданно остались въ живыхъ, приготовившись къ немедленной смерти, оплакивали свое ослѣпленіе и потерю своего состоянія. Общее разстройство глубоко проникло въ народныя массы, которыя, когда кризисъ миновалъ, почувствовали на своей шеѣ двойное иго двоякой тираніи. Кромѣ того снова поднялись бѣшенные раздоры и феодальные счеты, которые сдерживались въ уздѣ только страхомъ конечной гибели міра. Завистливая алчность и страсть къ насилію прорвались съ тѣмъ большею яростью, чѣмъ продолжительнѣе былъ періодъ ихъ вынужденнаго бездѣйствія. При этой разнузданности страстей исчезли послѣдніе признаки благосостоянія простого народа и благородство нобилей. Законъ сталъ игрушкою въ рукахъ того, кто былъ сильнѣе. Сильный сегодня уступалъ свое мѣсто другому, сильнѣйшему, завтра. Этому было только одно имя—анархія. И этимъ признакомъ отмѣчены всѣ явленія жизни того времени.

Противъ этого въ XI вѣкѣ появилась та спасительная реакція, которая дала новую жизнь наслѣдственнымъ владѣніямъ и коммунальнымъ республикамъ. Какъ та, такъ и другая органическая форма государственнаго устройства была пріятна толпѣ, въ рукахъ которой обыкновенно и бываетъ то, что называютъ случаемъ. Не надо обманывать себя тою мыслію, будто бы въ гражданскихъ учрежденіяхъ XI вѣка совсѣмъ погибла когда-то могущественная потребность свободы. Дѣло въ томъ, что главною потребностью того времени былъ порядокъ, прекращеніе анархіи. Тамъ, гдѣ геній и значеніе одного человѣка могли обезпечить устойчивость органической власти, населеніе охотно мирилось съ тиранніею одного, такъ какъ эта тираннія освобождала его отъ тиранніи многихъ. Если же такого человѣка не было, или даже геній не искупалъ его главенства въ государствѣ, толпа въ свободѣ искала средства устранить анархію. Къ ней стремились, — можетъ быть, стремятся и теперь,—такъ что свобода, къ которой стремились какъ къ одному изъ средствъ, обезпечивающихъ общее благо, стала благомъ сама по себѣ. Тѣ люди, которые въ XI вѣкѣ съумѣли дисциплинировать организацію свободы, не задумывались разрушить ее, когда какія-нибудь, даже мимолетныя впечатлѣнія переносили ихъ мысли къ другимъ горизонтамъ. Исторію можно объяснять, но ей нельзя приписывать цѣлей и желаній. Несомнѣнно, что въ нашихъ великихъ коммунахъ свобода, хотя только въ исключительныхъ случаяхъ она лишена была разума, почти всегда была чужда любви. Правда въ томъ, что при желаніи по-

рядка во что-бы то ни стало итальянскія толпы часто колебались между автономнымъ правленіемъ и княжеской властью. И не всегда были тираннами тѣ люди, которые отнимали у народа свободу. Иногда вольности сами и добровольно склонялись передъ тираннами.

Доказательства для этихъ положеній безъ особыхъ усилій можно найти въ исторіи одной изъ наиболѣе значительныхъ итальянскихъ муниципій, именно той, которая, по своему положенію, прежде другихъ, а, можетъ быть, и сильнѣе другихъ почувствовала па себѣ всѣ слѣдствія исторической смѣны, иноземнаго гнета свободы и тиранній.

Я говорю о Миланѣ.

Въ началѣ XI вѣка Миланъ былъ, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ Европы и несомнѣнно самымъ многолюднымъ въ Италіи. До этой эпохи онъ уже дважды превращался въ ничто и дважды поднимался на необыкновенную высоту. Въ IV вѣкѣ, какъ резиденція викарія Италіи, онъ считался вторымъ по значенію городомъ въ Римской имперіи. Свирѣпый Урайя, предводитель готовъ, избилъ въ немъ болѣе 30 тысячъ жителей и мраморный городъ превратилъ въ груду развалинъ. Втеченіе трехъ вѣковъ Миланъ почти исчезаетъ со страницъ исторіи и утрачиваетъ тѣ привилегіи, которыя переходятъ отъ него къ болѣе цвѣтущимъ городамъ, къ Павіи и къ Монцѣ. Отчасти за нимъ сохранилось только одно значеніе, значеніе архіепископата. Но это значеніе, по самому существу дѣла, не содѣйствовало подъему матеріальнаго благосостоянія города и ограничивалось первенствомъ въ діацезѣ отъ Генуи до Каиры, отъ Мантуи до Турина, на территоріи котораго насчитывалось 24 епископа-суффрагана.

Но именно архіепископъ въ IX вѣкѣ возвратилъ Милану его прежнее значеніе и прежній блескъ, когда условія его существованія мало по малу становились лучше подъ владычествомъ лонгобардовъ и франковъ. Анснерто да Біассоно, который, вѣроятно, происходилъ изъ старинной фамиліи Конфаніеровъ, втеченіе 13 лѣтъ, отъ 868 до 881, занималъ миланскую каѳедру. Онъ пользовался своею обширною властью въ интересахъ города и оказалъ энергичное сопротивленіе замысламъ худшаго изъ папъ Іоанна VIII. Онъ возстановилъ и достроилъ вокругъ города стѣны, построенныя императоромъ Максиміяліаномъ и разрушенныя готами. Этого было довольно, чтобы жители Ломбардіи, напуганные частыми набѣгами венгровъ и дерзостью разбойниковъ, обнаружили сильное желаніе селиться поближе къ городу, гдѣ новыя и серьезныя средства защиты могли въ нѣкоторой степени гарантировать имъ жизнь и собственность. Населеніе Милана быстро увеличилось, такъ что въ XI вѣкѣ, по свидѣтельству Чибраріо, оно доходило почти до трехъ сотъ тысячъ жителей.

Это было уже началомъ матеріальнаго благосостоянія, но оно не уничтожило анархіи, политическихъ захватовъ, случайной смѣны учрежденій и порядковъ, разнообразныхъ проявленій дес-

потизма, неопредѣленности юрисдикціи, пагубной привычки къ междуусобнымъ раздорамъ.

Даже личность законнаго верховнаго правителя служила поводомъ для козней. Каждая смерть синьора возбуждала войну и раздоры, и каждый разъ измѣняла избирательные порядки и формы признанія верховной власти.

Послѣ Карла Толстаго династическое преемство отъ Карла Великаго въ Италіи окончилось. При нѣкоторомъ единодушіи можно было бы устранить слѣды иноземнаго владычества и подготовить почву для возрожденія національной монархіи. Но вмѣсто этого на самомъ дѣлѣ два Беренгарса, Гвидо, Рудольфъ Уго, Латаро и Эрменсгарда наполняютъ своими битвами и суровыми расправами цѣлый вѣкъ, по истеченіи котораго, по вызову самихъ претендентовъ, германскіе императоры идутъ въ Италію, чтобы вернуть себѣ свои итальянскія ленныя владѣнія. Въ 888 году Беренгарій принялъ корону въ Павіи, въ 961 году Оттонъ I короновался въ Миланѣ.

Но перемѣна династіи не помѣшала представителямъ прежняго режима при новыхъ владыкахъ оставаться съ ихъ прежнею властью.

Лонгобардцы назначили герцога править городомъ, и онъ отправлялъ судебныя функціи въ особенномъ дворцѣ, который назывался „куріей герцога“ (La Curia del Duca). Это названіе въ испорченной формѣ сохраняется еще до сихъ поръ въ одной изъ наиболѣе извѣстныхъ мѣстностей Милана—„*Cordusio*“. Франки назначили графа или скорѣе графовъ, такъ какъ они уменьшили миланскую территорію и отдѣлили отъ города сосѣднія деревни. Каждая изъ этихъ деревень имѣла своего графа (conte), и поэтому за каждой изъ нихъ осталось названіе „contado“. Послѣ графовъ наступилъ періодъ, когда особенно усилилась власть архіепископа. Архіепископы, съ согласія германскаго императора, помогали графамъ въ гражданскомъ управленіи въ городахъ, обнесенныхъ стѣнами, и среди обитателей ближайшихъ окрестностей, жители которыхъ въ виду того, что они находились подъ церковною властью, носили имя „*corpisanti*“.

Но и тогда аппетитъ росъ, чѣмъ болѣе ѣли. Миланскій архіепископъ, который самъ сталъ чѣмъ-то вродѣ монарха, боролся съ монархами и стремился пріобрѣсти власть ставить тѣхъ князей, отъ которыхъ именно онъ и получалъ признаніе своего авторитета. Отсюда возникли поводы для новыхъ столкновеній и для новыхъ колебаній верховной власти. Въ одномъ и томъ же лицѣ стали различать достоинства римскаго императора отъ достоинства короля Италіи. Въ Римѣ возлагали императорскую корону папы. Королевскую итальянскую корону могъ возложить только преемникъ Амвросія въ Миланѣ. Вполнѣ естественно, что, если императоры были достаточно сильны, они отвергали претензіи архіепископа, но подчинялись имъ, когда были слабы. И дѣйствительно, въ 876 году Ансперто да Біассоне предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ епископовъ и графовъ, который избираетъ королемъ Италіи Карла Лысаго, уже коронованнаго въ Римѣ. Въ

1027 году Конрадъ Салическій категорически признаетъ это новое право и въ Римѣ говоритъ прелатамъ, которые присутствовали на коронаціи: какъ „возложеніе императорской короны составляетъ привилегію апостолическаго престола, такъ избраніе и посвященіе въ короли составляетъ привилегію престола св. Амвросія".

Впослѣдствіи въ Миланѣ, какъ, впрочемъ и въ каждомъ другомъ городѣ, который находился подъ верховною феодальною властью, юрисдикціи князей имѣла мѣсто въ неопредѣленные періоды времени при посредствѣ спеціальныхъ сановниковъ, каждый разъ назначаемыхъ самимъ сюзереномъ, которые были извѣстны подъ общимъ названіемъ „*Missi Dominici*". Ихъ спеціальными дѣлами было отправленіе правосудія, рѣшеніе частныхъ споровъ и дѣлъ между гражданами, обузданіе насилія, защита, какъ говорили, слабыхъ. Здѣсь ихъ права сталкивались съ правами герцоговъ, графовъ и епископовъ. Противорѣчивыя постановленія еще больше увеличивали раздраженіе и недовольство въ народѣ. Эти „Missi Dominici" не всегда приходили изъ-за Альпъ, какъ вѣстники воли императора. Въ большинствѣ случаевъ императоръ поручалъ это дѣло графу, архіепископу, тому или другому изъ наиболѣе вліятельныхъ патриціевъ въ городѣ.

Изъ документовъ той эпохи не видно, чтобы эти судьи, независимо отъ всѣхъ другихъ властей имѣли необходимыя средства поддерживать свои постановленія и осуществить ихъ. Когда партіи были спокойны, имперскій судья могъ считать себя счастливымъ. Когда же партіи враждовали, тотъ, кто былъ сильнѣе, отказывался исполнить приговоръ, и этотъ неисполненный приговоръ снова возбуждалъ безпорядки, а иногда еще большія волненія. Впрочемъ, для убійства, которое тогда было однимъ изъ болѣе обычныхъ общихъ преступленій, втеченіе долгаго времени оставался въ силѣ законъ Карла Великаго, сохраненный его преемниками, по которому убійца могъ освободиться отъ всякой отвѣтственности передъ судомъ, уплативъ vidrigildo (wehrgheld) или вознагражденіе за ту утрату, въ которую оцѣнивался убитый. Легко видѣть, къ какимъ послѣдствіямъ должно было вести это постановленіе наивнаго варварства. Мало было нобилей, которые не позволяли бы себѣ этого, и не мало было горожанъ, которые могли позволить себѣ роскошь подобной расплаты.

Къ этому присоединяется и глубокое матеріальное и моральное разстройство во внутренней организаціи сословія нобилей, потомковъ старинной расы завоевателей.

Когда прошелъ первый суровый періодъ герцоговъ, созданныхъ лонгобардами, съ ихъ несомнѣнно деспотическою властью, франки, которымъ судьба дала самую широкую власть, владѣнія которыхъ простирались почти на всю Европу, должны были умножить число своихъ графовъ и по необходимости мириться съ болѣе дробнымъ подраздѣленіемъ территоріи и привилегій, которыя соотвѣтствовали меньшему значенію власти.

Наиболѣе могущественные изъ феодаловъ, утвержденіе которыхъ, какъ и всѣхъ вассаловъ вообще въ ихъ званіи, вплоть до

появленія законовъ Конрада Салическаго зависѣло исключительно отъ капризной воли сюзерена, мало по малу стали стремиться къ наслѣдственному владѣнію своими титулами и помѣстьями. Въ Миланѣ утвердилась фамилія д'Эсте, старшіе представители которой отправляли правосудіе въ герцогскомъ дворцѣ лонгобардовъ, въ Curia ducis; въ этой семьѣ власть переходила отъ отца къ сыну. Представители этой семьи, движимые или проснувшимся чувствомъ итальянской родины, или, что вѣроятнѣе, желаніемъ увеличить за счетъ слабаго сюзерена свою собственную власть, послѣ смерти Оттона III стали поддерживать доблестнаго и несчастнаго Ардуина Иврейскаго, который былъ послѣднимъ до Виктора Эммануила II итальянцемъ, на чело котораго была возложена корона короля Италіи.

Такимъ образомъ фамилія миланскихъ графовъ навлекла на себя гнѣвъ Генриха II, короля германскаго, побѣдителя Ардуина. Нѣкоторые члены этой семьи были арестованы и отправлены въ Германію, гдѣ положили основаніе новымъ династіямъ. А такъ какъ въ то же время значительно усилилась власть архіепископовъ, то они управленіе дѣлами въ предѣлахъ своего графства довѣрили другой семьѣ. Отсюда ведутъ свое начало вице-графы (vice-conti) или Висконти, которые именно въ эту эпоху появляются при епископскомъ дворѣ и которые въ наслѣдственномъ преемствѣ и въ постоянной близости съ наиболѣе вліятельными миланскими прелатами положили основы той власти, которая спустя триста лѣтъ достигла такого широкаго и такого мрачнаго величія.

Правда, ни король, ни архіепископы, ни графы не могли удержать за собою власть при необыкновенной путаницѣ событій и неустойчивости народа, если бы для своихъ привилегій они не искали поддержки, или, лучше сказать, дополненія въ привилегіяхъ сословія нобилей, которые вели свое начало отъ варварской аристократіи, завоевателей, возбуднвшихъ къ себѣ ненависть со стороны старинныхъ романскихъ элементовъ.

Здѣсь мы имѣемъ первую основу выдающагося значенія въ городѣ тѣхъ могущественныхъ нобилей, которые въ исторіи извѣстны подъ именемъ капитановъ. Немногіе, только самые могущественные изъ нихъ имѣли въ городѣ обширные дворцы съ зубчатыми башнями, укрѣпленные какъ на случай защиты, такъ и для нападенія. Въ ихъ распоряженіи была многочисленная толпа вассаловъ въ городѣ, а внѣ стѣнъ отряды оруженосцевъ, которые занимали караулы при городскихъ воротахъ. Съ соизволенія сюзерена или по давности узурпаціи, ихъ власть стала наслѣдственной.

Но, когда населеніе, особенно послѣ строительной реформы Ансперто, стало быстро увеличиваться, силы этой гордой аристократіи оказались недостаточными для защиты привилегированныхъ классовъ. Триста тысячъ горожанъ, которые путемъ торговли и промышленности добились матеріальнаго благосостоянія, не захотѣли безъ борьбы подчиниться власти трехсотъ оптиматовъ. Тогда послѣдніе, въ виду необходимости, рѣшили расширить

и на другія фамиліи, которыя вели свое происхожденіе отъ старыхъ завоевателей, часть правъ и привилегій, до сихъ поръ составлявшихъ исключительное достояніе капитановъ. Феодальныя владѣнія стали шире, но потеряли въ интенсивности. Такимъ образомъ возникли вассалы низшихъ степеней. Нобили, которые занимали среднее мѣсто между чернью и вліятельными феодалами, стояли за капитановъ, когда народъ возмущался противъ преобладанія лицъ привилегированныхъ, но очень часто были недовольны капитанами, такъ какъ не могли добиться признанія тѣхъ правъ, которыми сами капитаны самовольно пользовались безъ согласія своего верховнаго феодальнаго синьора, т. е. правъ наслѣдственной передачи своихъ титуловъ и владѣній. Но разложеніе сословія нобилей не остановилось и на этомъ. Между этими второстепенными вассалами и простымъ народомъ стояли воины (Militi), другой классъ населенія, который отчасти примыкалъ къ привилегированнымъ сословіямъ. Ихъ особенно характеризуетъ любовь къ праздности, которая объясняется ихъ преобладаніемъ надъ низшими классами населенія и обыкновенно удивительно мирится съ холопствомъ передъ высшими.

При такой путаницѣ правъ и произвола, до чего доходила общая смута, легко видѣть изъ той смуты идей, которую я въ короткихъ чертахъ отмѣтилъ въ сбивчивомъ перечнѣ властей, общественныхъ отношеній и административныхъ учрежденій. И именно „смута"—вотъ то слово, которымъ пользуется біографъ того времени Виппозе, чтобы въ сжатой формѣ описать положеніе вещей: „Тогда возникла великая, по нашему времени неслыханная *смута* въ Италіи".

И все таки именно за этою смутою послѣдовала реакція въ хорошую сторону,—по крайней мѣрѣ настолько хорошую, на сколько о ней могло мечтать трудящееся и мирное населеніе въ самые мрачные періоды среднихъ вѣковъ.

Цѣлый рядъ событій, быстро смѣнявшихъ другъ друга втеченіе десяти лѣтъ, вызвалъ Миланъ изъ состоянія продолжительной и рабской бездѣятельности и подготовилъ тотъ режимъ коммунальной независимости, который черезъ сто лѣтъ послѣ этого, во времена *Ломбардской лиги*, доказалъ свою зрѣлость и свою силу.

Первымъ далъ толчокъ этому движенію и одно время умѣло и энергично руководилъ имъ знаменитый архіепископъ Ариберто д'Интиміано, хотя, можетъ быть, онъ самъ не предвидѣлъ крайнихъ послѣдствій. Этотъ дѣятель, вѣроятно, происходилъ изъ знаменитой фамиліи капитановъ д'Арсаго.

Маленькій ростомъ, великій духомъ, архіепископъ былъ человѣкъ для своего времени въ высшей степени образованный. Съ отважнымъ умомъ, желѣзною волею и безграничнымъ честолюбіемъ, Ариберто д'Интиміано былъ избранъ правителемъ Миланскаго діоцеза послѣ смерти Арнольда въ 1018 году. И онъ сразу же показалъ, кто онъ такой,—показалъ, что судьбою ему предназначено занять важное мѣсто въ исторіи своей страны. Войнолюбивый, всегда готовый вести энергичную войну противъ всѣхъ,

рожденный для власти и отнюдь не склонный дѣлить ее съ другими, смѣлый и рѣшительный реформаторъ, который на защиту собственной тиранніи былъ способенъ безъ колебаній поднять оружіе противъ свободы, онъ такъ высоко ставилъ свою собственную власть, что рядомъ съ нею не оставлялъ мѣста ни для какой другой власти, откуда бы она ни шла, отъ императора или отъ папъ.

Папы сряду помирились съ этимъ и не вмѣшивались въ дѣла его діоцеза. Но независимость отъ императоровъ далась ему не безъ борьбы. Когда по смерти Генриха II императорская саксонская династія прекратилась и между итальянскими князьями поднялась борьба за династическихъ кандидатовъ, онъ спѣшно отправился въ Германію, гдѣ избиратели провозгласили своимъ сюзереномъ Конрада Салическаго, герцога франконскаго. Въ Констанцѣ архіепископа приняли съ почестями, подобающими его сану. Не думая долго, онъ призналъ новаго властелина и собственноручно возложилъ на него корону итальянскаго королевства.

До него еще ни разу не провозглашали королей такъ круто и безцеремонно. И тѣмъ не менѣе, когда Ариберто вернулся въ Италію и на собраніи итальянскихъ нотаблей, на Ронкальскихъ поляхъ, сообщилъ о томъ, какъ онъ избралъ для Италіи короля,—никто не посмѣлъ поднять противъ него голоса, никто не усомнился въ правахъ новаго императора и короля. Миланскіе горожане признали въ Ариберто своего патрона и встрѣтили его съ восторгомъ, благодарные ему за то, что онъ съумѣлъ освободить ихъ отъ одной далекой тиранніи и отъ многихъ близкихъ. Только оптиматы съ нѣкоторою горечью смотрѣли на его успѣхъ. Человѣкъ ихъ положенія, ими избранный на высокій постъ въ церковной іерархіи, съумѣлъ очень ловко воспользоваться ихъ традиціями и ихъ привилегіями. Suum consideras, non aliorum animum (онъ обращалъ вниманіе на свою, а не на чужую пользу),— съ негодованіемъ пишетъ о немъ лѣтописецъ Арнольфо, который по происхожденію принадлежалъ къ нобилямъ.

Тѣмъ не менѣе, когда Конрадъ въ 1026 году прибылъ въ Италію, Миланъ устроилъ ему блестящій пріемъ, несмотря на то, а, можетъ быть, и именно потому, что Павія закрыла передъ нимъ ворота.

Ради большаго почета Ариберто повторилъ церемонію коронаціи въ базиликѣ Св. Амвросія, сопровождалъ его въ Равенну и въ Римъ, гдѣ папа возложилъ на его голову третью корону,— корону императора. Когда же настало лѣто, необыкновенно жаркое и убійственно знойное, онъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ принималъ у себя императора со всѣмъ его дворомъ въ зеленыхъ и прохладныхъ епископскихъ владѣніяхъ въ верхней Ломбардіи.

Когда Конрадъ удалился и Ариберто сталъ могущественнѣе прежняго, сталъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ странѣ, онъ приступилъ къ осуществленію своей политической програмы, какъ принято говорить въ наше время, т. е. въ сущности своихъ личныхъ плановъ, пользуясь для этого всѣми средствами угнетенія,

насилія и дерзости, чтобы ослабить значеніе сосѣдей и до возможныхъ размѣровъ поднять свое. Онъ готовъ былъ стать какъ на сторону императора, такъ и демократія, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждое изъ этихъ верховныхъ началъ не имѣло другого представителя, кромѣ его, другой программы, другихъ интересовъ, кромѣ его собственныхъ.

Прежде всего для этой цѣли онъ сталъ самымъ вызывающимъ образомъ относиться къ сосѣднимъ городамъ, къ Павіи, Лоди и Кремонѣ, нарушалъ ихъ права, захватывалъ земли, всячески посягалъ на ихъ независимость и старался подорвать ихъ значеніе. Ради этой цѣли онъ щедро раздавалъ пасторскія утѣшенія и хлѣбъ за все время страшнаго голода; полный любви и состраданія, онъ посѣщалъ хижины крестьянъ и горожанъ, гдѣ раздавалъ милостыню и сѣялъ сѣмена благодарности. Ради этого же онъ помогалъ императору своимъ войскомъ, когда вспыхнула война изъ-за бургонскаго наслѣдства. Онъ соединился съ Бонифаціемъ, маркизомъ Тосканскимъ, чтобы двинуть по направленію къ Альпамъ итальянскій корпусъ, который Гумбертъ Бѣлая Рука велъ по долинѣ д'Аосто и который, спустившись въ долину Роны, скоро рѣшилъ споръ въ пользу Конрада. Ради этой цѣли онъ не примыкалъ ни къ одной изъ городскихъ партій, поддерживалъ капитановъ и плебеевъ противъ Кесаря. Ради этой цѣли онъ отстаивалъ автономію клира Св. Амвросія противъ объединительныхъ притязаній римскаго первосвященника. Отлученный отъ церкви за свое упорство, онъ, архіепископъ, смѣялся надъ этимъ отлученіемъ въ то время, когда могущественнѣйшіе властители христіанскаго міра не смѣли противиться этому оружію мистическаго всемогущества Рима.

Во всѣ крупныя дѣла своей эпохи Ариберто д'Интиміано вносилъ элементъ своей страсти, своего воинственнаго духа и своего огромнаго ума. Каждое общественное событіе носило на себѣ слѣды его личности, бурной, безпокойной и надменной. У него нерѣдко бывали высокіе и смѣлые порывы, но онъ, не задумываясь, измѣнялъ договорамъ и союзамъ, мѣнялъ принципы и комбинаціи, сообразно съ порывами своего личнаго честолюбія,— основою всей его политической дѣятельности и тою главною цѣлью, которой подчинялось все.

Эта система за десятилѣтній періодъ, т. е. между 1035—1045 г., имѣла отдѣльные и разнообразные фазисы и привела къ результатамъ, которые не снились ни Кесарю, ни капитанамъ, ни самому Ариберто.

Дѣйствительно, въ 1035 г. несогласимые интересы мелкихъ вассаловъ и капитановъ дошли до открытой борьбы. Вернувшись съ битвы за Бургонь съ большимъ сознаніемъ своихъ силъ и своихъ правъ, мелкіе вассалы съ особенною настойчивостью стали защищать противъ капитановъ свою претензію на превращеніе своихъ феодовъ въ наслѣдственныя владѣнія. Ихъ энергичныя притязанія встрѣтили не менѣе энергичный отпоръ. На улицахъ появились вооруженныя шайки. Плебеи оставались спокойными и помогали то той, то другой партіи. Но капитаны имѣли за со-

бою грозное вліяніе архіепископа, и поэтому имъ удалось выгнать мелкихъ вассаловъ изъ города. Впрочемъ, это отнюдь еще не устранило опасности, которая скоро стала еще серьезнѣе. Усиленные милиціею окрестныхъ округовъ, которые всегда готовы были идти противъ городской тираніи, мелкіе вассалы нашли кромѣ того поддержку и въ гражданахъ Лоди, мстившихъ Ариберто за узурпацію ихъ вольностей. Приходилось рѣшить этотъ споръ въ открытой борьбѣ. На помощь Ариберто пришелъ съ сильнымъ отрядомъ епископъ Асти, Ольдерикъ, дядя знаменитой графини Аделаиды, которая впослѣдствіи положила основаніе славной савойской династіи въ лицѣ сына Гумберта Бѣлая Рука. Битва произошла на равнинѣ Мало, между Миланомъ и Лоди. Потери съ обѣихъ сторонъ были огромными и исходъ битвы остался нерѣшеннымъ. Но, такъ какъ епископъ Ольдерикъ былъ раненъ, общее замѣшательство достигло такой степени, что обѣ партіи возвратились въ городъ, причемъ какъ мелкіе вассалы, такъ и капитаны заняли свои дома, не выпуская оружія изъ рукъ, такъ какъ ихъ старый споръ не былъ рѣшенъ ни мечемъ, ни мирнымъ соглашеніемъ.

Чтобы рѣшить этотъ споръ и успокоить городъ, Ариберто пригласилъ императора Конрада, который всегда относился къ нему съ особымъ благоволеніемъ, помня его услуги при коронаціи и энергичную помощь, оказанную въ войнѣ за бургундское наслѣдство.

Конрадъ дѣйствительно прибылъ въ Италію, но съ другими цѣлями. Онъ хотѣлъ усмирить этотъ Миланъ, всегда мятежный и безпокойный. Когда до него дошли въ Германію жалобы отъ различныхъ классовъ нобилей, онъ сказалъ своимъ нѣмецкимъ придворнымъ: „если Италія до такой степени проголодалась по части законовъ, я съ Божіею помощью накормлю ее ими“. И онъ вошелъ въ Миланъ съ рѣшеніемъ положить основы для новой власти путемъ двойного ослабленія какъ крупныхъ вассаловъ, такъ и епископской власти.

Но до Ариберто дошли слухи о перемѣнѣ въ намѣреніяхъ императора, и онъ, прежде его дѣятельный и энергичный другъ, тотчасъ же превратился въ сильнаго противника. Конрадъ пожелалъ освободить діоцезъ Лоди отъ верховной власти миланскаго архіепископа. Съ другой стороны, старая историческая традиція, существовавшая уже цѣлые вѣка, давала миланскому народу привилегію не принимать въ своихъ стѣнахъ ни одного сюзерена. Поводомъ для исключенія изъ этого правила могла служить только коронація.

По той или по другой причинѣ, а, можетъ быть, и по обѣимъ вмѣстѣ, или еще, можетъ быть, изъ боязни, искусно подогрѣтой передъ всеобщимъ порабощеніемъ,—но только на другой день послѣ въѣзда въ городъ Конрада съ его оруженосцами, въ Миланѣ неожиданно вспыхнулъ народный бунтъ.

Впрочемъ, это было даже нѣчто большее, чѣмъ бунтъ. Скорѣе, это была революція, такъ какъ даже достоинство императора не спасло его отъ угрозъ и оскорбленій. Онъ, затаивъ гнѣвъ, вы-

нужденъ былъ удалиться изъ города и вернуться въ свой лагерь недалеко отъ Павіи.

Тамъ, задумавъ насильственнымъ образомъ измѣнить положеніе вещей, онъ созвалъ государственный совѣтъ и предложилъ ему организовать правосудіе, что въ большинствѣ случаевъ значило опредѣлить и привести въ исполненіе тѣ или другія наказанія.

Миланскій архіепископъ не хотѣлъ показать, будто бы его испугали послѣднія событія, и смѣло отправился въ путь, чтобы занять свое мѣсто въ совѣтѣ. Но коварство не заставило себя ждать. Обвиненный однимъ нѣмецкимъ феодаломъ, по какому-то невѣдомому поводу, въ насиліи, которое касалось *двора* или мѣстечка Лекко, Ариберто просилъ для отвѣта отсрочки, вѣроятно съ цѣлью собрать документы. Но, когда въ этой отсрочкѣ ему было отказано, онъ сурово отказался отъ всякихъ объясненій и оправданій. Императоръ, который именно этого и ожидалъ, тотчасъ же отдалъ приказъ о немедленномъ арестѣ архіепископа. Личное значеніе этого человѣка и его санъ, конечно, возбуждали сомнѣнія, чтобы этотъ приказъ могъ быть исполненъ. Ариберто, отданный на поруки Попоне, патріарху Аквилейскому, и Конраду, маркизу Веронскому, былъ отправленъ въ Пьяченцу, гдѣ оставался плѣнникомъ.

Императоръ полагалъ, что ему удалось смирить надменныхъ миланцевъ, но скоро замѣтилъ, что на свою бѣду только положилъ руку въ гнѣздо осъ.

Совершенно невѣроятнымъ было то движеніе, которое возникло въ Миланѣ при вѣсти объ этомъ событіи. Раздоры партій прекратились почти мгновенно. Разрывъ союза между кесаремъ и архіепископомъ дѣлалъ этого послѣдняго естественнымъ представителемъ независимости Милана. Съ этой минуты Миланъ пересталъ быть городомъ Гибеллиновъ. Онъ сталъ городомъ Гвельфовъ и оставался такимъ съ небольшими перерывами до 1859 г.

Два миланскихъ лѣтописца того времени, Арнольфо и Ландольфо, съ одинаковымъ негодованіемъ и скорбью описываютъ это событіе, хотя въ общемъ смотрятъ на вещи далеко не одинаково.

Подрядъ два мѣсяца продолжалось общее горе, когда благородныя дамы и горожанки не знали удержу своимъ слезамъ, искали утѣшенія въ милостынѣ, въ молитвѣ и религіозныхъ процессіяхъ, а ихъ мужья поспѣшно приводили въ порядокъ общественныя дѣла, смущенные отсутствіемъ той руки, которой они привыкли повиноваться.

Сначала думали войти въ соглашеніе съ самимъ императоромъ и предложить ему заложниковъ за освобожденіе архіепископа. Но Конрадъ, мало доступный угрызеніямъ совѣсти, удержалъ заложниковъ, но не освободилъ Ариберто. Тогда миланцы отправили посольство во Францію, чтобы поднять на ноги враговъ Конрада и предложить корону Италіи Оттону Шампанскому. Въ то же время другіе изъ наиболѣе благородныхъ гражданъ отправились къ князьямъ и епископамъ другихъ итальянскихъ областей съ

предложеніемъ составить лигу, ближайшею цѣлью которой было-бы освобожденіе великаго архіепископа, а конечною цѣлью освобожденіе итальянскихъ коммунъ отъ германскаго владычества вообще.

Въ самый разгаръ всѣхъ этихъ хлопотъ къ безмѣрной радости миланскаго населенія появился среди своихъ согражданъ свободный Ариберто. Ему удалась одна стратегическая хитрость. При помощи одного монаха, безусловно ему преданнаго, Альбиццоне, въ тюрьмѣ ему удалось получить отъ аббатиссы монастыря св. Сикста, поставленной имъ, огромные запасы провизіи и сластей. Все, что ему было прислано, онъ предоставилъ въ распоряженіе своихъ сторожей. Они, какъ легко было предвидѣть, всѣ перепились наповалъ. Во время ихъ сна Ариберто съ помощью предусмотрительнаго Альбиццоне удалось уйти изъ тюрьмы, переѣхать на лодкѣ По и вернуться въ Миланъ, возбуждая всеобщій фанатизмъ.

Здѣсь начинается самая чистая и самая великая эпоха въ жизни Ариберто д'Интиміано. Борьба, которую Миланъ выдержалъ въ 1037 г. противъ Конрада Салическаго,—борьба, въ которой Ариберто руководилъ какъ общимъ ходомъ дѣла, такъ почти всѣми потребностями, по величію и по славѣ не ниже той борьбы, которую черезъ сто лѣтъ Миланъ велъ съ Фридрихомъ Барбароссой. Можно даже сказать, что въ этой первой борьбѣ было больше величія духа, больше энергіи и силы воли, чѣмъ во второй. И, если во второй борьбѣ политическіе результаты съ итальянской точки зрѣнія были гораздо значительнѣе, то не слѣдуетъ забывать, что у Леньяно и при мирномъ договорѣ въ Констанцѣ, кромѣ только что возстановленнаго Милана, успѣхъ надо приписать силамъ Ломбардской лиги, помощи маркизовъ Доваро и Романо, вліянію папы Александра III и венеціанской республики. Но въ 1031 году Миланъ ни въ чемъ и ни въ комъ не нашелъ себѣ подобной поддержки. Когда Конрадъ, разгнѣванный бѣгствомъ своего узника, съ жаждою мести явился, чтобы обложить Миланъ своимъ войскомъ, на его сторонѣ были тѣ отряды ломбардскихъ городовъ и тотъ папскій авторитетъ, которые еще больше усиливали матеріальную и моральную изолированность осажденнаго города.

Но этотъ городъ, полный вѣры въ энергичнаго архіепископа, который одинаково успѣшно справлялся и со своими матеріальными интересами и съ своими религіозными чувствами, приготовился къ отчаянной защитѣ противъ безпощадной осады.

Стѣны Ансперто и триста башенъ, съ которыхъ защитники города сторожили своего врага, мѣшали нападающимъ проникнуть въ городъ. Конрадъ, который былъ не хуже и не лучше своихъ предшественниковъ и своихъ преемниковъ, превратилъ въ пустыню предмѣстья и окрестности города. „Въ то время,—пишетъ Виппозе, одинъ изъ ближайшихъ къ нему людей, — императоръ нанесъ миланцамъ страшное пораженіе и, такъ какъ онъ не могъ взять городъ, защищаемый старинными стѣнами и огромною толпою народа, предалъ огню и мечу его окрестности".

19 мая Конрадъ пытался взять городъ приступомъ. Приступъ былъ отбитъ, и миланцы, смѣло двинувшись изъ-за окоповъ, схватились съ нѣмцами въ рукопашномъ бою, гдѣ своею храбростью особенно отличился Эриппрандо Висконти.

Когда насиліе не помогло, императоръ возложилъ свои надежды на хитрость и коварство. Не созывая государственнаго совѣта, онъ изъ своего лагеря провозгласилъ тѣ законы, которые обѣщалъ привезти съ собою изъ Германіи. Посредствомъ этихъ законовъ, которые освобождали небольшія ленныя владѣнія отъ верховной власти болѣе крупныхъ феодаловъ, онъ зажигалъ пламя раздора между союзниками архіепископа, капитанами и мелкими вассалами.

Но эта головня не загорѣлась и погасла. Патріотическое чувство, хотя въ то время дѣло шло объ очень маленькой родинѣ, оказалось сильнѣе иноземнаго соблазна. Ариберто отвѣчалъ на эти декреты радикальнымъ измѣненіемъ основъ городской общественной защиты,—дисциплиною горожанъ для военной службы, которые въ новомъ достоинствѣ воиновъ нашли для себя мотивы гражданской доблести, какой уже много вѣковъ не горѣли ихъ сердца.

Тогда императоръ за помощью неукротимаго прелата обратился къ первосвященнической тіарѣ, и въ Кремонѣ вступилъ въ переговоры съ проклятой памяти папой Бенедиктомъ IX. Изъ этого мѣста свиданія на Ариберто были брошены двѣ молніи. Онъ былъ низложенъ съ архіепископской каѳедры, и на его мѣсто былъ назначенъ монахъ Амброджіо, а позднѣе подвергся папскому отлученію. Энтузіазмъ миланцевъ сохранилъ за Ариберто достоинство епископа, и Амброджіо тщетно пытался занять его мѣсто. Отвратительная репутація Бенедикта IX послужила препятствіемъ къ тому, чтобы къ его церковному осужденію отнеслись съ должнымъ уваженіемъ. Что же касается Конрада, то ему заплатили той же монетою. Тотъ, кто по своей волѣ возложилъ на него корону, по своей же волѣ объявилъ его лишеннымъ короны. Ариберто приказалъ снять съ общественныхъ документовъ всѣ императорскіе гербы, объявилъ Конрада лишеннымъ королевскаго достоинства въ Италіи и пригласилъ Оттона Шампанскаго напасть на императора въ Германіи.

Тогда императоръ, взбѣшенный этой дерзостью, за которую онъ не могъ отомстить, и вынужденный увести за Альпы войско, истощенное битвами, эпидемическими болѣзнями и трудными переходами вдоль полуострова, собралъ всѣхъ главныхъ вассаловъ Сѣверной Италіи и взялъ съ нихъ клятву, что они каждый годъ будутъ опустошать миланскую территорію, пока мятежный городъ, не смирившійся передъ силою оружія, не покорится передъ лишеніями и голодомъ.

Вассалы принесли эту клятву и въ слѣдующемъ 1039 г. сдержали свое слово, появившись съ новыми и внушительными силами въ окрестностяхъ города. Но Ариберто не терялъ времени даромъ. Въ зимніе мѣсяцы задуманная имъ въ крупныхъ размѣрахъ политическая и военная реформа была доведена до конца.

Жителямъ окрестныхъ мѣстностей были привиты тѣ же идеи о родинѣ, о сопротивленіи врагамъ, объ освобожденіи отъ нѣмцевъ, которыя поднимали энергію городскихъ жителей. Оружіе и снаряды для защиты были заготовлены въ большомъ изобиліи, и архіепископъ раздавалъ ихъ всѣмъ, дисциплинируя для военной службы,—какъ сказали бы теперь, *„вооружая массы“*,— всю эту толпу, собравшуюся на призывъ смѣльчака, который былъ одновременно Давидомъ и Самуиломъ, чтобы вернуть себѣ свободу, утраченную ихъ невоинственными дѣдами, чтобы „сражаться ради той свободы, которую нѣкогда утратили отцы, по чрезмѣрному недостатку людей“.

Но этого было мало. Ариберто, глубокій знатокъ своего времени и своего народа, понималъ, что надо пользоваться символическими формами, чтобы въ этихъ умахъ укоренить новую абстрактную идею о родинѣ, и поэтому задумалъ воплотить ее въ новомъ символѣ. Онъ придумалъ *тріумфальную колесницу* съ утвержденнымъ на ней знаменемъ Милана. Этому странному и первобытному сооруженію суждено было сдѣлаться необыкновенно популярнымъ во всѣхъ итальянскихъ городахъ. Эта любопытная эмблема суевѣрія, вѣры, народной поэзіи и боевой дисциплины, фантастическій образъ религіи и родины, которыя нуждались въ защитѣ, колесница побѣды и алтарь мира, вокругъ котораго бились крѣпко, бились на смерть и умирали съ энтузіазмомъ.

Такимъ образомъ ломбардскіе крестьяне, воскресшіе для новой матеріальной и моральной жизни, приготовились къ энергичной защитѣ своихъ хижинъ, и пораженіе крупныхъ императорскихъ вассаловъ было бы роковымъ, если бы не пришло извѣстіе о смерти императора Конрада въ Утрехтѣ, извѣстіе, которое положило конецъ борьбѣ и побудило союзныхъ феодаловъ распустить войско.

Теперь начинается третья и послѣдняя фаза политическаго обновленія въ Миланѣ.

Возстаніе мелкихъ вассаловъ разрушило въ глазахъ народа престижъ феодализма. Борьба съ императоромъ сдѣлала популярною идею независимости. Теперь дѣло было только за открытымъ движеніемъ въ пользу обезпеченія коммунальной свободы. Это движеніе продолжалось три года, но отъ 1042—1045 года радикально измѣнило политическія учрежденія Милана.

Одинъ изъ не крупныхъ вассаловъ въ частномъ спорѣ убилъ плебея. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, и прежде 90 разъ на сто такое преступленіе оставалось безнаказаннымъ. Но плебеи уже не были тѣмъ робкимъ и рабскимъ стадомъ, которое терпѣливо переносило всевозможныя насилія со стороны синьоровъ. Рядомъ съ нобилями они сражались противъ Кесаря и отсюда вынесли нѣкоторое сознаніе гражданскаго равенства. Они уже не мирились съ мыслью, что ихъ же сограждане имѣютъ то право на угнетеніе, которое казалось почти законнымъ для прежнихъ герцоговъ. Они за послѣдніе три года уже привыкли обращаться съ оружіемъ. И они снова вооружились и вышли на

улицы, готовые къ битвѣ съ нобилями, съ рѣшимостью положить конецъ ихъ анархической власти.

Это была эпическая борьба. Она продолжалась три года и окончилась, какъ говоритъ Арнольфо, „глубокимъ измѣненіемъ въ положеніи города и церкви."

Гражданская война никогда еще не доходила въ Миланѣ до такого ожесточенія, со всѣми ея роковыми послѣдствіями, съ опустошеніемъ, разгромомъ и кровопролитіемъ. Начиная съ самыхъ первыхъ дней ожесточеніе охватило весь городъ. Горожанъ, вѣроятно, было въ десять разъ болѣе, чѣмъ нобилей. Но зато у нобилей было полное вооруженіе, лошади, привыкшія къ войнѣ, бойницы въ ихъ каменныхъ дворцахъ и болѣе основательное знаніе военнаго дѣла. Въ виду этого, несмотря на численныя неравенства, первыя схватки окончились не въ пользу инсургентовъ. Возстаніе было бы, вѣроятно, подавлено, если бы одинъ человѣкъ, вышедшій совершенно изъ другой среды, не оказалъ бы ему сильной поддержки своею доблестью и своею храбростью.

Имя его Ланцоне. Очень не легко дать подробныя свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ, хотя въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ величайшихъ людей XI вѣка.

Утверждали, или по крайней мѣрѣ предполагали, спустя 200 лѣтъ послѣ этой эпохи, что онъ принадлежалъ къ фамиліи Да Корте, той фамиліи, которая существовала среди ломбардской аристократіи до эпохи Сфорцы. Одинъ только лѣтописецъ даетъ сколько нибудь точныя свѣдѣнія о немъ. Къ счастью, этотъ лѣтописецъ, Ландольфо Старый, жилъ въ Миланѣ во второй половинѣ XI вѣка. На основаніи этихъ показаній, которыя въ существенныхъ подробностяхъ находятъ подтвержденіе у осторожнаго и суроваго Арнольфо, внимательная и вдумчивая критика въ послѣднее время получила возможность освободить живую личность этого человѣка отъ миѳологическихъ покрововъ и воспроизвести передъ современниками, какъ примѣръ, достойный подражанія, образъ этого благороднаго человѣка стараго времени.

Въ настоящее время можно считать доказаннымъ слѣдующее: Ланцоне принадлежалъ къ высшей феодальной знати (Nobilis et Capitaneus Altus) и занималъ одно изъ вліятельнѣйшихъ мѣстъ въ городской магистратурѣ, какъ „*Giudice del Sacro Palazzo*". Желая предупредить тотъ разгромъ, которымъ въ случаѣ побѣды грозилъ партіи аристократовъ возмутившійся народъ, онъ принялъ участіе въ возмущеніи противъ своихъ собственныхъ друзей, жаждущихъ мести, и по всеобщему довѣрію былъ избранъ капитаномъ народа. Руководя нападеніемъ, онъ сумѣлъ вести отряды инсургентовъ съ такимъ искусствомъ и съ такою энергіею, что вынудилъ нобилей различныхъ степеней съ ихъ семействами потихоньку оставить городъ. Когда удалившіеся нобили, при содѣйствіи графовъ Мартцана и Сепріо, обложили Миланъ извнѣ, городъ подъ командою Ланцоне почти три года мужественно выносилъ всѣ ужасы осады и эпидемическихъ болѣзней, почти ежедневно выдерживая стычки, и обнаружилъ стойкую

оборону противъ бѣшеныхъ нападеній. Въ силу соображеній двоякаго рода, военныхъ и политическихъ, на исходѣ 1043 года Ланцоне удалился въ Германію, гдѣ заключилъ съ императоромъ Генрихомъ Чернымъ союзный договоръ, въ основу котораго была положена возможность въ случаѣ нужды прибытія въ Миланъ нѣмецкой милиціи. Вернувшись въ осажденный городъ и обдумавъ опасности отъ появленія иноземныхъ войскъ, онъ началъ переговоры съ удалившимися нобилями, сообщилъ имъ свой договоръ и убѣждалъ ихъ въ невозможности сопротивляться двухъ-стороннему нападенію. Имѣя полномочіе отъ обѣихъ партій предложить условія мира, онъ убѣдилъ нобилей навсегда отказаться отъ владычества въ городѣ и мирно вернуться въ свои дворцы, при широкой амнистіи за взаимныя обиды во время войны съ обѣихъ сторонъ, съ тѣмъ, чтобы спокойно вмѣстѣ съ другими гражданами преслѣдовать общіе интересы. Когда эти условія были приняты, нобили рѣшили отказаться отъ своихъ претензій на политическое главенство и вернулись въ городъ очень скромно. По иниціативѣ Ланцоне въ комиссіи представителей города тотчасъ-же были сдѣланы необходимыя распоряженія, чтобы организовать на новыхъ началахъ управленіе городомъ, распоряженія, которыя могли быть спутанными, несистематичными и случайными, но которыя окончились формальнымъ соглашеніемъ императора Генриха III; императоръ санкціонировалъ ихъ и включилъ ихъ въ публичное право королевства на торжественномъ собраніи, которое произошло на Ронкальскихъ поляхъ 5 мая 1055 года.

Такъ возникла въ Миланѣ автономная коммуна, существованіе которой было долговременнымъ и небезславнымъ. Конечно, подобныя учрежденія никогда не имѣютъ точной даты своего историческаго крещенія. И я отнюдь не хочу входить въ подробное изслѣдованіе вопроса, къ какому собственно году относится появленіе миланской коммуны, — къ 1042 г., когда нобили были изгнаны изъ города, или къ 1045 г., когда они вернулись въ Миланъ, согласившись на предложенныя имъ условія, или къ 1055 г., когда коммунальные статуты были признаны верховнымъ авторитетомъ королевской власти, или наконецъ къ 1066 г., когда, повидимому, эти статуты были обнародованы.

Если бы мы жили при иныхъ условіяхъ общественности, если бы у насъ не было широкой гласности, можетъ быть и наши потомки черезъ 10 вѣковъ стали бы спорить о томъ, въ какомъ собственно году произошло объединеніе Италіи,—въ 1848 г., или 1860 г., или 1866, или въ 1870. Великія органическія реформы имѣютъ свои фазисы, свои остановки и подъемы; для нихъ нужно время, чтобы они могли созрѣть и пройти въ жизнь. Въ подобныхъ случаяхъ и десять, и двадцать, и тридцать лѣтъ часто представляютъ изъ себя только одинъ историческій моментъ. Когда же изъ единства стремленій и усилій одинъ изъ этихъ историческихъ моментовъ вполнѣ выясняется, то въ сущности уже не имѣетъ никакого значенія вопросъ, совпадаетъ или нѣтъ продолжительность этого процесса съ опредѣленнымъ числомъ

дней, въ которые земля совершаетъ обыкновенно свой полный оборотъ вокругъ солнца.

А въ этомъ событіи миланской исторіи какъ сущность историческаго момента, такъ и отдѣльные фазисы въ его процессѣ — вполнѣ не видны.

Прежде всего, нашествіе варваровъ, которые разрушили государство и поддержали анархическій феодальный режимъ.

Затѣмъ, въ Оттонѣ I просвѣщенный деспотизмъ, какъ періодъ предшествующій политическому возрожденію. Народъ видѣлъ надъ собою только одного тирана, который былъ сильнѣе всѣхъ, угнетавшихъ населеніе до него. И онъ наивно протягивалъ свои руки къ нему, какъ своему освободителю. Это было торжествомъ политики Гибеллиновъ.

Затѣмъ, въ лицѣ Ариберто воплощается верховенство архіепископской власти. Онъ все еще деспотъ; но, не говоря уже о томъ, что это просвѣщенный деспотъ, онъ туземецъ, онъ свой, человѣкъ мягкій по характеру, который создаетъ популярныя государственныя и административныя учрежденія. Народъ съ энтузіазмомъ признаетъ власть Ариберто въ убѣжденіи, что архіепископъ скорѣе, чѣмъ далекій императоръ, сумѣетъ обуздать своеволіе и буйство нобилей, выросшихъ на почвѣ стараго феодальнаго деспотизма. Это торжество политики Гвельфовъ.

Но Ариберто не сумѣлъ довести до конца начатое имъ дѣло освобожденія. Послѣ побѣды надъ Конрадомъ онъ вступилъ въ традиціонный союзъ съ наиболѣе вліятельными изъ феодаловъ.

Тогда народъ, который созрѣлъ благодаря исторической опытности и борьбѣ, провозгласилъ свободу, какъ единственную гарантію порядка и преуспѣянія. Тогда явился Ланцоне, ни гвельфъ, ни гибеллинъ, но въ эволюціи политическаго прогресса болѣе великій, чѣмъ Оттонъ и Ариберто, который своею огромною популярностью воспользовался для того, чтобы устранить свою личность и подчинить свою власть общему собранію гражданъ, соединенныхъ въ державную коммуну. Геній сошелъ съ исторической сцены. Но съ появленіемъ политическихъ учрежденій и необходимость въ немъ стала меньше. Тогда гражданская свобода нашла свою послѣднюю формулу.

Если впослѣдствіи, несмотря на все это, несмотря на все великодушіе Ланцоне, періоды анархіи и личнаго произвола на нѣкоторое время задерживали политическое возрожденіе миланскаго населенія, то это отнюдь еще не устраняло со сцены послѣдствія того благодѣтельнаго переворота, который совершился въ этотъ историческій моментъ. Право было признано, законъ былъ обнародованъ. Если и послѣ этого иногда обнаруживались инстинкты произвола и насилія и даже одерживали побѣду, то это было мимолетнымъ явленіемъ, которое законъ и право скоро вводили въ закономѣрныя границы. Если воръ совершаетъ кражу, то судья, который приговариваетъ его къ наказанію, доказываетъ этимъ, что собственность остается священной какъ до, такъ и послѣ этого покушенія.

Уже больше восьми вѣковъ прошло со времени тѣхъ собы-

тій, о которыхъ мы говоримъ, и поэтому позволительно спросить, не къ нимъ ли собственно относятся первые зародыши современной итальянской жизни?

Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можно дать только утвердительный отвѣтъ.

Итальянскій характеръ, романской отпечатокъ реакціи противъ длинной Одиссеи грабежей и угнетенія со стороны тевтонской расы, становится очевиднымъ, когда прежніе рабы, создавая новыя формы и новыя основы жизни, соединяются вмѣстѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы сбросить со своей спины иго своихъ прежнихъ повелителей. Каждая коммуна—отечество. Но и въ каждой коммунѣ просыпается новое чувство, какъ бы изъ воспоминанія о могуществѣ того общаго организма, къ которому принадлежатъ всѣ, изъ элементовъ той солидарности, которая еще не стала національной, но которая уже не мирится съ иноземнымъ господствомъ и вступаетъ съ нимъ въ борьбу.

Уже Ариберто, какъ кажется, по справедливости принадлежитъ честь положить начало тому реваншу, который итальянскіе воины получили за Альпами, гдѣ они побѣдоносно развернули свои знамена, которыя такъ часто лежали въ пыли по эту сторону горъ. Ланцоне тѣмъ нобилямъ, которыхъ онъ хочетъ привлечь къ коммунальной идеѣ, прямо говоритъ „о томъ, что они должны дать примѣры представителямъ своего сословія *во всей Италіи*". Здѣсь потомокъ готскихъ и лонгобардскихъ завоевателей уже становится римскимъ гражданиномъ и гордится именемъ сына и защитника той земли, которую его дѣды опустошали и порабощали себѣ.

Еще немного—и мы увидимъ Кола-да-Ріензи, великаго мечтателя, который очистилъ Римъ отъ бароновъ и бандитовъ и возстановилъ въ центрѣ самой сильной туземной тиранніи учрежденія старинной республики. Затѣмъ, спустя двѣсти лѣтъ послѣ этого, мы увидимъ великаго флорентійца, мечтающаго о просвѣщенномъ деспотѣ, который забралъ бы въ свои руки всю Италію и съ помощью итальянской милиціи устранилъ бы независимыя княжества, выросшія на развалинахъ итальянскихъ коммунъ. Пройдетъ еще сто лѣтъ, и мы увидимъ школу политиковъ, которые привѣтствуютъ Италію сонетами Филикайи и канцонами Габріэля Кьябрера. Еще черезъ двѣсти лѣтъ Мацини напишетъ потомку Гумберта Бѣлой Руки: „создайте Италію и мы будемъ съ вами". Нашему поколѣнію суждено было увидѣть полдень того дня, утренняя заря котораго зажглась много вѣковъ тому назадъ. Викторъ Эммануилъ II принялъ въ Римѣ наслѣдство, когда-то похищенное Одоакромъ,—преемникъ того Ланцоне, который, отрицая одновременно власть Кесаря и Ариберто, призвалъ итальянскій народъ къ возстановленію независимой коммуны.

Эта путеводная нить къ итальянскому единству, которая въ теченіе вѣковъ собираетъ вокругъ себя людей дѣла и мысли, даетъ намъ возможность защищаться отъ слишкомъ широкихъ выводовъ той исторической школы, однимъ изъ главныхъ представителей которыхъ былъ Карлъ Гегель.

По мнѣнію критиковъ этой школы, ломбардская коммуна XI вѣка

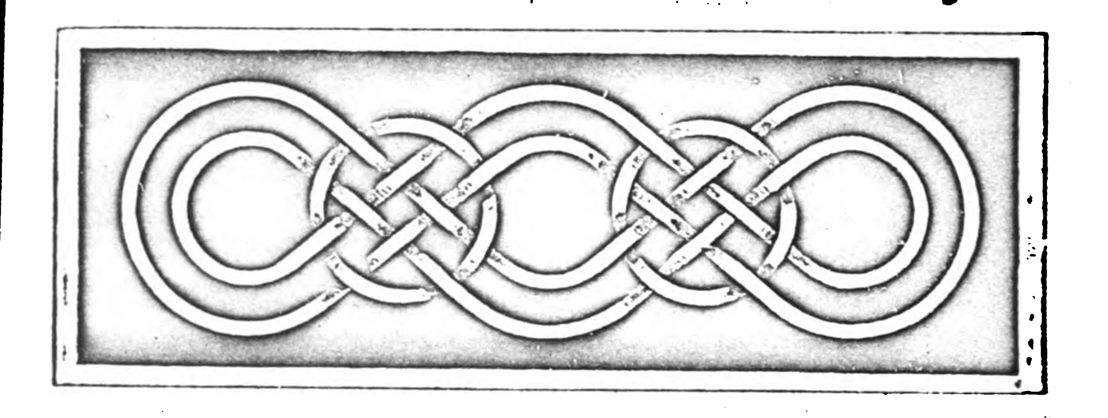
возникла не изъ романской, или латинской или итальянской идеи, но изъ органической эволюціи германскаго начала, которое мало по малу воспитывало романскую толпу и въ концѣ концовъ облагодѣтельствовало ее автономіей.

Не здѣсь и не мнѣ подробно останавливаться на изслѣдованіи такого сложнаго вопроса. Поэтому да будетъ мнѣ позволено сказать только то, что стремленіе приписать народныя стремленія къ свободѣ тѣмъ же самымъ поработителямъ народа, которые за десять лѣтъ до этого обнародовали свой феодальный кодексъ, свидѣтельствуетъ скорѣе о размахѣ воображенія, чѣмъ о строгой логичности. Эти копья Ахиллеса, которыя исцѣляютъ нанесенныя ими раны, теряютъ свой кредитъ за предѣлами миѳологической басни.

Быть можетъ будетъ менѣе научно, но во всякомъ случаѣ болѣе просто держаться того мнѣнія, что обыкновенно угнетеннымъ народамъ принадлежитъ нѣкоторая заслуга въ ихъ освобожденіи отъ угнетателей.

И Германія въ міровой исторіи занимаетъ слишкомъ славное мѣсто для того, чтобы коммунальную революцію приписывать не энергіи итальянскаго сопротивленія, а свойствамъ нѣмецкой иниціативы,—ту революцію, которая началась именно съ пораженія нѣмецкихъ войскъ, войска Конрада Салическаго и войска императора Барбароссы.

Ромуальдо Бонфадини.



Дѣти-защитники Севастополя.

Изъ личныхъ воспоминаній, посвящаемыхъ авторомъ русскимъ дѣтямъ.

*(Окончаніе *).*

ИШЕНІЯ, тягости службы, грозная опасность, которой ежеминутно подвергались сидѣвшіе на бастіонахъ, тѣсно сблизили между собою матросовъ и пѣхотинцевъ. Я упоминаю здѣсь объ этомъ потому, что до обложенія непріятелемъ Севастополя между ними не было не только сердечной дружбы, но нерѣдко можно было замѣтить и открытую вражду. По праздникамъ, когда морскія команды спускались съ кораблей на берегъ, случались между солдатами и матросами ссоры, драки и даже побоища.

— Крупа, кашица!—замѣчаетъ подвыпившій матросъ проходящему мимо пѣхотинцу.

— Смола, смоленое рыло!—отвѣчаетъ пѣхотинецъ.

И поводъ къ скандальной исторіи готовъ.

Матросы считались хозяевами бастіоновъ, а солдаты—гостями, и на этой почвѣ сложились между ними пріятельскія, задушевныя отношенія.

Монотонную жизнь на бастіонахъ нижніе чины разнообразили играми, пѣснями, плясками, шутками; составлялись большіе хоры пѣсенниковъ. Случалось, что разудалая солдатская пѣсня вызывала со стороны французовъ дружные аплодисменты и крики «браво».

---

*) См. № 11.

На масляницѣ нижніе чины устраивали маскарады,—«мушкараты», какъ называли матросы. Играли пьесу: «Царь Максимиліанъ и непокорный сынъ Адольфъ». Отвѣтственную роль Адольфа бралъ на себя Василій Горохъ или Костя Поляковъ, а для роли Лизеты выбирался также какой-нибудь мальчикъ съ дискантовымъ голосомъ, потому, что Лизетѣ приходилось исполнять высокую партію. Между двумя банниками, вкопанными въ землю, протягивался флагдукъ; это—былъ занавѣсъ; ставились стулья и скамьи; писались афиши, на которыхъ, кромѣ названія пьесы и именъ дѣйствующихъ лицъ, обозначалась цѣна мѣстамъ: на стульяхъ три коп., на скамьяхъ двѣ коп. и въ стоячку—по одной коп. На представленіи присутствовали офицеры, расплачивавшіеся не копейками, а рублями.

Затѣмъ откуда-то появился мужичекъ съ панорамой, заключавшей въ себѣ три отдѣла картинъ: путешествія, огнедышащія горы, фантастическіе звѣри и другія диковинки; секретный отдѣлъ съ пикантными картинами и, наконецъ, отдѣлъ, имѣвшій названіе «Особая категорія»; этотъ отдѣлъ очевидно сочинялся въ Севастополѣ.

— Знаменитая битва 24-го октября! — провозглашаетъ громко мужичекъ.

Эту битву составляли двѣ картины: на первой изображены разбитые вдребезги англичане; всѣ они лежатъ на землѣ затылками кверху, какъ бы въ знакъ того, что съ этимъ войскомъ всѣ счеты уже покончены; остается теперь покончить, на второй картинѣ, съ зуавами. Въ противоположность англичанамъ, зуавы лежатъ кверху животами, съ приподнятыми вверхъ руками и ногами, точно они отбрыкиваются отъ нападающихъ. У зуавовъ видны зіяющія на груди штыковыя раны. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, картина боя 24-го октября имѣла нѣсколько иной колоритъ.

— А вотъ,—говоритъ, не переводя духу, мужичекъ:

Нахимовъ знаменитъ,
На мачтѣ сидитъ,
Въ трубку глядитъ,
Всѣмъ говоритъ,
Только ничего не говоритъ,
Ножками шевелитъ,
Съ пистолетовъ палитъ.

— Сказано: герой! ну, значить, и разгова-ривать нечего!— поясняетъ, какъ бы отъ себя, панорамщикъ.

Нахимовъ изображенъ сидящимъ на гротъ-марсѣ, въ треугольной шляпѣ, съ высокимъ бѣлымъ султаномъ. Въ распростертыхъ его рукахъ—пистолеты, извергающіе пламя.

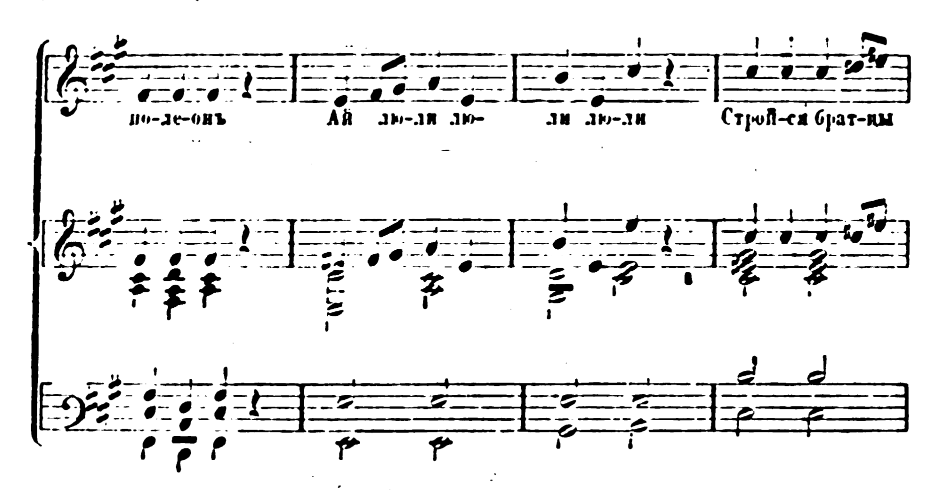
— А вотъ покажу вамъ:

Особую категорію,
Любопытную исторію,
Королеву Викторію:
Пріѣхала въ Евпаторію,
Пьетъ кофій безъ цикорію.

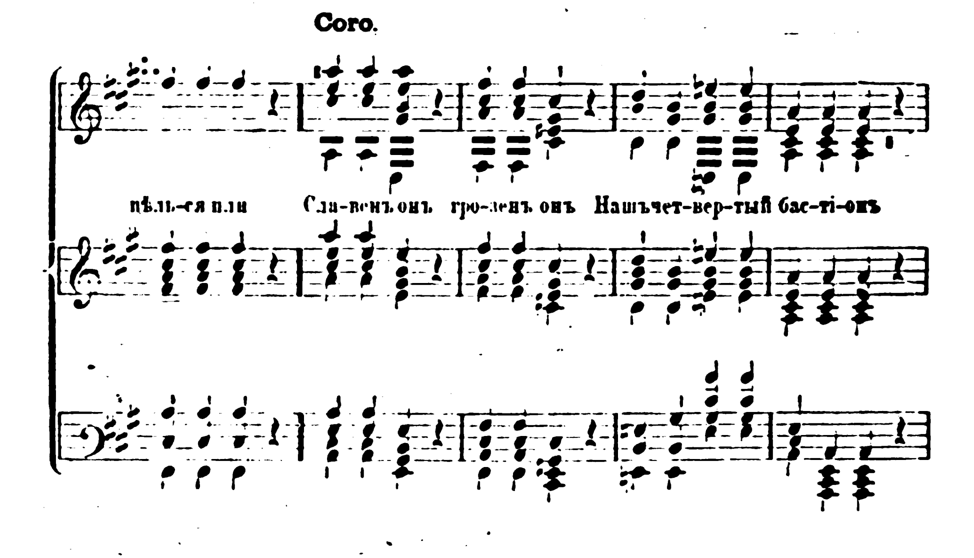
— Значитъ, насто-ящій турецкій. Кушайте на доброе здравіе!

Королева Викторія, весьма полная особа, сидитъ на диванѣ, держа въ рукахъ атрибуты королевскаго достоинства; нѣчто въ родѣ скипетра и державы. Предъ нею колѣнопреклоненные слуги въ красныхъ фескахъ держатъ желтые, пузатые кофейники, точь-въ-точь такіе, изъ какихъ пьютъ кофе замоскворѣцкія купчихи.

Появилась у солдатъ новая пѣсня, сдѣлавшаяся общимъ достояніемъ всего гарнизона. По однимъ слухамъ, эту пѣсню сочинилъ юнкеръ Тобольскаго полка, по другимъ—фельдшеръ того же полка. Вотъ эта пѣсня въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ Тобольскаго полка.


по-ле-онъ
Ай лю-ли лю-
ли лю-ли
Строй-ся брат-цы

Coro.


пѣль-ся пли
Сла-венъ онъ гро-зенъ онъ Нашъ чет-вер-тый бас-ті-онъ

Сла-венъ онъ гро-зенъ онъ Нашъ чет-вер-тый бас-ті-онъ
Fine.

Запѣвало. На 4-й бастіонъ
Двинулъ рать Наполеонъ!
Ай люли, люли, люли.
Стройся, братцы, цѣлься, пли!

Хоръ. Славенъ онъ, грозенъ онъ,
Нашъ 4-й бастіонъ!

Запѣвало. Смѣло русскіе идутъ
Въ непріятельскій редутъ!
Не страшны намъ силы всѣ
Господина Пелисье! [1]).

Хоръ. Славенъ онъ, грозенъ онъ,
Нашъ 4-й бастіонъ!

Запѣвало. Англичанинъ—пустяки;
Воевать съ нимъ—не съ руки
Эту рыжую мы рать
Можемъ палками прогнать!

Хоръ. Славенъ онъ, грозенъ онъ,
Нашъ 4-й бастіонъ!

Запѣвало. У сардинца много зла:
Любитъ бить изъ-за угла!
Знать, сардинскіе полки
Труса празднуютъ въ штыки...

Хоръ. Славенъ онъ, грозенъ онъ,
Нашъ 4-й бастіонъ!

Запѣвало. А ужъ турокъ—с..... сынъ,
Совсѣмъ выбился изъ силъ,
И на нашихъ на штыкахъ,
Онъ кричитъ: Аллахъ, Аллахъ!

Хоръ. Славенъ онъ, грозенъ онъ,
Нашъ 4-й бастіонъ!

---

[1]) По поводу „господина Пелисье“ между офицерами шелъ такой разговоръ:
Пелисье былъ названъ въ пѣснѣ „генераломъ“, но когда сочиненіе поступило на цензуру фельдфебеля, то послѣдній замѣтилъ:
— Какой же Пелисье генералъ? Если бы онъ былъ генераломъ, то Хрулевъ былъ бы генералисимусомъ.
И слова: „генерала Пелисье“ были замѣнены словами: „господина Пелисье“.

Запѣвало. Нашъ Нахимовъ—молодецъ,
Всѣмъ героямъ образецъ!
Не страшна съ Хрулевымъ смерть,
Съ нимъ мы рады умереть!

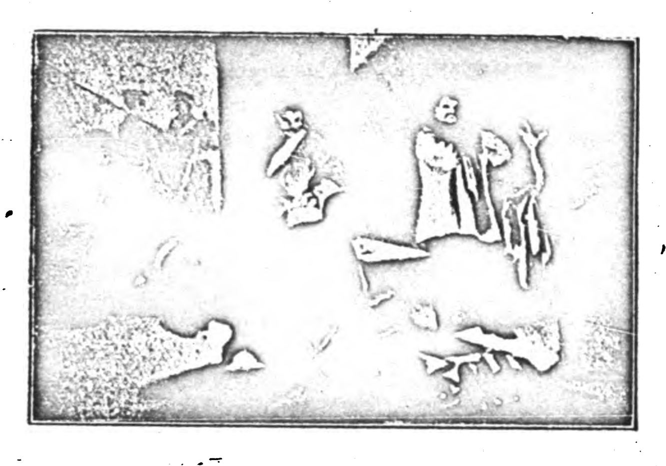
Хоръ. Славенъ онъ, грозенъ онъ,
Нашъ 4-й бастіонъ.

Эту пѣсню положилъ на музыку матросъ 30-го флотскаго экипажа Тишевскій.

Матросъ Константинъ Яковлевичъ Тишевскій былъ разжалованный въ рядовые мичманъ. За нѣсколько лѣтъ до крымской кампаніи онъ, въ нетрезвомъ видѣ, нанесъ оскорбленіе своему командиру, за что и былъ разжалованъ въ рядовые. Въ домѣ моего отца онъ былъ постояннымъ гостемъ. Тишевскій свободно говорилъ по-французски, хорошо рисовалъ и считался недюжиннымъ музыкантомъ. Онъ былъ страстнымъ охотникомъ и ходилъ на Инкерманскія высоты и къ Чатырдагу за дикими козами. Онъ превосходно стрѣлялъ, попадая пулею на лету въ брошенную кверху 3-хъ-копѣечную монету. Онъ былъ любимъ офицерами, принимавшими его, какъ хорошаго товарища. Какъ всѣ истинные охотники, Тишевскій былъ неистощимъ въ анекдотахъ. Онъ пѣлъ подъ гитару всѣ модные того времени романсы. Когда Тишевскій бывалъ пьянъ, онъ дѣлался невыносимымъ: изъ деликатнаго, скромнаго человѣка онъ превращался въ грубаго буяна. Страсть къ вину окончательно погубила этого симпатичнаго человѣка. Во время осады Севастополя Тишевскій раздѣлялъ всѣ опасности и лишенія съ чинами 30-го флотскаго экипажа, и по высочайшему повелѣнію ему былъ возвращенъ чинъ мичмана. Послѣ войны Тишевскій, уволенный въ отставку, остался жить въ Севастополѣ, и отдался тяготѣвшему надъ нимъ пороку. Въ возрастѣ около 55-ти лѣтъ онъ отдалъ печальную дань «второй молодости», влюбившись въ молодую дѣвушку—прачку. Любовь была отвергнута, и Тишевскій, покидая домъ предмета своей страсти, сорвалъ висѣвшую на веревкѣ сорочку любимой дѣвушки; эту сорочку онъ носилъ на себѣ подъ рубахой до конца своей жизни.

Ежедневно, послѣ заката солнца, двигались батальоны нашихъ солдатиковъ на бастіоны для ночныхъ работъ по исправленію поврежденныхъ въ теченіе дня батарей. Въ послѣдніе дни осады эти операціи обходились намъ весьма дорого,

и по числу выбывающихъ изъ строя нерѣдко бывали равносильны вылазкѣ охотниковъ. Солдаты шли съ пѣсенниками впереди, сопровождаемые толпою народа и, главнымъ образомъ, мальчиками. Шедшихъ на 4-й бастіонъ по Екатерининской улицѣ неизмѣнно встрѣчалъ Ванька Каинъ, забѣгалъ впереди солдатъ и усердно отплясывалъ подъ звуки пѣсни «Нашъ 4-й бастіонъ». Въ этомъ дѣлѣ онъ проявилъ положительный талантъ: босой, въ одной рубахѣ и штанахъ, поддерживаемыхъ одною чрезъ плечо подтяжкою, Каинъ выдѣлывалъ такія «па», которыя приводили зрителей въ изумленіе. Вечернюю встрѣчу солдатъ Каинъ обратилъ въ служебный долгъ



Приготовленія въ „ночную".

и старался не ударить лицомъ въ грязь, зная, что производитъ большой эффектъ.

Благодаря своей наклонности къ воровству, Каинъ не могъ приспособиться на 4-мъ бастіонѣ ни къ какому дѣлу. Матросы иногда посылали его за разными покупками, но эти порученія сопровождались недоразумѣніями: или Каина обсчитаютъ на сдачѣ или онъ съѣстъ половину купленнаго на пути. Попробовалъ Каинъ занять при знаменитомъ матросѣ Кошкѣ должность пажа, и на первое время успѣлъ пріобрѣсти его расположеніе; съ особеннымъ удовольствіемъ онъ сопровождалъ Кошку, украшеннаго золотымъ и серебрянымъ георгіевскими крестами, на базарную площадь, гдѣ герой того времени привлекалъ массу любопытныхъ, а во многихъ трактирахъ даже пользовался даровыми угощеніями, которыми, разумѣется, пользовался и Каинъ. Хотя послѣдній и добросовѣстно конвоировалъ подвыпившаго героя къ мѣсту служенія,

однако хищническія наклонности Каина и здѣсь были причиною того, что Кошка прогналъ отъ себя Каина, который въ концѣ-концовъ устроился при пластунахъ 4-го бастіона.

Пластуны, пѣшіе черноморскіе казаки, играли большую и отвѣтственную роль въ ночной сторожевой службѣ на нашихъ бастіонахъ. Обыкновенно, съ наступленіемъ сумерокъ, ихъ разводили по мѣстамъ, т. е. указывали тѣ пункты между нашими и непріятельскими укрѣпленіями, которые требовали особаго вниманія пластуновъ или, какъ ихъ называли въ Севастополѣ, лазутчиковъ. Въ послѣдніе мѣсяцы осады, когда непріятель приблизился къ намъ своими траншеями и ложементами на разстояніи до 50-ти и менѣе саж., пластунамъ приходилось ползкомъ пробираться ночью къ самымъ непріятельскимъ траншеямъ. Пластуны проявили въ Севастополѣ чудеса неустрашимости; каждый изъ нихъ былъ воистину герой; выносливость, русская сметка, беззавѣтная храбрость и полное пренебреженіе къ смерти,—составляли неотъемлемую привиллегію пластуна. Помню, какъ передъ отправленіемъ на службу пластуны зажигали на бастіонахъ костры, раздѣвались до-гола и вытрушивали изъ своего бѣлья на огонь миріады крупныхъ насѣкомыхъ, которыя, казалось, безпокоили ихъ больше, нежели штуцерныя пули непріятеля. Зима 1854—55 г.г. сопровождалась въ Крыму большими холодами и частыми дождями. При такихъ условіяхъ только закаленная и безропотная натура черноморскаго пластуна могла безслѣдно выносить всѣ невзгоды, которыми сопровождалась сторожевая служба въ теченіе длинныхъ зимнихъ ночей. Подкрѣпивъ себя чаркою спирта и ужиномъ и помолившись Богу, пластунъ выходилъ за бастіонъ и ползкомъ, въ грязи, въ водѣ, въ колючихъ кустарникахъ, по камнямъ и рытвинамъ, пробирался къ своему посту, приближаясь на нѣсколько шаговъ къ непріятельскимъ пикетамъ. Безстрашные пластуны, привыкшіе дѣйствовать по собственной инціативѣ, на свой страхъ и рискъ, пользовались каждымъ случаемъ, чтобы приколоть или взять живьемъ зазѣвавшагося или прикурнувшаго француза.

Доложили А. П. Спицыну, что Каинъ путешествуетъ по ночамъ съ пластунами къ непріятельскимъ траншеямъ. Несмотря на категорическое воспрещеніе начальства не выпускать съ пластунами Каина, послѣдній все-таки ухитрялся иногда присоединяться къ нимъ и былъ полезенъ имъ въ качествѣ вьючнаго животнаго, неся на себѣ различные припасы. Однажды Каинъ притащилъ съ собою французскій штуцеръ послѣ схватки

пластуновъ въ непріятельскихъ траншеяхъ и продалъ его нашему офицеру за нѣсколько рублей. Днемъ Каинъ съ товарищами собиралъ по бастіону и на прилегающихъ къ оборонительной линіи улицахъ непріятельскія штуцерныя пули, изъ которыхъ наши солдаты переливали пули для своихъ ружей [1]). За пули платили отъ 8 до 10 коп. за фунтъ; каждый мальчикъ собиралъ въ день до 3 фунтовъ свинцу. Не знаю, извѣстенъ ли тотъ фактъ, что иногда на непріятельскихъ штуцерныхъ пуляхъ, въ ихъ желобчатой части, былъ на-

Черноморскіе пластуны.

крученъ конскій волосъ. Такія пули попадались не только на 4-мъ бастіонѣ, но и на Малаховомъ курганѣ; такъ напримѣръ, пуля съ волосомъ была извлечена изъ раны юнкера Люблинскаго полка Петра Федоровича Иванова [2]), раненаго на Малаховомъ курганѣ 26-го августа. Несомнѣнно, непріятель наматывалъ на пулю волосъ для того, чтобы задержать излеченіе раненаго и отдалить время его возвращенія въ строй.

Пронесся слухъ, что на 5-мъ бастіонѣ и на редутѣ Шварца

---

[1]) Непріятельскими штуцерными пулями торговали не только мальчики, но и женщины. Осажденные вообще чувствовали большой недостатокъ въ порохѣ и снарядахъ. Бывали случаи, когда отдавалось распоряженіе отвѣчать изъ орудій однимъ выстрѣломъ на 10—15 непріятельскихъ; скудные остатки зарядовъ сберегались въ погребахъ на случай штурма. Поистинѣ удивительный фактъ: осажденные почти въ теченіе года отражали грозныя атаки соединенныхъ непріятельскихъ армій, имѣвшихъ преимущества и въ числѣ солдатъ и въ средствахъ нападенія, — не имѣя возможности бить непріятеля на разстояніи и покорно ожидая боя грудь съ грудью. Чтобы стрѣлять въ непріятеля изъ ружей являлась необходимость терпѣливо собирать вражьи пули и ими же отвѣчать непріятелю, — фактъ, кажется, безпримѣрный въ исторіи войнъ.

[2]) Отставной штабсъ-капитанъ П. Ф. Ивановъ служитъ въ настоящее время смотрителемъ кладбища въ городѣ Николаевѣ, Херсонской губ.

4*

поставлены маленькія мортирки, управленіе которыми поручено мальчикамъ, вслѣдствіе чего Каинъ, Поляковъ и др. устремились на 5-й бастіонъ, но встрѣтили отпоръ со стороны 15-тилѣтняго волонтера Тулузакова и 12-ти-лѣтняго матросскаго сына Пищенко, которые, дѣйствительно, находились при мортирахъ, подъ покровительствомъ отца Пищенко, и ревниво оберегали свои пушки отъ нашествія мальчугановъ, не желая раздѣлить съ ними славу защитниковъ Севастополя.

Сынъ фельдъегеря, возившаго въ Петербургъ государю донесенія главнокомандующаго, Тулузаковъ, былъ принятъ на 5-й бастіонъ волонтеромъ и вскорѣ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ возрастѣ 15-ти лѣтъ онъ былъ комендоромъ у бомбическаго орудія и вскорѣ былъ убитъ наповалъ осколкомъ бомбы. Торжественно было обставлено погребеніе мальчика унтеръ офицера. Процессія двинулась изъ квартиры Тулузаковыхъ на Екатерининской улицѣ, гдѣ мать убитаго содержала мастерскую дамскихъ нарядовъ. На погребеніе былъ назначенъ взводъ солдатъ, оркестръ музыки и горнисты. На Графской пристани тѣло юнаго героя, при звукахъ похороннаго марша, было поставлено на баркасъ и перевезено на Сѣверную сторону на Братское кладбище.

Въ одну изъ ночей, во время вылазки охотниковъ, Каинъ, находившійся въ отрядѣ пластуновъ, былъ убитъ пулею въ шею на вылетъ. Пластунъ принесъ его трупъ подъ мышкою на 4-й бастіонъ, а отсюда онъ былъ взятъ отцомъ, отставнымъ матросомъ Митрофановымъ, калѣкою, переломившимъ себѣ ногу на кораблѣ, при паденіи съ марса на палубу.

Моя мать, жившая въ это время на фрегатѣ «Кагулъ», упросила іеромонаха Пахомія дать напутствіе Ивану Митрофанову, семью котораго она хорошо знала.

Съ фрегата были посланы на похороны кутья и пироги. Отецъ Пахомій, въ сопровожденіи пѣвчихъ: подшкипера Фесенко, баталера Кровопускова и Василія Гороха — отправились къ Митрофанову. Безвременно погибшій Каинъ лежалъ въ сосновомъ гробу, выкрашенномъ голубою краскою, въ той самой парусиновой парѣ объ одной подтяжкѣ, въ которой онъ удивлялъ улицу своею мастерскою пляскою подъ звуки марша «Нашъ 4-й бастіонъ». Носъ его вытянулся и заострился: лицо было бѣло какъ мраморъ. Ноги его были обуты въ бѣлые чулки, оставшіеся отъ матери, лежавшей въ то время въ госпиталѣ съ признаками гангрены на раненой ногѣ. Началась панихида. Басъ, теноръ и дискантъ стройно испол-

пяли печальныя пѣснопѣнія. Вдругъ дискантъ оборвался, и Василій Горохъ залился горючими слезами. Стали утѣшать Гороха, который отъ переполнившаго его душу горя не могъ проговорить ни слова. Съ большимъ усиліемъ онъ, наконецъ, проговорилъ: «Какъ...—слезы душили и сдавливали его горло.— «Какъ... какъ птичка!»—съ трудомъ закончилъ Горохъ, указывая на покойника.

Кто зналъ Гороха,—тому была извѣстна его нѣжная страсть къ птицамъ: сколько разъ онъ вступалъ въ драку, защищая только что вылупившихся птенцовъ отъ хищниковъ-мальчишекъ. Горохъ вообще считалъ птицъ священными, а голубей и ласточекъ отождествлялъ съ ангелами. Впечатлительная душа Гороха была страшно напряжена текущими кровавыми событіями: его организму нуженъ былъ нервный разрядъ, и поводомъ къ облегчавшимъ его душу рыданіямъ послужило то обстоятельство, что онъ усмотрѣлъ сходство между лежавшимъ въ гробу Каиномъ и птичкою.

Я упомянулъ о Кошкѣ. Его знала тогда вся Россія, слѣдившая съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми перипетіями кровавой исторической драмы въ Севастополѣ. Матросъ 30-го флотскаго экипажа Петръ Кошка служилъ до крымской кампаніи на 44-хъ пушечномъ фрегатѣ «Кагулъ» вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, который, какъ упомянуто выше, бралъ меня съ собою въ плаваніе. Поэтому я хорошо зналъ Кошку. Это былъ плохой, даже, можно сказать, очень плохой матросъ, съѣвшій на своемъ вѣку не малое число линьковъ. Лучшимъ масштабомъ способностей строеваго матроса по отношенію къ Кошкѣ можетъ служить то обстоятельство, что онъ былъ гальюнщикъ, т. е. обязанный содержать въ чистотѣ гальюнъ: такъ называется на военныхъ судахъ отхожее мѣсто для нижнихъ чиновъ. По внѣшнему виду Кошка былъ неказистъ; своимъ лицомъ съ выдающимися челюстями онъ напоминалъ казанскаго татарина. По внутреннему содержанію — онъ не обнаруживалъ никакихъ выдающихся качествъ; напротивъ, былъ лѣнивъ, неряшливъ и, кажется, неграмотенъ. Кошка пріобрѣлъ извѣстность на бастіонахъ. Какъ извѣстно, онъ былъ отваженъ до безразсудства, и во многихъ случаяхъ рисковалъ жизнью даже безъ пользы для дѣла. Едва-ли нужно доказывать, что никому не нужны были такіе отчаянные подвиги, какъ поимка лошади, находившейся между нашими и непріятельскими батареями, какъ перенесеніе трупа убитаго сапера изъ подъ непріятельской батареи на нашъ бастіонъ и т. п. Въ Кошку

и пули не попадали и въ рукопашныхъ схваткахъ его не били: таково было его удивительное счастье. Самъ Кошка говорилъ, что «отъ свинца и чугуна» ему сдѣлала заговоръ цыганка Марфа, и въ силу этого заговора онъ слѣпо вѣрилъ; вѣрили этому не только товарищи Кошки, но и офицеры.

Кошку знали и въ союзной арміи, да и какъ было не знать его, Кошку, дававшаго среди бѣла дня публичныя представленія ловкости и неустрашимости? Во время перемирія, при уборкѣ труповъ убитыхъ, когда наши и непріятельскіе солдаты сходились мирно лицомъ къ лицу и угощали другъ друга табакомъ, водкою, коньякомъ,—выяснилось, что вначалѣ непріятель думалъ, что слово «Kochka» обозначаетъ у насъ особый родъ войска, въ родѣ пластуновъ: впослѣдствіи же, когда физіономія героя опредѣлилась на непріятельскихъ батареяхъ помощью бинокля, узнали, что это былъ матросъ Pierre Kochka.

Кошка съ трупомъ сапера.

Вблизи «Цыганскаго кабачка», близъ 4-го бастіона, осѣдло жила цыганская семья, занимавшаяся гаданьемъ, луженіемъ посуды и кражами. Тамъ была красивая, молодая цыганка Марфа, которая упорно отвергала всѣ искательства многочисленныхъ поклонниковъ. Какъ почувствовала Марфа симпатію къ Кошкѣ, никто себѣ не умѣлъ объяснить, но всѣ знали, что Кошка полюбился Марфѣ..... Мужъ ея, Гаврило, молодой, здоровый цыганъ, ревниво оберегалъ свою красивую жену отъ постороннихъ посягательствъ. Не разъ говорили Кошкѣ, что ему плохо будетъ отъ Гаврилы. Однажды, отпущенный «въ городъ», Кошка возвратился на бастіонъ страшно избитый и покрытый синяками. На бастіонѣ были увѣрены, что его «раздѣлалъ» цыганъ, хотя Кошка упорно это отвергалъ. Вслѣдъ за тѣмъ безслѣдно исчезъ изъ разрушеннаго до основанія жилища и весь цыганскій таборъ.

Кошка имѣлъ два георгіевскихъ креста: золотой и серебряный. Кромѣ того, онъ удостоился получить отъ госуда-

рыни императрицы шелковый, вышитый кисетъ, шелковую рубаху и, кажется, маленькую дорогую икону. Объ этомъ подаркѣ зналъ весь городъ, и всѣ говорили, что и кисетъ и рубаху шила собственными руками государыня. Естественно, этими вещами Кошка привлекалъ на базарѣ большую толпу любопытныхъ.

Кошка любилъ выпить. Его любили какъ героя. Народъ оказывалъ ему всяческія почести, которыя въ концѣ концовъ сводились къ угощенію въ трактирѣ. По мѣрѣ того, какъ росла его популярность, онъ сталъ болѣе и болѣе «куражиться». Явится хмѣльной Кошка вечеромъ въ блиндажъ и несетъ околесицу:

— Что я? Кто я? Ничего не боюсь! И француза разобью, и англичанина разобью, а захочу — такъ и кому другому въ морду дамъ. Со мною не шути!... и т. п.

— Француза-то побить — не штука, а ты, вотъ, поди Гаврилку побей. Вотъ будешь воинъ! — замѣчалъ ему матросъ, которому Кошка мѣшалъ своею болтовнею спать. Имя мужа цыганки Марфы дѣйствовало на Кошку успокоительно, и болтовня прекращалась.

Кошка считался отважнѣйшимъ изъ «охотниковъ»-добровольцевъ въ ночныхъ вылазкахъ. Между офицерами-охотниками наиболѣе популярными были: лейтенентъ Бирюлевъ, полковникъ Голевъ, прапорщикъ Говенскій, поручикъ Сутковой, прапорщикъ Форштадіусъ, мичманъ Григоренко и др. Съ особою охотою Кошка шелъ на вылазки съ Бирюлевымъ и Григоренко, можетъ быть по той причинѣ, что отдавалъ предпочтеніе своимъ морякамъ.

Здѣсь будетъ кстати привести имена тѣхъ начальниковъ, которые были извѣстны всему гарнизону и о боевой дѣятельности которыхъ между нижними чинами ходили разсказы и анекдоты: Корниловъ, Нахимовъ, Хрулевъ, Истоминъ, Тотлебенъ, князь Васильчиковъ, Перелешинъ, Зоринъ, Новосельскій, Хрущовъ, Панфиловъ, Спицынъ, Тимофѣевъ, Кислинскій, Будищевъ, Реймерсъ, Костомаровъ, Забудскій, Бѣлкинъ, Перекомскій, Семякинъ, Юрковскій, Кернъ, Микрюковъ, Бутаковъ, Брилкинъ и мн. др.

По обложеніи Южной стороны Севастополя непріятелемъ, начальниками бастіоновъ, редутовъ и люнетовъ были исключительно флотскіе офицеры, именами которыхъ были названы многія части оборонительной линіи, а вся орудійная прислуга

состояла изъ матросовъ. Первый отпоръ непріятелю 5-го октября дали морскія команды. Такимъ образомъ, съ перваго же дня осады роли составныхъ частей гарнизона вполнѣ опредѣлились: для всѣхъ стало яснымъ и очевиднымъ, что моряки со своими начальниками стояли на высотѣ своего дѣла и что защита Севастополя находится въ крѣпкихъ, надежныхъ рукахъ. Моряки оказались хорошими артиллеристами, хорошими стрѣлками, добрыми товарищами, храбрыми солдатами. Затѣмъ, бросалась въ глаза та духовная, можно сказать, органическая связь между начальниками и подчиненными, которую умѣли съ такимъ блестящимъ успѣхомъ воспитать въ Черноморскомъ флотѣ адмиралы Грейгъ и Лазаревъ, и которая съиграла рѣшающую роль въ знаменитой геройской оборонѣ Севастополя. Моряки, артиллеристы, пѣхотинцы, саперы, казаки, адмиралы, генералы, офицеры, рядовые,—всѣ отчетливо понимали это положеніе вещей и охотно ему подчинялись. Вотъ почему въ севастопольскомъ гарнизонѣ, по крайней мѣрѣ, по его твердынямъ, не было мѣста ни интригѣ, ни зависти, ни мелкому соперничеству: весь гарнизонъ составлялъ одну дружную, товарищескую семью, въ лучшемъ значеніи этого слова.

Кошка ползетъ къ непріятельскому часовому.

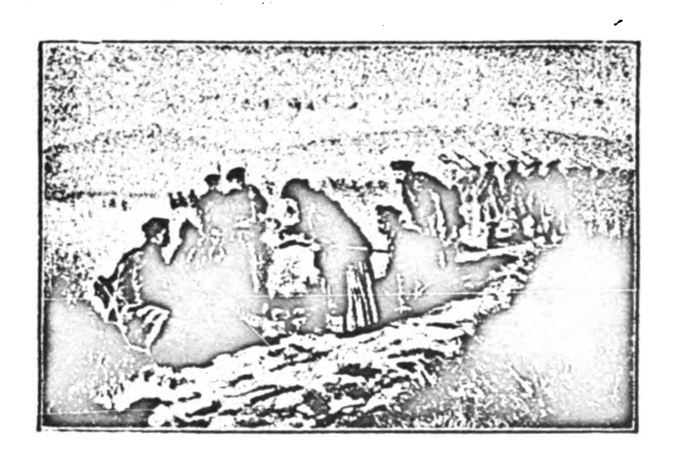
Можно съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ защищаться отъ врага пушками, штуцерами, крѣпкими блиндажами и казематами; но когда для пушекъ нѣтъ пороху и снарядовъ, для стрѣльбы нѣтъ штуцеровъ, для штыкового боя нѣтъ случая, а для осажденныхъ нѣтъ защиты отъ непріятельскихъ снарядовъ, сыпавшихся на головы осажденныхъ въ количествѣ нѣ-

скольких тысячъ въ теченіе дня, то тутъ есть отъ чего прійти въ отчаяніе! Чѣмъ же крѣпокъ и почему несокрушимъ былъ севастопольскій гарнизонъ? Какимъ средствомъ обороны обладалъ онъ? Это могущественное средство, сдерживавшее въ теченіе почти цѣлаго года соединенныя силы Франціи, Англіи, Турціи и Италіи, и составлявшее твердый оплотъ противъ боевой техники сильнаго непріятеля,—заключалось въ «духѣ» севастопольскаго гарнизона, въ нравственныхъ его свойствахъ. Въ этомъ случаѣ, на нашемъ гарнизонѣ блистательно оправдалось изреченіе Наполеона I: нравственныя качества арміи составляютъ три четверти залога ея военныхъ успѣховъ.

Для полной оцѣнки положенія защитниковъ Севастополя необходимо еще вспомнить, что продовольственная и обмундировочная часть крымской арміи находились въ невозможномъ состояніи. Не говоря уже о томъ, что предметы первой необходимости страшно поднялись въ цѣнѣ не только въ Севастополѣ, но также въ Симферополѣ и Бахчисараѣ, — интендатская часть отличалась хищеніями: денежные отчеты по покупкѣ и заготовкѣ матеріаловъ для арміи составлялись по справочнымъ цѣнамъ, получавшимся, въ какихъ угодно нормахъ, отъ городскихъ, волостныхъ и сельскихъ властей; это обстоятельство давало возможность безнаказанно злоупотреблять казенными суммами. Интендантскіе чиновники и подрядчики упивались шампанскимъ, платя за бутылку по 25—30 руб., и бросали деньги на вѣтеръ. Я помню, какое омерзительное впечатлѣніе произвелъ на меня кутившій съ дамами въ бахчисарайской кофейнѣ молодой, курносый интендантъ, закуривавшій папиросу ассигнаціей, зажженной отъ тутъ-же стоявшей свѣчи. Это сумасбродное разбрасываніе денегъ покупалось, разумѣется, дорогою для арміи цѣною: въ ржаную муку подсыпали толченый известковый камень, поставляли горѣлые сухари цвѣта кофейной гущи, присылали солдатамъ сапоги съ картонными подошвами, а на кораблѣ «Іегудіилъ», обращенномъ въ батарею, забраковали цѣлую партію солонины съ червями. Лѣтомъ 1855 года въ севастопольскомъ гарнизонѣ появились тифъ, диссентерія, холерина. Персоналъ, кормившій севастопольскій гарнизонъ, не щадилъ ни солдата, ни казну. Въ 4-хъ верстахъ отъ Бахчисарая находился обширный складъ казеннаго сѣна, цѣна котораго доходила до 2 и 2½ рублей за пудъ. Вокругъ склада стоялъ ружейный караулъ и, тѣмъ не менѣе, въ одну ночь складъ сгорѣлъ до тла. Среди ночи полиція погнала бахчисарайскихъ татаръ тушить пожаръ; та-

тары брали воду своими узенькими бачками изъ пересохшей рѣченки Чурукъ-Су, и съ ругательствами, за цѣлую версту до мѣста пожарища, подносили эти бачки, чтобы плеснуть водою въ океанъ пламени. На другой день говорили, что сѣно сгорѣло отъ поджога и что пожаръ случился какъ разъ наканунѣ сдачи склада однимъ чиновникомъ другому.

Печальная параллель сама собою просится подъ перо. Во время уборки между нашими и непріятельскими батареями убитыхъ и раненыхъ, когда наши и непріятельскіе солдаты пускались въ дружескіе разговоры и угощали другъ друга, чѣмъ Богъ послалъ,—французы и особенно англичане являлись чисто, франтовски одѣтыми, въ новыхъ мундирахъ, съ обильнымъ запасомъ угощеній. Тутъ были бѣлые галеты, консервы, въ изящныхъ фляжкахъ ромъ, коньякъ, джинъ.



Баба съ оладьями.

Непріятель курилъ сигары или табакъ изъ пенковыхъ красивыхъ трубокъ. Какимъ угощеніемъ могъ отвѣтить любезному врагу нашъ невзрачно одѣтый солдатъ? Ржанымъ сухаремъ, махоркой и, въ рѣдкихъ случаяхъ, спиртомъ.

Кстати замѣчу, что во время осады водка была вытѣснена спиртомъ. Пили сравнительно много. Непившіе до сего выучились пить. Тѣмъ не менѣе, пьяныхъ было немного, и во всякомъ случаѣ—не больше, чѣмъ въ мирное время. Этого нельзя сказать о непріятелѣ: на штурмъ и на вылазки непріятель шелъ, что называется, подъ высокимъ давленіемъ отъ спиртныхъ паровъ: относительно англичанъ и французскихъ зуавовъ это правило можно было назвать общимъ. Плѣнный

непріятель большею частью оказывался болѣе или менѣе охмелѣвшимъ.

Когда попытки нашей арміи штурмовать непріятеля и прогнать его къ Камышевой бухтѣ, на корабли, окончательно потерпѣли неудачу, вслѣдствіе дурно составленнаго плана атаки, какъ утверждали офицеры и солдаты,—рѣшено было отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій и остановиться исключительно на войнѣ оборонительной. Впереди Малахова кургана, появились новые редуты — Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій, названные такъ по имени строившихъ ихъ полковъ; стали увеличивать сѣть траншей; копали волчьи ямы. Ночныя вылазки стали болѣе частыми и въ иныхъ случаяхъ, по числу выбывшихъ изъ строя, походили на генеральныя сраженія; такъ, напримѣръ, въ вылазкѣ изъ 5 и 6 бастіоновъ, въ ночь съ 10 на 11 мая, когда наши траншеи переходили нѣсколько разъ къ непріятелю и обратно къ намъ, общая потеря нашихъ и непріятельскихъ войскъ выразилась внушительными цифрами: свыше 150 офицеровъ и свыше 5 тысячъ солдатъ! Рукопашныя схватки за обладаніе Селенгинскимъ, Волынскимъ и Камчатскимъ редутами обратились въ отчаянныя побоища, когда обѣ стороны какъ бы сговорились умереть, но не отступать. Баржи и баркасы не успѣвали перевозить трупы убитыхъ на Сѣверную сторону. Здѣсь, на братскомъ кладбищѣ, выкапывались большія ямы-могилы, въ которыя опускались убитые въ нѣсколько ярусовъ; они отдѣлялись одинъ отъ другого слоемъ извести. Хоронили безъ гробовъ, въ одномъ бѣльѣ. Въ ямы помѣщали до 50-ти труповъ, стараясь класть въ каждую яму убитыхъ одного и того же полка, но это правило не всегда соблюдалось.

Съ каждымъ днемъ число убитыхъ по оборонительной линіи и въ городѣ увеличивалось; осажденные проникались увѣренностью, что отъ смерти не уйдешь, что она неизбѣжна, сегодня или завтра; чувство самосохраненія притупилось; солдаты и офицеры перестали беречь себя, какъ это дѣлалось прежде: ядрамъ и гранатамъ не кланялись, въ траншеи не прятались, не стоило труда, все равно убьютъ. Ряды доблестныхъ матросовъ по бастіонамъ значительно порѣдѣли; къ орудіямъ начали ставить пѣхотинцевъ; 9-ти-пушечную батарею мичмана Иванченко обратили въ школу для пріобученія пѣхотинцевъ и ополченцевъ къ обращенію съ пушками. Владиміръ Антоновичъ Иванченко называлъ свою батарею «артиллерійской академіей». Число морскихъ офицеровъ въ руково-

дящей роли по бастіонамъ сильно сократилось; были случаи, когда командиромъ батареи назначался крѣпостной артиллеристъ, что повело къ недоразумѣніямъ между новымъ сухопутнымъ начальствомъ и матросами; ходили даже слухи о томъ, что на одной изъ такихъ батарей произошелъ бунтъ. Смерть адмирала Нахимова, этого добраго генія изнемогавшаго, но еще крѣпкаго духомъ гарнизона, за два мѣсяца до сдачи Севастополя непріятелю, — произвела тяжелое впечатлѣніе и оказала на состояніе духа севастопольскаго гарнизона гораздо болѣе удручающее вліяніе, чѣмъ это принято думать. Въ Севастополѣ былъ главнокомандующій, былъ начальникъ гарнизона, были начальники отдѣленій, начальники штабовъ, но глаза всего гарнизона были обращены на Нахимова, носившаго въ себѣ магическую силу единенія, примиренія, самоотверженія; эта сила передавалась окружающимъ. Узнавъ о смерти Нахимова, нижніе чины, по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, плакали; это плакали тѣ богатыри, которые прямо, безъ содроганія, ежеминутно смотрѣли въ глаза смерти; это плакали люди, у которыхъ слезныя железы предполагались атрофированными. Можетъ ли быть награда герою—выше этой?

По оборонительной линіи, сперва между офицерами, а затѣмъ между нижними чинами, сталъ чаще и чаще повторяться слухъ о готовящемся отступленіи гарнизона на Сѣверную сторону. Проводка моста чрезъ рейдъ отъ Николаевской морской батареи говорила также въ пользу этого слуха. Солдаты и многіе офицеры считали эту мѣру кощунственною; они еще чувствовали въ себѣ способность отстоять родное гнѣздо; при томъ же, всѣ бывшія до сего отчаянныя попытки непріятеля взять городъ штурмомъ были отражены; надѣялись, что дальнѣйшія попытки этого рода не будутъ имѣть успѣха, что блистательно подтвердилось въ послѣдній штурмъ 27-го августа, когда бросившійся на линію бастіоновъ многочисленный непріятель былъ повсюду побѣдоносно отраженъ, и только Малаховъ курганъ палъ подъ натискомъ французскихъ полчищъ, хлынувшихъ на бастіонъ изъ траншей, отстоявшихъ отъ кургана на нѣсколько десятковъ шаговъ. Тѣмъ не менѣе, гарнизонъ томился: настоящаго дѣла не было и не предвидѣлось. Осажденные пассивно принимали удары изъ непріятельскихъ пушекъ или довольствовались ночными вылазками, имѣвшими самую скромную программу: разрушить земляныя работы непріятеля, выбить его штыками изъ траншей. Всѣ эти вылазки походили на фокусъ покусъ: казалось, началь-

никъ гарнизона, графъ Остенъ-Сакенъ, задался мыслью удивить непріятеля отвагою и неустрашимостью русскаго солдата, и, дѣйствительно, было чему удивляться: не справляясь съ числомъ непріятеля, рота бросалась въ атаку баталіона, баталіоны шли противъ полковъ, а затѣмъ — неизбѣжное возвращеніе домой, подъ градомъ непріятельской картечи... Теперь на вылазки шли ужъ не охотники, а цѣлые полки. Офицеры иронизировали, утверждая, что смерть на вылазкахъ наиболѣе желательна, потому что начальникъ гарнизона провожаетъ отряды молебнами и встрѣчаетъ панихидами.

Костя Поляковъ переселился съ 4-го бастіона на Малаховъ курганъ. Офицеръ морской артиллеріи Николай Афанасьевичъ Ивановъ [1]) уговорилъ отца Полякова отпустить сына на Малаховъ курганъ, подъ личный надзоръ Иванова, съ протекціей котораго Костя могъ бы даже сдѣлать себѣ карьеру. Съ этимъ предложеніемъ пришлось волей-неволей помириться, ибо скитавшійся по бастіонамъ Костя, приходившій домой только ночевать, оставался по цѣлымъ днямъ безъ надзора. Костю приставили къ орудію. Офицеры приняли его въ свою компанію. Въ короткое время изъ Кости вышелъ бравый артиллеристъ; спустя мѣсяцъ я увидѣлъ Костю въ формѣ кондуктора корпуса морской артиллеріи, украшеннаго георгіевскимъ крестомъ.

Семья Поляковыхъ переселилась на фрегатъ «Кагулъ», стоявшій возлѣ Павловской батареи, обращенной тогда въ госпиталь. На фрегатѣ образовалась цѣлая колонія женщинъ и дѣтей. Такъ какъ доставлявшійся въ Севастополь порохъ разсыпался здѣсь, на мѣстѣ, въ картузы [2]), то обитательницы фрегата заявили о желаніи шить картузы и изготовлять изъ ветоши корпію для раненыхъ. Фрегатъ обратился въ мастерскую, выпускавшую разъ въ недѣлю большой транспортъ предметовъ своего производства. Дѣло шло настолько успѣшно, что по окончаніи крымской войны нѣкоторыя изъ дамъ, жившихъ на фрегатѣ, были награждены серебряными медалями на георгіевской лентѣ [3]).

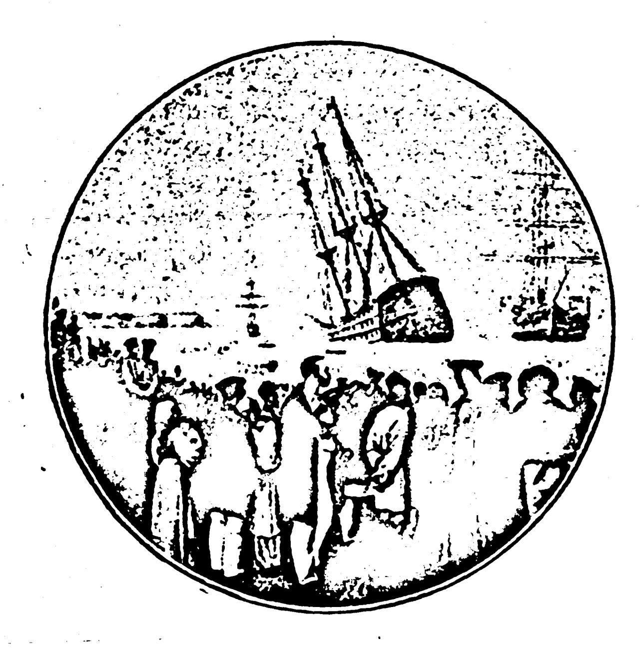
---

[1]) Взятъ въ плѣнъ французами 27-го августа.

[2]) Мѣшечки разныхъ размѣровъ, смотря по калибру пушки.

[3]) Привожу здѣсь сохранившійся у меня подлинникъ свидѣтельства о награжденіи такою медалью моей матери. „Свидѣтельство. Дано сіе изъ дежурства штаба, согласно разрѣшенія г. завѣдывающаго морскою частью въ Николаевѣ, женѣ комиссара 30-го флотскаго экипажа Даценко, Маріи Ивановой, въ томъ, что она, какъ видно изъ свидѣтельства лейтенантовъ Иванченко, Прокофьева, Шишкина и капитанъ-лейтенанта Прокоповича, и удостовѣренія капитана 1-го ранга Барановскаго, находилась

Дали знать матери Полякова, что онъ раненъ и лежитъ въ Павловскомъ госпиталѣ. Вмѣстѣ съ другими отправился на перевязочный пунктъ и я. Въ этотъ день, съ ранняго утра, непріятель открылъ по всей оборонительной линіи адскую канонаду. Павловская батарея была буквально завалена ранеными, ждавшими по цѣлымъ часамъ перевязки. Не безъ труда мы нашли Костю лежавшимъ на шинели, на каменномъ полу. Около Кости образовалась цѣлая лужа крови. Костя былъ блѣденъ и, видимо, не испытывалъ физической боли; онъ не



„Три Святителя" не идетъ ко дну.

только не стоналъ, но горячо о чемъ-то разсказывалъ и размахивалъ руками: онъ былъ сильно афектированъ. Съ матерью Кости сдѣлался обморокъ, и ее тотчасъ увезли на фрегатъ. У Кости оторвало ногу выше колѣна. Какъ тяжело раненому ему сдѣлали ампутацію не въ очередь. Костю не хлороформировали, и во время операціи онъ не издалъ ни одного стона.

во время бомбардированія Севастополя, вмѣстѣ съ мужемъ, на фрегатѣ Кагулъ и шила картузы въ продолженіи четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, а потому, на основаніи приказа Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала отъ 5-го декабря 1855 года за № 1427, она, Марія Даценко, награждена установленною за защиту Севастополя серебряною медалью на георгіевской лентѣ для ношенія на груди, въ чемъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати удостовѣряемъ. Городъ Николаевъ, декабря 24-го дня 1856 года № 9998. Дежурный штабъ-офицеръ, капитанъ-лейтенантъ Швыйковскій. Столоначальникъ коллежскій асессоръ Губскій".

Мнѣ не разъ приходилось видѣть случаи полной нечувствительности тяжело раненыхъ къ физическимъ страданіямъ. Во время боя 24-го октября я встрѣтилъ на Сѣверной сторонѣ, возлѣ дачи «Голландія», возвращавшагося съ боя солдата, у котораго была оторвана рука по плечо. Раненое мѣсто было обвязано тряпкою; перевязка не была еще сдѣлана. Солдатъ остановился и сталъ возбужденно разсказывать о подробностяхъ боя. Кто-то далъ ему здѣсь закуренную папиросу, и онъ шибко пошелъ по направленію къ Куриной балкѣ, гдѣ временно открыли перевязочный пунктъ. Въ тотъ же день солдатъ умеръ отъ потери крови.

На другой день послѣ ампутаціи ноги у Кости, Павловскій госпиталь посѣтилъ князь Васильчиковъ. Онъ останавливался у кровати каждаго больного, распрашивалъ о томъ, гдѣ и когда получена рана; узнавъ, что Костя тяжело раненъ на Малаховомъ курганѣ, князь хотѣлъ дать ему георгіевскій крестъ, не замѣтивъ, что окровавленный Георгій висѣлъ уже у изголовья Полякова. Объ этомъ сказали князю. Вскорѣ послѣ того Константинъ Тимофѣевичъ Поляковъ (онъ же Полячекъ) былъ произведенъ въ прапорщики и разгуливалъ на костыляхъ по Мичманскому бульвару.

По окончаніи крымской войны малочисленные остатки доблестнаго севастопольскаго гарнизона были выведены изъ Севастополя. Флотскія части отправились частью въ Николаевъ, частью въ Кронштадтъ. Оставшіеся въ живыхъ морскіе офицеры были зачислены по резервному флоту; большинство же изъ нихъ вышло въ отставку, воспользовавшись высочайшимъ повелѣніемъ считать севастопольцамъ службу мѣсяцъ за годъ. Прапорщикъ Поляковъ, въ числѣ многихъ другихъ, зачисленъ былъ въ кандидаты на должность городничаго. Получивъ назначеніе въ какой-то уѣздный городъ сѣверной Россіи, онъ вскорѣ послѣ того умеръ.

На корабляхъ и фрегатахъ имѣлись походныя церкви, и въ должности священниковъ назначались іеромонахи Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря, который въ одно время съ Балаклавой былъ занятъ непріятелемъ, какъ только союзныя войска перешли на Южную сторону Севастополя. Такимъ образомъ, іеромонахи остались жить на тѣхъ судахъ, на которыхъ они плавали въ послѣднюю кампанію.

Служившій на фрегатѣ іеромонахъ Пахомій жилъ въ операціонной залѣ, въ глубинѣ трюма, куда не проникалъ

дневной свѣтъ. Здѣсь были двѣ каюты: для коммиссара и іеромонаха. Сосѣди, мой отецъ и отецъ Пахомій, жили въ большомъ согласіи. Въ свободные отъ службы часы они вели горячую бесѣду богословскаго или патріотическаго свойства, или играли въ шашки.

Во время плаванія въ морѣ у кавказкихъ береговъ, когда провизія служащихъ состояла изъ галетовъ, сухарей, масла, солонины, крупы и водки, дополненная иногда маслинами, грибами и макаронами, — взаимное угощеніе собесѣдниковъ было общимъ: отварная солонина, похлебка изъ той же солонины и луку, каша или горохъ; въ рѣдкихъ случаяхъ говядина или мясо буйвола, которымъ запасались обыкновенно въ Сухумѣ. Только выпивка у сосѣдей была не одинакова: отецъ пилъ исключительно водку, отецъ Пахомій ничего не употреблялъ, кромѣ марсалы.

— Два человѣка въ черноморскомъ флотѣ, — шутилъ иногда отецъ Пахомій, — понимаютъ толкъ въ марсалѣ: Павелъ Степановичъ Нахимовъ и смиренный іеромонахъ Пахомій!

Задумалъ отецъ Пахомій служить по бастіонамъ молебны съ водосвятіемъ, о чемъ объявилъ извѣстному уже читателю хору. Въ воскресенье, послѣ обѣдни, батюшка, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи Фисенко, Кровопускова, Гороха и матроса образного, съѣхали съ фрегата на Павловскій мысъ и оттуда направились на 1-й бастіонъ. Здѣсь была освящена вода. Въ пѣніи тропаря «Спаси Господи люди твоя» приняли участіе офицеры и нижніе чины. Громогласное и торжественное исполненіе тропаря привлекло вниманіе непріятеля: множество головъ показалось изъ за бруствера непріятельскихъ батарей; къ чести французовъ нужно замѣтить, что вялая непріятельская пальба изъ орудій совершенно на это время прекратилась. На пути отъ 1-го бастіона до батареи Перекомскаго, гдѣ предполагалось сдѣлать передышку и напиться чаю, хоръ безостановочно пѣлъ «Спаси Господи», и всѣ бывшіе по линіи офицеры и солдаты окроплялись водою и прикладывались ко кресту, бросая въ шапку образного серебряныя и мѣдныя монеты. Послѣ часового отдыха въ блиндажѣ Перекомскаго процессія двинулась вверхъ по горѣ, къ «грибку» 4-го бастіона, сопровождаемая солдатами, торопившимися поцѣловать крестъ. Было около 5-ти часовъ вечера. Въ воздухѣ было тихо. По временамъ раздавались одиночные выстрѣлы съ нашихъ и непріятельскихъ батарей. Вдругъ молчавшая до сего англійская батарея на Зеленой горѣ дала залпъ изъ

орудій, направленныхъ, очевидно, въ процессію: нѣсколько бомбъ упало возлѣ процессіи; 7—8 человѣкъ оказались убитыми и ранеными. Встрѣтившій процессію адмиралъ Панфиловъ обратился къ батюшкѣ съ предложеніемъ приходить на бастіонъ только «по приглашенію».

Отъ «грибка» процессія спустилась въ балку и отсюда направилась на фрегатъ. У пѣвшихъ шапки и всѣ карманы были наполнены собранными на бастіонахъ деньгами. Когда процессія поровнялась съ Петропавловскимъ соборомъ, ее остановилъ отецъ благочинный, пившій въ это время на балконѣ своей квартиры чай. Благочинный строго обратился къ отцу Пахомію съ вопросомъ—почему и съ чьего разрѣшенія батюшка устроилъ въ городѣ крестный ходъ? Благочинный болѣе и болѣе возвышалъ голосъ и сталъ наконецъ произносить бранныя слова. Пѣвчіе заблагоразсудили поспѣшно удалиться. Благочинный повелъ отца Пахомія съ балкона въ пріемную. Не утерпѣлъ Василій Горохъ, ему хотѣлось знать, что дальше будетъ съ батюшкой. Онъ вошелъ на балконъ и въ пріотворенную дверь увидѣлъ слѣдующую картину: отецъ Пахомій ползалъ на колѣняхъ вокругъ комнаты; благочинный кричалъ, уснащая свою рѣчь бранными словами. Отецъ Пахомій сдѣлалъ вокругъ комнаты три оборота и затѣмъ былъ отпущенъ. На фрегатѣ подсчитали собранныя деньги: оказалось — около 200 рублей. По 5 рублей получили пѣвчіе и образной; изъ остальныхъ батюшка заказалъ въ Симферополѣ за 120 р. для фрегата новую большую икону Николая Чудотворца, въ серебряной позолоченной ризѣ.

На большой рейдъ и на Сѣверную сторону все чаще и чаще стали падать боевыя ракеты и бомбы, что вынудило нѣкоторыя семьи покинуть гостепріимный фрегатъ. Мать Гороха съ дѣтьми выѣхала въ Бахчисарай. Съ новымъ мѣстомъ жительства Горохъ никакъ не могъ примириться; его тянуло въ Севастополь, и послѣ многихъ непріятныхъ сценъ онъ былъ отпущенъ къ отцу въ Севастополь. Горохъ попалъ на «непотребную» батарею Иванченко, который съ отцомъ Гороха находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Здѣсь, собственно говоря, было три батареи, подъ общимъ командованіемъ мичмана Владиміра Антоновича Иванченко. Команда на этихъ батареяхъ состояла изъ чиновъ разныхъ экипажей и даже изъ пѣхотинцевъ и ополченцевъ. Хорошо пріученные къ стрѣльбѣ отсылались на 4-й бастіонъ, по требованію его начальника. Одна изъ этихъ батарей стрѣляла исключительно въ 6-ти ору-

дійную англійскую батарею на Зеленой горѣ и много разъ подбивала на ней орудія. Стрѣльба съ батареи Иванченко настолько была успѣшна, что командиръ батареи не разъ получалъ отъ А. П. Спицына лаконическое приказаніе: «заставить англійскую батарею замолчать», что точно и исполнялось: на другой день англичане посылали на батарею Иванченко ядра новаго калибра.

Осѣдлая жизнь Гороха на батареѣ приняла сравнительно правильное теченіе: Иванченко ежедневно усаживалъ его на 3—4 часа за книжку; по ариѳметикѣ и русскому языку сдѣланы даже были изрядные успѣхи. Въ свободные часы, однако, Горохъ навѣщалъ своихъ товарищей и вообще любилъ пошляться по городу. Въ Севастополѣ, по дворамъ и на улицахъ, валялась масса нелопнувшихъ непріятельскихъ бомбъ и гранатъ; между ними попадались экземпляры въ 5 и 7 пудовъ вѣсомъ. Открылся новый промыселъ—разряжать бомбы и добывать изъ нихъ порохъ. Эта операція стоила жизни многимъ солдатамъ и мальчуганамъ: нѣкоторыя бомбы, кромѣ трубки, имѣли еще ударные пистоны; при неосторожномъ перекатываніи бомба взрывалась и, разумѣется, разрывала въ клочки неосторожнаго разрядчика. Оказалось, что можно безъ опасности расчинить бомбу, не дотрагиваясь до ея поверхности: стоитъ только осторожно пробить трубку гвоздемъ и выбрать порохъ длиннымъ жестянымъ черпачкомъ. Мальчики продавали на базарѣ такую пороховую пудру цѣлыми пудами.

Ополченецъ 1855 года.

Между снарядами, тратою которыхъ непріятель видимо не стѣснялся, выбрасывая на наши бастіоны и въ городъ иногда цѣлыя тысячи ихъ въ теченіе одного дня,—наиболѣе страшны были бомбы. Бомба разрывалась на сотни частей и каждая часть представляла артиллерійскій снарядъ. Попавшая въ толпу бомба выбивала десятки людей. Опытъ научилъ осажденныхъ извѣстнымъ пріемамъ, уменьшающимъ вѣроятность пораженія. Если отъ настигшей бомбы нельзя укрыться, нужно соблюдать слѣдующее правило: когда бомба лопается въ воздухѣ, слѣ-

дуетъ стоять неподвижно, сокративъ объемъ тѣла до послѣдней возможности; когда бомба упала на землю, слѣдуетъ быстро упасть и какъ можно плотнѣе прижаться къ землѣ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ бомба вырываетъ болѣе или менѣе глубокую яму, и при разрывѣ часть осколковъ летитъ наклонно вверхъ. Въ такомъ именно положеніи очутился Горохъ на «непотребной» батареѣ: бомба грохнула на землю, въ пяти шагахъ отъ него; Горохъ припалъ къ землѣ. Раздался оглушительный трескъ; Горохъ былъ поднятъ безъ чувствъ; онъ былъ заваленъ грудою камней и получилъ рану въ голову. Его отвезли въ Михайловскую батарею, на Сѣверную сторону, гдѣ былъ открытъ госпиталь. Это случилось 23-го августа, т. е. за четыре дня до отступленія гарнизона изъ Севастополя. Хотя черепъ у Гороха оказался расколотымъ, такъ что пришлось удалить изъ него отколовшуюся пластинку, тѣмъ не менѣе, Горохъ быстро сталъ поправляться, и уже 27-го августа онъ наблюдалъ изъ амбразуры батареи переправу нашихъ войскъ чрезъ наплавной мостъ изъ многострадальнаго Севастополя на Сѣверную его сторону. Печальная картина отступленія арміи героевъ, страшная панорама взрыва батарей, погруженіе кораблей-великановъ въ морскую пучину и пожарища въ осиротѣвшемъ Севастополѣ наполнили простую, дѣтскую душу Василія Гороха великою скорбью: въ чувствахъ, волновавшихъ душу Гороха, онъ не могъ разобраться; онъ отчетливо понималъ только, что испытываетъ прежде всего тяжкую обиду, большой стыдъ. Русская армія шла по мосту безъ пѣсенъ, безъ шума, безъ тѣхъ веселыхъ разговоровъ, которые такъ свойственны простому русскому человѣку. Армія двигалась молча, какъ на похоронной процессіи. Положивъ забинтованную голову на руки, Горохъ до глубокой ночи не спускалъ глазъ съ покинутаго города, и много крупныхъ, никому невѣдомыхъ слезъ 13-ти-лѣтняго уличнаго мальчика впитала въ эту ночь холодная плита каменной амбразуры...

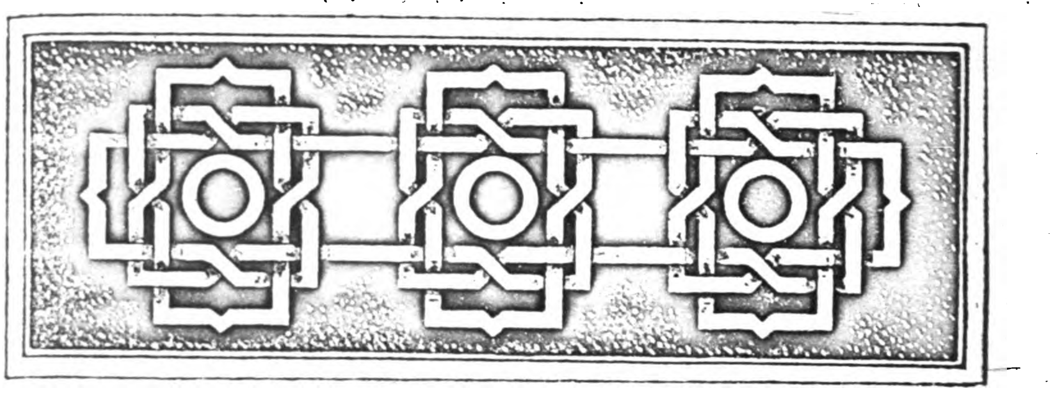
Въ ноябрѣ 1855 года мой отецъ принесъ домой пожалованную мнѣ серебряную медаль, съ надписью «за защиту Севастополя», на георгіевской лентѣ. Мать пришила медаль къ сѣрому пиджаку, въ которомъ я восторженно путешествовалъ по густо заселеннымъ балкамъ Сѣверной стороны. Въ августѣ 1856 года я, проживая уже въ Николаевѣ, получилъ бронзовую медаль, «въ память войны», также на георгіевской лентѣ.

Въ Николаевѣ меня опредѣлили въ пансіонъ, гдѣ я долженъ былъ подготовиться къ поступленію въ военную службу. Въ 1858 году я выдержалъ экзаменъ въ кондукторы корпуса инженеръ-механиковъ, а въ слѣдующемъ году, на корветѣ «Зубръ», пришелъ въ Севастополь. Изъ бывшихъ моихъ товарищей я не встрѣтилъ здѣсь почти никого. Меня особенно интересовала судьба Алексѣя Арапа. По словамъ яличниковъ, слѣпой Арапъ поступилъ, въ качествѣ сторожа, на хуторъ Бибикова, на Бельбекѣ. Однако, ни на Бельбекѣ, ни дальше, на Качѣ, я Арапа не нашелъ.

Кромѣ автора настоящихъ воспоминаній, выведеннаго здѣсь подъ именемъ Гороха (авторъ—Василій Андреевичъ Даценко состоитъ въ настоящее время городскимъ головой г. Николаева), автору извѣстны оставшіеся еще въ живыхъ малолѣтніе ветераны Севастополя: извѣстный общественный дѣятель въ Севастополѣ, военный инженеръ Ѳедоръ Николаевичъ Ерапцевъ, и смотритель Тендровскаго маяка, отставной поручикъ Иванъ Аѳанасьевичъ Харламовъ.

В. Даценко.

Послѣдній взглядъ на Севастополь.



Алмазъ изъ рода Гиреевъ.

(Крымское преданіе).

(Окончаніе).

XI.

На другое утро уже весь дворецъ зналъ, что Искандеръ попался ночью въ саду въ любовномъ приключеніи, но какъ было дѣло, о томъ вѣдали немногіе. Сплетни же и толки приняли самыя разнообразныя направленія; одни говорили, что новаго хулъ-агу застали съ женою стараго, и опальный начальникъ ханскихъ рабовъ собственноручно убилъ измѣнницу; другіе утверждали, что бывшій хулъ-ага узналъ объ измѣнѣ своей келенчекъ ранѣе и только хотѣлъ воочію убѣдиться въ невѣрности новобрачной и убить Искандера, который успѣлъ спастись бѣгствомъ. Изъ обращенныхъ къ нему разспросовъ и соболѣзнованій опальный хулъ-ага могъ убѣдиться, что имя его жены было достаточно опозорено. Несчастный въ неистовствѣ рвалъ на себѣ бороду и призывалъ всѣ небесные громы на голову кіяфира. Положеніе, въ которомъ онъ очутился, оказалось очень глупымъ. Самъ онъ былъ увѣренъ въ невиновности молоденькой келенчекъ. Два дня тому назадъ онъ дѣйствительно отправилъ ее изъ Бахчисарая въ одну изъ ближайшихъ деревень къ роднымъ во избѣжаніе лишнихъ толковъ и пересудовъ послѣ его опалы. Но такъ какъ хулъ-ага держалъ свою жену тайно и даже привезъ ее во дворецъ въ мужскомъ платьѣ, никто не вѣрилъ отсутствію молодой женщины. Нѣкоторые изъ придворныхъ чиновъ приходили къ опальному хулъ-агѣ и прямо выражали ему одобреніе за примѣрное наказаніе жены. Они настаивали только на томъ, что нельзя было прощать Искандера, преступленіе ко-

тораго по закону влекло за собой смертную казнь. Оскорбленный вчера ночью уже ходилъ къ акъ-маджи-бею и сообщилъ ему о продѣлкѣ Искандера съ догадкою, что соучастницей его была какая-нибудь изъ обитательницъ гарема, но старшій евнухъ рѣшительно заявилъ, что никто не можетъ ускользнуть изъ-подъ его надзора и что вчера, какъ и всегда, въ назначенный часъ всѣ женщины были дома. Мало того: акъ-маджи-бей обѣщалъ пожаловаться на опальнаго хану за клевету. Удрученный и потрясенный опальный хулъ-ага побѣжалъ къ Сейфилю посовѣтоваться, какъ быть и что дѣлать при такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ.

Сейфиль въ этотъ день уже собирался переѣзжать на мѣсто своего новаго служенія въ Чуфутъ-калэ и приводилъ въ порядокъ оружіе. Онъ неожиданно, по ханской волѣ, сдѣлался военнымъ человѣкомъ, но все-таки не желалъ ударить лицомъ въ грязь. Впрочемъ еще не такъ давно молодой ногаецъ гарцовалъ на лошади въ рядахъ ханской стражи и вмѣстѣ съ другими молодцами упражнялся въ метаніи копья, стрѣльбѣ изъ ружья и рубкѣ саблей. Сейфиль, какъ истый потомокъ свободныхъ сыновъ степей, любилъ оружіе. Когда вошелъ къ нему разстроенный хулъ-ага, ногаецъ сидѣлъ, поджавъ ноги на софѣ съ бахчисарайской дорогой саблей въ рукахъ и мурлыкалъ любимый припѣвъ ногайскихъ пѣсенъ: «авалай болсунъ да вай!» На привѣтствіе гостя хозяинъ отвѣчалъ любезно, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько небрежно.

— Посмотри, обратился онъ къ вошедшему, дыша на лезвіе кривой сабли и любуясь на ней отпечаткомъ дыханія,—она блеститъ какъ издѣліе Дамаска.

— Да поостритъ тебѣ ее Аллахъ, отвѣчалъ опальный хулъ-ага,—у меня есть настоящій дамасскій булатъ и я тебѣ его подарю въ знакъ нашей дружбы, но не оставь меня своимъ совѣтомъ. Аллахъ далъ тебѣ свѣтлую голову.

Хулъ-ага разсказалъ вчерашнее происшествіе и сегодняшніе разговоры во всѣхъ подробностяхъ. Выслушавъ гостя съ полнымъ вниманіемъ, начальникъ Чуфутъ-кале опустилъ голову и задумался. Онъ еще разъ въ этомъ случаѣ поздравилъ себя за осторожность и въ душѣ посмѣялся опрометчивости пріятеля. Но все-таки дѣло было серьезно. Такъ или иначе Сейфиль оказывался въ выигрышѣ. Былъ ли виновенъ Искандеръ въ обольщеніи келенчекъ или нѣтъ, исходъ его поступка въ отношеніи ногайца оставался тѣмъ же. Если жена хулъ-аги подверглась клеветѣ, значитъ Искандеръ ожидалъ кого-то другого и былъ тѣмъ самымъ сильно скомпрометированъ въ общественномъ мусульманскомъ мнѣніи. Зайнабъ, опираясь на это, имѣла право просить не выдавать ее за обольстителя; еслибъ открылась вина келенчекъ, положеніе Искандера ухудшалось—за обольщеніе жены хулъ-ага по закону могъ требовать смерти виновника своего позора. Пока Сейфиль думалъ, хулъ-ага смотрѣлъ на него со страхомъ и ожиданіемъ.

— Обсуждая все, медленно проговорилъ наконецъ Сейфиль,—

твое дѣло не хорошо сложилось, съ какой стороны ни взглянуть на него.

— Да, да, закивалъ головой опальный,—я самъ знаю это, я самъ знаю.

— Предположимъ, что келенчекъ невиновна... продолжалъ ногаецъ.

— Она не виновата, горячо перебилъ хулъ-ага,—два дня ея здѣсь не было, а когда она была, я ни на минуту не разставался съ нею. Клянусь бородою пророка. Она дастъ очистительную клятву... Я позову всѣхъ родственниковъ, я докажу!

— Хорошо, если она не виновата, тогда представляется два предположенія: или кяфиръ ожидалъ кого-нибудь изъ гарема, и даже не ожидалъ, а имѣлъ свиданіе, и женщина скрылась въ то время, когда вы ходили отъ кладбища далѣе вдоль стѣнъ, или онъ нарочно захватилъ съ собою мараму и заранѣе желалъ оклеветать келенчекъ, чтобъ отмстить за что-нибудь тебѣ. Ты имѣлъ съ нимъ ссору?

— Я его всегда ругалъ и поносилъ въ глаза.

— Акъ-маджи-бей утверждаетъ, что изъ гарема никто не выходилъ, значитъ, остается послѣднее предположеніе.

— Ты мудръ, какъ Сулейманъ-пейгамберъ (пророкъ-царь-Соломонъ)! воскликнулъ хулъ-ага.

— Слово твое пусть вернется къ тебѣ, скромно отозвался Сейфиль,—но дальше. На преступленіе Искандера тебѣ нужно жаловаться. Клевета на замужнюю женщину одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ. Но кому жаловаться? Кадію? Кто поручится за кадія? Искандеръ,—любимецъ хана, кромѣ того онъ не магометанинъ. Ты пожалуешься, а виновный отдѣлается мягкимъ наказаніемъ. Къ тому же вдругъ акъ-маджи-бей пожалуется на тебя за клевету. Твое положеніе и такъ плохо. Скажу тебѣ откровенно; если-бъ не мое заступничество, ты давно сидѣлъ бы теперь не здѣсь, а въ подземной темницѣ Чуфутъ-калэ вмѣстѣ съ селердаръ-агой.

— Аллахъ вознаградитъ тебя, благородный человѣкъ.

— У хана идетъ голова кругомъ, продолжалъ Сейфиль,—и если не кстати напоминать о тебѣ, можетъ выйти бѣда.

— Ты правильно разсудилъ, баяръ. Что-жъ мнѣ дѣлать?

Сейфиль потеръ рукою лобъ и опять задумался.

— Вотъ что, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—нашъ муфтій великій и святой человѣкъ. Я не видалъ такого мусульманина, кромѣ нашего повелителя султана, да сохранитъ его Аллахъ на тысячу лѣтъ! Муфтій никогда не допуститъ, чтобы въ чемъ нибудь былъ нарушенъ законъ пророка. Это онъ требовалъ, чтобы Искандеръ принялъ исламъ, и онъ не боялся порицать всѣхъ, кто въ чемъ-либо потворствовалъ кяфиру. Поди къ нему, если онъ захочетъ, то защититъ тебя и сниметъ съ твоей жены пятно позора, добившись примѣрнаго наказанія преступника.

Подавая совѣтъ отправиться къ муфтію, Сейфиль правильно разсудилъ положеніе дѣлъ. Между муфтіемъ и ханомъ были давнишніе счеты. Когда беи и мурзы, составивъ заговоръ, писали

доносъ въ Константинополь, онъ принималъ въ интригѣ косвенное участіе. Натянутость отношеній сказалась и на зіафетѣ у Гирея въ день его возвращенія изъ Стамбула. Дѣло опальнаго хулъ-аги было на руку муфтію. Оно давало ему поводъ лишній разъ поставить на видъ свое значеніе какъ главнаго священника и защитника мусульманства. Хану же точно также было неудобно ссориться съ муфтіемъ наканунѣ отъѣзда въ походъ, исходъ котораго былъ неизвѣстенъ. Гирей равнымъ образомъ считался охранителемъ правовѣрія и оставить безъ вниманія дѣло, въ которое вмѣшалось высшее духовенство, было бы прямо неблагоразумно. При всей горячности своего характера опальный хулъ-ага уразумѣлъ ходъ мыслей Сейфиля и безусловно съ нимъ соглашался. Обращеніе къ муфтію являлось единственно правильнымъ и разумнымъ дѣйствіемъ въ данномъ случаѣ. Хулъ-ага, не теряя времени, поблагодарилъ пріятеля и отправился къ муфтію.

На этотъ разъ счастье благопріятствовало хулъ-агѣ. Выйдя изъ дворца, онъ встрѣтилъ на улицѣ муфтія, который шелъ и раздавалъ по дорогѣ милостыню. Онъ уже откуда то зналъ о вчерашнемъ происшествіи и съ большимъ любопытствомъ началъ разспрашивать пострадавшаго о подробностяхъ столкновенія съ Искандеромъ. Хулъ-ага разсказалъ все по порядку, высказалъ всѣ свои опасенія и просилъ у имама покровительства, необходимаго ему въ данномъ случаѣ. Муфтій со вниманіемъ выслушалъ весь разсказъ и отвѣтилъ:

— Расположеніе хана къ Искандеру не можетъ дать ему права оскорблять исламъ: то, что до сихъ поръ онъ не принялъ истинной вѣры, точно также не уменьшаетъ отвѣтственности. Иди домой, сынъ мой. Я сдѣлаю все, чтобы ты получилъ удовлетвореніе.

Съ этими словами муфтій медленнымъ шагомъ продолжалъ свой путь и скоро его зеленый паукъ (особый головной уборъ въ видѣ высокой остроконечной шапки) скрылся за поворотомъ улицы. Чтобъ не подвергаться докучнымъ разспросамъ и соболѣзнованіямъ, хулъ-ага взялъ у знакомаго горожанина лошадь и поѣхалъ въ ту деревню, куда отправилась его келенчекъ. Кстати онъ рѣшилъ у тамошняго муллы засвидѣтельствовать очистительную присягу молодой женщины съ цѣлью запастись однимъ лишнимъ доказательствомъ своей правоты и вины Искандера.

Новый хулъ-ага точно также хорошо понималъ тяжелое положеніе, въ которое поставила его судьба. У него не было во дворцѣ друзей, способныхъ или искренно желавшихъ въ свою очередь дать ему какой либо спасительный совѣтъ. Въ Чуфутъ-калэ жилъ банкиръ армянинъ, который сочувствовалъ молодому единовѣрцу, но въ данномъ случаѣ ничего не могъ сдѣлать для Искандера.

Единственная надежда оставалась на жалобу обиженнаго акъмаджи-бея и обнаружившееся нерасположеніе хана къ бывшему хулъ-агѣ. Съ ослѣпленіемъ молодости Искандеръ не вѣрилъ, чтобъ дѣло его могло очень дурно кончиться. Онъ разсчитывалъ отдѣлаться небольшимъ взысканіемъ и усмѣхался, видя направлен-

ные на него враждебные взгляды придворныхъ. Онъ былъ радъ, что Зайнабъ съ Амдэ удалось во время скрыться и не дать повода даже къ тѣни подозрѣнія. Онъ поздравлялъ себя со счастливой мыслью наклеветать на неповинную келенчекъ хулъ-аги и такимъ образомъ сбить слѣдъ. Оброненную въ темнотѣ мараму ханской дочери онъ спряталъ у себя на груди, чтобы постоянно чувствовать на себѣ прикосновеніе хотя бы ткани, къ которой прикасалась Амдэ. Отвѣтственность, какова бы ни была, казалась юношѣ менѣе страшной, когда душа его еще переживала восторги раздѣленной любви и когда на щекахъ и губахъ его еще горѣли поцѣлуи земного ангела. Гораздо больше собственной опасности Искандера встревожило дошедшее до него извѣстіе, что утромъ сильно заболѣла Диль-бергезъ-ханымъ и что къ ней послали придворнаго врача еврея, недавно выписаннаго ханомъ изъ Сиріи.

Ханъ въ этотъ день былъ очень занятъ. Онъ проснулся задолго до утренняго изана (призыва муэззина) и послѣ посѣщенія мечети уже за чашкой кофе бесѣдовалъ съ казнедаръ-агой о предстоящихъ издержкахъ и необходимыхъ на ихъ покрытіе доходахъ. По словамъ казнедаръ-аги счетъ сходился до послѣдняго ахче (денежки), и Гирей былъ очень доволенъ. Кромѣ недавно доставленныхъ таможенныхъ сборовъ съ Гезлеве, Перекопа, Кафы и др. мѣстъ, предстояло получить недоплаченную подать съ евреевъ и цыганъ, доходъ съ монетнаго двора, съ городской торговли, кромѣ того медовыя деньги, бурловую тамгу. Въ крайнемъ случаѣ можно было потребовать добавочныхъ подарковъ съ молдавскаго господаря, а при необходимости сдѣлать заемъ у караимовъ и армянъ Чуфутъ-калэ.

Когда послѣ кофе пришли съ докладомъ диванъ-эфенди и ханъ агасы, Гирей выслушалъ ихъ разсѣянно и не отдалъ никакихъ приказаній. Онъ спѣшилъ покончить разговоръ съ казнедаръ-агой и ѣхать осматривать вновь прибывшія джигитскія сотни. Успѣхъ набѣга занималъ хана больше всего, потому что отъ него зависѣло дальнѣйшее: прочность и непрочность отношеній къ Портѣ. Пока все шло хорошо. Гонцы привозили отовсюду благопріятныя извѣстія. Джигиты всѣхъ концовъ Крыма съ восторгомъ приняли вѣсть о готовившемся набѣгѣ и усиленно снаряжались въ походъ. Всѣ знали, что ханъ самъ будетъ предводительствовать войскомъ и отправится какъ простой воинъ на конѣ съ арбой для необходимѣйшихъ вещей. За городомъ на равнинѣ скачекъ съ утра до вечера носились верхомъ толпы джигитовъ съ криками: уръ (бей)! Аллахъ-ярдымли (да поможетъ Аллахъ)!

Гирей уже велѣлъ подать себѣ лошадь, когда вошелъ въ столовую муфтій. Гирей вначалѣ не обратилъ особаго вниманія на посѣщеніе имама. Муфтіи очень часто являлись не по дѣламъ, а только для того, чтобы засвидѣтельствовать повелителю правовѣрныхъ свое почтеніе. Но важный, сосредоточенный видъ духовнаго сановника свидѣтельствовалъ, что онъ имѣетъ нѣчто сообщить хану. Вѣжливость вообще не разрѣшала Гирею уѣхать сей-

часъ же и потому, послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ сѣлъ самъ и предложилъ чашку кофе муфтію. Имамъ взялъ въ руки маленькій филиджанъ (чашку) и нѣсколько мгновеній хранилъ молчаніе. Гирей тоже молчалъ, давая понять, что ему некогда, но это не смутило муфтія.

— Султанымъ, торжественно началъ онъ,—совѣсть и санъ налагаютъ на меня обязанность просить правосудія въ дѣлѣ, о которомъ ты, вѣроятно, уже самъ хорошо знаешь.

Ханъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на имама.

— Клянусь Аллахомъ, отвѣчалъ онъ,—я ничего не знаю. Развѣ какой нибудь новый заговоръ составился противъ меня?

Упоминаніе о заговорахъ больно кольнуло муфтія, но онъ сохранилъ спокойствіе и разсказалъ все, что ему передалъ хулъ-ага.

— Чего же ты требуешь, мой отецъ? спросилъ нетерпѣливо Гирей.

— Правосудія, къ которому обязанъ повелитель правовѣрныхъ, сурово отвѣчалъ муфтій.

— Но это дѣло кадія, возразилъ ханъ.

— Нѣтъ, прелюбодѣй и клеветникъ повиненъ смерти, настаивалъ имамъ.

— Хорошо, пусть тогда диванъ разсудитъ это дѣло, а я тороплюсь теперь осматривать джигитовъ. Если у тебя есть время, мой отецъ, подожди меня. Я, вѣроятно, пробуду недолго, а впрочемъ не знаю.... смотря по количеству прибывшихъ.

Гирей простился и вышелъ изъ столовой въ сопровожденіи янычаръ-баши, почтительно дожидавшагося его у дверей.

XII.

Муфтій остался одинъ. Казнедаръ-ага, диванъ-эфенди и ханъ-агасы удалились вслѣдъ за повелителемъ. Имаму показалось, что онъ увидѣлъ на лицахъ ихъ затаенныя улыбки. Конечно, эти люди могли смѣяться надъ высшимъ духовнымъ лицомъ, для котораго у Гирея не нашлось нѣсколькихъ лишнихъ минутъ, чтобы побесѣдовать объ оказаніи уваженія великой религіи пророка. Бронзовое худое лицо стараго муфтія совершенно потемнѣло, сѣдыя брови нахмурились и глаза далеко ушли въ орбиты. Видимо какая то дикая непоколебимая рѣшимость овладѣла всѣмъ существомъ имама.

— Милосердный ханъ просилъ меня подождать его, если у меня есть время, глухо произнесъ муфтій, такъ что прислуга могла его слышать,—просьба повелителя—законъ для правовѣрнаго. я буду ждать.

Рабы давно уже очистили столъ отъ кофейной посуды, привели въ порядокъ комнату, подмели полы, поправили ковры, подушки, а имамъ все сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, на софѣ, поджавъ подъ себя ноги, уставивши взоръ въ одну точку и изрѣдка затягиваясь поданнымъ ему наргилэ. Видъ духовнаго главы мусульманства не выдавалъ его внутренняго волненія: онъ говорилъ о покорности судьбѣ и равнодушіи къ превратностямъ суетного

міра. Но въ душѣ стараго хаджи разыгрывалась буря. Сегодня утромъ, идя во дворецъ пожелать хану многолѣтія, муфтій намѣренъ былъ помириться со своимъ государемъ, или, по крайней мѣрѣ, найти пути къ будущему примиренію. Благополучное возвращеніе Гирея изъ Константинополя свидѣтельствовало о слабости значенія мурзъ и бековъ. Выгоднѣе было, хотя бы на время, стать на сторону сильнѣйшаго. Но теперь, при воспоминаніи о перенесенной обидѣ, вся кровь приливала къ бритой головѣ хаджи и глухой гнѣвъ закипалъ въ груди безъ возможности излиться. Муфтій зналъ всю непрочность величія крымскихъ хановъ. Онъ зналъ, что дворянская партія не оставила своихъ замысловъ возвести на престолъ калгу-султана и рѣшила только ждать удобнаго случая. Легкая неудача хана въ походѣ могла ему стоить престола, но для того требовались еще нѣкоторыя внутреннія данныя, и ханъ самъ ихъ подготовлялъ. Онъ пригрѣлъ христіанскую змѣю, Искандера, онъ безъ суда бросалъ въ тюрьмы Чуфутъ-калэ мусульманъ, не объясняя имъ даже причинъ своей немилости, мало того, онъ публично отказывалъ имаму въ его заступничествѣ за мусульманина, смертельно оскорбленнаго христіаниномъ. Онъ нарушалъ исламъ: онъ пилъ вино со своими приближенными; онъ ѣлъ и курилъ днемъ втеченіе поста Рамазана. Развѣ этого было мало для того, чтобы муфтію въ рѣшительную минуту въ мечети имѣть право при народѣ назвать беннимазомъ (богоотступникомъ) и возстановить противъ него чернь?

А ханъ самъ шелъ на это. Увлекаемый потокомъ своихъ мыслей, муфтій глубоко затянулся наргилэ и снова погрузился въ размышленіе. Да, нужно было пользоваться случаемъ теперь или никогда. Исторія хулъ-аги надѣлала среди правовѣрныхъ достаточно шума. Подданные ждали отъ государя справедливаго суда, а муфтій могъ заставить хана взять дѣло въ свои руки и показать себя передъ народомъ въ томъ или другомъ свѣтѣ. Это нужно было сдѣлать теперь, когда общественное мнѣніе чувствовалось возбужденнымъ, когда ханъ еще не успѣлъ покрыть себя возможною славою побѣдъ и когда на событіе еще не наложило своей руки всепримиряющее время. Настойчивость муфтія въ дѣлѣ опальнаго хулъ-аги грозила духовному владыкѣ большой опасностью со стороны суроваго Гирея, но что было терять имаму, когда его и такъ публично опозорили, заставивъ подвергаться насмѣшкамъ ханскихъ приспѣшниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ данную минуту муфтій совершалъ религіозно-общественный подвигъ. Онъ исполнялъ свою высшую обязанность и обличалъ самого хана въ нарушеніи законовъ исповѣданія. И вотъ муфтій сидѣлъ и ждалъ.

Ждать ему пришлось долго. Наконецъ суетня въ залахъ и корридорахъ возвѣстила возвращеніе повелителя. Капухалки и аякъ-паши торопливо подняли тяжелую занавѣсь дверей, и ханъ появился на порогѣ. Онъ былъ одинъ. Муфтій торжественно привѣтствовалъ государя. Ханъ при видѣ имама поморщился.

— Ты опять посѣтилъ меня, отецъ мой, я радъ тебя видѣть, произнесъ онъ.

— Шефкетли, почтительно отвѣчалъ муфтій,—ты сказалъ, если у тебя есть время, подожди меня; у меня было время и я ждалъ тебя. Я не уходилъ отсюда, султанымъ, считая твое слово приказомъ.

Гирей внимательно посмотрѣлъ на имама, но лицо того ничего не выражало. „Чего хочетъ отъ меня старикъ, подумалъ ханъ. Старается ли онъ крайнимъ усердіемъ загладить свои прошлыя вины или издѣвается надъ своимъ повелителемъ? Въ это мгновенье глаза духовнаго и свѣтскаго владыки встрѣтились, и Гирей понялъ, зачѣмъ оставался въ его столовой хаджа.

— Аллахъ вознаградитъ твое усердіе, проговорилъ ханъ,— но если я тебя задержалъ, то прошу прощенія. Я не смѣю долѣе пользоваться дорогимъ для тебя временемъ.

— Я свободенъ, султанымъ, отозвался муфтій.

— Хорошо, тогда сядемъ и поговоримъ о вопросахъ вѣры. Я дорожу каждой минутой твоего присутствія, чтобы чему нибудь научиться.

— Шефкетли, проговорилъ муфтій,—дозволь мнѣ, я медомъ перерѣжу твои слова. Важна бесѣда о вопросахъ вѣры, но дѣла вѣры важнѣе, султанымъ (муфтій воодушевился и глаза его засверкали). Султанымъ, я пришелъ просить у тебя правосудія, я пришелъ просить защиты мусульманину, и ты еще не далъ отвѣта на мою просьбу.

Ханъ нахмурился еще болѣе, но, сдерживая себя, ласково возразилъ:

— Ты просишь правосудія для хулъ-аги, но я уже сказалъ, это дѣло кадія, а не мое.

— Султанымъ, воскликнулъ имамъ, поднимая руки къ небу,— сказалъ пророкъ, да благословитъ и спасетъ его Аллахъ, избѣгайте семи смертныхъ грѣховъ: присоединимъ къ Аллаху другихъ боговъ, чародѣйство, убійство души запрещенной Богомъ, лихоимство, истребленіе сиротскаго имущества, бѣгство въ день битвы и клеветы на замужнюю женщину. Этихъ преступленій не можетъ судить кадій.

— Тогда суди ты самъ!

— Я согласенъ, султанымъ, и присуждаю Искандера къ смерти. Я говорю во имя Бога,

— Отецъ мой, нельзя осуждать на смерть человѣка, не допросивши его, сдержанно замѣтилъ Гирей.

— Это въ твоей волѣ, султанымъ. Я прошу правосудія.

— Султанымъ, послышался въ это время голосъ капуджи-баши (начальникъ внутреннихъ дворцовыхъ входовъ),—ученый исцѣлитель изъ Сиріи желаетъ сообщить повелителю правовѣрныхъ свѣдѣнія о здоровьи Амдэ-ханымъ.

— Пусть войдетъ, отозвался ханъ.

Вошелъ врачъ еврей и поцѣловалъ полу ханскаго кафтана.

— Могущественный, началъ онъ,—я пришелъ сказать тебѣ, что опасности въ здоровьи Амдэ-ханымъ нѣтъ; утѣшеніе глазъ вскорѣ будетъ опять тѣшить взоръ могущественнѣйшаго родителя своей красотой бѣлой лиліи.

— Аллахъ вознаградитъ тебя за добрую вѣсть; а что же было съ больной?

— Она испугалась, шефкетли.

— Испугалась? Чего?

— Вчера ночью, султанымъ, въ гаремѣ твоего могущества случилось внезапное смятеніе и оно потревожило дочь султана во время сна.

— Это были штуки твоего любимца хулъ-аги, обратился къ муфтію Гирей,—я знаю, мнѣ докладывалъ уже о томъ акъ-маджибей. Хорошо. Ты можешь идти, ученый человѣкъ, а ты капуджибаши, ты передашь, кому слѣдуетъ, что я приказалъ бывшаго хулъ-агу присоединить къ его друзьямъ въ темницу Чуфутъ-Калэ подъ надзоръ Сейфиля! Иди!

Еврей и капуджи-баши удалились задомъ и держа руки у груди.

— Я слушаю тебя, отецъ мой, продолжалъ Гирей, обращаясь къ муфтію.

Глаза стараго хаджи горѣли, какъ раскаленные уголья.

— Ты хотѣлъ допросить Искандера, султанымъ, отвѣчалъ имамъ.

— Да, я самъ допрошу его. Эй, кто тамъ (Гирей хлопнулъ въ ладоши), позвать сейчасъ сюда Искандера. Ты (ханъ обратился къ муфтію) не можешь быть недовольнымъ мною; я исполняю то, чего ты требовалъ во имя ислама.

— Справедливость, султанымъ, всегда украшала потомковъ рода Чингизова, смиренно отвѣчалъ хаджа.

Искандера пришлось ждать недолго. Онъ предполагалъ, что ханъ позоветъ его къ себѣ для разспросовъ и не отлучался изъ внутреннихъ комнатъ дворца. Привѣтствовавъ Гирея, новый хулъ-ага остановился у порога.

— Подойди ближе, промолвилъ Гирей.

Искандеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Слушай, сурово обратился къ нему ханъ,—великій муфтій, жизнь котораго Аллахъ да сохранитъ правовѣрнымъ на долгіе годы, пришелъ требовать правосудія въ умышленномъ оскорбленіи тобой мусульманина, въ умышленной клеветѣ на его жену. Что ты можешь сказать въ свое оправданіе?

Искандеръ молчалъ.

— Онъ ничего не можетъ сказать, султанымъ, вмѣшался муфтій.

— Ты признаешь себя виновнымъ въ клеветѣ? продолжалъ Гирей.—Зачѣмъ ты былъ на ханскомъ кладбищѣ ночью, можетъ быть, ты дѣйствительно ожидалъ келенчекъ хулъ-аги?

— Я ожидалъ ее, султанымъ!

— Онъ лжетъ, султанымъ, воскликнулъ муфтій,—эта женщина готова принять очистительную присягу. Если онъ клевещетъ на жену правовѣрнаго, то пусть представитъ доказательства. Пусть тоже произнесетъ очистительную клятву.

— Но Искандеръ еще не принялъ святого ислама, отецъ мой, замѣтилъ Гирей.

— Пусть онъ клянется именемъ своего Бога!

— Поклянись, Искандеръ!

Искандеръ опустилъ голову и молчалъ.

— Ты слышалъ, что я сказалъ?

Юноша продолжалъ стоять въ молчаніи съ поникшей головой. Брови Гирея нахмурились.

— Безбожникъ солгалъ тебѣ, султанымъ, съ радостью хищника, почувствовавшаго въ рукахъ добычу, произнесъ муфтій.

— Ты мнѣ солгалъ, Искандеръ?

Допрашиваемый молчалъ. Онъ могъ бы легко избавиться отъ тягостнаго положенія, призвавъ въ свидѣтели правоты своихъ словъ полузабытаго христіанскаго Бога, но природная честность и прямота молодого христіанина не допускали ложной клятвы. Въ душѣ юноши жило то, что называется страхомъ Божіимъ.

— Значитъ, ты не обольщалъ келенчекъ хулъ-аги?

Искандеръ молчалъ.

— Говори, я тебѣ приказываю! грозно воскликнулъ Гирей, теребя бороду.

Юноша не издалъ ни звука.

— Султанымъ, вкрадчиво вставилъ свое замѣчаніе муфтій,— джелятъ (палачъ) можетъ заставить говорить упрямца.

— Не хочешь ли ты, чтобъ я самъ взялся за ремесло джелята, отецъ мой? сурово отозвался Гирей.—Говори, Искандеръ, иначе ты мнѣ скажешь правду подъ пыткой. Отвѣчай, ты оклеветалъ келенчекъ?

— Прости, султанымъ!

— Ты же дожидалъ въ Дюрбэ? воскликнулъ ханъ, приподнимаясь на софѣ,—отвѣчай мнѣ всю правду. Если ты ничего не утаишь, то можешь разсчитывать на мое милосердіе. Кого хотѣлъ ты осквернить своимъ прикосновеніемъ, отвѣчай мнѣ сіе же мгновенье!

— Султанымъ, попрежнему вкрадчиво и тихо опять вмѣшался муфтій,—можетъ быть, твое могущество обратитъ вниманіе на ядъ, который капалъ съ языка кяфира, и признаетъ, что ночной переполохъ, произведенный у акъ-маджи-бея несчастнымъ хулъагой, не былъ совершенно безосноватеденъ.

Гирей весь измѣнился въ лицѣ.

— Отвѣчай, закричалъ онъ Искандеру,—или палачъ спуститъ тебѣ съ плечъ кожу. Кого изъ женъ моихъ или гоздекъ ты осквернить хотѣлъ въ могильномъ Дюрбэ?

— Шефкетли, смѣло глядя прямо въ глаза хану, отвѣтилъ юноша,—клянусь тебѣ именемъ великаго моего Бога, никого изъ твоихъ женъ или гоздекъ я не осквернялъ никогда и не желалъ осквернять. Если я лгу, пусть слова мои громомъ упадутъ на мою голову.

— Онъ лжетъ, султанымъ, замѣтилъ муфтій.

— Кого-жъ ты ждалъ? служанку? продолжалъ допросъ Гирей, не обращая вниманія на слова имама.

Искандеръ молчалъ.

— Слушай, проговорилъ ханъ, смягчаясь,—если ты обольстилъ

дѣвицу-мусульманку, ты можешь искупить свою вину, взявъ ее въ жены. Назови мнѣ ея имя, и я отдамъ тебѣ ее въ жены.

Юношѣ опять представился удобный случай вернуть къ себѣ расположеніе хана, назвавъ имя Зайнабъ, которая никогда не выдала бы госпожу, но онъ вспомнилъ страшныя клятвы, данныя имъ Амдэ въ томъ, что онъ лучше умреть, но не женится ни на комъ кромѣ бѣлой лиліи, даровавшей ему высшее земное счастіе. Въ одно изъ свиданій Амдэ принесла съ собой кусочекъ хлѣба и Искандеръ прикладывалъ его къ глазамъ, свидѣтельствуя тѣмъ, что онъ предпочитаетъ ослѣпнуть, но не смотрѣть на другую женщину. При этихъ условіяхъ нельзя было пользоваться выходомъ, который давала ханская милость. Юноша молчалъ.

— Говори, не бойся, порукою въ исполненіи обѣщанія мое ханское слово, почти ласково продолжалъ Гирей.

Глаза муфтія опять загорѣлись зловѣщимъ огнемъ.

— Султанымъ, ты хочешь волку внушить понятія льва. Онъ и теперь обманываетъ тебя. Не довѣряйся ему, о справедливѣйшій, онъ лжетъ: его языкъ, какъ языкъ змѣи, точитъ со слюною ядъ. Вели отдать его палачамъ, и тогда ты узнаешь всю правду и справедливость твою увидитъ народъ. Могущественный, ты идешь на войну за вѣру и Аллахъ уже отмѣтилъ для тебя путеводную звѣзду, но каждый твой поступокъ взвѣшивается теперь на вѣсахъ дѣлъ добрыхъ и злыхъ. Не оставь лжеца и преступника безнаказаннымъ. Не дай глумиться кіяфиру надъ религіей пророка. Аллахъ акбаръ, я исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его.

Гирей всталъ со своего мѣста.

— Я убѣдился, что ты мнѣ во всемъ лгалъ, нечестивецъ, воскликнулъ онъ обращаясь къ Искандеру,—терпѣніе мое истощилось. Пусть диванъ разсудитъ тебя съ хуль-агой и акъ-маджи-беемъ, а пока, если ты не хотѣлъ говорить со мной, можетъ быть, съ большей охотой поговоришь съ джелятомъ. Эй, кто тамъ!

Вошелъ капуджи-баши.

— Возьми его и отведи со стражей въ Чуфутъ-Калэ. Пусть палачъ тамъ узнаетъ отъ него всю правду по дѣлу, для котораго я его призывалъ.

Искандеръ послѣдовалъ за капуджи-башой. Униженно кланяясь и изгибаясь съ подострастіемъ, непристойнымъ сану, великій муфтій поймалъ полу ханскаго кафтана и, цѣлуя ее, прикладывалъ край одежды повелителя ко лбу и глазамъ.

— О справедливѣйшій, говорилъ онъ,—драгоцѣннѣйшій перлъ изъ блистательной нитки Чингизова рода, да ниспошлетъ тебѣ Аллахъ годы тысячелѣтій, чтобы правовѣрные могли наслаждаться счастьемъ подъ сѣнью твоего господства...

Равнодушно выслушалъ Гирей всѣ причитанія имама. Лицо его выражало утомленіе и досаду. Медленнымъ шагомъ онъ пошелъ въ свою спальню, не заходя по обыкновенію ни на балконъ надъ залою дивана, ни въ общую залу гарема.

XIII.

Въ день допроса Искандера Гиреемъ не было вечернихъ развлеченій во дворцѣ. Вѣсть о судѣ надъ христіаниномъ, о подозрѣніяхъ насчетъ исправности порядковъ ханскаго гарема быстро облетѣла весь Бахчисарай. Всѣмъ было также извѣстно, что добился разслѣдованія и правосудія не кто иной, какъ самъ муфтій. Онъ не скрывалъ, что осуществленіе его ходатайства стоило большихъ трудовъ; но тѣмъ большая была заслуга духовнаго сановника, добившагося торжества истины и ислама. Ханъ продолжалъ оставаться разстроеннымъ. Когда, по обыкновенію, послѣ предпослѣдняго ашхамъ-намаза на закатѣ солнца народъ собрался на дворѣ ханъ-сарая въ ожиданіи владыки, всѣ увидѣли выходящаго изъ мечети Гирея насупленнымъ и угрюмомъ. Въ этотъ вечерній часъ сладкаго отдохновенія, столь цѣнимаго татарами, сердце хана, повидимому, было закрыто для радостей жизни; встрѣча хана народомъ и привѣтственный маршъ цыганскаго оркестра не оживили сумрачнаго настроенія Гирея. Ему было жаль не Искандера. Слова муфтія и поведеніе молодого хулъ-аги натолкнули его на мучительныя подозрѣнія, отъ которыхъ помимо воли онъ не могъ теперь отвязаться. Къ вечернему столу были приглашены только диванъ-эфенди, ханскій писарь и ханъ-агасы. Имъ объявилъ Гирей свою волю. Завтра Искандеръ долженъ былъ судиться въ диванѣ и судьямъ поручалось развѣдать дѣло въ подробностяхъ. Палачи отдавались въ ихъ распоряженіе; къ отвѣтственности привлекался и акъ-маджи-бей, въ качествѣ свидѣтелей вызывался опальный хулъ-ага съ двумя своими помощниками. Исполняя гнѣвное повелѣніе хапа, янычаръ-баши уже съѣздилъ за хулъ-агой въ деревеньку, куда отправилась оклеветанная келенчекъ, и тамъ на глазахъ всего населенія арестовалъ старшаго садовника. Сейфиль, къ вечеру перебравшійся на мѣсто новаго служенія, принялъ обоихъ новыхъ узниковъ и отвелъ имъ приличное помѣщеніе. «Когда двое дерутся, третій всегда получаетъ выгоду», самодовольно замѣтилъ онъ про себя въ ту минуту, когда къ нему привезли стараго и новаго хулъ-агу. Какъ настоящій тюремщикъ и рачительный исполнитель ханскихъ указовъ, погаецъ встрѣтилъ узниковъ сурово. Различіе выразилось не въ пріемѣ, а въ дальнѣйшемъ поведеніи. Магометанинъ получилъ коверъ и подушку, а христіанинъ съ желѣзными оковами на рукахъ принужденъ былъ ночевать на каменномъ полу каменной темницы, въ которой не существовало даже окна

Среди могильной тишины тюрьмы въ ея могильномъ мракѣ, юноша вспомнилъ полузабытыя молитвы и долго жарко призывалъ покровительство Всемогущаго. Несчастный еще не могъ опомниться отъ происшествій вчерашняго вечера и сегодняшняго дня. То, что произошло, казалось ему невѣроятнымъ. Онъ зналъ привязанность къ себѣ хана, прощавшаго ему самыя крайнія необдуманныя выходки. Потворство Искандеру въ рукахъ враговъ Гирея являлось однимъ изъ существенныхъ предметовъ обвиненія

хана передъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ юноша полагалъ, что прямота его и искренность должны были смягчить Гирея, привыкшаго къ окружавшей его лжи и цѣнившаго какъ рѣдкое качество правдивость; бѣднякъ забывалъ, что въ признаніи его въ клеветѣ на келенчекъ хулъ-аги крылся болѣе опасный моментъ оскорбленія чувствъ и правъ самого повелителя ханства. Только теперь Искандеру стали ясны всѣ послѣдствія его безпечности и самонадѣянности.

Сонъ бѣжалъ отъ глазъ юноши. Онъ и теперь еще не вѣрилъ въ возможность окончательной своей гибели. Сколько разъ ему приходилось видѣть, какъ вчерашніе преступники изъ каменныхъ могилъ Чуфутъ-калэ возвращались во дворецъ обласканные и возвеличенные Гиреемъ. Послѣ долгихъ колебаній, размышленій, тяжелой сдѣлки съ совѣстью Искандеръ при завтрашнемъ допросѣ въ диванѣ рѣшился солгать и вернуться къ прежнему утвержденію, будто въ Дюрбэ онъ поджидалъ келенчекъ хулъ-аги. Нѣсколько времени юноша ожидалъ появленія въ своемъ казематѣ палача съ орудіями пытки, но часы текли, а между тѣмъ по прежнему въ подземельи царила могильная тишина. Было ли рано или поздно—Сейфиль опредѣлить не могъ, онъ только догадывался, что окончательный допросъ предстоялъ завтра. Сегодня, замурованный въ мертвой скалѣ, Искандеръ впервые сознавъ цѣну свободы и жизни среди живыхъ людей. Порой глухое безисходное отчаяніе овладѣвало всѣмъ существомъ недавняго ханскаго любимца. Сознаніе того, что онъ заживо погребенъ, что онъ разлученъ съ Амдэ, не можетъ видѣть ее, хотя бы какъ тогда, въ Соколиной башнѣ, заставляли его судорожно хвататься за камни, биться о нихъ головой, рыдать. Иногда ему приходило въ голову, что можетъ быть, надъ нимъ не будетъ новаго суда и онъ останется навсегда томиться въ каменной могилѣ безъ свѣта и воздуха, какъ многіе, кого судьба забросила въ твердыни Чуфутъ-калэ.

Еще только когда Искандера втолкнули въ подземелье, онъ споткнулся о что-то круглое, покатившееся по камню пола съ какимъ то сухимъ стукомъ. Въ ту минуту заключенный не обратилъ на этотъ предметъ вниманія, но теперь, изслѣдуя ощупью свою темницу, онъ наткнулся на кольцо, ввинченное въ стѣну: внизу валялись кости. Искандеръ ясно нащупалъ среди нихъ ребра. Сомнѣнія не оставалось. Круглый предметъ, катившійся по полу, былъ человѣческій черепъ. Такое открытіе заставило заключеннаго содрогнуться. А что, если подобная участь ожидала и его? И вспомнилъ ханскій любимецъ, какъ безпечно наслаждался онъ жизнью въ стѣнахъ ханскаго дворца среди нѣги и роскоши, и какъ никогда не приходилось ему задумываться надъ тѣмъ, что есть въ то же самое время люди, которые на цѣпи умираютъ неподалеку, не видя солнечнаго луча и не слыша человѣческаго голоса. Наконецъ, обезсилѣвъ отъ волненій и усталости, Искандеръ заснулъ. Его разбудилъ скрипъ желѣзной двери. Вошелъ съ факеломъ въ рукахъ тюремщикъ и принесъ чашку съ водой и кусокъ хлѣба. Узникъ представилъ себѣ, что пришли

за нимъ, вскочилъ на ноги, бросился къ тюремщику, но тотъ грубо оттолкнулъ его и ушелъ, заперевъ за собой дверь. Снова наступило гробовое молчаніе. Заключенный опять началъ биться въ каменной клѣткѣ, кричать, плакать, но никто его не слышалъ. Снова наступилъ моментъ изнеможенія, и Искандеръ опять заснулъ. Проснувшись, узникъ почувствовалъ новый приступъ отчаянія, на этотъ разъ уже холоднаго, бездѣятельнаго. Онъ даже не пытался встать. Мысли отказывались ему повиноваться. Несчастному казалось, что онъ потерялъ и зрѣніе и слухъ. Жажда мучила заключеннаго. Онъ дотянулся до чашки съ водою, выпилъ ее и впалъ въ забытье.

Когда опять заскрипѣла дверь и на порогѣ ея показались Сейфиль съ янычаръ-баши, узнику представилось, что онъ видитъ сонъ. Когда его подняли на ноги, онъ шатался. Когда ему пришлось изъ мрака подземелья выйти на свѣтъ, онъ не могъ раскрыть глазъ. Его посадили въ цѣпяхъ на арбу и повезли въ Бахчисарай. Шесть джигитовъ изъ ханскаго конвоя подъ начальствомъ самого янычаръ-баши сопровождали преступника. Въ Бахчисараѣ Искандера подвезли прямо ко дворцу и ввели прямо въ залу дивана.

Въ громадной пустынной комнатѣ съ сидѣньями вдоль стѣнъ, съ расписными потолками и зеленой рѣшеткой хоръ, откуда ханъ невидимо наблюдалъ за отправленіемъ правосудія, было еще пусто. Искандеръ не могъ стоять на ногахъ; его прислонили къ стѣнѣ; стража вышла за двери, оставивъ подсудимаго подъ присмотромъ одного янычаръ-баши. Нѣсколько мгновеній спустя неслышнымъ шагомъ въ залу судилища вошли члены дивана съ диванъ-эфенди во главѣ. Они внимательно посмотрѣли на Искандера и о чемъ то долго шептались между собою. Ихъ поразилъ видъ юноши, измѣнившагося до неузнаваемости за эти два дня заключенія въ Чуфутъ-Калэ.

— Аллахъ-акбаръ, провозгласилъ диванъ-эфенди,—Искандеръ, на тебѣ сегодня лежитъ обязанность сказать всю правду въ дѣлѣ, гдѣ ты являешься преступникомъ. Помни, что судьба твоя зависитъ отъ тебя самого; если же ты добровольно не откроешь истины, тебя принудитъ къ тому палачъ.

При послѣднихъ словахъ диванъ-эфенди, отъ двери отдѣлился высокій мужчина въ красномъ халатѣ и громадной красной чалмѣ, почти закрывавшей всю верхнюю часть лица. За поясомъ палача торчалъ цѣлый арсеналъ рукоятокъ разнообразныхъ кинжаловъ и ножей; въ рукахъ виднѣлся пучекъ тонкихъ веревокъ и связка сухихъ бычачьихъ жилъ. Видъ палача заставилъ вздрогнуть подсудимаго.

— Я все скажу, эфенди, тихо произнесъ онъ.

— Говори!

Искандеръ изложилъ передъ судьями обдуманный въ темницѣ разсказъ объ отношеніяхъ его къ келенчекъ хулъ-аги и разстроившемся свиданіи.

Выслушавъ допрашиваемаго, судьи покачали головами. Объясненія его расходились со многими провѣренными и засви-

дѣтельствованными фактами. Два послѣднихъ дня келенчекъ не была въ Бахчисараѣ. Въ день заключенія Искандера въ Чуфутъ-Калэ въ предмѣстьи столицы Салачикѣ исчезла старуха-цыганка, на которую указывали какъ на посредницу между ханскимъ любимцемъ и неизвѣстной женщиной. Но этой неизвѣстной не была келенчекъ, такъ какъ ее ни разу не видали бесѣдующей со знахаркой, посѣщавшей только гаремъ. Въ гаремѣ же акъ-маджи-бей и многія женщины показали, что чаще всего старая цыганка бесѣдовала съ Зайнабъ. Очевидно, Искандеръ не говорилъ правды, было извѣстно, что и на допросѣ предъ ханомъ обвиняемый не рѣшился въ первый разъ клятвенно подтвердить свое показаніе относительно келенчекъ. Если неизвѣстной женщиной была Зайнабъ, что заставляло юношу запираться послѣ того, какъ ханъ обѣщалъ ему прощеніе за обнаруженное обольщеніе гаремной служанки? Сама Зайнабъ призналась хану, что она имѣла свиданія съ Искандеромъ. При какихъ обстоятельствахъ происходили они, того Гирей не могъ добиться отъ бедуинки, но признаніе дѣвушки уже отозвалось на участи обвиняемаго. Ханъ не отмѣнилъ суда дивана, но запретилъ пытать своего любимца. Палачъ былъ призванъ только для устрашенія подсудимаго. Пошептавшись съ членами дивана, диванъ-эфенди воскликнулъ, обращаясь къ Искандеру:

— Ты лжешь, собака, келенчекъ не было во дворцѣ въ ту ночь, когда тебя застали въ Дюрбэ.

— Эфенди, отвѣчалъ Искандеръ,—я не утверждаю, что келенчекъ приходила ко мнѣ въ тотъ вечеръ. Я не зналъ, что ея нѣтъ, и напрасно ждалъ на кладбищѣ.

— Ты лжешь, еще разъ говорю тебѣ, закричалъ диванъ-эфенди.—Старуха цыганка выдала твою тайну; ты ходилъ на свиданіе съ Зайнабъ, въ чемъ преступница сама призналась!

При этихъ словахъ диванъ-эфенди Искандеръ поблѣднѣлъ какъ полотно и зашатался на ногахъ.

— Довольно, воскликнулъ предсѣдатель совѣта, ты самъ обличилъ себя въ настоящую минуту. Воспользуйся послѣднимъ, снисхожденіемъ и говори: иначе... эй, палачъ!

Человѣкъ въ красной чалмѣ быстро приблизился къ допрашиваемому и схватилъ его за обѣ руки. Двое помощниковъ подбѣжали къ главному мастеру. Но имъ удалось принять только какой то живой мѣшокъ вмѣсто преступника. Подсудимый лишился чувствъ.

Дѣло говорило само за себя. Диванъ призналъ Искандера виновнымъ въ оклеветаніи невинной келенчекъ, въ оскорбленіи повелителя правовѣрныхъ ложью и въ обольщенія служанки изъ штата гарема. Принимая во вниманіе всегдашнее милосердіе хана, совѣтъ не нашелъ возможнымъ осуждать Искандера на смерть, какъ того требовалъ муфтій, но во всякомъ случаѣ призналъ достойнымъ строгаго и долговременнаго заключенія въ Чуфутъ-калэ. Члены дивана встали, объявляя приговоръ, и взгляды всѣхъ ихъ невольно устремились на зеленую рѣшетку хоръ, за которой безъ сомнѣнія въ ту минуту находился интересовавшійся дѣломъ

ханъ. Судьи произнесли приговоръ и вознесли хвалу Аллаху. Палачи вытащили изъ залы засѣданія безчувственнаго Искандера. Гирей послалъ за врачомъ, чтобы спросить, не умеръ ли преступникъ. Врачъ удостовѣрилъ глубокій обморокъ, и юноша въ томъ же безсознательномъ состояніи былъ положенъ на арбу и отвезенъ въ мѣсто заточенія. Ханъ остался доволенъ приговоромъ дивана. Имъ снималось пятно съ чести самого Гирея и удовлетворялось общественное мнѣніе, волнуемое муфтіемъ и его друзьями. Въ гаремѣ говорили, что Зайнабъ, а вмѣстѣ съ нею и привязанная къ бедуинкѣ Амдэ не могли удержаться отъ радостныхъ слезъ, когда рѣшеніе дивана стало извѣстно.

XIV.

Прошло нѣсколько дней послѣ допроса Искандера въ диванѣ, и Бахчисарай опустѣлъ. Гирей отправился изъ столицы на сѣверъ. На Перекопѣ онъ долженъ былъ произвести смотръ стекавшимся туда джигитамъ, а затѣмъ двигаться далѣе. Теперь въ планахъ ближайшаго будущаго произошли нѣкоторыя измѣненія. Въ Бахчисарай прибылъ турецкій посолъ и объявилъ, что по повелѣнію султана татары вмѣсто самостоятельнаго набѣга должны были идти въ Каушаны къ Бендерамъ для соединенія съ войсками Порты. Ханъ отъ этого выигрывалъ: прежде всего съ него снималась часть отвѣтственности, а кромѣ того за вспомогательную силу турки имѣли обыкновеніе выдавать денежную награду. Съ ханомъ отправлялся въ походъ избранный отрядъ молодцовъ, составлявшій его личную гвардію; съ этимъ отрядомъ везли ханскій бунчукъ изъ бѣлаго лошадинаго хвоста и шелковое, зеленое съ краснымъ, турецкое знамя.

Послѣ шумныхъ недѣль по возвращеніи хана изъ Стамбула въ Бахчисараѣ опять начало все успокаиваться и приходить въ обычный мирный порядокъ. Все попало въ свою изъѣзженную колею. Незначительныя перемѣны произошли только въ гаремѣ. Дильбергёзъ-ханымъ разлучили съ Зайнабъ. Гирей нашелъ, что оставаться послѣ всего происшедшаго около ханской дочери бедуинкѣ было немыслимо. Ее удалили отъ двора и поселили въ ссылкѣ въ одномъ изъ караимскихъ семействъ Чуфутъ-калэ. Бывшей фавориткѣ строго воспрещалось посѣщать кого бы то ни было въ оградѣ ханскаго дворца, и даже въ Бахчисарай она могла пріѣзжать только по дѣлу. Лишился своей должности акъмаджи-бей, замѣненный бѣлокожимъ старикомъ, сказочникомъ хана. Опалѣ чуть было не подверглась и Моминэ-ханымъ: ей удалось только отстоять себя тѣми доводами, что ея ближайшему надзору поручены однѣ жены и любимицы хана, что же касается служанокъ, то за ними установленъ другой надзоръ. Много заботы старшимъ гарема доставляла Амдэ.

Въ ночь задержанія Искандера, какъ утверждалъ ученый сирійскій врачъ, съ ней сдѣлался припадокъ отъ внезапной суматохи, нарушившей сонъ дѣвушки. Послѣ перваго приступа болѣзни ханская дочь быстро оправилась; но вслѣдъ за удаленіемъ Зайнабъ,

Амдэ затосковала, почти перестала ѣсть; цѣлыя ночи напролетъ плакала на своей постели; а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились прекратившіеся было припадки. При малѣйшемъ противорѣчіи дѣвушка впадала въ гнѣвъ, начинала кричать, топать ногами; вслѣдъ за этимъ появлялся безпричинный смѣхъ, слезы, судороги. Въ непродолжительный срокъ безпечная дѣвочка измѣнилась до неузнаваемости; краска сошла съ ея щекъ и губъ, виски ввалились, носъ заострился. Лекарства врача не помогали. Впрочемъ ученый человѣкъ не сталъ скрывать причинъ болѣзни. Онъ прямо указалъ, что продолженіе припадковъ находилось въ прямой связи съ тоской ханской дочери объ утратѣ любимицы. Онъ говорилъ, что лучшимъ лекарствомъ было бы возвращеніе бедуинки; но если это невозможно, то желательно по меньшей мѣрѣ смягченіе строгости разлуки до тѣхъ поръ, пока время не залечитъ раны

Умная, разсудительная Моминэ-ханымъ вполнѣ соглашалась съ мнѣніемъ сирійца, но не могла найти средства воспользоваться его совѣтомъ. Вернуть Зайнабъ до возвращенія хана безъ его вѣдома было немыслимо; не менѣе опаснымъ представлялось разрѣшеніе бедуинкѣ подъ какимъ-нибудь предлогомъ посѣтить дворецъ. Долго думала Моминэ-ханымъ и, наконецъ, напала на счастливую мысль. Ханъ велѣлъ удалить Зайнабъ изъ дворца и запретилъ ей появленіе ея въ стѣнахъ его резиденціи: но онъ не упоминалъ ничего о могущей произойти случайной встрѣчѣ ханской дочери съ опальной служанкой, Амдэ была на свадьбѣ въ Чуфутъ-калэ у караимскаго газана и очень весело провела тамъ время. Развѣ могло быть въ томъ что-либо предосудительное, если бы для развлеченія Амдэ вздумала посѣтить караимскую келенчекъ и тамъ неожиданно для себя увидѣлась съ Зайнабъ?

Не довѣряя женскому уму, Моминэ посовѣтовалась съ врачемъ, и ученый вполнѣ согласился съ правильностью хода ея мыслей.

Когда Амдэ было предложено посѣтить для развлеченія молодую келенчекъ въ Чуфутъ-калэ, яркій румянецъ выступилъ на щекахъ дѣвушки. Первое, что пришло ей въ голову—это вѣроятность свиданія съ бедуинкой, отъ которой можно было что-нибудь узнать относительно содержанія Искандера въ темницѣ. Амдэ изъявила полное согласіе на поѣздку. Моминэ не стала откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Поѣздка состоялась въ тотъ же день, при чемъ Моминэ сама взялась сопровождать ханскую дочку; кромѣ одного нѣмого невольника никто не былъ ни приглашенъ, ни назначенъ въ спутники. Въ поѣздкѣ Моминэ съ Амдэ, съ точки зрѣнія женскаго населенія гарема, не заключалось ничего предосудительнаго. Зимой особенно часто свободныя женщины сераля отлучались и въ Бахчисарай и въ Чуфутъ-калэ на „лафы" — женскія собранія съ угощеніемъ и собесѣдованіемъ. Никто точно также въ данномъ случаѣ не былъ недоволенъ распоряженіемъ Моминэ. Всѣ понимали, что развлеченіе доставляется исключительно одной Амдэ въ виду ея болѣзненнаго состоянія. Когда немного свалилъ дневной жаръ, три всадника

выѣхали изъ Бахчисарая прямой ближайшей дорогой къ Чуфутъ-калэ.

Жена стараго газана и молодая келенчекъ встрѣтили почетныхъ гостей съ распростертыми объятіями. Ихъ помѣстили, въ нарушеніе общепринятыхъ правилъ, въ комнатѣ, назначенно для пріема мужчинъ-посѣтителей. Здѣсь все было наряднѣе и щеголеватѣе нежели въ другихъ частяхъ дома. Потолокъ бросался въ глаза пестрыми красками выведенныхъ на немъ узоровъ; на двухъ выходахъ широкій чердакъ; полы были устланы дорогими коврами, а по стѣнамъ на мягкихъ софахъ виднѣлись бархатныя подушки. Тотчасъ же подали на столъ блестящій мѣдный подносъ, уставленный разнообразными сластями, и въ маленькихъ чашкахъ горячій кофе. Моминэ предложили наргилэ. Почтенная матрона просила хозяйку не разглашать о пріѣздѣ ханской дочери въ Чуфутъ-калэ; въ крѣпости вообще населенія было мало; поэтому почти никто не видалъ пріѣхавшихъ, но кромѣ того, чтобы не обращать на себя лишняго вниманія, Моминэ съ Амдэ сами одѣлись попроще и невольникъ точно также получилъ приказаніе ѣхать въ одеждѣ городского татарина.

Пока Амдэ обмѣнивалась привѣтственными рѣчами и замѣчаніями съ келенчекъ, Моминэ въ углу бесѣдовала съ хозяйкой дома. Между прочимъ она дала понять караимкѣ, что ханской дочери было бы и пріятно и полезно какъ-нибудь повидать изгнанницу. Моминэ разсчитывала, что жена газана дастъ знать Зайнабъ о пріѣздѣ Амдэ и пригласитъ бедуинку къ себѣ. Но караимка оказалась очень дальновидной и осторожной. Она не знала, какъ впослѣдствіи ханъ отнесется къ свиданію обѣихъ дѣвушекъ и предусмотрительно не пожелала, чтобы мѣстомъ встрѣчи явился ея домъ.

— Госпожа, обратилась караимка, не давая прямо проникнуть въ свои опасенія,—я поняла изъ твоей рѣчи, что Дильбергезъ ханымъ было бы пріятно повидаться съ Зайнабъ, живущей здѣсь неподалеку у одного изъ нашихъ единовѣрцевъ. Я бы могла позвать аравитянку сюда, но при постороннихъ удовольствіе свиданья будетъ уменьшено: ты хорошо сама знаешь, ханымъ, что дружба не любитъ свидѣтелей. Не правда ли, госпожа?

— Твои слова справедливы, умная женщина, отвѣчала Моминэ,—ты хорошо поняла меня и все разсудила. Но гдѣ же иначе увидятся обѣ дѣвушки?

— Я устрою это, ханымъ!

Караимка подозвала къ себѣ келенчекъ и что то шепнула ей на ухо. Молодая вышла изъ комнаты, но черезъ нѣсколько минутъ опять возвратилась.

— Госпожа, ласково и почтительно заговорила тогда старая караимка,—не хочешь ли пройтись немного. У насъ въ Чуфутъ-калэ мужчинъ почти совсѣмъ нѣту. А что же тебѣ сидѣть въ душной одѣ. Если прикажешь, келенчекъ покажетъ тебѣ наши владѣнія и городскія стѣны.

— Хорошо, охотно согласилась Амдэ.

Она разсчитывала при помощи молодой караимки найти бедуинку въ ея жилищѣ.

Келенчекъ и ханская дочь вмѣстѣ вышли изъ оды и направились за ограду дома. Но онѣ для прогулки не выбрали большой дороги, догадливая келенчекъ повела гостью по задворкамъ вдоль крѣпостной стѣны.

— А Зайнабъ вѣдь тоже здѣсь живетъ? спросила Амдэ.

— Да, госпожа, она вонъ впереди отъ насъ черезъ три дома. Но какое совпаденіе! воскликнула, какъ бы въ изумленіи караимка:—Зайнабъ-ханымъ сама идетъ намъ на встрѣчу.

Амдэ издала радостный крикъ и быстро, насколько давали тому возможность шелковыя шаровары и спадавшія съ ногъ туфельки, побѣжала на встрѣчу подругѣ. Караимка осталась позади. Она видѣла, какъ дѣвушки бросились другъ другу на шею; она слышала, какъ громко заплакала ханская дочь и, чтобъ не мѣшать свиданью, повернула домой. Ея дѣло было сдѣлано. Амдэ отъ радости не могла говорить и продолжала неудержимо плакать.

— Госпожа, пыталась успокоить ее Зайнабъ,—госпожа, дай мнѣ посмотрѣть на тебя. Безъ свѣта глазъ твоихъ, солнце давно померкло для меня.

Но Амдэ не отрывала лица отъ груди подруги. Бедуинка, сама не смигивая катившіяся изъ глазъ слезы, обняла ханскую дочь за талію и повела съ собою. Еще нѣсколько шаговъ, и обѣ дѣвушки очутились въ комнаткѣ караимскаго дома, гдѣ поселили опальную аравитянку. Хозяева были уже предувѣдомлены и заранѣе удалились изъ дома, чтобы на случай чего не быть въ отвѣтѣ.

Амдэ наплакалась. Она схватила обѣими ладонями лицо подруги и, не отрываясь, смотрѣла ей въ глаза.

— Госпожа, первая напомнила ей объ общихъ дѣлахъ Зайнабъ,—ты ничего не слыхала во дворцѣ о судьбѣ Искандера?

Спрошенная вздрогнула, какъ подъ вліяніемъ остраго укола.

— Онъ здѣсь въ Чуфутъ-калэ, прошептала Амдэ,—больше я ничего не знаю, а ты слышала что-нибудь, знаешь, какъ онъ живетъ въ тюрьмѣ.

— Нѣтъ, госпожа, всѣмъ теперь извѣстно, что я выходила къ Искандеру, и Сейфиль, который могъ бы что-нибудь сообщить мнѣ, возненавидѣлъ меня.

— Вай-анамъ, горестно воскликнула Амдэ,—и никто не знаетъ, сколько времени онъ будетъ томиться въ темницѣ?!...

— Вѣроятно, до возвращенія хана изъ похода.

— А потомъ, когда вернется отецъ, Искандеръ долженъ будетъ жениться на тебѣ, Зайнабъ!

— Онъ не женится, ханымъ!

— Почему? Онъ долженъ жениться по закону; самъ ханъ говорилъ это.

— Онъ не женится, госпожа, потому что ты связала его страшной клятвой, онъ могъ бы давно назвать мое имя хану, какъ того требовалъ нашъ повелитель, обѣщая ему прощеніе, но

онъ не сдѣлалъ этого, потому что поклялся тебѣ никогда не брать себѣ другой женщины.

— Зайнабъ, я бы хотѣла освободить его отъ клятвы. Вѣдь, если онъ не исполнитъ воли хана, его казнятъ.

— Казнятъ, госпожа.

— Зайнабъ, дорогая моя, какъ мнѣ снять съ него клятву?

Зайнабъ молчала.

— Я напишу ему, проговорила Амдэ.

— Но кто передастъ письмо?

— Зайнабъ, я ничего не пожалѣю, я отдамъ все, что у меня есть; я отдамъ всѣ мои золотыя ожерелья; они стоятъ многія тысячи ахче. Зайнабъ, сдѣлай ты это, какъ нибудь. Заплати, сколько будетъ стоить; у меня, ты знаешь, есть и жемчугъ, и алмазы, и кораллы, мнѣ ничего не надо. Только передать письмо... больше ничего...

— Госпожа, Сейфиль строго слѣдитъ за узникомъ... я постараюсь употребить всѣ усилія... Золотомъ много можно сдѣлать... но... Если бы Сейфиль не былъ такъ возстановленъ противъ меня...

— Ты думаешь, что это невозможно, Зайнабъ?

Амдэ со страхомъ заглядывала въ глаза бедуинкѣ, стараясь найти въ нихъ хоть искру надежды. Зайнабъ молчала, поникнувъ головой. Вдругъ какая то счастливая мысль озарила ее.

— Госпожа, воскликнула аравитянка,—что я придумала; надо попытаться. Пойдемъ сейчасъ къ Сейфилю. Я скажу, что мнѣ нужно его видѣть и переговорить о важномъ дѣлѣ. Я ему скажу, что будто бы хотѣла выйти къ Искандеру на кладбище, чтобы объявить ему, что я не люблю его, что я люблю Сейфиля и пусть онъ не настаиваетъ на свадьбѣ, если ханъ самъ не вспомнитъ о своемъ распоряженіи.

— Зайнабъ, а Моминэ?

— Она не будетъ знать, гдѣ мы, и подождетъ.

— Тогда идемъ сейчасъ!

— Идемъ, нужно пробовать счастье. Мужчины глупы, я увѣрена, что обману Сейфиля.

— Хорошо, а какъ же ты увидишь Искандера или передашь ему письмо?

— Мы попросимъ, чтобы Сейфиль показалъ намъ крѣпость и темницы. Мы добьемся того, что сами увидимъ заключеннаго; я отвлеку Сейфиля, а ты успѣешь сказать, что снимаешь взятую клятву.

— Зайнабъ, воскликнула Амдэ, хватаясь за сердце,—если это удастся, я умру отъ радости, идемъ скорѣе.

— Идемъ!

За время своего короткаго пребыванія Зайнабъ хорошо изучила расположеніе города и крѣпости Чуфутъ-калэ. Она не пошла стучаться въ главныя двери ограды, за которой скрывались казармы стражи, домъ начальника крѣпости и подземелья темницъ. Она проскользнула въ едва замѣтную калитку у восточнаго поворота стѣны. Въ эту калитку всегда ходили джигиты

изъ стражи; черезъ этотъ же проходъ и за внутреннюю ограду проникали гости живущихъ въ цитадели. Выдолбленныя въ скалахъ темницы были сами по себѣ надежными тюрьмами съ ихъ стѣнами изъ цѣлаго камня и желѣзными дверьми. Стража тутъ являлась даже чрезмѣрной предосторожностью. Впрочемъ, строгости въ дѣйствительности и не соблюдались. Главная дверь всегда была на замкѣ; около нея день и ночь находился очередной капуджи-баши, но люди свободно пользовались калиткой. Трудно было только проникнуть въ подземелья, гдѣ у каждой пещеры имѣлся свой сторожъ, подъ постояннымъ наблюденіемъ Сейфиля или его помощника.

Обѣ дѣвушки за ограду прошли безпрепятственно. Домъ Сейфиля примыкалъ къ городской стѣнѣ. Когда Зайнабъ съ Амдэ поднялись по ступенькамъ въ верхнюю часть помѣщенія, Сейфиль лежалъ на софѣ на маленькомъ балконѣ, курилъ трубку и безцѣльно смотрѣлъ въ синеву еще горячаго лѣтняго неба. Здѣсь въ укромномъ уголкѣ на тѣневой сторонѣ стѣны было любимое мѣсто отдохновенія новаго начальника крѣпости. Здѣсь онъ просиживалъ цѣлые часы въ глубокой и грустной задумчивости послѣ обнаружившейся измѣны Зайнабъ. Все, что дѣлалось въ Бахчисараѣ, о чемъ толковалъ народъ, Сейфиль въ подробностяхъ узнавалъ отъ посѣщавшаго его Джемала. Удовольствіе удовлетвореннаго злорадства и мести не могли все-таки залечить глубокой сердечной раны, нанесенной вѣтренностью бедунки. „Значитъ она смѣялась надо мною", въ сотый разъ повторялъ себѣ Сейфиль, чувствуя жестокій приступъ мукъ ревности, „она тогда уже была близка Искандеру, когда мы ѣздили сюда на караимскую свадьбу и тогда она пользовалась моимъ легковѣріемъ для того, чтобы перемигиваться съ христіанской собакой". Подъ вліяніемъ этихъ печальныхъ размышленій главный тюремщикъ давалъ слово Аллаху въ томъ, что онъ уморитъ ненавистнаго узника до возвращенія хана и угрозу свою понемногу приводилъ въ исполненіе. Искандеръ заживо сгнивалъ безъ свѣта и пищи въ самомъ глубокомъ подземельи Чуфутъ-калэ.

Появленіе Зайнабъ съ Амде поразило Сейфиля неожиданностью. Сперва онъ не повѣрилъ своимъ глазамъ, но потомъ поднялся съ софы и привѣтствовалъ ханскую дочь.

— Госпожа, воскликнулъ въ изумленіи начальникъ бахчисарайской твердыни, обращаясь къ ханской дочери,—что привело тебя сюда? Ты имѣешь что-либо приказать мнѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала Амдэ,—я пріѣхала въ гости въ Чуфутъ-калэ, увидала Зайнабъ, мы пошли гулять, и она сказала, что ей нужно видѣть тебя... я пришла съ нею.

— Меня? съ неменьшимъ изумленіемъ переспросилъ Сейфиль, какъ бывшій придворный, кланяясь и вѣжливо складывая руки на груди.

— Да, мнѣ тебя нужно видѣть, Сейфиль, но я не могла раньше одна придти сюда.

Недобрый огонекъ блеснулъ въ маленькихъ круглыхъ глазахъ ногайца.

— Я понимаю, ханымъ, ты боялась положить пятно на свою честь, видясь днемъ наединѣ съ мужчиной, отвѣчалъ со злобной усмѣшкой Сейфиль.

— Не смѣйся надо мной, съ грустью промолвила Зайнабъ,—но выслушай!

Амдэ въ это время отошла къ краю балкона, перевѣсилась черезъ перила и стала смотрѣть внизъ. Она не вслушивалась въ слова бедуинки; она смотрѣла въ глубину зіявшей передъ ея глазами пропасти, гдѣ на желтыхъ камняхъ чернѣли какія то продолговатыя пятна, надъ которыми тяжелыми, широкими кругами летали орлы и другіе пернатые хищники. Амдэ знала, что чернѣвшія передъ ней продолговатыя пятна были трупы казненныхъ въ темницѣ преступниковъ, выброшенныхъ внизъ черезъ окна подземелій. Тяжелый запахъ, смѣшанный съ ароматомъ розъ ближайшаго сада, поднимался со дна пропасти. Амдэ перегнулась еще больше, чтобы увидѣть самыя окна Искандера, но они скрывались подъ выступомъ скалы. Въ эту минуту дѣвушка представила себѣ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ туда же на острые камни могъ быть брошенъ трупъ молодого христіанина, и сердце ея сжалось отъ холоднаго ужаса. Амдэ закрыла глаза, но какая то невѣдомая сила заставила ее опять заглянуть въ пропасть. На днѣ ея уже сгущались вечернія синія тѣни, хотя на окружающихъ желтыхъ скалахъ едва обозначались красноватые цвѣта вечера.

Амдэ снова посмотрѣла внизъ. Эта пропасть точно тянула ее къ себѣ. Дѣвушка чувствовала, какъ что-то неудержимо влечетъ ее впиваться взглядомъ въ смутныя очертанія неровностей каменнаго дна и виднѣющихся на немъ продолговатыхъ пятенъ. Одно мгновеніе голова у нея закружилась и ей неудержимо захотѣлось, закрывъ глаза, броситься внизъ. Амдэ отшатнулась отъ края стѣны, и въ это время до нея долетѣли слова Зайнабъ.

— Ты не вѣришь мнѣ, Сейфиль?

— У смирнаго коня ударъ бываетъ жестокъ, неопредѣленно отвѣчалъ погаецъ.

— Хочешь, я тебѣ дамъ страшную клятву: я свидѣтельствую, что никогда рука Искандера не касалась меня и никогда между нами не было сказано ни одного слова любви!

Бедуинка протянула ногайцу руку, прикоснувшись ею сперва къ лѣвой сторонѣ груди и головѣ.

— Я не могу теперь не вѣрить тебѣ, Зайнабъ, проговорилъ Сейфиль,—но ты помни, что Аллахъ не прощаетъ ложной клятвы.

— Госпожа, обратилась аравитянка къ ханской дочери,—а ты соскучилась, пока мы говорили.

— Нѣтъ, я смотрѣла внизъ. А какъ тамъ страшно должно быть въ темницахъ.

— Сейфиль, кстати, воскликнула Зайнабъ,—покажи госпожѣ тюрьмы; такихъ, говорятъ, какъ здѣсь, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Сейфиль подозрительно исподлобья взглянулъ въ глаза бедуинкѣ: та не сморгнула.

— Покажи, Сейфиль, я бы очень хотѣла посмотрѣть, пролепетала Амдэ.

— Развѣ дѣвушкамъ прилично ходить по тюрьмамъ? отозвался ногаецъ.

Гостьи его молчали. Зайнабъ сдвинула брови: глаза Амдэ подернулись печалью.

Сейфиль помедлилъ немного въ размышленіи.

Онъ вспомнилъ всегдашнюю свою дальновидность и предусмотрительность. Она вывела его въ люди, и обѣщала сослужить службу въ будущемъ. Что Амдэ было бы интересно посмотрѣть тюрьмы, въ этомъ онъ не сомнѣвался. Не казалось также невѣроятнымъ, что Зайнабъ предложила осмотръ безъ всякой задней мысли, единственно изъ желанія доставить развлеченіе госпожѣ. Стоялъ ли затѣмъ самъ онъ такъ высоко и прочно, чтобы безъ всякой потери отказать въ маленькомъ одолженіи любимой дочери хана и будущей женѣ любимаго Гиреемъ сераскира? Ногаецъ зналъ, что умные люди всегда стараются заручиться дружескими связями въ гаремѣ, чтобы потомъ имѣть вліяніе на дѣла. Послѣдній доводъ рѣшилъ колебанія начальника тюрьмы.

— Если ты приказываешь, госпожа, проговорилъ онъ, обращаясь къ Амдэ,—я повинуюсь.

Ногаецъ захватилъ ключи и пошелъ впередъ. Для того, чтобы попасть въ подземелье изъ его дома, не нужно было выходить на общій дворъ: отдѣльный, узкій, вырубленный въ скалѣ ходъ велъ туда изъ подъ стѣны по близости балкона. Ногаецъ показывалъ дорогу: обѣ дѣвушки подвигались за нимъ ощупью. Ноги скользили по узкимъ мелкимъ ступенькамъ: въ темнотѣ приходилось натыкаться на выступы стѣнъ. Но вотъ блеснулъ слабый свѣтъ, и глазамъ посѣтителей открылась широкая пещера съ большимъ отверстіемъ сбоку, черезъ которое синѣло небо и желтѣли покатости далекихъ горъ. Каменная грядка высилась посреди пещеры, за ней почти до окна шло углубленіе, въ стѣнахъ виднѣлись тяжелыя ввинченныя кольца, сосѣдняя пещера поменьше отдѣлялась отъ большой каменными столбами; нѣсколько человѣкъ стражи, сидѣвшихъ вдоль стѣнъ пріемной тюремныхъ подземелій вскочили на ноги и привѣтствовали вошедшихъ. Стража съ любопытствомъ посматривала на дѣвушекъ, не зная, за кого принимать ихъ, за посѣтительницъ или узницъ.

— Вотъ здѣсь, Сейфиль указалъ дѣвушкамъ на каменную грядку,—кому повелитъ ханъ, рубятъ головы; голова падаетъ въ яму и кровь течетъ туда-же.

Амдэ заглянула черезъ грядку; на днѣ углубленія чернѣли какія то широкія пятна; эти же пятна съ красноватымъ оттѣнкомъ покрывали собою и грядку.

— А когда голова отрублена, туловище бросаютъ туда за окно.

— А голову? спросила Зайнабъ.

— Голову отсылаютъ въ Бахчисарай въ доказательство того, что повелѣніе исполнено.

Зайнабъ обошла углубленіе за грядкой и со страхомъ посмотрѣла въ окно. Низенькая стѣна заходила ей немного выше

пояса. Пролетъ наружнаго отверстія былъ сдѣланъ нарочно шире для того, чтобы было удобнѣе выбрасывать казненныхъ. Бедуинка заглянула внизъ, но сейчасъ же закрыла глаза: страшная пропасть и ее потянула къ себѣ.

— Сейфиль, а гдѣ же сидятъ сами заключенные? спросила Зайнабъ.

— Они тамъ, указалъ ногаецъ въ глубину пещеры.

— А ты намъ ихъ не покажешь?

— Кого же ты хотѣла посмотрѣть? отозвался Сейфиль съ недоброй усмѣшкой, подозрительно взглядывая на бедуинку.

— Мнѣ никого не надо и я никого тутъ и не знаю; впрочемъ у тебя здѣсь сидитъ Искандеръ. На него бы хотѣла взглянуть госпожа.

— Да, я бы хотѣла, съ живостью подтвердила Амдэ.

— Я такъ и зналъ, что ты спросишь про Искандера, продолжалъ съ той же усмѣшкой Сейфиль,—впрочемъ тебѣ нечего болѣе безпокоиться о немъ; его нѣтъ у меня.

— Нѣтъ? съ невольнымъ испугомъ спросила Амдэ.

— Нѣтъ, госпожа. Если же Зайнабъ такъ хочетъ видѣть своего жениха, она можетъ спуститься подъ скалу. Она найдетъ его тамъ.

— Что ты говоришь? также невольно вскрикнула бедуинка.

— Я говорю, что говорю: Искандеръ тамъ!

Сейфиль протянулъ руку по направленію къ окну. Амдэ судорожно схватилась за кафтанъ подруги.

— Ты лжешь, закричала она.

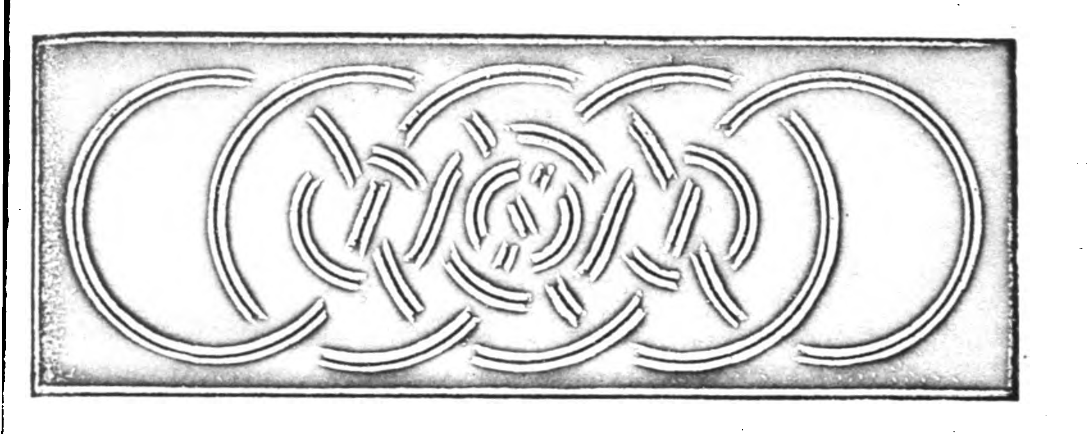
Ногаецъ дѣйствительно лгалъ. Онъ только хотѣлъ провѣрить клятву бедуинки, и теперь болѣе не сомнѣвался. Зайнабъ обманывала его. Въ эту минуту онъ далъ себѣ слово уморить узника, но пока тотъ еще томился въ подземельѣ.

— Четыре дня тому назадъ по повелѣнію хана, съ разстановкой проговорилъ ногаецъ, Искандеру отрубили голову, а туловище бросили туда. Посмотри, Зайнабъ, хорошенько внизъ; можетъ быть, ты увидишь его; сердце скажетъ тебѣ, который трупъ принадлежитъ ему.

Произнеся эти слова, Сейфиль отошелъ въ сторону и издали пристально устремилъ взглядъ на Зайнабъ.

Не обращая вниманія на тюремщиковъ, безотчетно обѣ дѣвушки быстро обошли углубленіе за грядкой, приблизились къ окну и грудью легли на широкій камень подоконника. Амдэ подалась впередъ, и вдругъ страшный крикъ огласилъ пещеру. Амдэ внезапно рванулась головой внизъ, и стража увидѣла только, какъ мелькнули въ воздухѣ желтыя шаровары и красные терлики ханской дочери. Зайнабъ не успѣла удержать ее; въ рукахъ бедуинки осталась только расшитая марама Амдэ, а снизу долетѣлъ слабый тупой звукъ паденія на камни мягкаго тѣла.

В. Грибовскій.



У „свободныхъ хлѣбопашцевъ.“

(Окончаніе).

VI.

У, не дураки ли мы? Не назовутъ ли насъ дураками? Впрямь дураки! Всякій это скажетъ. Да какже! Казна насъ облегчаетъ. Паспорты стали дешевле. А мы на нихъ сами еще наложили! И къ чему? Чего у насъ нехватаетъ? Капиталъ есть. Все оправдываемъ. Сборовъ всякихъ и то довольно. Куда же пойдетъ новый налогъ? На пьянство!

Такъ разсуждалъ въ небольшой группѣ однообщественниковъ одинъ изъ крестьянъ Коровинской волости, черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго выше учетнаго волостного схода, по поводу установленнаго на послѣднемъ, по предложенію Иванова, сбора съ паспортовъ.

Бесѣда происходила въ ожиданіи открытія схода одного изъ сельскихъ обществъ волости,—новинскаго. Сходъ этотъ оказался довольно интереснымъ. На нѣсколькихъ обсуждавшихся на немъ дѣлахъ обнаружились характерныя условія крестьянскаго общественнаго представительства и послѣдствія предполагаемой нераздѣльности крестьянскаго двора съ существующими сложными правилами семейныхъ раздѣловъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ мѣстномъ волостномъ судѣ молодой крестьянинъ Елкинъ обвинялся въ томъ, что, разобравъ крышу на домѣ своей семьи, взялъ съ чердака и прожилъ нѣкоторыя вещи.

— Что унесъ? предложилъ ему вопросъ предсѣдатель суда послѣ прочтенія протокола старосты, квалифицировавшаго дѣяніе, какъ кражу.

— Да что мнѣ было нужно, для хозяйства... Ну, тамъ, денегъ нѣсколько, часть льну...

— Куда употребилъ?

— Да куда было нужно... по хозяйству...

— Напримѣръ?

— Да на разныя разности, — ну, тамъ, на увеселеніе, какъ то на угощеніе... Попало, можетъ быть, кой-что на храмъ Божій, какъ то на свѣчи...

Обвиняемый былъ сконфуженъ. Неправильность своихъ дѣйствій онъ явно сознавалъ.

— Кто у нихъ домохозяинъ? спросилъ предсѣдатель старосту.

— По книжкѣ то — онъ, отвѣтилъ староста. — Некому больше, хоша онъ и гроша не заработываетъ, а еще тащитъ, что попадетъ подъ руку. Хозяйство же ведетъ мать.

Волостной судъ оправдалъ Елкина, не усмотрѣвъ въ дѣйствіяхъ его состава преступленія.

На открывшемся нынѣ сходѣ, именно того сельскаго общества, къ которому принадлежалъ Елкинъ, послѣдній и присутствовалъ въ качествѣ полноправнаго члена, какъ „домохозяинъ по книжкѣ" (платежной), не заработывающій ни гроша и не лично, конечно, оплачивающій подати и повинности. Мать же, которая именно вела хозяйство и содержала его самого своими трудами, только присутствовала на сходѣ, — и присутствовала сама въ качествѣ „обвиняемой"...

— Жалобу на меня произноситъ сынокъ, объясняетъ она нѣкоторымъ изъ сосѣдей, сидя на задней скамьѣ въ помѣщеніи, гдѣ собрался сходъ.

Письменная жалоба Елкина и читается, тотчасъ по открытіи схода. Въ ней онъ говоритъ, что мать продаетъ разныя вещи и продала всего на сто рублей...

Это вызываетъ со стороны схода рядъ восклицаній:

— Она — хозяйка! — Она пріобрѣла, — она и распоряжается! — Ты за готовое садишься, — а она трудится! — Онъ ничего не дѣлаетъ! — Тащитъ еще изъ дому! — И онъ пріобрѣталъ! раздается голосъ въ пользу Елкина. — Да, пріобрѣталъ, — въ кабакъ! — Продала всего на сто рублей, а купила-ли ему сапоги? слышится другой голосъ въ интересахъ Елкина. — Она — хозяйка! — Что онъ такое? Бездѣльникъ! продолжаютъ, однако, сыпаться замѣчанія, неблагопріятныя для Елкина.

Бѣдная женщина жалуется, между тѣмъ, вслухъ, что сынъ ни до чего ее не допускаетъ, ко всему придирается, ничего

не дѣлаетъ, ничего не пріобрѣтаетъ въ домъ,—мало того, еще тащитъ изъ дому.

— Онъ—не въ своемъ разумѣ, говоритъ она.—Отдать, такъ не надолго. Все пропьетъ! А народъ нынче хищный. Тянутъ его руку. Извѣстно, за вино орутъ, говоритъ она по адресу тѣхъ, чьи восклицанія, однако, единичныя, клонились въ пользу жалобщика.

Кѣмъ то возбуждается вопросъ, на что мать истратила сто рублей.

— Дочкѣ перетаскиваетъ! замѣчаетъ одинъ изъ членовъ схода, защищавшій интересы Елкина.

— Я все могу разсказать, выступаетъ Елкина.—У меня ничего не истрачено даромъ. Сами знаете,—въ эти семь лѣтъ похороны были, поминки справляла,—какъ слѣдуетъ сдѣлала по мужѣ—а тамъ, сына женила, дочку выдала... Даромъ мнѣ никто ничего не давалъ. Задолжала. Нужно было платить. А ему—что!

— Она хозяйка,—она и распоряжается! раздается опять со стороны схода.

Слѣдуетъ еще нѣсколько такихъ же замѣчаній. Два-три голоса вновь высказываются въ пользу Елкина. Но разгорающіяся вновь пренія прекращаетъ волостной писарь, исполняющій на этотъ разъ обязанности сельскаго писаря.

— Это дѣло суда, говоритъ онъ.—Къ суду обратитесь!

На этомъ сужденія по настоящему дѣлу и оканчиваются, безъ составленія особаго приговора.

Затѣмъ, безъ преній удовлетворяется прошеніе крестьянки Волковой о признаніи ея домохозяйкою, такъ какъ сынъ Николай страдаетъ пятый годъ уже умопомѣшательствомъ безъ надежды на выздоровленіе.

Для характеристики положенія вещей въ настоящемъ отношеніи, необходимо замѣтить, что больной, считавшійся до сихъ поръ домохозяиномъ, никогда въ дѣйствительности имъ не былъ, такъ какъ въ настоящее время ему около двадцати пяти лѣтъ, а пока (до совершеннолѣтія) онъ былъ здоровъ, жилъ въ Петербургѣ, откуда пріѣхалъ въ деревню уже съ совершенно разстроившимися умственными способностями. Хозяйство и всѣ обязанности всецѣло и всегда лежали на матери,—которая, однако, полнотою правъ не пользовалась, какъ женщина.

Третье дѣло отчасти дополнило настоящую картину нео-

предѣленности частныхъ и общественныхъ отношеній въ крестьянской средѣ.

— Вотъ, господа, словесно доложилъ староста, — Дарья Плотникова желаетъ отдѣлиться отъ сына.

— Какъ же сходъ можетъ мать съ сыномъ дѣлить? замѣчаетъ одинъ изъ членовъ схода, Бесѣдкинъ, занимающійся дачею юридическихъ совѣтовъ.

— Кормильцы! выступаетъ тутъ съ плачемъ сама Плотникова, оборванная, растрепанная старуха.—Житья мнѣ нѣту! Она, Матрена, поѣдомъ меня ѣстъ, дразнитъ, запираетъ все отъ меня, хлѣба не даетъ...

Рѣчь идетъ о невѣсткѣ, женѣ сына. Сходъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи,—видимо не зная, что ему тутъ дѣлать.

— Да кто у нихъ домохозяинъ то? спрашиваетъ кто-то.

— Кто?—вѣстимо, сынъ, объясняетъ другой крестьянинъ.

— Вотъ что, разрѣшаетъ общее недоумѣніе Бесѣдкинъ, обращаясь къ Плотниковой: — Кормятъ тебя? Чайкомъ тоже поятъ? Чего же тебѣ еще? А будутъ ругаться,— жалуйся!

— Кормилецъ! въ свою очередь, обращаясь уже прямо къ Бесѣдкину, говоритъ старуха, — и хлѣбъ то запираютъ. Моей коровѣ и сѣна не даютъ. Поѣдомъ меня самое ѣдятъ...

Тутъ дѣлаетъ попытку вступиться за Плотникову другая старуха, Кузьмина, — любопытный типъ женщины-адвоката, созданный юридической беспомощностью деревни и путаницею крестьянскихъ отношеній. Но попытка Кузьминой прерывается въ тотъ самый моментъ, какъ только она раскрыла ротъ для защиты Плотниковой...

— Иванъ Павлычъ! рѣзкимъ, недопускающимъ возраженій, обиженнымъ тономъ кричитъ старостѣ Бесѣдкинъ, усматривающій, повидимому, конкуррента въ Кузьминой.—Что это? Что это за адвокатъ? Велите ее вывести!

И староста приказываетъ сторожу вывести Кузьмину. Между тѣмъ, Плотникова, сбитая съ толку, оказывается не въ состояніи поддержать свое ходатайство. Она молчитъ въ не меньшемъ недоумѣніи, чѣмъ сходъ,—и дѣло кончается ничѣмъ, замираетъ на сходѣ само собою.

Послѣднее дѣло было весьма симпатично. Дороги, пролегающія по надѣльнымъ землямъ сельскаго общества, вслѣдствіе низменности и болотистости почвы, были очень плохи. Въ послѣднюю же крайне дождливую весну онѣ дали почувствовать особенно свою неисправность. Мѣстами вовсе не было ни проходу, ни проѣзду. Передвиженіе вообще совершалось

по нимъ съ большимъ трудомъ. Вязли люди, лошади, возы. Приходилось не разъ всѣмъ міромъ вытаскивать несчастныхъ путниковъ даже ѣдущихъ порожнемъ. Въ одну изъ деревень, въ случаѣ пожара, нельзя было бы доставить огнегасительныя трубы отъ правленья, находящагося отъ нея всего въ двухъ верстахъ, — такъ бездорожица отрѣзывала эту деревню отъ внѣшняго міра. Собственными, личными силами, натуральнымъ способомъ, крестьяне были рѣшительно не въ состояніи привести дороги въ надлежащій видъ. Требовались капитальныя исправленія, осушеніе мѣстности, возведеніе мостиковъ.

Все это весьма обстоятельно и было выяснено на одномъ изъ предшествующихъ сходовъ, и крестьяне рѣшили предпринять осушку мѣстности, путемъ проведенія канавъ, и основательный ремонтъ дороги, съ помощью наемнаго труда, на счетъ имѣвшагося въ обществѣ капитала, образовавшагося отъ продажи вымороченныхъ земельныхъ участковъ. Немедленно наняты были землекопы и плотники. Тотчасъ же и приступлено было къ неотложнымъ работамъ.

Настоящій сходъ долженъ былъ именно составить подробный планъ дальнѣйшихъ работъ и порядокъ и условія доставки матеріала. Это и было сдѣлано имъ, послѣ разрѣшенія описанныхъ дѣлъ, съ рѣдкою основательностью. Остальная большая половина схода производила особо благопріятное впечатлѣніе,—рѣдко получаемое отъ крестьянскихъ сходовъ.

Предпринятое дѣло, казалось, будетъ закончено безъ помѣхи и съ большимъ успѣхомъ.

Но этого не случилось...

VII.

Іюньскій день,—одинъ изъ тѣхъ, которые, по пословицѣ, «годъ кормятъ». Жарко, солнечно, слегка вѣтряно. У многихъ подкошено сѣно, попавшее подъ дождь на цѣлыхъ два ненастныхъ дня, бывшихъ передъ тѣмъ. Нужно бы осушить его сегодня. Но вмѣсто того, крестьянамъ сельскаго общества, затѣявшаго исправленіе дорогъ, приходится итти на сходъ, созываемый по требованію земскаго начальника и имѣющій происходить въ личномъ его присутствіи. Зачѣмъ, по какому случаю? Объ этомъ большая часть недоумѣвающихъ домохозяевъ узнаетъ въ правленьи,—объ этомъ теперь и рѣчь среди собравшихся и сидящихъ въ корридорѣ, на крыльцѣ и въ помѣщеніи правленья.

— Вотъ, земской потребовалъ въ такую то пору, когда

у другого, можетъ, десять возовъ сѣна въ мокрыхъ кучахъ лежатъ да такой погоды дожидаются, ропщутъ прибывающіе.— Слышно, не хочетъ давать денегъ на осушку и исправленіе дорогъ. Зачѣмъ-де не спросили его?! А почемъ мы знаемъ, что нужно спрашивать?! Со старосты бы и взыскивалъ!

Сходъ созывался къ десяти часамъ. Но несмотря на строгій «приказъ» о явкѣ, члены его собирались съ необычайною медленностью. Только къ двѣнадцати часамъ оказалось въ сборѣ наименьшее число домохозяевъ, признанное достаточнымъ для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ. Между тѣмъ, земскаго начальника все не было. Это усиливало нетерпѣніе собравшихся. Прошелъ еще часъ. Неудовольствіе стало выражаться громче и громче. Казалось, что земскій начальникъ и не пріѣдетъ. Многіе выражали желаніе уйти. Но староста настаивалъ на томъ, чтобы подождать хоть до двухъ часовъ.

— Все равно, говорилъ онъ,—день потерянъ.

Вниманіе лицъ, наблюдавшихъ за дорогою, которая открывалась передъ окнами волостного правленья и по которой долженъ былъ пріѣхать земскій начальникъ, стало притупляться, и около двухъ часовъ онъ подъѣхалъ почти незамѣтно, неожиданно, такъ какъ притомъ подъѣхалъ не въ собственномъ экипажѣ, не на своей тройкѣ, а въ корзинкѣ, на одной лошади, управляемой какою то женщиною. Старосты и судьи со старшиною, выбѣжавшіе стремглавъ, не успѣли и встрѣтить его у подъѣзда, и только проводили въ отводимое ему помѣщеніе (квартиру волостного писаря, который въ такихъ случаяхъ куда то выбирался съ семьей). Старшина остался съ нимъ,—прочія должностныя лица тотчасъ вернулись въ залу.

— Должно быть, судить будетъ,—у нея дѣло,—послышались среди присутствующихъ замѣчанія о женщинѣ, съ которой пріѣхалъ земскій начальникъ.

Но оказалось, что онъ пріѣхалъ съ нею по случаю поломки въ дорогѣ собственнаго экипажа. Случай былъ кстати,— хотя поломка произошла не на тѣхъ дорогахъ, которыя исправлялись капитально.

Волостной старшина, вскорѣ вернувшись въ залу и объяснивъ одному изъ старостъ, что у экипажа земскаго начальника сломалась ось и что для исправленія ея нужно будетъ доставить экипажъ въ кузницу въ Соснино (находившееся верстахъ въ пяти отъ Коровина), предложилъ ему немедленно достать для этого у кого нибудь лошадь. Староста, однако,

отозвался, что здѣсь, въ Коровинѣ, онъ не могъ бы ни у кого достать лошадь и что лучше всего это можетъ исполнить сотскій. Тогда Ивановъ отрядилъ сотскаго добывать лошадь для отправки въ кузницу экипажа земскаго начальника. Черезъ нѣсколько времени подъѣхала и тройка земскаго начальника, волоча поломанный тарантасъ.

Между тѣмъ, старостѣ разрѣшено было открыть сходъ и разрѣшить другія дѣла, если есть,—кромѣ того дѣла, для котораго нарочно пріѣхалъ земскій начальникъ. Одно дѣло, кромѣ этого, и оказалось. По открытіи схода, читается прошеніе дряхлой, тутъ же выступающей старушки Веревкиной о томъ, что въ свое время она, съ разрѣшенія общества, продала внуку домъ съ надѣломъ земли за семьдесять рублей; но онъ заплатилъ пока пятнадцать рублей и больше не платитъ; поэтому, она проситъ землю и домъ отъ него отобрать.

Внукъ-покупщикъ отговаривается передъ сходомъ сначала неимѣніемъ денегъ. Но затѣмъ онъ соглашается дать сейчасъ три рубля и въ «Петровъ день» (29 іюня)—черезъ нѣсколько дней—еще восемь рублей. Старухѣ, однако, этого мало. Если онъ будетъ такъ неаккуратенъ, то—заявляетъ она—«умру и не буду имѣть чѣмъ похорониться»... Покупщика усовѣщиваютъ. Тѣмъ временемъ на сходъ является начальникъ.

— Ну, кончайте, что-ли! нетерпѣливо предлагаетъ онъ, усѣвшись на столъ и закуривая папиросу.

Но первое дѣло прикончить такъ скоро нельзя. Возникаютъ споры, попреки. Старуха начинаетъ плакать. Пренія становятся, не въ мѣру обстоятельствъ, громкими.

— Тише, тише!—не орите такъ! окрикиваетъ сходъ земскій начальникъ.

Окрикъ этотъ раздается еще нѣсколько разъ.

Въ концѣ концовъ, сходъ устраиваетъ соглашеніе на томъ, что покупщикъ заплатитъ своей бабкѣ теперь же четыре рубля, въ «Петровъ день»—десять рублей и къ Рождеству—тоже десять рублей.

Земскій начальникъ вновь торопитъ сходъ, желая поскорѣй перейти къ слѣдующему—главному дѣлу.

— Но какже, батюшки? задерживаетъ движеніе дѣла старуха:—вѣдь, мнѣ то самой пріѣзжать къ нему за деньгами будетъ утрудительно?

— Самъ привезетъ, успокаиваетъ ее кто то.

— Да, привезетъ,—дожидайся! возражаютъ другіе.

Рѣшено, чтобы деньги доставлялись покупщикомъ въ волостное правленье. Затѣмъ, читается и приговоръ съ изложеніемъ приведенныхъ условій и съ присоединеніемъ писаремъ отъ себя словъ: «а остальное платить по силѣ возможности»...

Земскій начальникъ обнаруживаетъ вновь нетерпѣливое желаніе перейти къ своему дѣлу...

— Нѣтъ, господа, нужно обусловить, поднимаетъ, однако, въ это время одинъ изъ членовъ схода вопросъ по поводу послѣднихъ прибавленныхъ писаремъ отъ себя словъ приговора.

— Этакъ онъ ей будетъ по рублю въ годъ уплачивать! поддерживаетъ его другой членъ схода.

Тогда уже окончательно установляется, что внукъ - покупщикъ долженъ уплачивать своей бабкѣ остальную сумму съ будущаго года по три рубля въ мѣсяцъ.

Дѣло окончено. Приговоръ прочитанъ. Подписываться онъ будетъ послѣ. Теперь можно приступить ко второму дѣлу.

Воцаряется нѣсколько неловкое молчаніе.

— А вы тутъ канавы роете! прерываетъ его земскій начальникъ, съ сердитою насмѣшкою.—Зря все это!

— Какъ зря, ваше высокоблагородіе? возражаютъ ему разомъ нѣсколько лицъ.—Да проѣхать-пройти было невозможно!

— Такъ и исправляли бы своими руками!

— Гдѣ тутъ было!

— Не исправишь!

— Исправляли же прежде, говоритъ земскій начальникъ въ отвѣтъ на возраженія.

— Такъ что это было и за исправленіе!

— Одинъ разъ нужно было это сдѣлать, какъ слѣдуетъ.

— Такъ сложились бы, въ шапку бы набрали денегъ! предлагаетъ опять земскій начальникъ.

— Да не наберешь и тридцати рублей!

— Годъ тяжелый!

— И такъ много разныхъ платежей!

Въ этомъ смыслѣ сдѣлано было еще нѣсколько замѣчаній. Крестьяне доказывали, что иначе поступить было имъ нельзя.

— А я мірского капитала не дамъ ни копѣйки! рѣшительно прекращаетъ споръ свой съ сельскимъ сходомъ земскій начальникъ.

— Ваше высокоблагородіе! нѣсколько молящимъ тономъ упрашиваютъ его нѣкоторые члены схода.

— Не дамъ! упрямо повторяетъ земскій начальникъ.

— Нѣтъ ужъ, ваше высокоблагородіе, не откажите! продолжаютъ умолять его.

— А когда тратятъ мірской капиталъ, такъ спрашиваютъ земскаго начальника, съ упрекомъ. но уже нѣсколько смягчаясь, въ виду униженныхъ просьбъ, замѣчаетъ земскій начальникъ.

— Въ этомъ мы виноваты, ваше высокоблагородіе! сознаются теперь нѣкоторые члены схода въ той винѣ, которую возлагали раньше на старосту.

— Простите ужъ насъ! умоляютъ даже другіе.

— На что же мы и капиталъ этотъ копили? Въ другихъ обществахъ его нѣтъ, а доходная статья одна. И мы могли бы получать земельныя деньги и тратить ихъ такъ чтобы вы и не знали, дѣлаются еще замѣчанія со стороны болѣе независимой части схода.

— Ну, этого теперь нельзя! самоувѣренно возражаетъ земскій начальникъ.

— Въ другихъ обществахъ дѣлается! не менѣе увѣренно возражаютъ ему.

— Да и какъ было не исправлять дорогу!? Вотъ вы теперь и по порядочной дорогѣ ѣхали, да тарантасъ сломали, а по нашей бы поѣхали, такъ и лошадей бы утопили, продолжаютъ убѣждать земскаго начальника нѣкоторые члены схода.

— Своими бы силами и исправляли! настаиваетъ онъ, однако.

— Да теперь самимъ исправлять все равно что воду въ ступѣ толочь, довольно смѣло заявляетъ кто то и конфузится передъ сердитымъ взглядомъ земскаго начальника.

На сходѣ присутствуетъ подрядчикъ-землекопъ, и нѣкоторые члены обращаютъ вниманіе земскаго начальника на его положеніе и на положеніе его рабочихъ,—пришлаго люда.

— Подрядчику нужно разсчитывать рабочихъ!

— У иного рабочаго дома то голодомъ сидятъ теперь. Онъ требуетъ съ подрядчика часть жалованія впередъ, чтобы послать домой. Съ тѣмъ и нанимается.

— Подрядчикъ предъявитъ искъ. Станетъ тратиться понапрасну. Мы окажемся вродѣ какъ бы несостоятельными, не станемъ платить рабочему человѣку... Стыдно будетъ! приводятъ нѣкоторые члены схода новые доклады.

— Капиталъ есть, а платить не будемъ, поддерживаютъ ихъ другіе.—Что же это будетъ?!

Но земскій начальникъ упрямо стоитъ на своемъ.

— Наберите въ шапку! предлагаетъ онъ.

— Ничего не наберешь! вновь говорятъ ему.

Въ концѣ концовъ, земскій начальникъ склонился, однако, на неотступныя просьбы и согласился на то, чтобы часть капитала была взята изъ банка и уплачена подрядчику за выполненныя имъ работы, но съ тѣмъ, чтобы капиталъ былъ пополненъ путемъ увеличенія раскладки мірскихъ сборовъ втеченіе двухъ лѣтъ. Сходъ съ крайнею неохотою принялъ последнее условіе, подчинившись, повидимому, больше тому, что время было позднее и всѣ чувствовали большое утомленіе послѣ цѣлодневнаго безплоднаго дежурства въ правленьи. Продолжать умолять земскаго начальника и препираться съ нимъ ни у кого не оказалось охоты. Неудовольствіе, возбужденное оборотомъ дѣла, выражалось только въ ворчаньи среди членовъ схода, пока подписывался ими наскорю составленный приговоръ.

— За свой-то капиталъ, да и кланяйся!—Лучше его порѣшить!—Ждать, что ли, пока украдутъ!?—Земскій начальникъ долженъ былъ бы благодарить, а онъ!—Да и можетъ ли онъ не дать капиталъ то, коли нужно?—Его онъ, что ли, капиталъ-то?!

Крестьяне явно сомнѣвались въ правильности дѣйствій земскаго начальника. Но они не знали точно, что въ виду ст. 36 пол. о зем. нач., приговоръ схода по настоящему дѣлу, предполагающій затрату мірского капитала, могъ быть, въ случаѣ несогласія земскаго начальника на содержавшіяся въ немъ распоряженія общества, лишь представленъ имъ съ своимъ заключеніемъ на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда; что съѣздъ могъ отмѣнить подобный приговоръ, согласившись съ земскимъ начальникомъ, хотя въ данномъ случаѣ это едвали могло бы случиться, такъ какъ земскому начальнику было бы нечѣмъ подкрѣпить свое отрицательное заключеніе; но что самъ земскій начальникъ „не давать ни копѣйки“ мірского капитала на тотъ или другой предметъ—не могъ.

По подписаніи приговора сходъ быстро разошелся. Но настоящее дѣло этимъ не кончилось. Собственно дальнѣйшія работы по осушкѣ земли и ремонту дорогъ были прекращены. Планъ работъ, составленный на предшествующемъ сходѣ, выполненъ не былъ. Но—случайность помогла вновь возникнуть вопросу о способахъ и о порядкѣ покрытія расхода, произведеннаго уже на выполненныя работы. Новинскому сельскому обществу пришлось еще разъ категорически высказать свое неудовольствіе по поводу крайне неохотно, почти про-

тивъ воли, принятаго условія о пополненіи затраченной на дѣло части мірского капитала путемъ раскладки втеченіе двухъ лѣтъ,—условія тяжелаго, по свойству того положенія, въ которомъ находились крестьяне, такъ какъ въ одинъ изъ предшествующихъ годовъ былъ неурожай озимаго хлѣба, а въ другой годъ яровой хлѣбъ былъ побитъ градомъ.

VIII.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ послѣ описаннаго схода. Послѣ лѣтней рабочей поры и затишья въ общественныхъ дѣлахъ, наступила осень. Я пришелъ въ Коровино, услыхавъ о предстоящемъ сельскомъ сходѣ и не догадываясь даже, какой большой интересъ будетъ онъ представлять. Въ корридорахъ правленія уже собрались въ значительномъ числѣ крестьяне новинскаго сельскаго общества. Нетрудно было сразу же замѣтить среди нихъ нѣкоторое необычное возбужденіе,

— О чемъ сегодня? спросилъ прибывшій одновременно со мною крестьянинъ встрѣтившагося Каменева, о которомъ, какъ о мѣстномъ адвокатѣ, была уже рѣчь выше.

— А насчетъ канализаціи, отвѣчалъ онъ.—Земскій начальникъ все препятствуетъ. Прослышалъ, что это я предложилъ. Ну, и на дыбы. Изорвалъ тогда одинъ приговоръ совсѣмъ, въ клочки... [1]) „Не дамъ—говоритъ—денегъ. Въ шапку собирайте!“ А чего соберешь въ шапку?! „Сами поправляйте!“ Да какъ мы поправимъ? Надолго ли это будетъ? Сколько будетъ стоить намъ это переливаніе изъ пустого въ порожнее? „Не дамъ ни копѣйки!“—говоритъ—да и только. Тогда и на сходѣ такъ заявилъ. Настоялъ, чтобы въ раскладку былъ внесенъ расходъ. Но на что же капиталъ то? На какіе предметы можно его употреблять? Хоть бы разъяснилъ! Знали бы, по крайней мѣрѣ. Хотимъ, вотъ, приговоромъ просить разъясненія у губернатора. Поднимемъ объ этомъ сегодня вопросъ. Да предсѣдательствовать то на нашемъ сельскомъ сходѣ приказалъ старшинѣ. „Староста — говоритъ — не годится,— слабъ“. А старшина подзуживаетъ. Потому, мы его не пригласили тутъ распоряжаться. Онъ же любитъ во все совать носъ. Вотъ такъ то у насъ сегодня сельскій староста на сходѣ будетъ ни причемъ.

Сходъ открытъ былъ, однако, старостой и засѣдалъ подъ

[1]) Такого рода случаи могутъ происходить тѣмъ легче, что приговоры сходовъ пишутся не прямо въ извѣстную книгу, особо установленную для этого закономъ, а на отдѣльныхъ листахъ, которые легко уничтожать.

его предсѣдательствомъ, пока происходилъ выборъ десятскихъ. Когда же очередь дошла до этого дѣла, староста оставилъ свое мѣсто и отошелъ въ сторону.

Подготовленное къ щекотливому вопросу, собраніе особенно внимательно. Тишина... Ивановъ вынимаетъ свой знакъ и садится за столъ на мѣсто старосты. Видимо, онъ смущенъ самъ своей ролью и не безъ замѣшательства объявляетъ о дѣлѣ, предстоящемъ теперь сходу, ни однимъ словомъ не поясняя, почему именно онъ выступаетъ предсѣдателемъ на сельскомъ сходѣ:

— Вотъ, въ прошлый разъ постановили, значитъ, вынуть изъ банка двѣсти рублей для уплаты землекопу, но не указали, кому это поручаете...

Это и былъ, какъ оказалось, внѣшній случайный поводъ, предоставившій новинскому сельскому сходу возможность вновь поговорить объ исправленіи дорогъ. Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ и еще раньше чѣмъ кто либо успѣлъ раскрыть ротъ, писарь прочиталъ уже готовый приговоръ: „Бывъ сего числа на сельскомъ сходѣ, подъ предсѣдательствомъ нашего волостного старшины Иванова, по личному словесному приказанію господина земскаго начальника, имѣли сужденіе по дѣлу о покрытіи расхода на приведеніе дорогъ въ надлежащій видъ и постановили: просить нашего уважаемаго земскаго начальника разрѣшить намъ: 1) вынуть изъ банка хранящійся тамъ выигрышный билетъ государственнаго земельнаго дворянскаго банка въ двѣсти руб.; 2) поручить это волостному старшинѣ; 3) уплатить слѣдуемое землекопу; 4) внести эту сумму въ раскладку и пополнить капиталъ втеченіе двухъ лѣтъ,— въ чемъ и подписуемся“...

Но когда былъ прочитанъ этотъ приговоръ, со всѣхъ сторонъ раздались дружныя восклицанія, направленныя, однако, не противъ того, что былъ прочитанъ готовый приговоръ—въ крестьянской общественной жизни это явленіе обыкновенное— а главнымъ образомъ, противъ послѣдняго пункта:

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы не хотимъ въ раскладку! Какая раскладка! И такъ она велика! Невозможно нынче,—годъ тяжелый! На что же и капиталъ! Изъ капитала,—безъ раскладки!

— Ишь ты,—ужъ и приговоръ готовъ для... нашего уважаемаго...—сдѣлано было, все-таки, и по этому поводу два-три замѣчанія.

Послѣ того какъ волненіе нѣсколько улеглось, Ивановъ обратился съ выговоромъ къ писарю, видимо еще болѣе сму-

щенный и его неловкостью, и дружнымъ отпоромъ со стороны схода:

— Что же ты! Развѣ можно! Когда же такъ дѣлается? Ты долженъ написать сначала одно предложеніе, а постановленіе послѣ... послѣ обсужденія...

Между тѣмъ, со стороны схода сдѣлано было еще нѣсколько однообразныхъ замѣчаній:

— Что такое?! Свой капиталъ, и не смѣй трогать его! Что за причина! Младенцы мы, что ли?!

Но тутъ Ивановъ, нѣсколько оправившись, вступилъ въ свою роль представителя воли земскаго начальника и далъ своеобразное объясненіе:

— Вотъ что, господа, началъ онъ.—Можетъ, ему нельзя... съ формальной стороны... Онъ для вашей же пользы. Онъ знаетъ, что, значитъ, нельзя. Вотъ, если бы вы вздумали пріобрѣсти что нибудь такое, что давало бы доходъ. Это было бы другое дѣло! Слова не скажетъ,—дастъ денегъ. Вонъ, овсяниковскіе постановили купить надѣлъ земли,—и разрѣшилъ, безъ разговору разрѣшилъ. И вамъ разрѣшитъ. А на это, значитъ, нельзя... съ формальной стороны...

Сходъ, однако, не удовольствовался этимъ объясненіемъ. Вновь раздалось со всѣхъ сторонъ:

— Если нельзя, такъ пусть укажетъ законъ!—Нельзя по закону, такъ и не нужно. Знать будемъ. Пусть разъяснитъ.—Мы закону подчинимся!—Да нѣшто можетъ быть такой законъ, чтобъ на это дѣло нельзя было затратить общественный капиталъ?!

— Просить, чтобы разрѣшилъ затратить деньги безъ раскладки, — а не разрѣшитъ, такъ уполномочить кого нибудь обратиться къ губернатору за разъясненіемъ, на что же могутъ быть употребляемы мірскіе капиталы, предлагаетъ Каменевъ.

— Да, да!—очень дружно поддерживаетъ сходъ это предложеніе.

— Такъ нельзя,—вродѣ какъ бы угрозы будетъ, возражаетъ Ивановъ.

— Что за угроза! Мы просимъ. Нужно же знать!—А то на дороги—и нельзя!—Избави Богъ, поѣхалъ бы губернаторъ!—Въ другое время тутъ и лошадей погубишь, и самъ пропадешь!—Что же не спросить губернатора? Не отдадутъ въ солдаты! Нынче по очереди,—иронизируетъ кто то.—Этакъ мы захотѣли бы купить вѣялку, молотилку... Тоже нельзя?

Сѣмянъ бы хорошихъ захотѣли пріобрѣсти замѣсто гамазейнаго сору... Тоже и это нельзя?—Нужно же знать, на что намъ можно тратить свои деньги!

Тутъ Ивановъ вновь попытался отстоять желанія земскаго начальника и сдѣлалъ это такъ:

— Онъ для васъ же, господа. Должно быть, не можетъ... съ формальной стороны... Нельзя же истратить капиталъ и не возвратить. Раскладка—самое лучшее. Капиталъ будетъ цѣлъ. А если тяжело, такъ, вѣдь, онъ, можетъ быть, думаетъ, что вы сдѣлаете такъ: въ раскладку помѣстили, а не собрали. Нужно бы собрать,—а не собрали. Нѣтъ и нѣтъ... Такъ и пройдетъ. Или, тамъ, землю продадите и покроете израсходованную сумму. Вотъ-те и раскладка!

Но сходъ рѣшительно отказался отъ предлагавшейся ему комедіи.

— Не желаемъ раскладки! раздались многочисленные голоса.

— Просить земскаго начальника, чтобы разрѣшилъ безъ раскладки, а не разрѣшитъ, то уполномочить кого либо на представленіе дѣла губернатору для разъясненія, формирулирует Каменевъ вновь свое скромное предложеніе.

И сходъ опять съ большимъ единодушіемъ принимаетъ это предложеніе. Каменевъ намѣчается и въ качествѣ уполномоченнаго. Тѣмъ не менѣе, читаемый затѣмъ приговоръ оказывается составленнымъ въ слѣдующемъ видѣ: «Бывъ сего числа на сельскомъ сходѣ, подъ предсѣдательствомъ волостного старшины Иванова, по словесному приказанію господина земскаго начальника, слушали предложеніе волостного старшины, который предлагалъ: 1) вынуть изъ банка выигрышный билетъ государственнаго земельнаго дворянскаго банка въ 200 р.; 2) поручить это волостному старшинѣ; 3) уплатить слѣдуемое землекопу за произведенныя работы; 4) просить нашего уважаемаго земскаго начальника—разрѣшить намъ не вносить въ раскладку упомянутую сумму и капиталъ не пополнять».

Никто не сталъ протестовать противъ извращенія постановленія, сдѣланнаго сходомъ. «Оппозиціонный духъ», хотя онъ и охватилъ весь сходъ,—оказался уже окончательно истощеннымъ. Всѣ начали подписывать приговоръ въ настоящемъ видѣ, и онъ вышелъ, по обыкновенію, единогласнымъ.

Но зато Каменевъ скоро подвергся въ административномъ порядкѣ карѣ, обыкновенно постигающей такъ называемыхъ «крикуновъ».

Подошли новые выборы въ члены волостного схода; Каменевъ былъ назначенъ опять представителемъ отъ своей деревни; но... на слѣдующемъ же сходѣ избирателямъ было объявлено, что уѣздный съѣздъ, въ административномъ присутствіи, согласно съ заключеніемъ земскаго начальника, отмѣнилъ ту часть приговора общества, которая касалась назначенія Каменева выборнымъ...

Крестьяне «съ голосомъ», окрещенные въ «крикуновъ» (такъ какъ и нельзя на нынѣшнихъ сходахъ иначе какъ крикомъ подавать голосъ),—нерѣдко лишаются въ настоящее время, какъ Каменевъ, въ административномъ порядкѣ, своихъ особенныхъ правъ состоянія,—правъ на участіе въ общественномъ самоуправленіи. И для нынѣшняго времени это еще прогрессъ! Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, противъ того же Каменева было пущено прежнимъ «Ивановымъ», болѣе сильное средство,—политическій доносъ, вызвавшій пріѣздъ въ волость жандармской и прокурорской властей и арестъ представителя крестьянскаго самоуправленія, пожелавшаго стоять за общественные интересы... Все кончилось тогда, правда, благополучно. Каменевъ немедленно указалъ на источникъ доноса,—на рядъ жалобъ, поданныхъ имъ въ мѣстныя крестьянскія учрежденія, и былъ освобожденъ безъ всякихъ послѣдствій. Крупная непріятность была, всетаки, ему причинена. Любопытно, что доносчика постигъ ударъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ получилъ извѣстіе объ освобожденіи Каменева. Такъ былъ онъ пораженъ тѣмъ, что не удалось погубить врага! Онъ думалъ, что тотъ разомъ и навсегда будетъ отправленъ далеко-далеко въ «смолевой кибиткѣ».

IX.

Такъ или иначе, крестьяне новинскаго сельскаго общества, какъ видно, проявили, все-же, нѣкоторую смѣлость, обнаруживъ въ дѣлѣ исправленія дорогъ стремленіе обратиться къ губернатору за разъясненіемъ,—стремленіе, выражавшее, несомнѣнно, желаніе принести жалобу, отстоять свои права и интересы.

Проявленная новинскимъ сельскимъ сходомъ, хотя и ничтожная степень смѣлости и самостоятельности — представляется въ особенности непонятною и неожиданною при сопоставленіи съ тѣмъ, что почти тѣ же самыя лица, которыя такъ явно становились сейчасъ въ упомянутомъ дѣлѣ «въ оп-

позицію» къ земскому начальнику, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не осмѣливались составить «оппозицію» и волостному старшинѣ и испросить у земскаго начальника объясненіе того, что на сходъ для учета старшины собраны имъ старые, а не новые выборные... Въ чемъ же дѣло? Въ томъ ли только, что крестьяне были особенно возмущены, встрѣтивъ со стороны земскаго начальника описанный пріемъ въ своихъ начинаніяхъ, казавшихся имъ безспорно хорошими и заслуживавшими вниманія? Нѣтъ, не въ этомъ только заключается объясненіе столь страннаго явленія. Причина—та, что незадолго до описаннаго «оппозиціоннаго» схода, скончался здѣсь губернаторъ, предоставлявшій особо широкій просторъ для дѣятельности земскимъ начальникамъ, предписавшій имъ въ первомъ же циркулярѣ говорить крестьянамъ не иначе какъ «ты» и, при открытіи дѣйствій новыхъ административныхъ установленій, объявлявшій населенію, указывая на земскихъ начальниковъ: «Вотъ ваши новые начальники, на мѣсто всѣхъ прежнихъ! Слушаться ихъ! Какъ они рѣшатъ, такъ тому и быть. Жаловаться на нихъ—некуда, некому, незачѣмъ»... [1]) Вскорѣ же послѣ смерти этого губернатора, на его мѣсто назначенъ былъ новый губернаторъ, — и одновременно съ прибытіемъ послѣдняго, возникъ слухъ, что онъ, съ своей стороны, предполагаетъ подвергнуть строгой ревизіи дѣятельность земскихъ начальниковъ и, между прочимъ, объѣхать «всѣ волости лично». Откуда возникъ подобный слухъ? Дѣйствительно ли новый губернаторъ высказывалъ кому либо подобныя предположенія? Совершенно неизвѣстно. Такъ или иначе, но слухъ быстро и широко распространился по губерніи и принятъ былъ съ непоколебимою увѣренностью въ его достовѣрности. Очевидно, слухъ этотъ попалъ на хорошую, воспріимчивую почву, — на почву твердаго и яснаго сознанія населеніемъ того, что положеніе дѣлъ настоятельно требуетъ непосредственнаго и живого вниманія правительственной власти...

Отсюда то именно проистекаетъ, главнымъ образомъ, и смѣлость, проявленная крестьянами новинскаго сельскаго общества. Отсюда же, кстати сказать, и большое

---

[1]) Признакомъ того, насколько дорожилъ, напримѣръ, мѣстный земскій начальникъ памятью покойнаго губернатора, служатъ предписанія, разосланныя имъ по волостнымъ правленіямъ участка—служить панихиды по скончавшемся на мірской счетъ: на гробъ же его предписано было нѣсколькимъ волостнымъ старшинамъ возложить вѣнокъ, образовавъ изъ себя особую депутацію: панихиды предписано было совершать на мірской счетъ и въ годовщину смерти губернатора. Распоряженіе этого рода не было единично.

число жалобъ, направляющихся непосредственно къ новому губернатору, и значительное число попытокъ къ личнымъ объясненіямъ съ нимъ со стороны крестьянъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе серьезныя дѣла. Крестьяне стали разсчитывать и на вниманіе, и на безпристрастіе, и на защиту со стороны той высшей въ губерніи правительственной власти, которая и учреждена для этого закономъ. Въ сознаніи населенія сохранилось представленіе о томъ, что законъ еще существуетъ, что онъ не отмѣненъ цѣликомъ для крестьянъ, что земскій начальникъ не можетъ говорить теперь всѣмъ крестьянамъ такъ, какъ говорилъ прежде «баринъ» своимъ крестьянамъ: «я—для васъ законъ!»; что пословица—«для мужиковъ законъ неписанъ» — не возстановлена вовсе юридически; что земскій начальникъ, являясь въ значительной степени властью сословною и дискреціонною, не совсѣмъ еще выдѣленъ изъ ряда другихъ носителей правительственной власти въ губерніи и далеко еще не вполнѣ освобожденъ отъ подчиненія закону, суду и начальству. Существовавшее положеніе вещей признавалось временнымъ, случайнымъ, неимѣвшимъ опоры въ законѣ и не только не могущимъ, но—какъ державшееся уже нѣсколько лѣтъ, слишкомъ долго—и долженствующимъ измѣниться съ простою перемѣною въ составѣ высшаго управленія губерніею...

А какими способами усыплялось вниманіе покойнаго губернатора и давалось понять крестьянамъ, какъ онъ далекъ отъ нихъ и какъ, наоборотъ, близокъ къ земскимъ начальникамъ,—показываетъ слѣдующее «дѣло», которымъ незадолго до послѣднихъ описанныхъ событій пришлось «заниматься» одному изъ волостныхъ сходовъ губерніи. Въ дѣлѣ этомъ, кстати, наблюдается любопытное соединеніе—и губернаторомъ, и земскимъ начальникомъ, и представителями крестьянскаго самоуправленія—интересовъ и отношеній чисто-частнаго вотчиннаго управленія съ интересами, отношеніями и дѣятельностью крестьянскаго самоуправленія, — примѣненіе начала всесословности... не въ томъ только смыслѣ и не для того, какъ желательно и необходимо широкое развитіе этого начала.

Волостной сходъ въ селѣ, составляющемъ средоточіе и общественнаго управленія волостью, и частнаго, вотчиннаго управленія обширнымъ помѣщичьимъ имѣніемъ. Сходъ—немногочисленъ. Среди членовъ — тишина и внѣшній порядокъ. Видно, что здѣсь особо горячихъ преній не полагается. Противъ волостного правленья, черезъ улицу, находится квартира

земскаго начальника, — особый домъ, построенный вотчиннымъ управленіемъ имѣнія. Сооруженіе это каждый выборный необходимо созерцаетъ изъ оконъ волостного правленья. Архитектура его, должно быть, тяжеловѣсна — и видимо давитъ представителей «самоуправляющагося» населенія. Самъ земскій начальникъ всегда присутствуетъ здѣсь при разрѣшеніи сходами общественныхъ дѣлъ и пріучилъ представителей самоуправленія къ должному «порядку» и сознанію «предѣловъ» своей самостоятельности... На сей разъ его нѣтъ. Все идетъ, однако, и такъ очень гладко, какъ по-писаному. Одно за другимъ, безъ преній, принимаются сходомъ дѣлаемыя предложенія. Наконецъ, очередь доходитъ до своеобразнаго «дѣла»... Волостной старшина читаетъ письмо губернатора къ земскому начальнику,—письмо короткое, правда, но выразительное: «Милостивый государь, Сидоръ Карповичъ! Сердечно благодарю васъ, сельское и волостное управленіе—ской волости, а равно вотчинное управленіе—скимъ имѣніемъ за выраженныя мнѣ добрыя чувства по поводу полученія мною монаршей милости... Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью губернаторъ N.»

Сходъ выслушалъ это письмо съ должнымъ «благоговѣніемъ».. Вслѣдъ же за этимъ былъ прочитанъ и подписанъ... какъ принятый единогласно... заранѣе составленный приговоръ: ...«выразить нашему уважаемому земскому начальнику глубочайшую признательность за его заботливость о своевременномъ поздравленіи его превосходительства господина начальника губерніи съ монаршею милостью»...

Какъ видно, недоставало только выраженія здѣсь благодарности со стороны вотчиннаго управленія помѣщичьимъ имѣніемъ... хотя бы и безъ уполномоченія со стороны владѣльца...

X.

Представленныя картины общественной жизни въ деревнѣ—правдивы и взяты притомъ не изъ самой тяжелой дѣйствительности. Онѣ взяты изъ жизни губерніи съ сравнительно развитымъ крестьянскимъ населеніемъ, среди котораго и произволъ не можетъ проявляться такъ свободно, какъ проявляется онъ въ «медвѣжьихъ углахъ». Здѣсь произволъ нѣсколько сдерживается. Оттого и извѣстныя описываемыя стороны мѣстной крестьянской общественной жизни не такъ еще ярки, вопіющи, какими онѣ, несомнѣнно, представляются въ другихъ мѣстахъ—съ населеніемъ, въ которомъ слабѣе развито право-

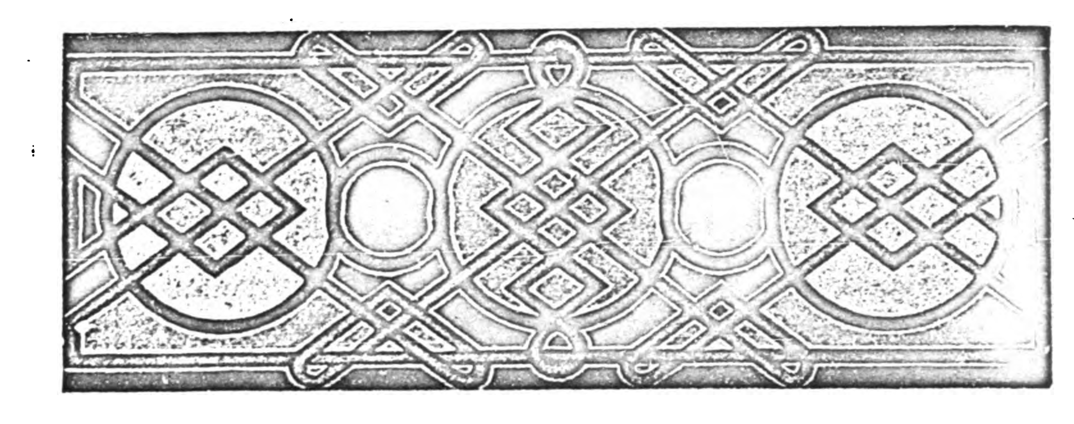
сознаніе... Тѣмъ печальнѣе размышленія, на которыя должны наводить эти картины,—размышленія, необходимо направляющіяся къ общему юридическому положенію крестьянъ, ко всѣмъ крайне неблагопріятнымъ условіямъ ихъ правового состоянія и къ необезпеченности ихъ самоуправленія со стороны всяческаго вмѣшательства...

Съ точки зрѣнія нынѣшняго юридическаго положенія крестьянъ, какъ оно выражено въ законѣ, совершенно ясно, почему картины крестьянской общественной жизни таковы даже въ губерніи съ сравнительно развитымъ крестьянскимъ населеніемъ и среди притомъ разряда крестьянъ, болѣе или продолжительное время пользующагося личною свободою,—почему картины эти и не могутъ быть иными... [1]) Ясно также, что дѣло не можетъ такъ продолжаться, и что должны быть предприняты необходимыя общія мѣры къ его исправленію: широкое развитіе народнаго образованія и просвѣщенія; точное опредѣленіе закономъ юридическаго положенія крестьянъ на началахъ равенства съ лицами прочихъ сословій въ области общихъ правъ, правъ личности; поднятіе уровня самоуправляющагося сельскаго населенія, путемъ введенія въ составъ сходовъ и ихъ исполнительныхъ органовъ лицъ всѣхъ сословій; особое обезпеченіе самостоятельности сельскаго и волостного самоуправленія, путемъ подчиненія строгимъ предѣламъ закона властей, осуществляющихъ право надзора за нимъ,—и вообще водвореніе и обезпеченіе законности. Наканунѣ XX столѣтія такія пожеланія, кажется, особенно умѣстны и отнюдь непреждевременны.

Н. Дружининъ.

---

[1]) См.: моя книга „Юридическое положеніе крестьянъ". Спб., 1897 г.



На рубежѣ XIX вѣка.

ІЙЕСЪ, какъ мы уже видѣли, давно работалъ надъ заговоромъ съ цѣлью уничтоженія конституціи III года, вмѣсто которой онъ хотѣлъ затѣмъ ввести свои собственныя конституціонныя фантазіи. Но тѣмъ временемъ случилось событіе, нарушившее честолюбивыя мечты аббата. Наполеонъ Бонапартъ прибылъ въ Парижъ, убѣжденный, что насталъ моментъ для захвата имъ власти.

Бонапартъ въ это время былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи. Это показало его тріумфальное шествіе отъ Фрежю до Парижа; восторгъ, съ которымъ населеніе встрѣчало побѣдителя при пирамидахъ и Абукирѣ, былъ безпредѣленъ. Можно было бы подумать, что французскій народъ, обнаружившій такую страсть къ свободѣ, исполнился теперь не менѣе страстнымъ стремленіемъ возможно скорѣе снова найти себѣ деспота, который попралъ бы его ногами. Деспота онъ долженъ былъ пріобрѣсти легче и скорѣе, чѣмъ свободу.

Когда Бонапартъ прибылъ въ Парижъ, правительство, которое собственно должно было отдать его подъ судъ за бѣгство съ поля битвы, встрѣтило его съ чрезмѣрными почестями. Всѣ партіи надѣялись на этого генерала, который обманулъ ихъ всѣхъ. Онъ былъ сдержанъ со всѣми, жилъ просто и уединенно на улицѣ Шантрень, совершенно не говорилъ о политикѣ и не принималъ никакихъ посѣщеній. Онъ прекрасно зналъ, что эта комедія раздражаетъ воображеніе французовъ и возвышаетъ его значеніе въ ихъ глазахъ. Вожди всѣхъ партій пытались примкнуть къ нему, но онъ вначалѣ отстранялъ ихъ всѣхъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ сперва ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и осторожно избрать себѣ союзниковъ.

Въ это время Люсьянъ Бонапартъ, младшій братъ генерала, былъ президентомъ совѣта пятисотъ. Люсьянъ, несмотря на свои молодые годы, проявилъ способности государственнаго человѣка; онъ обладалъ большимъ хладнокровіемъ и энергіей и былъ неразборчивъ въ средствахъ. Люсьянъ принималъ большое участіе въ заговорѣ, предшествовавшемъ государственному перевороту.

Узнавъ относительныя силы партій, генералъ Бонапартъ рѣшилъ соединиться съ партіей аббата Сійеса для уничтоженія конституціи. Хитрый дипломатъ Таллейранъ и Рёдереръ, съигравшій такую достопримѣчательную роль 10 августа 1792 г. въ Тюльери, устроили сближеніе между генераломъ и аббатомъ, что было не легко, такъ какъ каждый изъ нихъ былъ исполненъ одинаковымъ высокомѣріемъ, подозрительностью и тщеславіемъ. Рѣшено было оружіемъ принудить обѣ палаты къ принятію новой конституціи, придуманной Сійесомъ. Для выполненія этого переворота Бонапартъ долженъ былъ воспользоваться своей громадной популярностью въ арміи. И онъ притворился теперь, будто сочувствуетъ идеямъ Сійеса, съ тайнымъ намѣреніемъ послѣ захвата власти приспособить новую конституцію къ своимъ желаніямъ.

Сійесъ твердо вѣрилъ въ то, что онъ предназначенъ для великой роли, и употреблялъ большія усилія для распространенія заговора.

Незадолго до переворота палаты устроили банкетъ въ честь генераловъ Бонапарта и Моро. Уже на этомъ банкетѣ можно было замѣтить тѣнь предстоящаго переворота. Всѣ были серьезны и мрачны. Бонапартъ хотя и явился на банкетъ, но ничего не ѣлъ изъ опасенія быть отравленнымъ и скоро удалился. Это было 6 ноября 1799 г.; 8 ноября совершился государственный переворотъ.

Палаты всячески способствовали перевороту, сами того не зная и не желая. Въ бюджетѣ директоріи за 1799 г. до начала 1800 г. былъ дефицитъ въ 260 милліоновъ франковъ; новый принудительный заемъ далъ лишь небольшую сумму. Поэтому рѣшено было прекратить принудительные займы и къ прямымъ налогамъ прибавить дополнительный сборъ. Но при существовавшей тогда неурядицѣ въ сборѣ налоговъ это постановленіе не могло устранить затрудненій. Финансовыя затрудненія продолжали грозно тяготѣть надъ государствомъ.

Съ Барра Бонапартъ не могъ придти къ соглашенію, хотя и сдѣлалъ попытку къ этому; такимъ образомъ, онъ рѣшилъ устранить „партію гнилыхъ", какъ онъ называлъ Барра и его товарищей. Но самые выдающіеся офицеры, за исключеніемъ Бернадотта и Журдана, примкнули къ заговору. Даже Ожеро, который, какъ ярый республиканецъ, казался неудобнымъ, сказалъ Бонапарту: „вы, вѣдь, можете положиться на вашего маленькаго Ожеро!" Моро, Макдональдъ, Лефебвръ и многіе офицеры какъ въ арміи, такъ и въ національной гвардіи, готовы были слѣдовать за Бонапартомъ во всемъ, что бы онъ ни предпринялъ. Они еще не знали его послѣднихъ цѣлей.

Въ сенатѣ на сторонѣ заговорщиковъ было значительное боль-

шинство, въ совѣтѣ же пятисотъ меньшинство, руководимое Люсьяномъ Бонапартомъ. Люсьянъ былъ избранъ въ президенты совѣта пятисотъ, потому что его брата, генерала, считали тайнымъ якобинцемъ. Это заблужденіе должно было имѣть тяжелыя послѣдствія.

Заговоръ вселилъ разладъ и раздоръ въ среду представителей власти и вызвалъ ихъ на борьбу другъ съ другомъ. Побѣдительницей изъ этой борьбы должна была выйти та сторона, въ распоряженіи которой была военная сила. И какая изъ борющихся сторонъ должна была выйти побѣдительницей, сомнѣній въ этомъ быть уже не могло.

Бонапартъ самовольно призвалъ въ Парижъ нѣсколько полковъ, чтобы 8 ноября произвести имъ смотръ. Утромъ въ этотъ день въ его домѣ было чрезвычайно блестящее собраніе офицеровъ, столь многочисленное, что оно едва могло помѣститься въ домѣ генерала. Совѣтъ старѣйшинъ собрался въ 7 часовъ и „по ошибкѣ" не пригласилъ на засѣданіе своихъ демократическихъ членовъ. Съ большой поспѣшностью было рѣшено, что засѣданія обѣихъ палатъ должны быть перенесены въ Сенъ-Клу, такъ какъ въ Парижѣ онѣ, будто бы, не безопасны со стороны якобинцевъ. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта старѣйшинъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, представляли столь же устрашающую, какъ и лживую картину опаснаго положенія, въ которое будто бы поставили Францію якобинцы, устремляющіеся, дескать, теперь толпами въ Парижъ, чтобы возстановить систему террора. Члены совѣта старѣйшинъ, состоявшіе въ заговорѣ, со страху одобрили все, что отъ нихъ требовали. Такимъ образомъ, палаты были переведены въ Сенъ-Клу, чтобы въ рѣшительный моментъ онѣ были далеко отъ Парижа; Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ военныхъ силъ внутри страны и ему поручена была защита народнаго представительства. Такъ какъ среди якобинцевъ замѣтили нѣкоторое движеніе, то общественный совѣтъ былъ распущенъ, и Фуше, по соглашенію съ заговорщиками, велѣлъ запереть заставы города.

Уже въ 8 часовъ Бонапартъ получилъ декретъ, которымъ, точно въ насмѣшку, ему поручалась защита народнаго представительства. Онъ пригласилъ офицеровъ, собравшихся въ его домѣ, присягнуть ему и затѣмъ отправился въ совѣтъ старѣйшинъ, чтобы дать присягу на вѣрность конституціи, которую онъ какъ разъ теперь собирался уничтожить. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, уже не важно было больше или меньше одной ложной клятвой. *Онъ клялся постоянно защищать свободу и республику*, что также было ложной клятвой. Затѣмъ, комедія разыгралась быстро. Въ совѣтѣ пятисотъ декретъ о перенесеніи палатъ былъ прочитанъ какъ разъ во время обсужденія финансовыхъ дѣлъ. Пятьсотъ были изумлены и поражены; они хотѣли подвергнуть декретъ обсужденію, но президентъ, Люсьянъ Бонапартъ, прекратилъ всякія обсужденія, заявивъ, что дебаты могутъ продолжаться только въ Сенъ-Клу. Въ совѣтъ же старѣйшинъ явились директора: Сіесъ и Роже-Дюко и сдѣлали лицемѣрное заявленіе, что они должны сложить съ себя обязанности директоровъ, такъ какъ конституція

уже столь часто нарушалась. Немедленно Барра угрозами принудили тоже отказаться отъ должности, и онъ подъ прикрытіемъ уѣхалъ въ свои помѣстья. Съ этимъ отъѣздомъ жалкій Барра, конспирировавшій въ послѣднее время съ роялистами, навсегда сошелъ съ политическаго поприща. О его комплотахъ невозможно было получить точныхъ свѣдѣній, такъ какъ послѣ его смерти въ 1829 году бурбонское правительство велѣло конфисковать всѣ его бумаги.

Теперь директорія была уже почти совершенно уничтожена, потому что оставшіеся члены ея, демократы Гоіе и Муленъ, не могли принимать никакихъ постановленій, такъ какъ по конституціи для законности засѣданій директоріи нужно было присутствіе трехъ ея членовъ. Гоіе и Муленъ были достаточно наивны, чтобы поспѣшить къ Бонапарту и Сійесу со своими представленіями, которыя были съ насмѣшкою отвергнуты заговорщиками, чувствовавшими себя побѣдителями. Гоіе и Муленъ находились въ Люксембургскомъ дворцѣ подъ охраною отряда войска и, наконецъ, Гоіе, человѣкъ нѣсколько робкій, тоже вышелъ въ отставку.

Бонапартъ занялъ квартиру въ Тюльери и когда онъ быстро проходилъ по комнатамъ, казалось, что онъ уже вполнѣ убѣдился въ своей роли будущаго повелителя Франціи. *„Это должно кончиться“*, воскликнулъ онъ: *„я не хочу больше комплотовъ, не хочу никакихъ комплотовъ“!*

Втеченіе дня населеніе Парижа, остававшееся довольно безучастнымъ, узнало, что въ правительствѣ снова произошли перемѣны. Постановленіе совѣта старѣйшинъ, а также и отреченіе директоровъ были объявлены посредствомъ прокламацій, расклеенныхъ на стѣнахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появилась также и прокламація генерала Бонапарта, тонъ которой показывалъ, что Франція нашла своего господина. По адресу директоріи въ ней говорилось:

„Что сдѣлали вы съ этой Франціей, которую я оставилъ вамъ въ такомъ блескѣ? Я оставилъ вамъ миръ и застаю войну; я оставилъ вамъ побѣды и застаю пораженія; я оставилъ вамъ милліоны изъ Италіи и застаю нищету и грабительскіе налоги. Что сдѣлали вы съ тѣми стами тысячъ воиновъ, которыхъ я знаю, какъ товарищей моей славы? Они погибли!.. *Такое положеніе отъ не можетъ продолжаться: въ три года оно привело бы насъ къ абсолютизму“*.

Демократы пришли въ ужасъ отъ этого языка, которымъ уже такъ долго никто не говорилъ во Франціи. Ночью партіи совѣщались. Сійесъ совѣтовалъ Бонапарту арестовать до сорока депутатовъ. Но Бонапартъ не послѣдовалъ этому совѣту снова возмечтавшаго о себѣ аббата. Генералъ не вѣрилъ въ возможность серьезнаго сопротивленія.

Демократы не знали, какъ имъ защититься отъ насилія популярнаго генерала. Они сдѣлали то, что слабые всегда дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ, и рѣшили противъ военной безцеремонности сослаться на законъ.

Палаты явились 9 ноября (19 брюмэра) 1799 г. въ Сенъ-Клу, гдѣ готовился заключительный актъ государственнаго переворота. Они собрались въ замкѣ; въ галлереѣ Марса засѣдалъ совѣтъ старѣйшинъ, а въ оранжереѣ совѣтъ пятисотъ. Бонапартъ велѣлъ окружить замокъ войскомъ, которымъ командовалъ участвовавшій въ заговорѣ генералъ Сэррюрье.

Засѣданіе совѣта пятисотъ, за которымъ послѣдовали въ Сэнъ-Клу и его частные посѣтители, было чрезвычайно бурнымъ. Парламентаріи думали, что они уже выиграли дѣло, разъ они собрались вмѣстѣ и могли принимать постановленія. Депутатъ Годэнъ, принадлежавшій къ заговорщикамъ, предложилъ выразить благодарность сенату и побудить его къ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ для спасенія республики. Это предложеніе Іуды, слишкомъ рано открывшее карты противника, вызвало бурю. Поднялся страшный шумъ, и хотя демократическое большинство совѣта пятисотъ было противъ конституціи 1793 г., тѣмъ не менѣе оно считало своей обязанностью всѣми силами защищать её отъ государственнаго переворота. Среди шума и гама, несмотря на протестъ Люсьяна Бонапарта, рѣшено было, что каждый долженъ присягнуть на вѣрность существующей конституціи. Присяга немедленно же была дана съ большимъ увлеченіемъ и среди бурныхъ восклицаній: „да здравствуетъ республика“!

Бонапартъ, прибывшій съ Сійесомъ и Рожеръ-Дюко, не безъ изумленія узналъ о противодѣйствіи совѣта пятисотъ. Демократическій принципъ народной державности, установленный революціей, нѣсколько устрашилъ своей нравственной силой этого человѣка сабли и пушекъ, когда онъ рѣшался напасть на народное представительство съ обнаженнымъ оружіемъ. Поэтому онъ явился въ совѣтъ старѣйшинъ, ища здѣсь поддержки. Онъ взошелъ на ораторскую трибуну и, не привыкшій говорить передъ такимъ собраніемъ, началъ прерывающимся, дрожащимъ голосомъ:

„Граждане, вы находитесь не въ обыкновенныхъ условіяхъ,— вы стоите теперь на вулканѣ. Позвольте мнѣ дать нѣкоторыя объясненія. Вы нашли, что отечество въ опасности, вы распорядились о перенесеніи законодательнаго корпуса въ Сенъ-Клу, вы возложили на меня исполненіе вашего декрета. Я мирно жилъ въ лонѣ моей семьи, когда приказанія совѣта старѣйшинъ призвали меня къ оружію. Повинуясь вашему зову, я призвалъ моихъ товарищей по оружію на службу отечеству. Въ награду за это на меня клевещутъ, говорятъ о какомъ то новомъ Кромвелѣ, новомъ Цезарѣ. Граждане,—если бы меня соблазняла подобная роль, то мнѣ легко было бы выполнить ее, когда я въ моментъ величайшаго тріумфа вернулся изъ Италіи и партіи, какъ и армія, побуждали меня къ захвату верховной власти. Я этого тогда не сдѣлалъ и теперь не дѣлаю. Клянусь вамъ,—республика не имѣетъ болѣе безкорыстнаго гражданина, чѣмъ я. Мы окружены опасностями, намъ грозитъ гражданская война. *Не будемъ же рисковать благами, за которыя нами принесено столько жертвъ, свободой и равенствомъ*“!

Здѣсь демократическій депутатъ Ленгле прервалъ генерала,

повидимому, нарочно выражавшагося неясно, и воскликнулъ: *„Такъ, говорите же и о конституціи!“*

„Конституція!...“ отвѣтилъ Бонапартъ, на мгновеніе смутившись и остановившись:—*„У васъ уже нѣтъ конституціи! Вы сами уничтожили ее.* Вы уничтожили ее 18 фрюктидора нападеніемъ на народное представительство, 22 флорэаля уничтоженіемъ демократическихъ выборовъ, 30 прэріаля сверженіемъ двухъ директоровъ. Эта конституція, о которой говорятъ всѣ партіи, нарушена всѣми ими; всѣ партіи хотятъ и впредь нарушать ее. Всѣ дѣлали меня повѣреннымъ своихъ плановъ и просили меня поддерживать ихъ. Я этого не хотѣлъ, потому что я желалъ слѣдовать вашему зову. Окруженный моими братьями по оружію, я сумѣю защитить васъ. Увѣряю васъ именемъ тѣхъ храбрыхъ гренадеровъ, штыки которыхъ я вонъ тамъ вижу и которыхъ я такъ часто велъ противъ врага, увѣряю васъ именемъ ихъ мужества, что мы поможемъ вамъ спасти отечество. И если какой-нибудь, нанятый иностранцами, ораторъ осмѣлится говорить о томъ, чтобы объявить меня внѣ закона, я апеллирую къ моимъ товарищамъ по оружію. Вспомните, что меня повсюду сопровождалъ богъ побѣды и богъ счастья!“

Въ дверяхъ засверкали штыки гренадеровъ Бонапарта, что, конечно, произвело еще большее впечатлѣніе, чѣмъ угрозы самого Бонапарта. Сверхъ того, большинство совѣта старѣйшинъ было посвящено въ заговоръ. Никто не возражалъ. Когда Бонапартъ оставилъ залъ и былъ встрѣченъ громкими восклицаніями своихъ солдатъ, онъ чувствовалъ, что здѣсь онъ побѣдилъ.

Съ совѣтомъ пятисотъ управиться было не такъ легко.

Когда Бонапартъ достигъ оранжереи, гдѣ пятьсотъ какъ разъ теперь клялись охранять конституцію, онъ вошелъ въ залъ со шляпой въ рукѣ, между тѣмъ какъ его гренадеры остановились въ дверяхъ. При появленіи узурпатора моментально поднялся страшный крикъ и шумъ; кричали: *„Долой диктатора! Объявите его внѣ закона! Долой штыки!“* Народные представители въ тогахъ и беретахъ—ихъ форменное платье—массой оставили свои мѣста, бросились къ генералу и съ яростными угрозами окружили его. Демократическій депутатъ Бижоннэ схватилъ его за руку и воскликнулъ: *„Назадъ, наглецъ, вы оскорбляете святыню законовъ!“*

Бонапартъ былъ пораженъ и поблѣднѣлъ; тутъ онъ, очевидно, потерялъ самообладаніе. Его гренадеры окружили его и вывели изъ толпы. Въ самомъ залѣ суматоха продолжалась и сдѣлано было предложеніе объявить генерала Бонапарта внѣ закона. Люсьянъ сильно возражалъ противъ этого предложенія и напоминалъ о заслугахъ генерала. Ему отвѣчали, что эти заслуги еще не оправдываютъ государственнаго переворота. Наконецъ, Люсьянъ въ ярости сложилъ съ себя достоинство президента, и отрядъ гренадеръ вывелъ его во дворъ къ брату.

Бонапартъ теперь погибъ бы, если-бы онъ не принялъ быстраго рѣшенія. Онъ колебался,—онъ, который въ огнѣ битвы принималъ свои рѣшенія съ такой быстротой: яростное противодѣйствіе совѣта пятисотъ лишило его самообладанія. Люсьянъ

проявилъ въ этотъ день больше рѣшительности и твердости, чѣмъ его братъ. Комедія, разыгранная теперь обоими братьями, была нехороша и недостойна, и ея одной было бы достаточно, чтобы оставить неизгладимое пятно на памяти Бонапарта.

Хотя Люсьянъ сложилъ съ себя президентское достоинство, но передъ солдатами онъ все таки выступилъ, какъ президентъ. Онъ вскочилъ на коня, выѣхалъ передъ фронтъ неподвижно стоявшихъ гренадеровъ и обратился къ нимъ съ такими словами: „Граждане, солдаты! Президентъ совѣта пятисотъ объявляетъ вамъ, что большинство совѣта *держатъ въ страхѣ нѣсколько представителей съ кинжалами*, которые осаждаютъ ораторскую трибуну, угрожаютъ смертью своимъ товарищамъ и, такимъ образомъ, проводятъ самыя преступныя постановленія. Генералъ и вы, солдаты! вы будете признавать законодателями лишь тѣхъ, которые будутъ со мною. *Тѣхъ же, что остаются въ оранжереѣ, необходимо прогнать силою, потому что они не представители народа,— а представители кинжала*". Наконецъ, Люсьянъ клялся, что онъ убилъ бы своего брата, если бы тотъ предпринялъ что-либо противъ свободы. Эта комедія подѣйствовала на солдатъ. Наполеонъ Бонапартъ воскликнулъ: „*Президентъ, ваше требованіе будетъ сейчасъ же исполнено!*" Затѣмъ, генералъ обратился къ войску и сказалъ: „*Солдаты, я постоянно велъ васъ къ побѣдѣ,—могу ли я разсчитывать на васъ?*"—„*Да! да!*" раздалось въ рядахъ: „*да здравствуетъ генералъ!*" — „Солдаты", продолжалъ Бонапартъ: „можно было бы ожидать, что совѣтъ пятисотъ спасетъ отечество. Вмѣсто этого онъ ввергъ его въ самую яростную борьбу партій. Зачинщики смутъ стараются натравить его на меня. *Солдаты, могу ли я разсчитывать на васъ?*"—„Да да!—да здравствуетъ Бонапартъ!" воскликнуло войско, и Бонапартъ далъ приказъ разогнать совѣтъ пятисотъ штыками,—приказъ, который Мюратъ немедленно велѣлъ исполнить генералу Леклерку.

Пятьсотъ, увлеченные страстными дебатами послѣ ухода Люсьяна, не могли придти ни къ какому рѣшенію. У нихъ не было также энергіи для того, чтобы сдѣлать единственное, что они могли предпринять,—именно, отправиться въ Парижъ и призвать народъ противъ мятежнаго генерала. Насильственному перевороту они противопоставили „пассивное сопротивленіе", свидѣтельствующее лишь объ отсутствіи мужества и энергіи.

Леклеркъ, молодой безцеремонный солдатъ, шуринъ Бонапарта, является со своими гренадерами въ залъ засѣданія. Солдаты входятъ съ ружьями на-перевѣсъ. Леклеркъ кричитъ громкимъ голосомъ: „*Именемъ генерала Бонапарта! Совѣтъ пятисотъ распущенъ! Кто добрый гражданинъ, пусть удалится!*" Депутаты издаютъ крикъ возмущенія, но не оставляютъ своихъ мѣстъ; нѣкоторые изъ нихъ съ достоинствомъ драпируются въ тоги, точно они хотятъ умереть на своемъ посту, какъ нѣкогда римскіе сенаторы при вторженіи дикихъ галловъ. Но Леклеркъ командуетъ: „*гренадеры, впередъ!*" и ведетъ своихъ мирмидоновъ впередъ во всю ширину зала. Штыки сверкаютъ, бьютъ барабаны, и депутаты вскакиваютъ со своихъ мѣстъ съ крикомъ: „*да здравствуетъ рес-*

публика!" Гренадеры все идутъ впередъ, и депутаты, чтобы не быть пронзенными штыками, должны бѣжать черезъ окна оранжереи. Они обращаются въ бѣгство, и къ шести часамъ вечера Франція оказывается безъ конституціоннаго представительства и въ рукахъ военной власти.

Ясно, что такое собраніе не въ состояніи было защищаться кинжалами; впрочемъ, ложь Люсьяна и исторически доказана.

Еще вечеромъ насильственный переворотъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, былъ освященъ дополнительной легализаціей. Люсьянъ Бонапартъ собралъ меньшинство совѣта пятисотъ, состоявшее въ заговорѣ съ Бонапартомъ и Сіейесомъ. Оно приняло такое постановленіе: „*Директорія отмѣнена и правительственная власть временно передана тремъ консуламъ. Консулами избраны: Наполеонъ Бонапартъ, Сіейсъ и Роже-Дюко.* Шестьдесятъ два члена народнаго представительства исключены. Собраніе представительства отложено до 1 вантоза (20 февраля 1800 г.); тѣмъ временемъ особая комиссія изъ 28 членовъ съ двумя консулами должна выполнить подготовительныя работы для новой конституціи".

Это постановленіе еще въ ту-же ночь было утверждено совѣтомъ старѣйшинъ, послѣ чего консулы дали присягу на вѣрность единной и нераздѣльной республикѣ, свободѣ, равенству и представительной системѣ. Затѣмъ, Бонапартъ выразилъ благодарность офицерамъ за ихъ содѣйствіе, и государственный переворотъ былъ законченъ.

Народная масса безучастно смотрѣла и на эту перемѣну въ положеніи дѣлъ. Якобинцевъ сдерживали войска и мѣры предосторожности Фуше. Большинство французовъ даже желало сильнаго правительства, которое заботилось бы о спокойствіи, порядкѣ и трудѣ, потому что демократія въ различныхъ ея фазисахъ не могла или лишь въ малой степени могла смягчить бѣдствія массъ и революція надоѣла людямъ. Конечно, нападенія иностранныхъ державъ больше всего способствовали тому, чтобы запутать положеніе дѣлъ во Франціи.

Теперь смѣлый и счастливый солдатъ взялъ бразды правленія въ свои руки. Буржуазія была въ восторгѣ, потому что сабельная диктатура, казалось, дастъ ей время и спокойствіе для накопленія капиталовъ. Дѣйствительно, сейчасъ же послѣ государственнаго переворота рента поднялась съ 7 на 12 процентовъ.

Было, сверхъ того, много легковѣрныхъ, которые серьезно относились къ клятвамъ Бонапарта и вѣрили, что онъ воспользуется своей властью для упроченія свободы. Они забыли, что имѣютъ дѣло не съ идеалистомъ, а лишь съ человѣкомъ необычайнаго самолюбія.

И все-таки, этотъ человѣкъ съ его геніемъ могъ бы стать благодѣтелемъ своей страны, если-бы онъ старался содѣйствовать ея мирному развитію. Но онъ употребилъ свой геній на безцѣльныя завоеванія и основалъ государство, которое не могло существовать, потому что оно основывалось единственно на насиліи.

Наполеонъ Бонапартъ говорилъ впослѣдствіи, на островѣ Св. Елены, что онъ былъ убѣжденнымъ республиканцемъ, но французы не годились для республики. Однако этимъ нельзя оправдать насильственнаго переворота 18 брюмэра. Можетъ быть, на него можно было бы взглянуть иначе, если бы Бонапартъ воспользовался пріобрѣтенной имъ властью для мирнаго развитія благосостоянія своей страны. Но онъ ввергъ Европу въ почти безпрерывную войну на пятнадцать лѣтъ и всю часть свѣта превратилъ въ военный лагерь.

Военная власть неограниченно царила во Франціи; раздавались лишь приказы генераловъ, видны были лишь марширующіе полки, и слышались лишь громы пушекъ. Народъ, платившій свою дань имуществомъ и кровью, мало по малу сталъ нѣмъ, какъ въ восточной деспотіи.

* * *

Бонапартъ со своей сильной военной властью завербовалъ на свою службу классовые интересы буржуазіи и, такимъ образомъ, создалъ себѣ опору, которая была крѣпче какой либо партіи. Въ шпагѣ молодого генерала, въ его опьяняющей славѣ, въ его огромномъ вліяніи на войско буржуазія видѣла гарантію противъ демократическихъ смутъ и движеній. Она была еще полна ненависти къ директоріи, донимавшей ее принудительными займами, и для нея хороша была всякая форма правленія, которая обезпечила бы ей спокойную эксплуатацію рабочей силы массъ. Военная диктатура Наполеона Бонапарта вполнѣ способна была оправдать ея надежды, ибо Бонапартъ оцѣнилъ значеніе новаго класса; онъ вѣдь и самъ возвысился благодаря третьему сословію. Отъ этой власти буржуазіи нечего было, по крайней мѣрѣ, опасаться мелочныхъ прижимокъ и притѣсненій, которымъ подвергалось почтенное гражданство при старомъ строѣ.

Среднее и мелкое мѣщанство, робкое и пугливое, еще легче покорилось новому порядку вещей. Этотъ классъ, далекій отъ какихъ-бы то ни было политическихъ идеаловъ, потерялъ лучшіе и самые энергичные элементы свои въ борьбѣ и кризисахъ революціи; теперь онъ представлялъ собою лишь косную массу, которую не такъ то легко было увлечь чѣмъ либо. Ей, можетъ быть, еще больше всего импонировала военная слава и военныя формы, а этихъ вещей было достаточно у Бонапарта. Создавая порядки, при которыхъ, горожанинъ могъ спокойно заниматься своими дѣлами, Бонапартъ могъ быть увѣренъ въ симпатіяхъ этого класса.

Рабочимъ все стало безразличнымъ. Они продѣлали рядъ возстаній, они втеченіе нѣкотораго времени обладали общественной властью въ Парижѣ и все таки ничего не вышло въ ихъ пользу въ ходѣ этой продолжительной и полной превратностей революціи, великимъ событіямъ которой рабочіе такъ много способствовали. Они терпѣли отъ всего: высокія цѣны на жизненныя средства, негодныя бумажныя деньги, ростовщичество и вообще бѣдствія

въ послѣднихъ и самыхъ мучительныхъ дѣйствіяхъ своихъ всегда тяжелыми ударами обрушались на рабочій классъ. Эти многочисленные потребители, живущіе со дня на день, должны были вынести на своихъ плечахъ почти все бремя экономической неурядицы, потому что господствующіе и средніе классы сумѣли безъ ущерба для себя держаться на промежуточныхъ станціяхъ денежнаго и товарнаго обращенія. Безработица въ связи съ застоемъ въ производствѣ и прекращеніемъ торговыхъ сношеній стала источникомъ хроническихъ бѣдствій для рабочихъ. Казалось, что въ странѣ производится недостаточно для удовлетворенія потребностей Франціи,—такъ въ дѣйствительности и было. Но покупательная сила народныхъ массъ была истощена, и безпорядочное частное производство, которое всегда представляетъ собою и спекуляцію, развивалось не соотвѣтственно потребностямъ и интересамъ массъ, а соотвѣтственно спекуляціоннымъ стремленіямъ предпринимателей. Рабочіе, платившіеся за всю эту неурядицу, обманулись во всѣхъ пріобрѣтеніяхъ революціи; первоначальная идея свободы и равноправности была для нихъ лишь призракомъ. Поэтому они совершенно спокойно смотрѣли, какъ демократія въ совѣтѣ пятисотъ разгонялась штыками Бонапарта. Съ тѣмъ же спокойствіемъ они смотрѣли, какъ утверждалась новая военная власть. Они давали ей своихъ сыновей, въ качествѣ „пушечнаго мяса", и впослѣдствіи съ удовольствіемъ слушали, что *„каждый солдатъ носитъ маршальскій жезлъ въ своемъ ранцѣ"*. Тутъ сыновья ихъ могли еще добиться чего нибудь. Тѣмъ не менѣе эти рабочіе все еще имѣли достаточно идеализма и пониманія, чтобы предпочитать наполеоновское владычество старому бурбонству. Они это ясно проявили при паденіи Наполеона и при возвращеніи его съ Эльбы.

Но былъ еще одинъ многочисленный классъ, который въ крѣпкой правительственной власти видѣлъ основу своего экономическаго существованія. Мы говоримъ о крестьянахъ, мелкихъ землевладѣльцахъ, покупщикахъ національныхъ имуществъ. Этотъ классъ сталъ консервативнымъ, лишь только пріобрѣлъ собственность; для него революція достигла своей цѣли съ принятіемъ конституціи 1791 г.

Вотъ, къ чему привели ошибки демократіи: раздробленіе земельной собственности, отклоненіе требованій рабочихъ, преувеличенія и вырожденіе системы ужаса, правленіе выскочекъ и продажныхъ людей, негодная конституція 1795 г. создали фундаментъ, на которомъ диктаторъ соорудилъ теперь смѣлое зданіе своего владычества. Чистой демократіи основать не могли; реакція привела къ чистому абсолютизму.

При устройствѣ новаго государственнаго правленія Бонапартъ показалъ, что онъ прекрасно знаетъ французовъ. Все свое искусство онъ употребилъ на то, чтобы дать новымъ учрежденіямъ возможно больше внѣшняго блеска и возможно меньше демократическаго содержанія. Онъ старался ослѣпить массу блескомъ своего правленія и умѣлъ импонировать ей своей твердостью.

Оставивъ государству внѣшнюю форму республики, онъ вселилъ въ массы увѣренность, что пріобрѣтенія революціи спасены и сохранены имъ. Всѣ партіи надѣялись на него. Партія Сійеса ожидала отъ него осуществленія ея конституціонныхъ фантазій; республиканцы вѣрили, что онъ упрочитъ республику, и даже демократы частью питали безумныя надежды, что Бонапартъ, одолѣвъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, поставитъ своей послѣдней цѣлью учрежденіе чистой демократіи. Они, повидимому, не понимали, что Бонапартъ ихъ самихъ долженъ былъ причислять къ внутреннимъ врагамъ, хотя имъ и пришлось достаточно испытать это на себѣ 18 брюмэра.

Но всѣ партіи обманулись въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который взялъ теперь правленіе въ свои сильныя руки и велъ его по своей волѣ.

Его личность, его воля скоро стали господствовать повсюду. Его товарищи въ консульствѣ были первоначально равны съ нимъ, но уже въ первый день они почувствовали его превосходство. Роже-Дюко былъ человѣкъ незначительный и во всемъ безусловно соглашался съ Бонапартомъ, передъ которымъ онъ преклонялся. Сійесъ теперь именно проявилъ свою неумѣлость въ практическихъ государственныхъ дѣлахъ. Этотъ надменный человѣкъ долженъ былъ теперь ограничиться своей конституціонной игрой. Впрочемъ, онъ понялъ положеніе дѣлъ. Сейчасъ же послѣ перваго засѣданія трехъ консуловъ онъ сказалъ: *„У насъ есть господинъ, который все умѣетъ, все можетъ и все хочетъ дѣлать"*.

Такъ оно и было въ дѣйствительности. Быстро проникающій въ сущность дѣлъ, геній Бонапарта, имѣвшаго, сверхъ того, возможность пріобрѣсти достаточный опытъ въ практическихъ дѣлахъ правленія, скоро отодвинулъ въ сторону аббата съ его важничаньемъ и его иллюзіями. Передъ націей Бонапартъ одинъ представлялъ консульство, на его товарищей едва обращали вниманіе. Въ засѣданіяхъ самого консульства существовало извѣстное постоянство. Сійесъ часто дѣлалъ предложенія, и Бонапартъ постановлялъ относительно нихъ рѣшенія; Роже-Дюко не возвышался до самостоятельныхъ мыслей. Онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ то достоинство, что не пытался стать выше своего дѣйствительнаго значенія.

Реакціонный характеръ новаго правительства скоро выступилъ открыто, такъ какъ значительное число демократовъ были приговорены къ ссылкѣ за ихъ поведеніе 18 и 19 брюмэра. Эта мѣра была столь-же тиранической, какъ и постыдной, ибо демократы 18 и 19 брюмэра провинились лишь въ томъ что они высказались за законно-существующую конституцію противъ насильственнаго переворота. И они даже не пытались сопротивляться силой, а были просто разогнаны штыками. 37 демократовъ изъ совѣта пятисотъ были сосланы въ Кайену, въ знойный климатъ лихорадочныхъ болотъ; 21, среди которыхъ находился и генералъ Журданъ, были высланы въ департаментъ Нижней Шаранты подъ надзоръ полиціи; однако многіе изъ нихъ покорились.

Если бы Бонапарту государственный переворотъ не удался,

то люди, которыхъ онъ теперь ссылалъ, должны были бы преслѣдовать его, какъ государственнаго преступника. Такъ успѣхъ силы измѣняетъ положеніе дѣлъ.

Съ буржуазіей Бонапартъ старался стать въ возможно дружественныя отношенія и это было ему не трудно, такъ какъ она въ его военной власти видѣла защиту своихъ экономическихъ интересовъ. Но онъ поспѣшилъ также примирить съ собою буржуазію окончательно уничтоживъ принудительные займы. Къ тому же онъ отмѣнилъ суровый законъ о заложникахъ и въ значительной степени склонилъ на свою сторону роялистовъ, такъ какъ не всѣ роялисты были приверженцами Бурбоновъ. Затѣмъ, была дана амнистія роялистамъ, сосланнымъ или объявленнымъ внѣ закона 18 фрюктидора. Многіе эмигранты, желавшіе принять участіе въ бретаньскомъ возстаніи и арестованные по этому случаю, были снова освобождены.

Такъ въ самомъ же началѣ сказалось направленіе, которое готовилась принять политика новаго правительства. Время демократическихъ правительствъ миновало, республиканскимъ правленіе оставалось теперь лишь по имени.

Этому соотвѣтствовалъ и выборъ министровъ, которымъ предстояло вести собственно дѣла правленія. Бонапартъ сказалъ при этомъ важномъ актѣ: *„Мы образуемъ новую эпоху; мы должны помнить изъ прошлаго лишь хорошее и забыть дурное“*.

Это „хорошее“ имѣло нѣсколько странный видъ, потому что прошлое явилось прежде всего въ лицѣ низкаго Фуше, котораго Бонапартъ назначилъ своимъ министромъ полиціи. Полиція при деспотическомъ правленіи Бонапарта имѣла особенно важное значеніе, и Фуше, бывшій раньше ярымъ якобинцемъ, со своимъ адскимъ талантомъ превратилъ ее въ аппаратъ, производившій изумительное дѣйствіе. Онъ покрылъ всю Францію полицейской сѣтью, проскользнуть сквозь которую было не легко, и не останавливался передъ самыми низкими средствами, если дѣло шло о преслѣдованіи враговъ Бонапарта. Но впослѣдствіи онъ предалъ своего императора, также какъ и тотъ знаменитый дипломатъ, который теперь сталъ вести иностранныя дѣла Франціи,—именно, де-Таллейранъ-Перигоръ, въ качествѣ епископа Отэнскаго способствовавшій раньше въ учредительномъ собраніи обращенію земель духовенства въ національную собственность. Таллейранъ, одинъ изъ величайшихъ дипломатическихъ талантовъ, отъ котораго исходитъ знаменитое изреченіе, что языкъ намъ данъ затѣмъ, чтобы скрывать мысли, эмигрировалъ было во время революціи. Вернувшись во Францію, онъ при директоріи сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Уволенный затѣмъ въ отставку, онъ угадалъ въ Бонапартѣ будущаго диктатора и присоединился къ нему. Своими интригами онъ содѣйствовалъ перевороту 18 брюмэра, отъ котораго онъ ожидалъ возстановленія монархіи и былъ готовъ служить ей. При Таллейранѣ иностранная политика Франціи приняла характеръ того коварства, въ которомъ соединялись: насиліе, хитрость и лицемѣріе. Мало было людей, которые могли бы соперничать въ лукавствѣ съ Таллейраномъ мало; было и

такихъ, которые при ближайшемъ ознакомленіи съ ними производили бы болѣе отталкивающее впечатлѣніе.

Фуше и Таллейранъ придали новому правительству его характеръ, и кто зналъ этихъ людей, тотъ долженъ былъ убѣдиться, что развитіе государственныхъ установленій въ направленіи къ свободѣ кончилось во Франціи.

Камбасере, игравшій нѣкоторую роль въ качествѣ тэрмидориста, былъ назначенъ теперь министромъ юстиціи и принесъ на этотъ постъ свои обширныя знанія и свое огромное трудолюбіе. Бертье, котораго Бонапартъ очень цѣнилъ, назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Бертье былъ очень способный генералъ, и его дѣятельность, какъ начальника генеральнаго штаба, въ войнахъ имперіи была грандіозна; однако онъ скоро былъ замѣненъ Карно, котораго Бонапартъ, какъ и другихъ бѣглецовъ, вернулъ изъ изгнанія. Но и Карно не долго оставался на этомъ посту, потому что онъ, какъ строгій республиканецъ, уже не могъ мириться съ Бонапартомъ.

Чтобы сдѣлать уступку образованной части населенія, Бонапартъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ называлъ себя членомъ французской академіи, назначилъ знаменитаго астронома Лапласа министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но вскорѣ оказалось, что этотъ человѣкъ не годится для такой должности, и на его мѣсто былъ назначенъ Люсьянъ Бонапартъ, который 18 брюмэра оказалъ своему брату столь важныя услуги и теперь прекрасно помогалъ ему разыгрывать псевдо-республиканскую комедію. Этотъ Люсьянъ былъ очень высокаго мнѣнія о себѣ и впослѣдствіи обыкновенно подчеркивалъ, что безъ его рѣшительнаго вмѣшательства 18 брюмэра братъ его не захватилъ бы власти. Можетъ быть, онъ и былъ правъ.

Министерство финансовъ получилъ Годэнъ, служившій въ этомъ министерствѣ еще при Людовикѣ XVI. Годэну изъ всѣхъ министровъ предстояла самая трудная задача. Если Бертье нашелъ военную организацію запущенной, если и Камбасере долженъ былъ вновь организовывать юстицію, то жалкое состояніе финансовъ превосходило всякія описанія. Директорія вела дѣло крайне неумѣло, и полное банкротство при плачевномъ хозяйничаньи этого неспособнаго правительства было неизбѣжно. Въ казначействѣ республики Годэнъ нашелъ 167.000 франковъ, остатокъ отъ одного займа, сдѣланнаго директоріей у частнаго лица. Вся остальная наличность государственнаго казначейства состояла изъ бумагъ, не имѣвшихъ почти никакой цѣны.

Надо было достать денегъ. Сдѣлано это было очень просто: возвысили налоги на 25 процентовъ. Для этого не нужно было особеннаго ума; главное однако состояло въ томъ, чтобы упорядочить взиманіе налоговъ. Возвышеніе прямыхъ налоговъ, налоговъ на землю и движимое имущество, подушной подати на одну четверть, съ условіемъ, что, по крайней мѣрѣ, половина этихъ налоговъ должна уплачиваться звонкой монетой, хотя и вызвало недовольство плательщиковъ, но его сумѣли ослабить уничтоженіемъ принудительныхъ займовъ. Здѣсь сказалась вся

безцеремонность внутренней политики Бонапарта: она стремилась пріобрѣсти расположеніе господствующихъ классовъ, недовольство же массъ позволяла себѣ подавлять, въ случаѣ надобности, оружіемъ. Бѣдствія народной массы были такъ же велики, какъ и раньше, но она молча и терпѣливо сносила ихъ, потому что самая энергичная и сильная часть ея, молодежь, находилась въ войскахъ. Эти войска тогда содержали просто на счетъ занятыхъ ими земель. Такъ было на Рейнѣ, въ Голландіи и Италіи. При этомъ въ войскахъ водворилась сильная распущенность, особенно въ итальянской арміи.

Уничтоженіе принудительныхъ займовъ пріобрѣло Бонапарту также расположеніе и биржевыхъ воротилъ. Онъ пригласилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ и своими настойчивыми убѣжденіями склонилъ ихъ дать государству въ заемъ двѣнадцать милліоновъ. Это уже кое что значило и въ общемъ укрѣпило кредитъ государства. Нѣкоторыя финансовыя мѣропріятія Годэна не удались, такъ какъ деньги все еще слабо поступали въ кассы правительства. Но Годэнъ сдѣлалъ довольно искусный шагъ, облегчивъ условія платежа покупателямъ національныхъ имуществъ. При всемъ этомъ нѣкоторый порядокъ въ финансахъ установлялся лишь медленно; неурядица, оставшаяся отъ прошлаго времени, была ужъ слишкомъ велика.

Возстановленіе мира внутри страны удалось съ поразительной быстротой. Шуаны въ Бретани еще массами стояли въ полѣ и Вандея снова поднялась. Бурмонъ, Флотте, Кадудаль и Отишанъ (Autichamp) начальствовали надъ инсургентами. Всѣ они воображали, будто у Бонапарте нѣтъ иного намѣренія, какъ возстановить во Франціи престолъ Бурбоновъ; эти закоренѣлые роялисты считали легитимизмъ столь плѣнительнымъ, что могли разсчитывать, будто честолюбивый генералъ преклонится передъ нимъ и откажется отъ владычества надъ страною, лежавшею у его ногъ. Вслѣдствіе этого они были теперь болѣе склонны къ переговорамъ, чѣмъ раньше. Бонапартъ предписалъ строжайшія мѣры; за вооруженное сопротивленіе предписано было подвергать смертной казни, возставшія деревни сожигать, а общины, принимавшія инсургентовъ, предавать военному суду. Снова имѣла пойти въ ходъ система „адскихъ колоннъ". Но до этого дѣло не дошло, потому что если у генерала Бріона, начальствовавшаго надъ войсками въ Вандеѣ, и не было недостатка въ строгости и энергіи, то Бонапартъ не пренебрегалъ также переговорами и достигъ посредствомъ нихъ умиротворенія возставшихъ областей. Нѣкій аббатъ Бернье, пользовавшійся большой популярностью въ западныхъ провинціяхъ, облегчилъ переговоры, убѣдивъ предводителей возстанія сложить оружіе. Бурмонъ, Шатиллонъ и Ошанъ заключили миръ съ Бонапартомъ на выгодныхъ для себя условіяхъ; многіе инсургентовъ сложили оружіе. Кадудаль на время прекратилъ борьбу. Воевать продолжалъ одинъ только Флотте, и это такъ раздражило Бонапарта, что онъ назначилъ призъ за голову Флотте. Флотте явился къ своимъ противникамъ, по его словамъ, для переговоровъ, но былъ схваченъ, приговоренъ съ нѣсколькими офицерами

къ смертной казни и разстрѣлянъ. Это было въ февралѣ; въ концѣ же этого мѣсяца спокойствіе въ западныхъ провинціяхъ было возстановлено.

Такимъ образомъ, Бонапарту удалось твердостью и энергіей упрочить свою власть, нагло захваченную имъ 18 брюмэра. На его сторонѣ было и счастье, и искусство. Скоро образовалась огромная партія его сторонниковъ, которые не имѣли никакихъ опредѣленныхъ политическихъ принциповъ, а просто желали порядка и спокойствія. Бонапартъ далъ порядокъ и спокойствіе, но они были пріобрѣтены цѣной свободы. Миръ, данный Франціи этимъ насильникомъ, не былъ спокойствіемъ счастья, а покоемъ могилы, и порядокъ, данный имъ общественной жизни, не былъ упорядоченностью улья, а порядкомъ казармы. Цѣна, которой куплены были спокойствіе и порядокъ, была слишкомъ велика для счастья Франціи: она получила самодержца.

Для Бонапарта было требованіемъ государственной мудрости оставить пока республиканскія формы и наполнить ихъ монархическимъ содержаніемъ. Поэтому онъ перешелъ къ конституціоннымъ идеямъ аббата Сійеса, которыя при другихъ условіяхъ онъ, конечно, съ презрѣніемъ бы опровергъ. Въ этотъ моментъ, когда вмѣсто уничтоженной конституціи нужно было ввести новую, Бонапартъ вынужденъ былъ считаться съ Сійесомъ, который одинъ только могъ оспаривать у него первое мѣсто въ законодательствѣ. Но честолюбивый аббатъ скоро долженъ былъ увидѣть, что его мистическія конституціонныя идеи не могутъ устоять противъ военной власти и ея замѣчательнаго носителя.

Этотъ конституціонныхъ дѣлъ мастеръ излагалъ по частямъ передъ коммисіей свои мысли объ образцовой конституціи, долженствующей удовлетворить всѣхъ. Слушатели были поражены этимъ усидчиво разработаннымъ, частью остроумнымъ, а частью безсмысленнымъ механизмомъ, который теперь явился на свѣтъ, и который аббатъ дѣйствительно считалъ способнымъ предохранить государство отъ насильственныхъ переворотовъ, диктатуры, конфликтовъ и обезпечить ему вполнѣ ненарушимое развитіе. Сійесъ, все еще старавшійся прослыть мудрымъ и оригинальнымъ систематикомъ, стоящимъ головою выше своего времени, положилъ въ основу своей конституціи странную утопію; онъ основалъ ее на воображаемыхъ преимуществахъ противоположныхъ политическихъ системъ. Онъ взялъ изъ демократіи то, что ему казалось выгоднымъ, и слилъ съ аристократическо-монархическими установленіями, насколько они ему подходили. Этотъ взглядъ онъ выразилъ въ словахъ: *„Довѣріе должно идти снизу, а власть сверху“*.

Иной, видавшій перемѣны, совершившіяся втеченіе революціи, остановился бы передъ такою задачею. Но Сійесъ выразилъ свои принципы въ точныхъ формулахъ.

Довѣріе снизу онъ думалъ отлить въ слѣдующую политическую форму.

Каждый французъ, достигшій 21 года, вносился въ списокъ

гражданъ. Принималось, что во Франціи пять милліоновъ гражданъ. Эти пять милліоновъ имѣли избрать изъ своей среды одну десятую часть, т. е. пятьсотъ тысячъ, эти же пятьсотъ тысячъ представляли собой такъ называемый списокъ нотаблей. Этотъ низшій списокъ назывался спискомъ коммунальныхъ нотаблей; изъ него имѣли избираться коммунальныя и окружныя власти, низшіе судьи и т. д.; пятьсотъ тысячъ нотаблей коммунальнаго списка въ свою очередь должны были выдѣлять десятую часть. Эти пятьдесятъ тысячъ лицъ составляли департаментскій списокъ, изъ котораго должны избираться управленія департаментовъ, высшія инстанціи судовъ и т. д. Изъ пятидесяти тысячъ этого списка снова должна была выдѣлиться десятая часть, и эти пять тысячъ человѣкъ образовывали національный списокъ нотаблей, изъ которыхъ избирали бы народные представители, члены государственныхъ учрежденій и т. д.

Это странное просѣеваніе должно представлять въ конституціи Сійеса довѣріе снизу. Въ строгомъ смыслѣ это была расширенная система косвенныхъ выборовъ: новой была здѣсь лишь форма просѣеванія.

Власть вверху Сійесъ еще больше расчленилъ. Государственный совѣтъ и трибунатъ, законодательный корпусъ и охранительный сенатъ представляли законодательную власть. Государственный совѣтъ долженъ былъ лишь предлагать законы, трибунатъ—лишь обсуждать ихъ, законодательный же корпусъ лишь подвергать ихъ голосованію. Раздробивъ такимъ образомъ законодательную власть, Сійесъ парализовалъ ее и лишилъ всякаго значенія. Каждое изъ этихъ учрежденій постоянно мѣшало другимъ. Но самое лучшее назначеніе было у охранительнаго сената, имѣвшаго принимать въ свой составъ и этимъ „абсорбировать" всякаго гражданина, который своимъ честолюбіемъ, талантами и вліяніемъ могъ стать опаснымъ государству, чтобы превратить, такимъ образомъ, опаснаго человѣка въ тунеядца, живущаго на содержаніи государства. Это замѣчательное учрежденіе имѣло такой видъ, какъ будто оно нарочно было придумано для самого Бонапарта.

Во главѣ исполнительной власти имѣлъ стоять великій избиратель (proclamateur-electeur), у котораго должна быть лишь одна обязанность: назначать двухъ высшихъ административныхъ чиновниковъ, консуловъ войны и мира. Эти консулы имѣли затѣмъ назначать министровъ и другихъ чиновниковъ.

Великій избиратель, смѣшной далай-лама въ конституціонномъ государствѣ, имѣвшій пріятную задачу представлять націю, вызвалъ сильное недовольство Бонапарта, который думалъ, что его самого прочатъ въ великіе избиратели, чтобы этимъ свести его власть къ нулю. Въ своемъ гнѣвѣ онъ вѣрно оцѣнилъ эту затѣю. Съ раздраженіемъ сказалъ онъ Сійесу: „Вашъ великій избиратель—государственный тунеядецъ, а время государственныхъ тунеядцевъ прошло. *Какъ могли вы вообразить, что человѣкъ съ нѣкоторымъ талантомъ и небольшимъ честолюбіемъ примирится съ ролью кормленнаго борова съ нѣсколькими милліонами на придачу?*" Сійесъ уви-

дѣлъ, что Бонапартъ проникъ въ его замыслы и долженъ былъ отказаться отъ своего „великаго избирателя".

Законодательныя комиссіи, находившіяся всецѣло подъ вліяніемъ Бонапарта, показали, что они лишь одному научились у Сійеса, что ему, вѣроятно, меньше всего пришлось по вкусу. Какъ Сійесъ изъ демократическихъ и аристократическо-монархическихъ политическихъ системъ выбралъ то, что ему лично нравилось, такъ теперь Бонапартъ и законодательныя комиссіи взяли изъ предложеній Сійеса лишь то, что имъ казалось подходящимъ, и такимъ образомъ возникла конституція VIII года или такъ называемая конституція консульства, бывшая одной изъ самыхъ негодныхъ и смѣшныхъ конституцій, какія только когда либо существовали во Франціи, и державшаяся лишь потому, что она подъ гнетомъ неограниченной военной власти не имѣла рѣшительно никакого значенія.

Списки нотаблей, придуманные Сійесомъ, были съ удовольствіемъ положены въ основу новой конституція, потому что они сокращали избирательное право народа. Такимъ образомъ, нотабли общины, департамента и государства представляли собою кандидатовъ, изъ которыхъ должны бы избираться власти. Но избраніе ихъ принадлежало не народу, а правительству.

Государственная власть была раздѣлена на правительственную и законодательную.

Великій избиратель, „кормленный боровъ" Сійеса, былъ совершенно отвергнутъ и правительству данъ былъ автократическій глава, примѣнительно къ характеру Бонапарта и его честолюбивымъ стремленіямъ. Первый консулъ долженъ бы избираться на десять лѣтъ; онъ стоялъ во главѣ государства, какъ раньше неотвѣтственный конституціонный король. Онъ имѣлъ назначать изъ списковъ нотаблей всѣхъ государственныхъ чиновниковъ и всѣхъ офицеровъ арміи и флота и руководить всей политикой. Къ нему было присоединено два консула, но онъ самъ назначалъ ихъ, и они пользовались лишь совѣщательнымъ голосомъ, такъ что они собственно не имѣли рѣшительно никакого значенія и были излишни. Они были только призрачно-демократическимъ украшеніемъ этого псевдо-республиканскаго строя. Первый консулъ получалъ окладъ въ 500,000 франковъ ежегодно; два другіе консула получали за свой совѣщательный голосъ по 150,000 каждый и квартиру. Всѣ три консула помѣщались въ Тюльери, гдѣ нѣкогда жили короли и послѣ нихъ засѣдалъ конветъ.

Законодательство было регулировано по мысли Сійеса, т. е. власть была его разбита и раздроблена. Государственный совѣтъ изъ 30 членовъ назначался консулами и долженъ былъ предлагать законопроекты законодательному корпусу, посылая туда депутацію изъ трехъ членовъ, которые должны были доказывать пользу и необходимость соотвѣтствующихъ законовъ. Трибунатъ, состоявшій изъ 100 членовъ, считался собственно народнымъ представительствомъ, хотя онъ былъ лишь каррикатурой на представительство, такъ какъ члены его назначались сенатомъ. Это учрежденіе рѣшало, рекомендовать ли законодательному корпусу принятіе пред-

лагаемаго закона, или отверженіе его. Трибуны получали ежегодно по 15,000 франковъ. Законодательный корпусъ состоялъ изъ 300 членовъ, назначавшихся сенатомъ; онъ имѣлъ лишь принимать или отвергать предлагаемые законопроекты; члены его получали за это по 10,000 франковъ. Сенатъ состоялъ изъ 60 членовъ и самъ пополнялъ себя. Онъ имѣлъ право вэто, если находилъ, что законы, изданные законодательнымъ корпусомъ, противорѣчатъ конституціи. Сенатъ избиралъ перваго консула, членовъ трибуната и законодательнаго корпуса, затѣмъ—высшій судебный и административный персоналъ. Члены его получали по 25,000 франковъ и не могли занимать никакой иной общественной должности, даже послѣ выхода въ отставку. Предполагалось, что сенаторы съ ихъ большими окладами будутъ независимыми людьми, но въ дѣйствительности, что вполнѣ понятно, они были лишь ставленниками того человѣка, котораго они должны были избрать на мѣсто перваго консула. Они отличались своимъ раболѣпіемъ.

Эта конституція вполнѣ соотвѣтствовала своей цѣли, такъ какъ она представляла собою, хотя и не особенно стройное, но все же отводящее глаза народу, украшеніе военной власти Бонапарта.

Чтобы довести комедію до конца, устроено было народное голосованіе относительно этой конституціи. Французы, опьяненные успѣхами Бонапарта, почти единогласно вотировали за нее; 3,011,007 голосовъ подано было въ пользу конституціи и лишь 1562 противъ нея.

Но при введеніи конституціи Бонапартъ проявилъ свое самовластіе. О назначеніи сенаторовъ было установлено только, что сенатъ, еще не существовавшій, будетъ самъ пополнять себя. Бонапартъ воспользовался этимъ, надо думать, нарочно оставленнымъ пробѣломъ, чтобы составить сенатъ исключительно изъ своихъ креатуръ. Затѣмъ, онъ самъ себя назначилъ первымъ консуломъ, такъ какъ сената еще не было. Такимъ образомъ, едва появившаяся конституція была уже нарушена. Потомъ Бонапартъ избралъ въ консулы Камбасере и Лебрена (Lebrun), а они съ Сіесомъ и Роже-Дюко избрали въ члены сената людей, казавшихся имъ подходящими, которые затѣмъ пополняли свой составъ. Такъ образовался сенатъ, который не зналъ границъ въ раболѣпіи передъ Бонапартомъ. Сіесъ былъ назначенъ президентомъ сената и, такимъ образомъ, навсегда лишился надежды стать когда-либо во главѣ государства. Бонапартъ велѣлъ назначить ему высокое вознагражденіе и дать прекрасное имѣніе въ видѣ „національнаго дара". Къ этому было прибавлено значительное пожалованіе деньгами, которое аббатъ вѣчно старавшійся быть остроумнымъ, называлъ яблокомъ для утоленія жажды. Сенатъ „абсорбировалъ" честолюбца по его же собственному плану. Онъ вскорѣ отказался отъ своей должности и былъ забытъ.

Вручивъ самому себѣ верховную власть, Бонапартъ не замедлилъ сдѣлать изъ нея самое широкое употребленіе. Онъ теперь уже меньше боялся фигурировать во всемъ блескѣ абсолютнаго монарха. Когда онъ вступалъ въ Тюльери, видно было, что во

Франціи явился монархъ,—недоставало еще лишь соотвѣтствующаго титула. Бонапартъ былъ окруженъ свитою придворныхъ льстецовъ и лакеевъ и совершенно открыто проявлялъ свое презрѣніе къ людямъ. И вполнѣ понятно, что онъ долженъ былъ презирать этихъ людей, которые десять лѣтъ болтали о свободѣ и равенствѣ, а теперь соперничали въ раболѣпіи передъ новымъ повелителемъ.

Послѣдовалъ рядъ мѣропріятій, которыя не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что Бонапартъ стремится къ монархіи по излюбленному имъ образцу. Онъ старался примириться со всѣми элементами власти, съ которыми боролась демократія. Онъ снова предоставилъ церкви тому культу, которому онѣ раньше были посвящены, и открылъ ихъ для свободнаго пользованія, чѣмъ было вытѣснено республиканское празднованіе декадъ. Снова возстановлено было празднованіе воскресенья. Вопросъ о томъ, какъ быть со священниками, не принимавшими присяги, онъ рѣшилъ очень просто: онъ освободилъ духовенство отъ присяги на вѣрность гражданской конституціи и обязалъ его лишь давать обѣщаніе повиноваться конституціи.

Затѣмъ, Бонапартъ создалъ ту централизацію, которою онъ сумѣлъ такъ сильно укрѣпить свою власть. Для этого онъ воспользовался раздѣленіемъ страны на департаменты и устроилъ такъ, что органы правительства и администраціи густой сѣтью раскинулись по всей странѣ, при чемъ концы этой сѣти онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Департаментъ, округъ и коммуна были политическими единицами въ его управленіи. Коммуна управлялась мэромъ, округъ — подпрефектомъ, департаментъ—префектомъ. Такъ какъ Бонапартъ замѣстилъ всѣ эти должности своими ставленниками, то централизація была осуществлена, потому что правительственный и административный аппаратъ дѣйствовалъ, какъ одно цѣлое.

Затѣмъ была преобразована судебная организація. Установлены были мировые судьи для коммунъ, гражданскіе суды для округовъ, аппеляціонные трибуналы и въ каждомъ департаментѣ учрежденъ уголовный судъ. Высшей судебной инстанціей былъ кассаціонный трибуналъ, но онъ могъ кассировать приговоры лишь въ случаѣ нарушенія формальностей. Бонапартъ вскорѣ издалъ распоряженіе о составленіи граждамскаго, уголовнаго и торговаго кодекса, что составляетъ его безсмертную заслугу. Эти законопроекты вступили впослѣдствіи въ силу подъ именемъ Code Napoléon. Трудъ этотъ принадлежитъ къ лучшимъ дѣламъ наполеоновой эры. Но надо однако забывать, что Бонапартъ лишь осуществилъ мысль конвента, и что ученые, составлявшіе эти уложенія, внесли въ Наполеоновъ кодексъ часть политическихъ идей революціи.

Бонапартъ работалъ неустанно и этимъ показалъ, какимъ благодѣтелемъ онъ могъ бы стать для Франціи, если бы онъ обратилъ свое вниманіе на ея внутреннее благосостояніе, вмѣсто славы и завоеваній. Онъ объѣзжалъ въ это время провинціи Франціи, чтобы лично ознакомиться съ ихъ состояніемъ. Онъ ста-

рался улучшить средства сообщенія, прорывалъ каналы, строилъ гавани и прежде всего особенное вниманіе обратилъ на проведеніе дорогъ, результатомъ чего было то, что рабочіе снова имѣли большой заработокъ. Эта дѣятельность заставила въ общемъ мириться съ его владычествомъ, послѣ того какъ столь многія возстанія не доставили свободы. Многіе демократы совершенно покорились ему и поступили на его службу. Онъ былъ достаточно уменъ, чтобы воспользоваться услугами большинства ихъ.

При этомъ финансовыя затрудненія не прекращались, несмотря на всѣ усилія Годэна. Бонапартъ изыскивалъ временные источники, принудивъ угрозами Гамбургъ, выдавшій Англіи одного ирландскаго бѣглеца, уплатить нѣсколько милліоновъ, при чемъ Бонапартъ выставилъ себя защитникомъ международнаго права; Генуя и Голландія тоже должны были платить контрибуціи. Но при неимовѣрной расшатанности финансовъ и энергія Бонапарта не могла упорядочить ихъ.

Производя грандіозныя сооруженія, устроивъ три моста черезъ Сену, прорывъ сэнъ-кэнтенскій каналъ, соорудивъ дорогу черезъ Симплонъ, Бонапартъ совершенно уничтожилъ свободу печати. Оппозиціонныя газеты просто запрещались, существованіе же остальныхъ газетъ было поставлено въ зависимость отъ ихъ отношенія къ правительству: имъ было объявлено, что если онѣ желаютъ существовать, то не должны печатать ничего противъ конституціи, арміи или дружественныхъ Франціи правительствъ. Рука объ руку съ этой отвратительной тиранніей шли послабленія роялистамъ и эмигрантамъ. Большинство эмигрантовъ были вычеркнуты изъ списковъ и оставлены лишь тѣ, которые поднимали оружіе противъ Франціи или состояли непосредственно на жалованіи у эмигрировавшихъ принцевъ или у дворовъ, враждебныхъ Франціи.

Полицейское хозяйничанье Фуше было неслыханнымъ. Этотъ негодный человѣкъ руководился принципомъ, что въ его положеніи надо стараться дѣлать *„возможно меньше зла"*. Ему были предоставлены самыя широкія полномочія, и онъ могъ арестовать или подвергнуть полицейскому надзору всякаго, кто только казался ему революціонеромъ, эмигрантомъ или заговорщикомъ. Онъ покрылъ страну сѣтью шпіоновъ. При этомъ Бонапартъ былъ такъ подозрителенъ, что установилъ надзоръ даже надъ самимъ Фуше и, какъ впослѣдствіи оказалось, не безъ основанія.

Такова была конституція и правленіе консула Бонапарта послѣ переворота 18 брюмэра. Оно ничѣмъ не отличалось отъ деспотическаго правленія другихъ странъ,—кромѣ своего названія. Революція доставила господство новымъ классамъ, политическое же рабство стараго строя было снова возстановлено.

Бонапартъ въ прокламаціяхъ, которыми онъ возвѣстилъ о своемъ вступленіи во власть, выставлялъ себя миролюбивымъ правителемъ. Сколько въ этомъ было искренности, рѣшить трудно. Но онъ сдѣлалъ попытку разстроить коалицію Питта мирнымъ путемъ. Онъ написалъ непосредственно королю англійскому и импе-

ратору австрійскому и предложилъ этимъ монархамъ заключить миръ съ Франціей. Онъ ссылался на требованія гуманности и цивилизаціи. Этимъ онъ расположилъ въ свою пользу общественное мнѣніе, что онъ, можетъ быть, единственно и имѣлъ въ виду, отправляя свои письма. Ему отвѣтили не непосредственно, а дипломатическими нотами, при чемъ ему дано было понять, что оба государя не могутъ считать его равнымъ съ собою. Англичанамъ же то обстоятельство, что Бонапартъ рѣшился обратиться непосредственно къ королю Великобританіи, казалось болѣе возмутительнымъ, чѣмъ европейская война. Въ англійской нотѣ данъ былъ Бонапарту грубый отказъ на его мирныя предложенія, причемъ повторялись обычныя обвиненія противъ французской республики. Австрія тоже отклонила мирныя предложенія, но нѣсколько вѣжливѣе. Положеніе ея было опаснѣе, чѣмъ положеніи Англія:—отсюда и вѣжливость.

Однако дипломатическому искусству Талейрана удалось совершенно отдѣлить отъ коалиціи русскаго императора. Павелъ I до нѣкоторой степени разошелся съ Австріей и Англіей, и Талейранъ съ большой ловкостью воспользовался этимъ, чтобы довести дѣло до полнаго разрыва. Павелъ I, какъ извѣстно, требовалъ, чтобы Австрія, послѣ побѣдъ Суворова, возстановила изгнанныхъ французами итальянскихъ государей. Но когда Кобентцль, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, объявилъ, что Австрія удержитъ за собой не только Сардинію и Тоскану, но и Церковную область, Павелъ пришелъ въ раздраженіе. Гнѣвъ его еще больше усилился, когда англичане, которыми онъ и безъ того былъ не доволенъ за неудачное вторженіе въ Голландію, проявили намѣреніе удержать за собою осажденный ими островъ Мальту. А вѣдь Павелъ былъ великимъ магистромъ мальтійскаго ордена.

Бонапартъ предложилъ русскому императору передать ему Мальту, такъ какъ онъ зналъ, что осажденная англичанами крѣпость скоро должна будетъ пасть. Затѣмъ, онъ вызвался возстановить сардинскаго короля и папу. Онъ пошелъ еще дальше. Въ плѣну у французовъ находилось 6000 русскихъ изъ голландскаго похода, и Англія отказалась выкупить ихъ. Бонапартъ обмундировалъ этихъ плѣнниковъ и отослалъ ихъ безъ выкупа въ Россію, написавъ лично русскому министру Панину, что *онъ не можетъ допустить, чтобы эти храбрые воины, по винѣ англичанъ, оставались дольше вдали отъ родины.*

Этимъ первый консулъ пріобрѣлъ расположеніе императора Павла, который былъ сильно раздраженъ противъ англичанъ за оставленіе въ плѣну 6000 русскихъ. Сверхъ того, Павелъ давно уже чувствовалъ расположеніе къ Бонапарту, такъ какъ онъ видѣлъ, къ чему направлены стремленія перваго консула. Павелъ не замедлилъ также дать доказательства своего расположенія, отозвавъ всѣ русскія войска, чѣмъ онъ фактически отказался отъ участія въ коалиціи.

Теперь Англія и Австрія должны были вести борьбу однѣ, потому что Неаполь и папа тоже въ это время не участвовали въ коалиціи. Но Англія ограничилась почти исключительно

морскою войною и направила свои силы главнымъ образомъ на Египетъ. Такимъ образомъ, воевать на материкѣ пришлось одной только Австріи, и поэтому императоръ Францъ провелъ на регенсбургскомъ сеймѣ постановленіе, что Германская имперія должна послать ему на помощь 300,000 челов. Но когда прибыли разношерстные имперскіе контингенты, въ нихъ оказалось не болѣе 30,000 человѣкъ.

Тѣмъ энергичнѣе вооружалась Австрія. Въ Италіи Меласъ, побѣдитель при Савильяно, командовалъ большой арміей въ 130,000 чел., между тѣмъ какъ Франція владѣла въ этой странѣ уже только Генуей. Притомъ французы терпѣли недостатокъ во всемъ самомъ необходимомъ. Солдаты одичали при жалкомъ продовольствіи, которое вынуждало ихъ заботиться о себѣ своими средствами, и дисциплина исчезла. Массена, начальствовавшій здѣсь надъ войскомъ, при всей своей энергіи могъ лишь медленно водворять порядокъ въ этой распущенной толпѣ.

Въ Германіи Австрія выставила армію въ 110,000 чел. Этой арміей начальствовалъ ничтожный Край, такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ не хотѣлъ уже командовать войскомъ подъ руководствомъ Тугута и его придворнаго военнаго совѣта.

Бонапартъ со всей энергіей принялся за вооруженія, въ чемъ большую помощь оказывалъ ему Карно, бывшій въ это время военнымъ министромъ. Первый консулъ обратился съ воззваніемъ къ французской молодежи, приглашая ее на добровольную службу, и молодежь массами стекалась подъ его знамена. Французы были озлоблены, что мирныя предложенія Бонапарта такъ грубо отвергнуты. Тѣмъ сильнѣе было увлеченіе первымъ консуломъ. Такимъ образомъ, онъ, прибѣгнувъ еще къ конскрипціи, собралъ войско въ 300,000 челов., съ которымъ могъ вездѣ выступить противъ врага. 100,000 чел. подъ начальствомъ генерала Моро должны были оперировать въ Германіи, и столько же человѣкъ стояло близъ Генуи подъ начальствомъ Массены, которому Бонапартъ далъ пышное названіе: „сынъ побѣды". 40,000 чел. подъ начальствомъ Ожеро прикрывали сѣверную границу и, наконецъ, къ Дижону стянута была резервная армія въ 6,000 человѣкъ, назначеніе которой еще держали въ тайнѣ. Въ этой арміи было много новобранцевъ, и поэтому ее сдѣлали въ Англіи предметомъ насмѣшекъ. Насмѣшки эти должны были скоро прекратиться. Затѣмъ, ядро арміи представляла консульская гвардія, состоявшая изъ испытанныхъ и лично преданныхъ Бонапарту воиновъ.

Операціи начались въ Италіи значительнымъ успѣхомъ австрійцевъ. Меласъ двинулся противъ позиціи Массены, который со своими деморализованными войсками долженъ былъ стать въ оборонительное положеніе. Лѣвое крыло Массены подъ начальствомъ генерала Сюше было отрѣзано и оттиснуто за Варъ. 18 апрѣля Меласъ напалъ на самого Массену при Вольтри и разбилъ его, такъ что Массена съ остаткомъ своего войска долженъ былъ искать защиты въ Генуѣ. Онъ бросился съ 25,000 солдатъ въ крѣпость, и былъ тамъ осажденъ австрійскимъ корпусомъ подъ

начальствомъ генерала Отта съ суши и англійскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмирала Кэйта съ моря.

Австрійцы стояли у самой французской границы, и роялисты Прованса пришли въ движеніе. Они послали къ англійскому адмиралу посольство съ заявленіемъ, что они готовы возстать, лишь только союзники перейдутъ границу. Тогда вѣнскій придворный военный совѣтъ велѣлъ колебавшемуся генералу Меласу вступить въ предѣлы Франціи.

Меласъ готовился перейти Варъ за отступавшимъ Сюше. Но тутъ властной рукою вмѣшался въ операціи Бонапартъ, и Меласъ скоро долженъ былъ почувствовать, съ какимъ страшнымъ противникомъ онъ имѣетъ дѣло.

Бонапартъ не спѣшилъ, какъ ожидали австрійцы, на помощь стѣсненному Сюше, а придумалъ планъ, который, въ случаѣ удачи, долженъ былъ совершенно поразить противника и поставить его въ самое тяжелое положеніе. Онъ быстрымъ маршемъ повелъ резервную армію изъ Дижона черезъ Швейцарію, чтобы перейти Альпы, спуститься въ Ломбардію и напасть на австрійцевъ съ тыла. Этотъ смѣлый планъ былъ выполненъ съ такой точностью и искусствомъ, которые повергли міръ въ изумленіе.

Въ Лозаннѣ, куда прибылъ также военный министръ Карно, сошлись французскіе корпуса, и сейчасъ-же начался столь тщательно и тайно подготовленный переходъ черезъ Альпы. Лошади и мулы были доставлены въ большомъ количествѣ; при арміи было много швейцарцевъ и итальянцевъ, которые должны были служить въ качествѣ проводниковъ. Провіантъ былъ заготовленъ. Къ тому же установилась ясная погода, и армія увѣренно поднялась на обрывистыя высоты Альповъ. Орудія приходилось тащить въ выдолбленныхъ стволахъ деревьевъ. Особенно трудныя мѣста брали штурмомъ. Альпы переходили у Сэнъ-Сэниса, малаго Сэнъ-Бернарда, Симплона и Готтарда. Черезъ большой Сэнъ-Бернардъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, гдѣ нужно было переправляться черезъ пропасти, глетчеры и отвѣсныя скалы, перешелъ самъ Бонапартъ съ ядромъ своей арміи.

Этотъ переходъ сравнивали съ знаменитымъ переходомъ Ганнибала черезъ Альпы. При этомъ надо, конечно, помнить, что Бонапартъ не имѣлъ ни непріятельскаго войска передъ собою, ни враждебнаго населенія на своемъ пути и что его переходъ могъ быть тщательно подготовленъ.

Когда французы проходили мимо уединеннаго монастыря на большомъ Сэнъ-Бернардѣ, монахи угощали ихъ хлѣбомъ, виномъ и сыромъ. Затѣмъ, они спустились въ Аостскую долину, гдѣ стоялъ имъ на дорогѣ крѣпкій фортъ Бардъ. Смѣлымъ ночнымъ маршемъ они прошли мимо этого форта, причемъ авангардъ подъ начальствомъ Ланна взялъ приступомъ Иврею и обратилъ въ бѣгство отрядъ австрійцевъ. Тѣмъ временемъ раздѣлившіеся корпуса снова соединились, и черезъ Готтардъ перешли также подкрѣпленія, посланныя первому консулу генераломъ Моро изъ своей арміи по распоряженію Карно.

На Меласа извѣстіе, что большая французская армія подъ начальствомъ самого Бонапарта появилась у него въ тылу, подѣйствовало удручающимъ образомъ. Онъ оставилъ мысль о вторженіи въ Провансъ и немедленно ретировался. Генералу Отту онъ приказалъ прекратить осаду Генуи, которую Массена до сихъ поръ защищалъ съ большимъ умѣньемъ и выносливостью. Но именно теперь лишенія въ Генуѣ достигли такой степени, что сдача стала неизбѣжной. Провіантъ почти совершенно вышелъ; не было ни мяса, ни хлѣба, и то, что солдаты ѣли подъ именемъ хлѣба, не заслуживало этого названія. Во время этой страшной осады, говорятъ, много тысячъ людей умерло отъ голода. Массена держался съ желѣзной твердостью и самъ раздѣлялъ со своими солдатами всѣ лишенія осады, такъ что они говорили о немъ: „раньше чѣмъ онъ капитулируетъ, онъ еще заставитъ насъ съѣсть свои сапоги". Но 4-го іюня Массена изъ состраданія къ населенію города уступилъ и капитулировалъ подъ условіемъ свободнаго пропуска съ оружіемъ и имуществомъ,—какъ разъ въ то время, когда Оттъ получилъ приказаніе отступить отъ крѣпости.

Такъ Генуя еще разъ перешла въ руки австрійцевъ, которые сейчасъ же заняли ее. Но это нисколько не могло улучшить ихъ положенія, потому что Бонапартъ быстро завладѣлъ Ломбардіей и такимъ образомъ отрѣзалъ Меласа отъ Австріи. 2-го іюня Бонапартъ торжественно вступилъ въ Миланъ и объявилъ возстановленіе цисальпинской республики.

Меласъ стянулъ всѣ свои войска и послѣ того, какъ онъ въ стычкѣ съ пылкимъ Ланномъ при Монтебелло потерпѣлъ сильное пораженіе, обѣ главныя арміи сошлись на широкой равнинѣ у Александріи. Деревня Маренго составляла центральный пунктъ поля битвы.

Меласъ, увидѣвъ, что онъ можетъ выйти изъ своего отчаяннаго положенія лишь смѣлымъ нападеніемъ, напалъ 14 іюня съ преобладающими силами на французовъ при Маренго и отбросилъ ихъ назадъ. Какъ ни усиливался Бонапартъ остановить страшное замѣшательство, Меласъ весь день одолѣвалъ французовъ, и къ вечеру французскіе ряды разстроились. Цѣлые отряды французовъ стали обращаться въ бѣгство, и австрійцы яростно шли впередъ. Быстрыми кавалерійскими аттаками они разсѣевали французскія колонны. Меласъ счелъ себя побѣдителемъ и послалъ въ Вѣну извѣстіе о побѣдѣ, между тѣмъ какъ Бонапартъ отправилъ въ Парижъ курьера съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Австрійскій генералъ, изнуренный тяжелой битвой, сдалъ начальствованіе надъ войскомъ генералу Цаху и уѣхалъ въ Алессандрію.

Цахъ яростно бросился на отступавшихъ французовъ,—которымъ въ этотъ моментъ спѣшилъ со своей дивизіей на помощь лишь недавно вернувшійся изъ Египта генералъ Десэ. Французы приготовились къ новому удару съ мужествомъ отчаянія. Надвигавшіяся массы австрійцевъ были встрѣчены сильнымъ пушечнымъ огнемъ; затѣмъ, Десэ перешелъ въ наступленіе, что подняло духъ всего французскаго войска. Австрійцы, порядокъ у ко-

торыхъ во время преслѣдованія разстроился, подались теперь съ своей стороны назадъ. Генералъ Десэ палъ, и его войско, потрясенное смертью фанатически любимаго имъ вождя, котораго называли „Баярдомъ республики“, пришло въ ярость, бѣшенно бросилось на австрійцевъ въ штыки и отбросило ихъ далеко назадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Келлерманъ ворвался со своей кавалеріей въ австрійскіе ряды и довелъ ихъ замѣшательство до послѣдняго предѣла. Генералъ Цахъ былъ взятъ въ плѣнъ, и его войска, еще недавно побѣждавшія, бѣжали теперь въ паническомъ страхѣ. Первоначальная побѣда австрійцевъ превратилась въ ихъ полное пораженіе. Энергичное преслѣдованіе завершило разстройство австрійской арміи. Австрійцы потеряли 5,000 чел. убитыми и ранеными, 20 орудій и 6,000 плѣнныхъ; французы потеряли убитыми и ранеными около 6,000 чел. Бонапартъ былъ очень опечаленъ смертью Десэ, котораго онъ высоко цѣнилъ. Когда его поздравляли съ побѣдой словами: „какой прекрасный день“, побѣдитель отвѣтилъ: „да, прекрасный день,— если бы только я могъ сегодня обнять на полѣ битвы Десэ!“

Дѣйствіе этой побѣды было громадно: австрійцы сразу потеряли все, что было пріобрѣтено ими во время похода 1799 г. Меласъ вынужденъ былъ просить перемирія. Перемиріе ему было дано 16 іюля въ Алессандріи, но только подъ условіемъ, чтобы австрійская армія отступила за Минчіо и французамъ было отдано все оружіе и амуниція въ подлежащихъ очищенію областяхъ.

Въ Германіи военное счастье въ этотъ походъ было тоже на сторонѣ французовъ. 25 апрѣля Моро перешелъ Рейнъ. Тщательно обдуманнымъ операціямъ этого столь же искуснаго, какъ и осторожнаго тактика, неспособный Край, начальствовавшій надъ австрійцами, могъ противопоставить только храбрость рубаки. Моро разбилъ австрійцевъ поочередно при Энгенѣ, Месскирхѣ и Пуллендорфѣ и принудилъ ихъ искать защиты въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ прикрытіемъ пушекъ Ульма. Край, войско котораго было вслѣдствіе пораженій совершенно деморализовано и имѣло такъ много больныхъ, что стали подозрѣвать у солдатъ эпидемическую симуляцію, надѣялся въ своей позиціи передъ Ульмомъ задержать дальнѣйшее движеніе Моро. Но Моро обошелъ австрійскую позицію. Онъ занялъ Аугсбургъ и затѣмъ, началъ переправляться черезъ Дунай въ тылу у Края. Край сталъ теперь бояться, что его отрѣжутъ отъ Австріи; поэтому онъ вышелъ изъ своего лагеря и старался помѣшать переправѣ Моро черезъ Дунай. Однако онъ былъ разбитъ Моро у Гёхштэдта, на томъ самомъ полѣ битвѣ, гдѣ французы почти за сто лѣтъ раньше побѣдили принца Евгенія и Мальборо (Malborough), и бѣжалъ съ остатками своего войска къ австрійской границѣ. Моро занялъ Мюнхенъ и французы отступили до Инна. 15 іюля было заключено перемиріе, передавшее въ руки французовъ почти всю Баварію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, блокированныхъ ими крѣпостей. Рѣшено было, что эти крѣпости останутся подъ блокадою съ тѣмъ, чтобы черезъ каждые 14 дней въ нихъ про-

пускался провіантъ въ количествѣ, необходимомъ на такой періодъ времени.

Бонапартъ принялъ перемиріе подъ тѣмъ условіемъ, чтобы были начаты переговоры о мирѣ. Но Австрія хотѣла перемирія лишь затѣмъ, чтобы оправиться отъ своего пораженія, и мирные переговоры скоро разстроились.

Такъ властная рука Бонапарта, точно колдовствомъ, повернула общее политическое положеніе въ пользу Франціи, когда еще недавно дѣло имѣло такой видъ, будто республика стоитъ на краю гибели. Неудивительно, если ограниченная масса съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ взирала на человѣка, счастье котораго казалось столь же великимъ, какъ и его геній.

Побѣдитель при Маренго поспѣшилъ извлечь финансовую выгоду изъ успѣховъ своего оружія. Организуя вновь цисальпинскую республику, онъ конфисковалъ монастырскія и государственныя земли въ Ломбардіи; цисальпинская республика должна была платить Франціи ежемѣсячно два, Пьемонтъ—ежемѣсячно полтора милліона, Массена былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Италіи. Этотъ генералъ—герой на полѣ битвы, но грабитель на постоѣ—совершалъ такія вымогательства, офицеры и комиссары такъ усердно подражали ему, что къ Бонапарту поступили самыя тяжкія жалобы и пришлось замѣнить Массену Брюномъ. Моро, насколько могъ, держался въ сторонѣ отъ грабежей, но теперь онъ долженъ былъ по приказанію собирать контрибуцію, и онъ собралъ ее на сумму въ сорокъ милліоновъ. Такъ дорого должны были оплачивать народы ненависть Габсбургскаго дома и Питта къ французской республикѣ.

Но тѣмъ не менѣе французскіе финансы все еще не могли оправиться. Передъ финансовой неурядицей даже энергія Бонапарта была безсильна. Въ бюджетѣ и на этотъ разъ былъ дефицитъ въ 200 милліоновъ.

Бросая въ Египтѣ свое храброе войско, Бонапартъ оставилъ генералу Клеберу запечатанный приказъ, который могъ быть вскрытъ лишь тогда, когда главнокомандующій будетъ уже въ открытомъ морѣ. Въ этомъ приказѣ главное начальствованіе передавалось генералу Клеберу. Бонапартъ не любилъ этого генерала, который былъ человѣкъ прямодушный и искренній республиканецъ. Родомъ изъ Страсбурга, Клеберъ, о которомъ ходилъ слухъ, будто онъ былъ побочнымъ сыномъ одной высокопоставленной особы, поступилъ сперва на австрійскую военную службу. Но онъ, какъ не привилегированный, не могъ получить повышенія въ этой странѣ предразсудковъ и поэтому перешелъ на службу французской республики, гдѣ его достоинства скоро открыли ему дорогу. Онъ съ большимъ успѣхомъ сражался въ Майнцѣ, въ Вандеѣ и въ маасской и самбрской арміи; битва при Альтенкирхенѣ была выиграна французами, главнымъ образомъ, благодаря его уму и храбрости. Солдаты питали безграничное довѣріе къ этому мужественному генералу, могучій голосъ котораго они слышали даже среди грохота битвы.

Вслѣдствіе тайнаго отъѣзда Бонапарта французская армія въ Египтѣ сильно упала духомъ. Тѣмъ не менѣе энергичный Клеберъ, какъ ни возмущенъ онъ былъ поступкомъ Бонапарта, сумѣлъ придать бодрость солдатамъ. Но отъ него не могло укрыться, что положеніе его очень затруднительно. Численность войска, начальствованіе надъ которымъ онъ добросовѣстно принялъ, доходила до 20,000 чел., и Клеберъ видѣлъ, что безъ подкрѣпленія изъ Европы онъ не можетъ надолго удержать Египетъ. Между тѣмъ, какъ Сидней Смитъ безпрестанно подвозилъ въ страну турецкія войска, черезъ Сирію и Палестину шелъ турецкій великій визирь Юсуфъ съ арміей въ 80,000 человѣкъ. Клеберъ счелъ нужнымъ сдѣлать попытку сохранить республикѣ ея войско и вступилъ въ переговоры съ Сиднеемъ Смитомъ, между тѣмъ какъ великій визирь Юсуфъ занялъ фортъ Эль-Аришъ на границѣ между Египтомъ и Палестиною. Здѣсь состоялся договоръ, заключенный 20 января 1800 г. Клеберъ долженъ былъ очистить правый берегъ Нила и Каиръ и въ опредѣленное время переправиться на англійскихъ судахъ во Францію.

Клеберъ не имѣлъ никакой иной гарантіи исполненія этого договора, кромѣ устнаго обѣщанія Сиднея Смита. Человѣкъ высокой честности, Клеберъ предполагалъ это качество и въ другихъ людяхъ. Теперь ему пришлось познакомиться съ коварствомъ Альбіона.

Французы немедленно уступили туркамъ правый берегъ Нила и Каиръ. Но вскорѣ послѣ этого Сидней Смитъ сообщилъ французскому главнокомандующему, что англійское правительство приказало лорду Кэйту, главному начальнику англійскаго флота, признать эль-аришскую конвенцію лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Клеберъ со своей арміей сдался англичанамъ въ плѣнъ.

Клеберъ, поступившій при заключеніи договора слишкомъ довѣрчиво и нѣсколько легкомысленно, такъ какъ онъ положился лишь на устное обѣщаніе, пришелъ въ сильное раздраженіе. Но это вернуло ему также и всю его энергію. Желая пригвоздить къ позорному столбу низость англійскаго правительства, онъ обнародовалъ письмо, полученное имъ отъ лорда Кэйта. Письмо это гласило:

„Отъ его британскаго величества я получилъ отчетливыя приказанія не признавать никакой капитуляціи съ арміей, состоящей подъ вашимъ начальствомъ, иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она сложила оружіе, сдалась въ плѣнъ и выдала всѣ суда, находящіяся въ александрійской гавани".

Клеберъ прибавилъ въ своемъ приказѣ по арміи: *„Солдаты! На такое безстыдство отвѣчаютъ только побѣдою. Готовьтесь къ бою!"*.

20 марта онъ стоялъ близъ развалинъ древняго Геліополиса передъ несравненно болѣе сильнымъ турецкимъ войскомъ. У Клебера было лишь 12,000 челов. противъ 80,000 турокъ, но онъ и его армія были воодушевлены мужествомъ отчаянія. Когда на французовъ надвигались сильныя колонны великаго визиря, Клеберъ ѣздилъ передъ фронтомъ своихъ баталіоновъ. „Друзья", го-

ворилъ онъ имъ: „у васъ въ Египтѣ нѣтъ ничего, кромѣ той земли, что у васъ подъ ногами. Если вы хоть шагъ отступите назадъ, вы погибли!“

Мужество французовъ возгорѣлось, и они бурно двинулись на турокъ. Ярость французовъ, смѣлые маневры Клебера, страхъ турокъ передъ французскимъ оружіемъ—все это соединилось вмѣстѣ, чтобы сдѣлать атаку французовъ непреодолимой. Яростнымъ и общимъ ударомъ въ штыки они сбили боевой строй турокъ и обратили массы великаго визиря въ бѣгство. Турки въ страхѣ бѣжали до самой Сиріи.

Эта блестящая побѣда стоила французамъ лишь нѣсколько сотъ человѣкъ. Но имъ еще предстояла тяжелая и обильная потерями борьба,—вторичное завоеваніе Каира.

Населеніе этого большого города, какъ мы видѣли, еще при Бонапартѣ возставало противъ французовъ. Кровавое подавленіе возстанія вызвало у египтянъ сильное озлобленіе. Когда Клеберъ сражался съ турками при Геліополисѣ, населеніе Каира снова поднялось, такъ какъ оно съ увѣренностью ожидало пораженія и уничтоженія французовъ. Въ Каирѣ осталось лишь немного французовъ. Теперь египтяне напали на нихъ и перебили ихъ. Ибрагимъ-Бей, сражавшійся со своими мамелюками при Геліополисѣ, бѣжалъ въ Каиръ и налгалъ египтянамъ, будто французы разбиты. Вскорѣ 50,000 египтянъ взялись за оружіе. Но 27 марта передъ Каиромъ явился Клеберъ и показалъ его жителямъ, что онъ не побѣжденъ. Когда въ Каирѣ египтяне грабили и убивали всѣхъ французовъ и вообще христіанъ, Ибрагимъ старался отстоять городъ отъ французовъ. Произошелъ рядъ кровопролитныхъ стычекъ, которыя не привели ни къ какому результату, хотя Каиръ и былъ подвергнутъ бомбардировкѣ. Наконецъ, Клеверъ рѣшился взять предмѣстье Каира, Булакъ, приступомъ. 15 апрѣля французы проникли въ Булакъ, но имъ пришлось еще выдержать жестокую борьбу съ египтянами и мамелюками, раньше чѣмъ можно было взять предмѣстье. Отчаянные защитники массами погибали отъ картечи или штыковъ, взрывались на воздухъ цѣлые ряды домовъ. 400 домовъ были разрушены или погибли въ пламени и избито было много тысячъ людей, пока, наконецъ, французы овладѣли Булакомъ.

Послѣ этой страшной побѣды Ибрагимъ-Бей вступилъ въ переговоры съ Клеберомъ, и Каиръ былъ сданъ французамъ, Ибрагимъ же ушелъ со своими мамелюками въ Сирію. 27 апрѣля 1800 г. французы снова вступили въ Каиръ. Такимъ образомъ, вторичное завоеваніе города заняло цѣлый мѣсяцъ времени.

Управленіе страной было организовано Клеберомъ вновь и съ большимъ искусствомъ. Онъ считался съ привычками и потребностями египтянъ и соблюдалъ умѣренность во взиманіи налоговъ. Онъ обнаружилъ большую мягкость и не мучилъ такъ египтянъ реквизиціями, какъ Бонапартъ. Поэтому египтяне скоро полюбили его, и онъ получилъ нѣкоторую надежду удержать Египетъ до тѣхъ поръ, пока въ Европѣ не заключатъ мира.

Но этой надеждѣ не пришлось исполниться.

14 іюня 1800 г. Клеберъ вышелъ съ однимъ проводникомъ въ садъ своего дворца въ Каирѣ,—въ тотъ самый часъ, когда другъ его Десэ палъ, сраженный австрійской пулею на полѣ битвы при Маренго. Вдругъ изъ одной высохшей цистерны выскочилъ мусульманинъ и со страшной быстротой и мѣткостью вонзилъ длинный кинжалъ въ сердце ничего не предчувствовавшаго генерала. Клеберъ упалъ мертвымъ; проводникъ его хотѣлъ задержать бѣжавшаго убійцу, но былъ при этомъ раненъ кинжаломъ. Убійцу задержали подоспѣвшіе солдаты.

Это былъ нѣкій Сулейманъ изъ Алеппо, мистикъ и религіозный фанатикъ, бродившій по востоку. Онъ видѣлъ остатки турецкой арміи, разбитой при Геліополисѣ, и страхъ, распространенный среди мусульманъ этой побѣдой Клебера. Онъ рѣшилъ убить „султана французовъ“ и выполнилъ свой замыселъ.

Собралась военная комиссія и открыла, что замыселъ Сулеймана былъ извѣстенъ четыремъ шейхамъ. Шейхи эти были обезглавлены, Сулейманъ же приговоренъ къ посаженію на колъ, и этотъ восточный приговоръ былъ исполненъ надъ нимъ съ восточной жестокостью. Онъ втеченіе четырехъ часовъ выносилъ свои муки съ равнодушіемъ, какое можетъ дать только фанатизмъ.

Преемникомъ Клебера былъ генералъ Мену, перешедшій въ исламъ и женившійся на турчанкѣ: онъ принялъ имя Абдалла-Мену. Но онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ не пригоденъ для той роли, которую ему пришлось взять на себя; его умственныя способности не были на высотѣ его положенія, а его внѣшность сдѣлала его предметомъ насмѣшекъ; онъ былъ такъ толстъ, что едва могъ сидѣть на конѣ. Его мѣропріятія были неудачны и раздражали египтянъ. Подкрѣпленія, которыя хотѣли послать изъ Европы, были задержаны англійскими крейсерами, и положеніе французовъ становилось все опаснѣе.

Тѣмъ временемъ событія въ Европѣ складывались благопріятно для французовъ въ Египтѣ. 5 сентября англичане вслѣдствіе капитуляціи заняли Мальту, которую втеченіе двухъ лѣтъ французскій генералъ Вобуа защищалъ отъ англійскихъ, русскихъ, неаполитанскихъ и португальскихъ военныхъ кораблей. Занятіемъ Мальты англичане навлекли на себя гнѣвъ русскаго императора Павла и, опасаясь его мщенія, старались, во что бы то ни стало, удалить французовъ изъ Египта. Они предложили Мену признать эль-аришскую конвенцію; Сидней Смитъ сообщилъ ему объ этомъ. Но Мену отвергъ это предложеніе, такъ какъ для принятія его онъ, по его словамъ, нуждался въ согласіи перваго консула.

Вслѣдствіе этого англійскій министръ рѣшилъ сдѣлать то, чего не могли сдѣлать турки, и завоевать Египетъ. Была образована армія въ 17,000 человѣкъ, навербованная почти во всѣхъ странахъ Европы, и подъ начальствомъ генерала Ральфа Эберкромби доставлена лордомъ Кэйтомъ въ Египетъ.

Эберкромби, дѣльный и энергичный полководецъ, сейчасъ же взялъ фортъ Абукиръ и 21 марта 1801 г. далъ французамъ сраженіе при Рамани, въ которомъ они, послѣ столь же отчаянной,

какъ и безуспѣшной кавалерійской аттаки, были совершенно разбиты. Эберкромби палъ въ битвѣ, но преемникъ его Хётчинсонъ (Hutchinson) прогналъ французовъ къ валамъ Александріи; Мену бросился съ частью своего войска въ городъ, остальное же войско подъ начальствомъ генерала Белльяра занимало Каиръ. Хётчинсонъ осадилъ Александрію и двинулся къ Каиру. Такъ какъ турки съ сильнымъ войскомъ снова шли на помощь англичанамъ, а въ Красномъ морѣ уже показался англійскій флотъ, имѣвшій привезти изъ Индіи 7 тыс. чел., то Белльяръ рѣшилъ капитулировать. Каирской капитуляціей отъ 27 іюля 1801 г. французамъ предоставлено было свободное отступленіе съ оружіемъ и багажемъ; они должны были переправиться во Францію на англійскихъ корабляхъ. И ученые, сопровождавшіе французскую армію, тоже могли вернуться на родину со своими бумагами и коллекціями. 27 августа капитулировалъ также и Мену въ Александріи на тѣхъ же условіяхъ. 2-го сентября посадка французовъ на корабли была уже окончена. Такъ какъ англичане имѣли случай показать себя великодушными, то посадка французовъ совершалась съ нѣкоторой пышностью. Французовъ содержали во время плаванія очень хорошо. Египтяне, скомпрометировавшіе себя во время французскаго владычества, тоже могли отправиться съ французами.

Таковъ былъ конецъ этого фантастическаго предпріятія, цѣль котораго—подорвать положеніе Англіи на востокѣ—была совершенно не достигнута. Но французы не избавились также и отъ честолюбиваго генерала, котораго они боялись; египетскій походъ только увеличилъ его популярность и, такимъ образомъ, способствовалъ удачѣ государственнаго переворота 18 брюмэра. Единственный положительный результатъ этой экспедиціи составляли изслѣдованія, чертежи и коллекціи ученыхъ, оплаченные нѣсколько дорогой цѣной,—кровью столь многихъ людей.

Послѣ битвы при Маренго Бонапартъ снова сдѣлалъ мирныя предложенія и поставилъ болѣе мягкія условія, чѣмъ можно было ожидать отъ побѣдителя. Но Австрія не согласилась, потому что интриганъ Тугутъ заключилъ уже новый договоръ о субсидіи, по которому Австрія могла вести мирные переговоры съ Франціей лишь съ согласія Англіи. Англичане уплатили Австріи два милліона фунтовъ стерлинговъ, и Тугутъ выигралъ свою безчестную игру. Война началась снова.

Бонапартъ предоставилъ дальнѣйшее веденіе войны своимъ генераламъ, самъ же еще въ началѣ іюля вернулся въ Парижъ, гдѣ этотъ человѣкъ, своей сильной рукой снова повернувшій судьбы Франціи, былъ встрѣченъ массой населенія, какъ полубогъ. Французы были опьянены его успѣхами.

Въ сентябрѣ въ Италіи начались снова военныя дѣйствія. Генералъ Макдональдъ вторгся въ Тироль, перешелъ смѣлымъ маршемъ Шплюгенъ и взялъ Тріентъ. Брюнъ двинулся черезъ Минчіо и отбросилъ Белльгарда, принявшаго команду отъ старика Меласа. Брюнъ уже вступилъ въ долину Эча, когда изъ Герма-

ніи пришло извѣстіе о новомъ перемиріи, вслѣдствіе чего были пріостановлены военныя дѣйствія и въ Италіи.

Австрія во время парсдорфскаго перемирія предприняла обширныя вооруженія и выставила новое войско противъ Моро. Эрцгерцогъ Карлъ ни подъ какимъ условіемъ не хотѣлъ подъ властью Тугута принимать начальствованіе надъ войскомъ. Но въ Австріи, повидимому, думали, что войско вообще можетъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если имъ командуетъ принцъ, и такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ упорно отказывался, то главное начальствованіе было передано брату его, Іоанну. Этотъ, тогда 18-лѣтній юноша, съигравшій черезъ полстолѣтія въ Германіи трагикомическую роль правителя имперіи (Reichsverweser), долженъ былъ теперь спасти Австрію; онъ дѣйствительно и самъ считалъ себя призваннымъ къ этому. Если могъ одерживать побѣды братъ его, Карлъ, то отчего не можетъ и онъ? Такъ и долженъ былъ онъ разсуждать, принимая на вѣру все, что говорили ему льстецы. Въ военные совѣтники дали ему не какого-нибудь генерала, испытаннаго въ бояхъ съ французами, а одного фельдцехмейстера, по имени Лауэра, всѣ заслуги котораго состояли въ томъ, что онъ въ походѣ 1796 г. доказалъ свою полную неспособность. И этому эрцгерцогу Іоанну съ генераломъ Лауэромъ предстояло одолѣть войска французской республики, находившіяся подъ начальствомъ самыхъ лучшихъ полководцевъ! Если бы не было извѣстно, что Тугутъ дѣлаетъ такія распоряженія вслѣдствіе именно своей безтолковости, то можно было бы думать, что въ Вѣнѣ царитъ безуміе.

Послѣ того какъ австрійская армія получила значительныя подкрѣпленія,—причемъ нужно было прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, такъ какъ и терпѣливымъ австрійцамъ уже надоѣла безпрестанная война,—28 ноября снова начались враждебныя дѣйствія. Войско Моро тоже усилилось, такъ какъ онъ присоединилъ къ себѣ сѣверную армію, состоявшую подъ начальствомъ генерала Ожеро. И молодому Іоанну тоже суждено былъ имѣть маленькій успѣхъ. 1 декабря онъ съ преобладающими силами натолкнулся на двѣ французскія дивизіи и отбросилъ ихъ. Не было недостатка въ льстецахъ, которые чудовищно раздували это дѣло, и Іоаннъ самъ теперь уже увѣровалъ въ свой стратегическій геній. Онъ вѣрилъ, что все уже выиграно. Моро вскорѣ разувѣрилъ его.

3 декабря враждебныя войска сошлись у деревни Гогенлинденъ (Hohenlinden). Французскіе генералы сразу же увидѣли, какой у нихъ противникъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ наканунѣ сраженія: „Напишемъ сейчасъ же реляцію: взято 50 орудій и 10.000 плѣнныхъ“. Онъ былъ правъ.

Раннимъ утромъ въ ясный зимній день возгорѣлась битва на покрытой снѣгомъ лѣсистой равнинѣ, среди которой расположена деревня Гогенлинденъ. Неумѣлымъ движеніямъ эрцгерцога Моро противопоставилъ все свое стратегическое искусство. Австрійскія линіи были прорваны, укрѣпленныя позиціи эрцгерцога взяты или обойдены, и вскорѣ остатки австрійской арміи безпорядочной массой обратились въ поспѣшное бѣг-

ство. Іоаннъ потерялъ 7,000 мертвыми и ранеными, 11,000 плѣнными и 100 орудій; у французовъ было мертвыхъ и раненыхъ около 2,500 человѣкъ.

Пораженіе было уничтожающее; Австрія совершенно пала. Съ паденіемъ ея палъ также и Тугутъ, такъ какъ теперь, когда все уже было потеряно, главнокомандующимъ надъ разбитой арміей снова былъ назначенъ эрцгерцогъ Карлъ, а онъ согласился принять назначеніе лишь подъ условіемъ отставки Тугута. Тугутъ, можетъ быть, былъ бы уволенъ еще до битвы при Гогенлинденѣ, такъ какъ императоръ Францъ II желалъ видѣть во главѣ арміи своего талантливаго брата Карла. Но какъ разъ въ это время прибыла въ Вѣну королева неаполитанская, Каролина, со своей пресловутой фавориткой, леди Гамильтонъ, и такъ какъ родственныя души сходятся, то и эти зловредные элементы сошлись съ Тугутомъ. Они добились того, что Тугутъ остался на своемъ посту. Но теперь онъ долженъ былъ выйти въ отставку, и эрцгерцогъ Карлъ принялъ начальствованіе надъ разбитымъ войскомъ, съ которымъ онъ уже ничего не могъ подѣлать. Онъ отступилъ въ Штирію, и Моро послѣдовалъ туда за нимъ. Французская армія была уже на разстояніи лишь 11 миль отъ Вѣны. Большой тріумфъ былъ бы для нея, если бы она вступила въ непріятельскую столицу. Но эрцгерцогъ Карлъ добросовѣстно объявилъ императору, что Австрія можетъ быть спасена только быстрымъ заключеніемъ мира, и когда эрцгерцогъ предложилъ французскому генералу перемиріе, предложеніе его было принято. 25 декабря 1800 г. въ Штайерѣ было заключено перемиріе, по которому въ рукахъ французовъ осталась Баварія и Верхняя Австрія. Для нихъ должно было также остаться открытымъ сообщеніе съ Италіей.

Вотъ какіе удары нужны были для того, чтобы склонить Австрію къ миру. Вскорѣ начались также мирные переговоры, въ основу которыхъ Бонапартъ, чтобы быть великодушнымъ, положилъ условія кампо-формійскаго мирнаго договора. Миръ, возвратившій Франціи все, полученное ею въ Кампо-Форміо, заключенъ былъ 9 февраля въ Люневиллѣ. Австрійскую границу въ Италіи составляла рѣка Эчъ, Тоскана перешла во владѣніе Франціи, причемъ великій герцогъ ея Фердинандъ III долженъ былъ получить соотвѣтствующее вознагражденіе въ Германіи. Этотъ мирный договоръ былъ утвержденъ регенсбургскимъ конгрессомъ имперскихъ князей 7 марта 1801 г.

Мѣщанство, высшая буржуазія, крупные и мелкіе землевладѣльцы хорошо чувствовали себя подъ владычествомъ Бонапарта, который доставилъ имъ спокойствіе, снова возвысилъ ихъ ренты, далъ занятія рабочимъ на войнѣ или при общественныхъ сооруженіяхъ и подавилъ демократію. Казалось, никакихъ принциповъ уже не существовало, все слилось въ восхваленіи великаго человѣка, который преобразовалъ Францію и укротилъ льва революціи.

Отъ старыхъ партій сохранились уже лишь развалины, и вліятельныя личности, за немногими исключеніями, покорились все-

могущему правленію Бонапарта. Но осталось еще нѣкоторое число роялистовъ и демократовъ, у которыхъ было достаточно характера, чтобы не покориться безъ всякихъ околичностей человѣку 18 брюмэра. Успѣхъ не очаровалъ ихъ. Большинство ихъ со злобой удалились отъ общественной жизни, и когда такіе ненадежные люди, какъ Барреръ, соглашались нести властелину сыскную службу, Карно счелъ уже несовмѣстимымъ со своими непреклонно-республиканскими убѣжденіями оставаться военнымъ министромъ Бонапарта.

Но среди оппозиціи обоихъ лагерей были также люди горячіе, склонные къ насиліямъ, которые не могли оставаться спокойными, а стали придумывать, какъ бы устранить перваго консула насильственнымъ путемъ. Такъ какъ о возстаніи народа нечего было и думать, то занялись покушеніями на убійство. Это доставляло большое удовольствіе Фуше, потому что такія покушенія были ему очень желательны, чтобы укрѣпиться въ своемъ положеніи стража безопасности. Мало того, дѣло имѣло даже такой видъ, будто министръ полиціи искусственно „составлялъ“ заговоры и затѣмъ „открывалъ“ ихъ, чтобы показать свою проницательность и бдительность. Тогда, какъ и теперь, въ этомъ не было ничего ни новаго, ни необычнаго.

Въ Парижѣ тогда жилъ одинъ корсиканецъ, по имени Арéна, ревностный республиканецъ; говорили, будто братъ его 19 брюмэра въ совѣтѣ пятисотъ, членомъ котораго онъ былъ, замахнулся кинжаломъ на Бонапарта. Онъ часто видался съ италіанцемъ Чераки, талантливымъ скульпторомъ и тоже ревностнымъ республиканцемъ, а также съ живописцемъ Топино-Лебреномъ, бывшимъ нѣкогда присяжнымъ въ революціонномъ трибуналѣ. Фанатики эти часто говорили о Брутѣ, который имъ былъ желателенъ для освобожденія Франціи отъ Бонапарта. Сами они не чувствовали влеченія къ этой опасной роли, но они познакомились съ однимъ отставнымъ офицеромъ, по имени Аррелемъ (Harrel), который имъ казался вполнѣ подходящимъ для нея. Нѣкій Домервиль и нѣкій Діана были посвящены въ тайну, и Аррелю со всей серьезностью было сдѣлано предложеніе заколоть кинжаломъ перваго консула. Онъ, повидимому, согласился, но одновременно съ этимъ обо всемъ узналъ министръ полиціи Фуше и слѣдилъ за комплотомъ. Заговорщики рѣшили убить перваго консула въ оперѣ. Фуше получилъ отъ своихъ агентовъ, участвовавшихъ въ комплотѣ, точныя свѣдѣнія о мѣстѣ и времени покушенія, и когда заговорщики явились въ театръ, ихъ арестовала полиція. Впрочемъ, у нихъ не было при себѣ кинжаловъ: вооружены были лишь агенты Фуше. Не было также противъ нихъ и никакихъ доказательствъ, кромѣ доносовъ полицейскихъ агентовъ. Общественное мнѣніе склонялось къ тому, что Фуше самъ составилъ этотъ комплотъ, чтобы воспользоваться имъ въ интересахъ перваго консула, и даже президентъ трибунала довольно ясно высказалъ такой взглядъ на дѣло въ своей рѣчи. Дѣйствительные или мнимые заговорщики тѣмъ временемъ оставались подъ арестомъ.

Но къ этой полицейской интригѣ Фуше вскорѣ присоединилось серьезное событіе. Роялисты мало по малу пришли къ тому убѣжденію, что отъ Бонапарта имъ нечего ждать возстановленія легитимной монархіи. Претендентъ на престолъ, называвшій себя Людовикомъ XVIII, написалъ самъ Бонапарту. «Вы», говоритъ онъ въ своемъ письмѣ, „такъ же мало можете достигнуть счастья Франціи безъ возстановленія меня на престолѣ, какъ мало могу и я безъ вашего содѣйствія вступить на престолѣ, на который я имѣю право. Поэтому поспѣшите окончить доброе дѣло, начатое вами, которое вы одни можете выполнить, и назначьте вознагражденіе, какое вы потребуете за вашу любезность".

Этотъ Бурбонъ въ самомъ дѣлѣ обладалъ достаточнымъ тупоуміемъ и самомнѣніемъ, чтобы думать, будто такой побѣдоносный воинъ, какъ Бонапартъ, откажется отъ своего властнаго положенія въ пользу ничтожнаго во всѣхъ отношеніяхъ претендента. Бонапартъ отвѣтилъ ему, что сожалѣетъ о его несчастіи, но для возвращенія ему Франціи пришлось бы пожертвовать 100,000 человѣкъ, а этому онъ, первый консулъ, не можетъ содѣйствовать.

Впослѣдствіи должно было погибнуть гораздо болѣе 100,000 человѣкъ ради возстановленія владычества Бурбоновъ.

И съ политическими агентами въ лицѣ прекрасныхъ, остроумныхъ и знатныхъ дамъ роялисты тоже не имѣли успѣха у Бонапарта. Тогда они отчаялись, наконецъ, въ возможности привлечь къ себѣ новаго самодержца и рѣшили убить его.

Выполненіе заговора взялъ на себя необузданный предводитель шаекъ въ Бретани, Жоржъ Кадудаль, обладавшій необходимой для этого дерзостью. Онъ тайно прибылъ во Францію и скрывался въ Бретани, откуда послалъ въ Парижъ трехъ агентовъ для убійства перваго консула. Они должны были взорвать его на воздухъ при помощи бочки, наполненной порохомъ и картечью. Заговорщики, имѣвшіе выполнить этотъ разбойничій планъ, назывались Карьянъ, Сэнъ-Режанъ и Лимоэланъ.

Вечеромъ 23 декабря 1800 г. Бонапартъ хотѣлъ отправиться въ оперу, затѣмъ онъ рѣшилъ остаться дома, но его уговорили поѣхать, и онъ поѣхалъ. На кривой улицѣ Сэнъ-Никэзъ заговорщики поставили телѣгу съ пороховой бочкой. Бонапартъ проѣзжалъ въ своей каретѣ мимо адской машины, какъ называли телѣгу съ пороховой бочкой, и Сэнъ-Режанъ зажегъ фитиль. Но онъ немного опоздалъ, а пьяный кучеръ Бонапарта гналъ лошадей нѣсколько быстрѣе, чѣмъ обыкновенно, такъ что въ моментъ взрыва адской машины Бонапартъ уже завернулъ за уголъ. Раздался страшный взрывъ,—настолько сильный, что въ каретѣ Бонапарта разбило стекло, и первый консулъ крикнулъ сидѣвшему противъ него генералу Бессьеру: „Мы взорваны на воздухъ!" Грохотъ слышно было на разстояніи нѣсколькихъ миль. Нѣсколько домовъ были совершенно разрушены, убито до 20 человѣкъ и шестьдесятъ ранено. Бонапартъ все-таки поѣхалъ въ театръ, куда онъ прибылъ совершенно спокойнымъ.

Это постыдное покушеніе, повергшее въ скорбь многія семьи, вызвало во Франціи продолжительное возбужденіе. Фуше пустилъ въ ходъ всю свою многосложную полицейскую машину, чтобы разыскать виновниковъ покушенія. Совершенно неосновательно заподозрили демократовъ, многіе изъ которыхъ были арестованы. Тогда Бонапартъ рѣшилъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ этой партіи; простымъ полицейскимъ распоряженіемъ онъ выслалъ до 130 сторонниковъ этой партіи, среди которыхъ было много людей, пріобрѣтшихъ извѣстность въ революціи; часть ихъ была сослана на пустынныя Сешельскія острова.

Государственный совѣтъ согласился на это насиліе, а раболѣпный сенатъ еще отчетливо выразилъ, что конституція этимъ не нарушена,—Бонапартъ могъ быть доволенъ такимъ китайскимъ раболѣпіемъ. Теперь были казнены и участники заговора Арены, за исключеніемъ предателей и шпіоновъ, хотя никто не вѣрилъ серьезно въ ихъ виновность.

Постыдный Фуше вскорѣ разыскалъ, откуда вышло покушеніе съ адской машиной, но это не мѣшало ему производить аресты и высылать демократовъ съ прежней ревностью. Ему удалось захватить двухъ виновниковъ покушенія. Правда, Кадудаль сейчасъ же послѣ покушенія снова отплылъ въ Англію и Лимоэланъ выѣхалъ изъ Парижа за границу. Но Сэнъ-Режанъ остался, потому что во время взрыва онъ самъ былъ раненъ въ руку; Карьянъ, лично извѣстный Фуше, тоже скрывался въ Парижѣ. Фуше напалъ на слѣдъ этихъ двухъ заговорщиковъ, и ему удалось задержать ихъ. Они были приговорены къ смертной казни и казнены. Процессъ ихъ долженъ былъ каждаго убѣдить, что надъ демократами совершена величайшая несправедливость ссылкой ихъ за адскую машину. Но Бонапартъ цинически замѣтилъ: „Я избавился лишь отъ главнаго штаба якобинцевъ, а адская машина доказываетъ только, что и за роялистами надо смотрѣть такъ же строго, какъ и за демократами“.

Дѣло съ адской машиной усилило выраженія преданности и энтузіазма къ первому консулу, и онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы еще больше сократить гражданскую свободу. Онъ былъ вынужденъ очень осторожно идти къ абсолютной монархіи. Покушеніе облегчило ему осуществленіе его плановъ.

Тираннія англичанъ на морѣ, наносившая неизмѣримый ущербъ интересамъ Франціи, Испаніи и Голландіи, увѣнчалась такъ называемымъ правомъ обыска, присвоеннымъ себѣ Англіей, противъ котораго была нѣкогда заключена, по настояніямъ русской императрицы, Екатерины II, сѣверная конвенція о нейтралитетѣ. Но Англія нисколько не смущалась этой конвенціей, а осуществляла присвоенное ею право, гдѣ ей было угодно, вооруженной рукой и нападала на всѣ суда, на которыхъ предполагалась военная контрабанда. Если же суда противились обыску, ихъ обстрѣливали и захватывали. Такъ случилось съ нѣсколькими шведскими кораблями и съ датскимъ фрегатомъ „Фреей“.

Во всей Европѣ выражали возмущеніе такой наглостью англичанъ, и Бонапартъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы воору-

жить Россію противъ Англіи. Россія, Пруссія, Данія и Швеція уже давно вели переговоры о возстановленіи морского нейтралитета—и теперь Данія заявила, что захватъ фрегата „Фрея" является нарушеніемъ международнаго права. Англія отвѣтила на это со своей обычной наглостью тѣмъ, что послала противъ Даніи флотъ.

Бонапартъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вмѣшать Россію въ эту распрю, и императоръ Павелъ предложилъ себя Англіи въ посредники. Англія отклонила это предложеніе; тогда Данія вынуждена была уступить и, угрожаемая англійскимъ флотомъ, должна была признать право обыска: заключенъ былъ договоръ, по которому Данія не могла впредь посылать съ транспортными судами, для ихъ охраны, военныхъ кораблей.

Этотъ договоръ императоръ Павелъ объявилъ не имѣющимъ значенія и совершенно порвалъ съ Англіей, которая его тѣмъ временемъ раздражила его также захватомъ Мальты. Онъ велѣлъ задержать всѣ англійскіе корабли, стоявшіе въ русскихъ гаваняхъ, и заключилъ договоръ съ Даніей, Швеціей и Пруссіей, которымъ снова возстановлялся морской нейтралитетъ сѣверныхъ державъ. Морскія державы стали вооружаться. Бонапартъ достигъ своей цѣли; между Англіей и Россіей готова была вспыхнуть война.

При извѣстіи о заключеніи договора относительно нейтралитета Англія задержала въ своихъ гаваняхъ всѣ русскіе, датскіе и шведскіе корабли, и каперы ея захватывали всѣ суда сѣверныхъ державъ. Англійскій же флотъ подъ начальствомъ Паркера и Нельсона направился къ Копенгагену, между тѣмъ какъ Данія закрыла для англичанъ всѣ нѣмецкія гавани Сѣвернаго моря.

Сѣверныя государства не были достаточно подготовлены къ внезапному нападенію англичанъ и, такимъ образомъ, маленькая Данія должна была теперь одна бороться съ сильнымъ тираномъ морей.

Тѣмъ временемъ Бонапартъ дѣйствовалъ на Пруссію, чтобы побудить ее занять курфюршество Ганноверское, бывшее въ личной уніи съ Англіей. Пруссія сперва колебалась, но когда Павелъ пригрозилъ, что займетъ Ганноверъ 25.000 русскихъ, Пруссія завладѣла Ганноверомъ,—шагъ, который пруссаки старались оправдать въ Лондонѣ тѣмъ, будто они желали предупредить занятіе Ганновера русскими и французами. Эта двусмысленная прусская политика увѣнчивалась тѣмъ, что тогда же прусскій посолъ въ Парижѣ, Луккезини, старался получить позволеніе Бонапарта на окончательное присоединеніе Ганновера къ Пруссіи.

Англійскій флотъ явился передъ Копенгагеномъ, гдѣ датчане приготовились къ отчаянному сопротивленію. Весь датскій народъ поднялся противъ наглаго нападенія англичанъ. Но на сторонѣ Нельсона была сила, и онъ подвергъ Копенгагенъ страшной бомбардировкѣ. Въ кровопролитномъ морскомъ сраженіи на Зундѣ передъ Копенгагеномъ датскій флотъ былъ разбитъ и Данія погибла, такъ какъ русскій и шведскій флоты по случаю льда

не могли придти ей на помощь. Пришлось вступить въ переговоры со счастливымъ поклонникомъ леди Гамильтонъ, и Нельсонъ самъ прибылъ въ разрушенный имъ городъ, гдѣ гордаго побѣдителя датскій народъ встрѣтилъ громкими выраженіями негодованія. Заключено было перемиріе, и англійскій флотъ отправился противъ Швеціи. Тѣмъ временемъ, преемникъ Павла, Александръ I сталъ въ иныя отношенія къ Англіи, вслѣдствіе чего сѣверный морской нейтралитетъ прекратился.

Такимъ образомъ, присвоенное англичанами право обыска осталось, и попытка Бонапарта подорвать могущество Англіи на морѣ кончилась неудачею.

Возбужденіемъ, вызваннымъ покушеніемъ съ адской машиной, Бонапартъ прекрасно воспользовался для увеличенія своей власти. Прежде всего была значительно увеличена консульская гвардія, назначенная для охраны перваго консула; затѣмъ, учрежденъ былъ спеціальный судъ, которому подлежали участники вооруженныхъ возстаній и всѣ обвиняемые по особенно важнымъ дѣламъ. Этотъ судъ, состоявшій изъ восьми членовъ, пять изъ которыхъ назначались правительствомъ, рѣшалъ дѣла безапелляціонно и безъ участія присяжныхъ. Такимъ образомъ, снова явился, хотя и въ другой формѣ, революціонный трибуналъ. Впрочемъ, учрежденіе этого суда все-таки натолкнулось на противодѣйствіе въ трибунатѣ и законодательномъ корпусѣ, какъ ни тщательно были перечищены эти корпораціи. Бонапартъ долженъ былъ увидѣть, что демократическія традиціи еще не вполнѣ исчезли, и это задѣло его тѣмъ сильнѣе, что онъ думалъ, будто слава его имени должна была затмить всѣ теоріи.

Полиція была увеличена, и на нее затрачивались громадныя суммы. Содержалась огромная масса шпіоновъ и доносчиковъ, которые проникали въ самые интимные кружки и доносили обо всемъ, о чемъ говорилось. Фуше не останавливался передъ самыми низкими средствами. Онъ давалъ даже привилегіи тѣмъ домамъ терпимости, изъ которыхъ ему доставлялись доносы; такъ же поступалъ онъ и съ игорными домами. Полицейская власть Фуше вскорѣ до того усилилась, что самъ деспотъ въ Тюльери сталъ опасаться ея и раздробилъ полицію, такъ что отдѣльные департаменты ея надзирали взаимно другъ за другомъ. Свободомыслящіе люди обоихъ половъ, писатели, депутаты и политики всякаго рода при этомъ неслыханномъ полицейскомъ режимѣ состояли подъ строжайшимъ надзоромъ и преслѣдовались. Карно, какъ непреклонный республиканецъ, не могшій долго оставаться въ военномъ министерствѣ, Шенье, авторъ „Chant du départ", не желавшій стать придворнымъ поэтомъ перваго консула, даже г-жа Сталь состояли при этомъ владычествѣ полиціи подъ надзоромъ и отчасти терпѣли гоненія.

Въ своемъ стремленіи возстановить монархическія формы, Бонапартъ, учредившій уже въ Тюльери дворъ съ придворнымъ этикетомъ, подумалъ также и о религіи. Во Франціи все еще было достаточно священниковъ, не принимавшихъ присяги; впро-

чемъ, конституціонный клиръ былъ кое-какъ организованъ. Съ папой Піемъ VII Бонапартъ давно уже велъ переговоры о возвращеніи католицизму правъ государственной религіи. Философской Франціи, полагавшей, что введеніе государственной религіи стало уже невозможнымъ, было это не особенно пріятно; но Бонапартъ считалъ католическую религію необходимой, какъ опору своего самодержавія, и вслѣдствіе этого состоялся конкордатъ, еще до сихъ поръ существующій во Франціи.

Конкордатъ былъ заключенъ 14 іюля 1801 г. Во введеніи къ этому достопримѣчательному договору сказано:

„Правительство, признавая, что католическая религія есть религія большинства французовъ... папа, усматривая, съ своей стороны, что эта религія потерпѣла въ тяжелыя времена существенный ущербъ, и ожидая величайшаго блага возстановленія католической религіи во Франціи отъ того, что консулы сами исповѣдуютъ эту религію,—заключаютъ слѣдующее соглашеніе:

1. Католическая религія должна свободно исповѣдываться во Франціи, признаваться государственной религіей и ея богослуженіе должно совершаться открыто; однако она должна подчиняться полицейскимъ предписаніямъ, какія будуть признаны правительствомъ необходимыми для охраны спокойствія.

2. Папа, по соглашенію съ французскимъ правительствомъ, составитъ новое распредѣленіе епархій и можетъ потребовать отъ нынѣшнихъ епископовъ сложенія сана, если это окажется нужнымъ для осуществленія новой организаціи.

3. Епископскія каѳедры, освободившіяся вслѣдствіе такого сложенія сана или, въ случаѣ нежеланія епископовъ, вслѣдствіе смѣщенія ихъ, и всѣ каѳедры, имѣющія освободиться впослѣдствіи, папа замѣщаетъ послѣ предварительнаго назначенія кандидатовъ (nomination) французскимъ правительствомъ.

4. Новые епископы должны давать присягу на вѣрность правительству и руководиться служебникомъ, въ которомъ содержатся особыя молитвы о консулахъ.

5. Церковныя мѣста подлежатъ новому распредѣленію, и для этого должны быть избраны епископы, однако лишь такія лица, на назначеніе которыхъ правительство дастъ свое согласіе.

6. Правительство издастъ надлежащія постановленія относительно духовенства, и папа совершенно отказывается за себя и за своихъ преемниковъ отъ всѣхъ правъ на какія бы то ни было требованія и притязанія относительно церковныхъ имуществъ, проданныхъ въ теченіе революціи".

Конкордатъ передалъ французскому государству отнятую у папы верховную власть въ церковныхъ дѣлахъ. Въ конкордатѣ говорилось еще, что если католическая церковь пожелаетъ основывать семинаріи, то она должна производить это на собственный счетъ, и тайной статьей его папа далъ священникамъ, женившимся втеченіе революціи, отпущеніе этого грѣха.

Пій VII, не лишенный государственнаго ума, уступилъ и предпочелъ пожертвовать большею частью своего вліянія на цер-

ковныя дѣла во Франціи, чѣмъ навлечь на себя гнѣвъ всевластнаго перваго консула.

Если уже 6 статья хитро была разсчитана на то, чтобы обезпечить сочувствіе правительству Бонапарта массы мелкихъ землевладѣльцевъ, гарантировавъ имъ владѣніе бывшими церковными имуществами, то среди образованной Франціи проявилась тѣмъ большая оппозиція конкордату. Трибунатъ и законодательный корпусъ были проникнуты оппозиціей, и можно было ожидать, что они не согласятся утвердить конкордатъ. Могло случиться, что они станутъ противодѣйствовать и дальнѣйшимъ планамъ Бонапарта. Самодержавца, опиравшагося уже на солдатъ и крестьянъ противъ независимой части образованныхъ классовъ, должно было поразить, что въ трибунатѣ, въ общемъ столь покорномъ ему, сталъ проявляться духъ противленія.

Онъ рѣшилъ „очистить" противодѣйствующія ему корпораціи. Сенатъ, подобранный Бонапартомъ, вопреки конституціи, изъ его ставленниковъ, безъ труда можно было побудить къ противоконституціоннымъ мѣрамъ противъ оппозиціи. Поэтому отъ сената было потребовано, чтобы онъ исключилъ изъ трибуната 20, а изъ законодательнаго корпуса 60 членовъ, и сенатъ раболѣпно исполнилъ это требованіе. Этой простой мѣрой устранили почти всѣхъ оппозиціонныхъ представителей, прибѣгнувъ къ коварному толкованію соотвѣтствующихъ статей конституціи совершенно противоположно ихъ дѣйствительному смыслу. Мѣста исключенныхъ представителей, понятно, заняли ставленники Бонапарта.

Теперь конкордатъ былъ утвержденъ законодательными властями. Республиканскій календарь тоже уже лишь отчасти оставили въ силѣ, и снова по прежнему было введено празднованіе воскресенія.

Въ день Пасхи 1802 г. съ большимъ торжествомъ праздновалось востановленіе стараго культа, и дѣло имѣло совершенно такой видъ, какъ будто Бурбоны снова живутъ въ Тюльери; лишь военщина играла большую роль, чѣмъ это было въ обычаѣ до революціи. Бонапартъ въ придворной каретѣ на шести лошадяхъ прибылъ въ церковь, куда явились всѣ высшія власти; войска стояли подъ ружьемъ на парижскихъ площадяхъ, и пушечные залпы возвѣстили, что католическая государственная религія снова возстановлена.

Но и среди генераловъ, слѣдовавшихъ за „звѣздой" Бонапарта, были многіе, которымъ не нравился такой поворотъ. На обратномъ пути изъ собора Парижской Богоматери, гдѣ совершалось торжество, Бонапартъ спросилъ генерала Дельма́, какъ ему понравилось все это? Генералъ со смѣлостью прямодушнаго воина отвѣтилъ: *„Хорошая была капуцинада, — недоставало лишь милліона людей, сложившихъ свои головы за уничтоженіе того, что вы теперь возстановляете!"*

Но Бонапартъ шелъ дальше по начатому имъ пути. Послѣ примиренія съ церковью, онъ приступилъ къ возстановленію дворянства. Онъ уже подготовилъ это декретомъ, дозволявшимъ вернуться во Францію большинству эмигрантовъ. Но ему нужно было

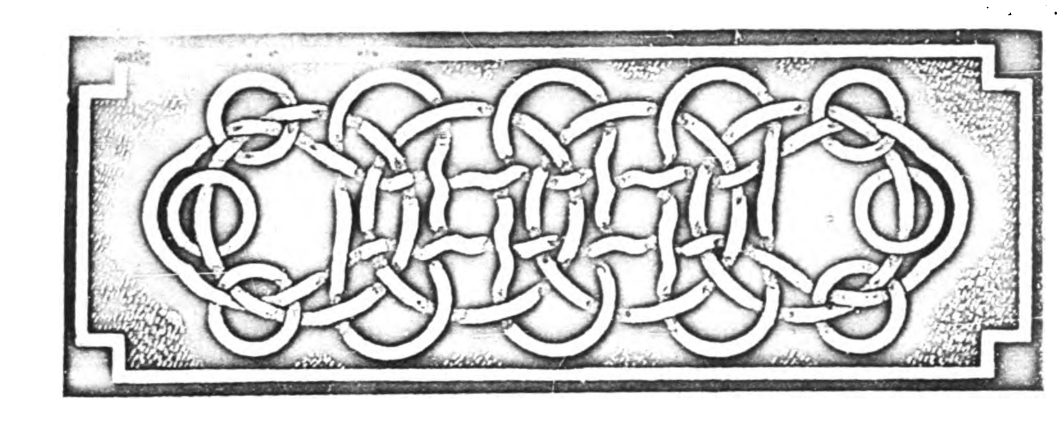
не родовое дворянство, а служилое, и онъ пришелъ, такимъ образомъ, къ мысли объ учрежденіи почетнаго легіона. По первоначальному плану Бонапарта, почетный легіонъ состоялъ изъ 15 когортъ, въ каждой изъ которыхъ было 7 великихъ офицеровъ, 20 командоровъ, 30 офицеровъ и 350 легіонеровъ. Члены почетнаго легіона клялись защищать республику, неприкосновенность ея территоріи и національной собственности. Учредитель почетнаго легіона вскорѣ самъ далъ соблазнительный примѣръ нарушенія этой присяги. Первый консулъ могъ принять въ почетный легіонъ каждаго гражданина за гражданскія или военныя заслуги. Члены легіона получали оклады: великіе офицеры 5000, командоры 2000, офицеры 1000 и легіонеры 250 франковъ въ годъ: Знакомъ его была лента со звѣздой и надписью: «Honneur et patrie».

Уже въ государственномъ совѣтѣ Бонапартъ со своимъ почетнымъ легіономъ натолкнулся на противодѣйствіе, и Берньо назвалъ его игрушкою. Возражая на это Берньо, Бонапартъ высказалъ свои мысли о средствахъ управлять французскимъ народомъ. «Укажите мнѣ», говорилъ онъ, «древнюю или новую республику, въ которой бы не было никакихъ знаковъ отличій. Говорятъ, что это игрушка! *Да,—но посредствомъ игрушекъ управляютъ людьми.* Я не сказалъ бы этого на ораторской трибунѣ, но въ совѣтѣ мудрыхъ и государственныхъ людей нужно все говорить. *Я не думаю, что французскій народъ любитъ свободу и равенство.* Десять лѣтъ революціи еще не измѣнили французовъ. *У нихъ есть лишь одно чувство и это—чувство чести.* Ему нужно дать пищу, а для этого нужны отличія».

Надо отдать справедливость этимъ словамъ: они содержатъ правильную оцѣнку людей. Сверхъ того, они показываютъ, какъ глубоко презиралъ людей человѣкъ, обошедшій и поработившій французовъ.

Почетный легіонъ былъ принятъ въ государственномъ совѣтѣ лишь очень незначительнымъ меньшинствомъ, трибунатъ отвергъ его, а законодательный корпусъ принялъ тоже незначительнымъ большинствомъ; наконецъ, раболѣпный сенатъ далъ ему свое утвержденіе. Почетный легіонъ былъ учрежденъ, назначены его кавалеры, которые и получили знаки отличія. Но въ народѣ и арміи много потѣшались надъ почетнымъ легіономъ, и Бонапартъ пришелъ въ сильное раздраженіе, когда онъ узналъ о случаѣ, бывшемъ у Моро. У этого славнаго генерала, который, какъ побѣдитель при Гогенлинденѣ, пользовался почти такой же популярностью, какъ и Бонапартъ, собрались однажды офицеры; послѣ основательной пирушки, они пожаловали генеральскому повару «за гражданскія заслуги» почетную ложку и торжественно возвели его въ достоинство „кавалера ложки“. Бонапартъ никогда не могъ забыть Моро этой ѣдкой насмѣшки надъ почетнымъ легіономъ.

Такъ честолюбивый солдатъ, фактически ставшій наслѣдникомъ революціи, осторожно создавалъ опоры престола, на который онъ готовился вступить.



Крюгеръ у себя[1]).

НЕСМОТРЯ на безконечное количество расказовъ и очерковъ, обрисовывающихъ Крюгера, какъ политика, до сихъ поръ очень мало извѣстно о его частной и семейной жизни. Поэтому мнѣ кажется не безъинтереснымъ познакомить читателей съ нимъ съ этой стороны, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ мною самимъ, и разсказовъ кое-кого изъ его друзей.

Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что въ этомъ отношеніи извѣстно слишкомъ мало, особенно по сравненію съ тѣми богатыми данными, которыя обыкновенно имѣется о частной жизни знаменитостей дня. Такія подробности, между тѣмъ, всегда обрисовываютъ человѣка, его взгляды, отличительныя особенности характера лучше, чѣмъ все то, что можно сказать по поводу его политической роли и дѣятельности.

Въ молодости Крюгеръ съ такимъ жаромъ и энергіей отдавался религіи, что былъ близокъ къ сумашествію. Онъ уходилъ изъ дому одинъ въ горы и оставался тамъ цѣлые мѣсяцы, питаясь одними кореньями и прося Бога дать ему откровеніе.

Буры вообще убѣждены, что всѣ ихъ несчастія, засухи, эпизоотіи, нашествіе саранчи, войны ниспосылаются Богомъ въ наказаніе за грѣхи. Какъ только случалось несчастье въ этомъ родѣ, президентъ назначалъ день покаянія и молитвы. Тотчасъ же всѣ административныя и торговыя учрежденія закрывались, а въ церквахъ возносились покаянныя молитвы, и испрашивалась милость Божія и прощеніе тѣмъ беззаконіямъ, которыя вызвали бѣдствіе. Всѣ должностныя лица обязаны были являться къ богослуженію, и самъ Крюгеръ стоялъ во главѣ торжественной церемоніи въ церкви допперовъ[2]). Судьба ему благопріят-

---

[1]) Изъ «Revue des Revues».

[2]) Pehuriosuas—секта, къ которой принадлежитъ Крюгеръ.

ствовала; очень часто обильные дожди на другой же день послѣ покаянья смѣняли засуху. Многіе увѣряють, что, какъ опытный фермеръ, прекрасно знакомый съ признаками, указывающими на скорую перемѣну погоды, онъ никогда не назначалъ покаяннаго дня, не будучи увѣренъ въ скоромъ наступленіи дождливаго періода.

— Кто скажетъ теперь, что Всемогущій не внемлетъ нашимъ молитвамъ? сіяя отъ радости, спрашивалъ Крюгеръ у одного изъ своихъ подчиненныхъ послѣ подобнаго случая.

Трезвость президента вошла въ Травсваалѣ въ пословицу; всѣмъ извѣстно также, что онъ крѣпко не долюбливаетъ людей, благосклонно относящихся къ алкоголю. На оффиціальныхъ банкетахъ Крюгеръ пьетъ обыкновенно чашечку кофе, а тосты произноситъ со стаканомъ молока въ рукахъ.

Однажды къ нему вошелъ въ кабинетъ аташе государственнаго секретаріата слегка на веселѣ; наклонясь къ бюро президента, чтобы разсмотрѣть какія-то бумаги, онъ распространилъ вокругъ себя запахъ виннаго перегара.

— Убирайтесь отсюда, загремѣлъ „дядя Поль",—отъ васъ воняетъ!..

Старый президентъ—заклятый врагъ всѣхъ свѣтскихъ удовольствій. Одна изъ его внучекъ разсказывала, что если-бы она появилась на общественномъ балу, то дѣдъ не преминулъ-бы немедленно закрыть ей двери своего дома. Всѣмъ извѣстно, что онъ обращался со своимъ внукомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ съ постороннимъ, за то, что этотъ молодой человѣкъ, ведя широкую жизнь, заставлялъ говорить о своихъ тратахъ.

Всякій разъ, когда нужно послать важное сообщеніе, Крюгеръ диктуетъ его содержаніе и затѣмъ, читая его членамъ правительства, постоянно самъ себя перебиваетъ, вставляя замѣчанія: „это невыразительно"; „это очень важно"; „этотъ оборотъ недостаточно ясенъ".

Въ кампанію послѣднихъ президентскихъ выборовъ Крюгеръ вообразилъ, что нѣкоторыя газеты неточно передаютъ его рѣчи. Поэтому, во время пребыванія своего въ Рустенбергѣ, онъ предложилъ репортерамъ предъявлять ему ихъ отчеты, которые провѣрялъ лично, не дозволяя ранѣе отправлять ихъ въ газеты. Одинъ изъ журналистовъ разсказываетъ, что онъ находилъ болѣе чѣмъ удивительной способность президента такъ хорошо помнить каждую фразу и каждое слово, которое онъ произнесъ; дальновидный старикъ не допускалъ ни замѣны словъ, ни какихъ бы то ни было двухсмысленныхъ выраженій.

Библія—настольная книга Крюгера, но онъ также читаетъ иногда газеты, или вѣрнѣе, ему ихъ читаютъ. Вообще-же онъ питаетъ большое предубѣжденіе къ печати и находитъ безполезнымъ знакомиться съ ея органами.

— Газеты, говоритъ онъ,—которыя мнѣ враждебны, доказываютъ, что я не дѣлаю ничего хорошаго; другія, которыя меня поддерживаютъ, утверждаютъ противное; для чего же ихъ читать?

Однако, когда пресса обсуждаетъ его политическое поведеніе, онъ читаетъ самъ все, что его касается. Такъ же онъ поступаетъ и тогда, когда печать разбираетъ особенно важные вопросы международной жизни.

Во время пріемовъ президента, его кабинетъ бывалъ всегда переполненъ посѣтителями. Если Крюгеръ въ это время получалъ телеграмму изъ Англіи или оффиціальную депешу, то спѣшилъ удалиться и наединѣ прочитывалъ ихъ до конца. Когда отъ него ускользалъ смыслъ сообщенія, то онъ хладнокровно просилъ посѣтителей удалиться, говоря, что ему надо кое съ кѣмъ поговорить. Наединѣ съ нужнымъ ему лицомъ (обыкновенно членомъ правительства), онъ давалъ тому бумагу, спрашивая его мнѣнія. Тотъ прочитывалъ громко депешу Крюгеру, который его прерывалъ, говоря:

— Да, да... такъ я и понялъ.

Говорятъ, что Крюгеръ не умѣетъ писать. Это нелѣпая выдумка. У Монтегю Уайта есть письмо-автографъ, писанное президентомъ на одной изъ его фермъ. Почеркъ не особенно аккуратенъ и орѳографія неправильна, но письмо все-таки легко можно прочесть. Крюгеръ сообщаетъ, что у него на фермѣ лопнула плотина, что онъ тамъ одинъ и поэтому долженъ писать самъ, чтобы ему прислали рабочихъ для исправленія поврежденій.

Это—единственное, о которомъ я слышалъ, письмо президента, но должны существовать и другія.

Крюгеру въ его дѣлахъ удивительно благопріятствовало счастье.

Такъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ купилъ ферму Гедульдъ въ недалекомъ разстояніи отъ Рендрифа, заплативъ всего 1500 ф. стерлинговъ. Когда же оказалось, что здѣсь проходитъ главная золотоносная жила, земля эта принесла Крюгеру свыше 130000 ф. ст. Каждый разъ, когда президентъ продаетъ какой нибудь компаніи землю, онъ требуетъ деньги монетой, рѣшительно отвергая банковыя бумаги. Отвѣтъ его всегда категориченъ.

— Нѣтъ, оставьте ваши билеты себѣ, а мнѣ давайте деньги. Если я возьму акціи, вы сыграете на пониженіе и заставите меня со страху продать ихъ за безцѣнокъ. Потомъ вы сыграете на повышеніе, и я потеряю свои деньги.

Крюгеръ до сихъ поръ придерживается старинной голландской кухни, отступая въ этомъ отъ привычекъ южно-африканскихъ обитателей. Онъ ѣстъ очень скоро и три раза въ день. Утромъ—легкій завтракъ, въ полдень—обильный обѣдъ и вечеромъ—очень легкій ужинъ. Въ полдень онъ бываетъ обыкновенно за столомъ

одинъ, такъ какъ въ его странѣ не принято, чтобы хозяйки обѣдали одновременно съ мужчинами.

Крюгеръ—ревностный приверженецъ секты допперовъ и очень сурово относится къ тѣмъ ея членамъ, которые въ чемъ-либо уклоняются отъ установленныхъ сектою правилъ. Такъ, среди допперовъ принято, чтобы женщины молились съ покрытой головой. Даже во время молитвы до и послѣ обѣда всѣ дамы должны оставаться въ шляпахъ или чепцахъ. Однажды Крюгеръ обѣдалъ въ Преторіи у одного должностного лица, жена котораго была англиканскаго вѣроисповѣданія. Между гостями были также двѣ внучки Крюгера, которыя, получивъ очень либеральное воспитаніе, не считали себя связанными старымъ обычаемъ. Во время предобѣденной молитвы президентъ замѣтилъ, что дамы остались съ непокрытой головой. Эта небрежность, проявленная его внучками, была ему очень непріятна. Когда наступила очередь молитвы послѣ обѣда, онъ не сдѣлалъ замѣчанія членамъ своей семьи, но обратясь къ хозяйкѣ дома отрывисто сказалъ:

— Покройтесь!

Бѣдная дама была ужасно сконфужена, тѣмъ болѣе, что президентъ зналъ о ея вѣроисповѣданьи. Всѣ три дамы принуждены были накрыть головы салфетками въ то время, какъ президентъ читалъ молитву. Ихъ смущенье и свирѣпый видъ старца Крюгера представляли комическое зрѣлище. Послѣ молитвы внучки „дяди Поля“ отвели въ сторону хозяйку дома.

— Не думайте, сказали онѣ ей,—что онъ разсердился на васъ; онъ просто хотѣлъ выказать намъ свое неудовольствіе, не обращаясь прямо къ намъ.

Вотъ что разсказываютъ про ознакомленность Крюгера съ вопросами религіи. Однажды, когда онъ сидѣлъ у себя на порогѣ, подошелъ одинъ изъ фермеровъ, и они разговорились. Коснулись религіи, и фермеръ сказалъ, что онъ никогда не могъ себѣ хорошо уяснить ученіе о Пресвятой Троицѣ.

— Есть, сказалъ онъ,—Богъ-Отецъ, который Лицо; потомъ Богъ-Сынъ,—другое Лицо, потомъ Богъ-Духъ Святый, который не Лицо, не Отецъ и не Сынъ. Какже эти два Лица и Богъ-Духъ Святый могутъ составить Одно? Это невозможно.

Крюгеръ сурово упрекнулъ фермера за недостатокъ вѣры и прибавилъ, что объяснитъ ему троичность Божества на примѣрѣ изъ обыденной жизни.

— Возьмите свѣчу, сказалъ онъ,—что вы видите? Сало это Богъ-Отецъ; свѣтильня—это Богъ-Сынъ и пламя—Богъ-Духъ Святый. И между тѣмъ, хотя мы ясно видимъ три различныя вещества—они составляютъ одно—свѣчу. Ну, если эти вещи возможны въ томъ, что вы каждый день видите передъ глазами, почему же вы сомнѣваетесь въ томъ, что написано въ Библіи.

Крюгеръ—буръ стараго типа „Voortrekker'овъ“; одаренный прекрасными способностями, онъ никогда, однако, не заботился о томъ, чтобы развить ихъ чтеніемъ и самообразованіемъ. Это фанатикъ Библіи, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководится изреченіями, въ ней прочитанными. Во всѣхъ его рѣчахъ

и проповѣдяхъ встрѣчаются тексты изъ св. писанія Вообще старые буры понимаютъ его лучше, чѣмъ молодые англичане.

Крюгеръ держитъ свою семью въ ежовыхъ рукавицахъ. Если ему что нибудь не нравится, онъ громко высказываетъ провинившемуся свое рѣзкое порицаніе. Посторонніе свидѣтели чувствуютъ себя при этомъ очень неловко, но члены семьи Крюгера привыкли къ такимъ сценамъ и не слишкомъ ими смущаются. Тѣмъ не менѣе нужно замѣтить, что Крюгеръ очень любимъ своими домашними.

Рабочіе на фермахъ Крюгера относятся къ нему съ неизмѣннымъ уваженіемъ, чтобы не сказать — обожаніемъ, вполнѣ увѣренные въ томъ, что онъ столь же справедливъ, какъ и суровъ. Ихъ отношенія къ президенту какъ бы воскрешаютъ феодальныя времена. Одинъ изъ нихъ, на вопросъ о своемъ господинѣ, отвѣтилъ: „онъ требователенъ, но зато онъ—сама справедливость“.

Крюгеръ и его жена очень привязаны другъ къ другу, но равноправности между ними не существуетъ. Г-жа Крюгеръ подчинена волѣ своего мужа. Прекрасная семьянинка и хозяйка, она совершенно незнакома съ внѣшней и въ особенности съ политической жизнью. Зато она представляетъ настоящую медицинскую энциклопедію и всегда готова дать совѣтъ и рецептъ, если услышитъ о больномъ. Она живо интересуется всѣми новыми медикаментами, пріобрѣтаетъ ихъ и пріобщаетъ къ тѣмъ, которые у нея уже есть.

Какъ и всѣ бурскія женщины, не принадлежащія къ рабочему классу, она находитъ, что женщина въ 60 лѣтъ не можетъ быть вполнѣ здорова. Такъ въ Преторіи она жаловалась каждому посѣтителю на головныя боли и старалась поскорѣе его выпроводить, чтобы удалиться къ себѣ.

Дабы имѣть идею о состояньѣ невѣдѣнья, въ которомъ Крюгеръ думаетъ держать свою жену, вспомнимъ слѣдующій анекдотъ. У г-жи Крюгеръ обѣдало нѣсколько друзей, и мужъ присутствовалъ при ихъ разговорѣ. Это было какъ разъ послѣ набѣга Джемсона, и хозяйка разсказывала одному изъ гостей, что слышала о происшедшемъ.

Президентъ прервалъ съ недовольствомъ:

— Да, да... Женщины, что вы можете объ этомъ знать?

Г-жа Крюгеръ улыбнулась.

— Дѣйствительно, сказала она, — я вынуждена ничего не знать, поэтому я повторяю только то, что слышала.

— Не обращайте вниманья на людскіе розсказни, если вы не хотите, чтобы съ вами обращались, какъ съ уитлендеркой.

Жена президента очень любима бурами, въ особенности за свои сердоболіе и нѣжность къ больнымъ. Она такъ предавалась уходу за больными послѣ взрыва динамита въ Іоганнесбургѣ, гдѣ погибло множество бѣдняковъ, что потомъ была серьезно больна нѣсколько недѣль.

Всякое новое изобрѣтеніе возбуждаетъ въ ней ужасъ. Она не могла рѣшиться пойти на станцію къ приходу или отходу поѣзда при открытіи первой желѣзной дороги въ Преторіи.

— Я жила до сихъ поръ безъ этого, говорила она,— я не знаю, что буду дѣлать теперь.

Ее уговорили, однако, въ прошломъ году поѣхать на экстренномъ поѣздѣ на воды. У буровъ существуетъ обычай (въ особенности же въ семьѣ президента) совершать экскурсіи на минеральныя воды Бушвельдта, которымъ придается всеисцѣляющая сила.

Манера, съ которою президентъ принимаетъ или отвергаетъ направленныя къ нему ходатайства, очень оригинальна. Одинъ, не заслуживавшій особаго довѣрія, чиновникъ, служившій въ зустпанбергскомъ дистриктѣ, явился просить о своемъ переводѣ въ Іоганнесбургъ. Онъ старался убѣдить президента, что тотъ, переведя его на просимый постъ, будетъ имѣть около себя вполнѣ достойное довѣрія лицо, преданное всѣмъ сердцемъ интересамъ государства, могущее съ честью занять выдающееся положеніе.

Крюгеръ выслушалъ его до конца и сказалъ:

— Я—не государственный человѣкъ, я—только фермеръ. На моей фермѣ, запрягая быковъ въ плугъ, всегда помѣщаютъ самое непослушное животное ближе къ кнуту, а впередъ — тѣхъ, на которыхъ можно положиться. Такимъ образомъ кнутъ достигаетъ тѣхъ строптивыхъ животныхъ, которыя въ немъ нуждаются, а хорошіе быки могутъ обойтись и безъ ударовъ. То же и въ управленіи государствомъ. Ненадежныхъ служащихъ я всегда держу поближе къ себѣ, чтобы имѣть возможность заставить ихъ работать, а людей, которые не нуждаются въ моемъ постоянномъ наблюденіи за ними, я посылаю подальше въ провинцію. Вотъ почему я не перевожу васъ ближе къ Преторіи,—я вполнѣ вамъ довѣряю.

Это былъ отказъ, но отказъ, сдѣланный въ видѣ комплимента.

Относительно находчивости Крюгера ходитъ много анекдотовъ. Вотъ, напримѣръ, его остроумное рѣшеніе возникшаго между двумя братьями спора о наслѣдствѣ. Выслушавъ доводы обоихъ, онъ далъ такое заключеніе: „пусть старшій раздѣлитъ наслѣдство, а младшій раньше выберетъ свою долю“.

Это рѣшеніе по его простотѣ и остроумію заставило буровъ сравнивать Крюгера съ царемъ Соломономъ.

Президентъ отличается удивительной настойчивостью; при обсужденіи того или другого вопроса, онъ защищаетъ мельчайшія подробности своихъ взглядовъ съ такою же энергіей, какъ и основныя свои положенія. Очень трудно привить ему какую-нибудь новую идею, но трудность эта ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что нужно сдѣлать для того, чтобы разсѣять предубѣжденіе, котораго онъ придерживается.

Во время своего пребыванія въ Лондонѣ Крюгеръ остановился въ отелѣ Альбемарль, гдѣ его часто находили въ одиночествѣ, держащимъ въ одной рукѣ трубку, въ другой — Библію. Одинъ изъ его друзей замѣтилъ, что онъ слишкомъ много чи-

таетъ Библію. Заставъ его склоненнымъ надъ фоліантомъ, онъ спросилъ:

— Что это за книга?

— Библія, отвѣтилъ Крюгеръ, показывая ему страницу пророка Исаіи.

— Но вы ее должны знать наизусть?

— Пусть такъ, но я объ этомъ не думаю. Во всякомъ случаѣ, никогда нельзя въ достаточной мѣрѣ насладиться прекрасными, великими и чудесными рѣчами Исаіи.

И Крюгеръ вновь весь отдался чтенію.

Въ Лондонѣ хотѣли поразить президента невиданнымъ зрѣлищемъ—великолѣпнымъ фейерверкомъ въ Crystal palace. Президентъ, дѣйствительно, увидѣлъ вещи, которыя ему не снились и объяснить которыхъ онъ не умѣлъ. Но Крюгеръ по природѣ не любопытенъ, и чудеса пиротехники мало его заинтересовали. Вѣроятно, въ это время онъ припоминалъ отрывки Ветхаго Завѣта, грозящіе казнью грѣховнымъ городамъ, стоящимъ въ долинѣ.

Крюгеръ говоритъ по-голландски такъ же свободно, какъ и на языкѣ „taal“, представляющемъ своеобразную смѣсь словъ старо-голландскаго нарѣчія со словами кафрскими, бушменскими, готтентотскими, отчасти англійскими и т. д. При этомъ онъ не свободенъ отъ смѣшиванія членовъ и отъ массы грамматическихъ ошибокъ. По-англійски онъ понимаетъ настолько, чтобы схватить смыслъ, но тонкости рѣчи отъ него ускользаютъ. Очень интересно наблюдать за игрой его физіономіи, когда какой-нибудь посѣтитель-англичанинъ говоритъ, конечно по-англійски же, присяжному переводчику президента.

При каждой фразѣ глаза Крюгера оживляются особымъ блескомъ. Очевидно, онъ прекрасно схватываетъ смыслъ фразы, но отвѣчаетъ лишь тогда, когда переводчикъ скажетъ и на языкѣ „taal“.

Крайне впечатлительный, президентъ за послѣдніе годы нерѣдко отдавался порывамъ гнѣва, также быстро рождавшагося, какъ и исчезавшаго. Волнуясь, президентъ неожиданно вскакиваетъ, ходитъ по комнатѣ и возвращается къ столу для того, чтобы ударить по немъ кулакомъ. Это, по его мнѣнію, придаетъ рѣчи большую убѣдительность. Но такое настроеніе скоро проходитъ, и Крюгеръ возвращается къ хладнокровію важнаго и молчаливаго фермера.

Кто увидитъ его въ эти минуты,—скажетъ, что ничто въ мірѣ не способно его взволновать.

Въ Преторіи Крюгеръ почти никуда не выходилъ, появляясь на улицахъ развѣ только съ тѣмъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ—врагъ всякихъ физическихъ упражненій и, когда бы не могучее сложеніе, давно бы сдѣлался жертвой сидячей жизни. Очень рѣдко онъ посѣщалъ кого-нибудь изъ членовъ правительства или являлся къ знакомымъ съ утѣшеньемъ, если тѣхъ постигали житейскія бѣды или тяжелая болѣзнь.

Между Крюгеромъ и знаменитымъ борцомъ за независимость Трансвааля, генераломъ Жуберомъ, зачастую возникали размолвки, въ значительной мѣрѣ обострявшія ихъ взаимныя отношенія.

Однажды Жуберъ не могъ сдержаться и сказалъ президенту:

— Ваша система управленія государствомъ очень своеобразна. Представьте себѣ дилижансъ, запряженный шестью лошадьми. Вмѣсто того, чтобы возжи были въ рукахъ одного, а бичъ—въ рукахъ другого,—и бичъ, и возжи берутся однимъ, который все время споритъ со своимъ спутникомъ, тогда какъ экипажъ мчится безъ опредѣленнаго направленія, вкривь и вкось. Голландцы въ Трансваалѣ держатъ одновременно и кнутъ, и возжи, ведя нескончаемые споры съ уитлендерами. И вы не добьетесь ничего путнаго, если права и обязанности сторонъ не будутъ раздѣлены.

Я уже упоминалъ, что президентъ такъ же хорошо знаетъ голландскій языкъ, какъ и „taal". Но послѣдній онъ предпочитаетъ. Однажды онъ получилъ депешу отъ лорда Дерби. Докторъ Квиперсъ, теперь глава центра въ нидерландскомъ парламентѣ, прочелъ эту депешу по голландски. Крюгеръ немедленно выразилъ свои впечатлѣнія въ рѣчи, продолжавшейся добрый десятокъ минутъ. Но Квиперсъ глядѣлъ на него съ большимъ недоумѣніемъ. Когда президентъ кончилъ, Квиперсъ обратился къ одному изъ присутствующихъ:

— Что онъ тутъ говорилъ? Я уловилъ слова голландскія, нѣмецкія, англійскія, французскія и еще много другихъ словъ, которыя мнѣ неизвѣстны, но я никакъ не могу понять, что значитъ вся эта рѣчь.

— То, что вы не поняли, отозвался тотъ,—это—по-кафрски. Вообще же вы здѣсь встрѣтитесь съ языкомъ „taal".

И, обращаясь къ президенту, онъ почтительно спросилъ:

— Не начнемъ-ли мы говорить по-голландски?

И Крюгеръ долженъ былъ начать свою рѣчь снова.

На вопросъ о томъ, что онъ думаетъ о Чемберлэнѣ, Крюгеръ отвѣтилъ:

— Онъ—лживъ, и ему нельзя довѣряться. Онъ—не изъ тѣхъ враговъ, которые дѣйствуютъ открыто; онъ старается быть другомъ, чтобы лучше наносить удары; онъ вѣроломенъ, какъ кошка.

Крюгеръ долго удивлялся энергіи Сесиля Родса, и его первыя сношенія съ нимъ были самыя дружественныя. Но теперь онъ измѣнилъ свое мнѣніе. Когда кто-то заговорилъ о вторженіи англичанъ въ Матабеландъ и Машоноландъ, президентъ сказалъ:

— Это все надѣлалъ Родсъ; пока онъ будетъ здѣсь,—туземцы не успокоятся. Пусть этотъ Родсъ убирается... пусть убирается...

Друзья Крюгера передаютъ слѣдующій эпизодъ, за достовѣрность котораго они вполнѣ ручаются. Сэръ Г. Лохъ былъ очень доволенъ какъ тѣмъ положеніемъ, которое онъ занялъ въ Южной Африкѣ, такъ и своими добрыми отношеніями къ населенію. Но Лоху хотѣлось, чтобы старикъ-Крюгеръ тоже засвидѣтельство-

валъ ему свою дружбу. При свиданіи Крюгеръ выражалъ свое сожалѣніе объ отъѣздѣ въ Англію сэра Геркула Робинсона.

— Но, вкрадчиво сказалъ сэръ Лохъ,—я такой-же другъ вамъ, какъ и Робинсонъ. Я бываю у васъ еще чаще, чѣмъ онъ, и думаю замѣнить вамъ его съ успѣхомъ.

Крюгеръ молчалъ. Тогда собесѣдникъ спросилъ, почему онъ предпочитаетъ Робинсона. Президентъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Потому, сказалъ онъ,—что Робинсонъ былъ человѣкъ своего слова.

Вотъ характерный разсказъ по поводу настоящей войны. За недѣлю до объявленія мобилизаціи одинъ изъ высшихъ чиновниковъ въ Трансваалѣ писалъ своему родственнику въ Англіи.

„Я тебѣ долженъ разсказать курьезный сонъ стараго бура. Онъ—невѣжда и не умѣетъ ни читать, ни писать, но сонъ такъ сильно его взволновалъ, что онъ заставилъ своего товарища передать его письменно и отослалъ президенту. Буръ подъѣхалъ верхомъ къ ручью, на берегу котораго росли деревья и кустарники. Переѣхавъ ручей, онъ увидѣлъ человѣка, одѣтаго въ бѣлоснѣжную одежду. Онъ стоялъ посреди дороги и приказалъ буру остановиться. Тотъ повиновался, и незнакомецъ сказалъ:

— Поѣзжай къ президенту, скажи ему: „Nu is de tija der tijden“ (вотъ время временъ) и дай это письмо.

Вручивъ запечатанный пакетъ, незнакомецъ спросилъ:

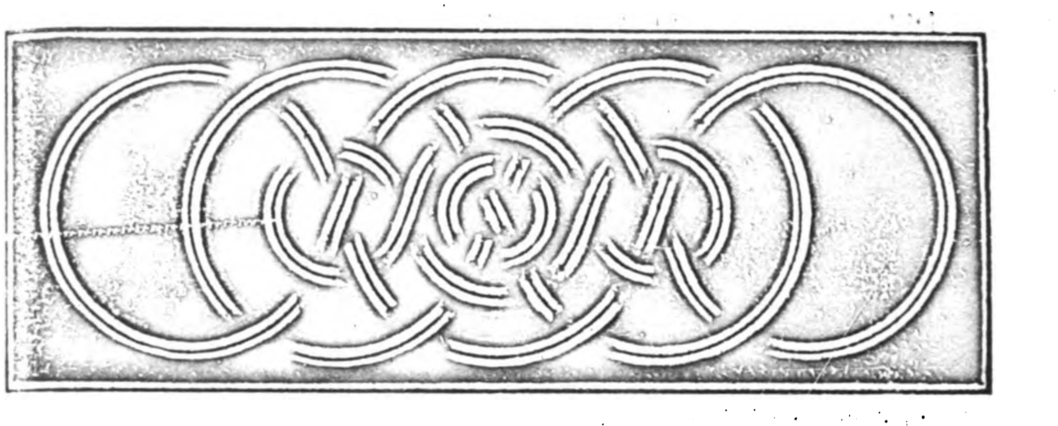
— Знаешь-ли ты, кто я?... Я—Даніилъ...

Дальше буру снилось, что онъ нашелъ президента, вручилъ ему письмо и увидѣлъ, что тотъ читалъ слѣдующія мѣста библіи: Исаіи, гл. 42; Даніила, гл. 3; Луки, гл. 11, стих. 3; и Луки гл. 12,—говорящія о побѣдахъ избраннаго народа надъ иноплеменниками.

Президентъ сознался, что, читая письмо бура-сновидца, онъ дрожалъ съ головы до ногъ.

— Это посланникъ неба, сказалъ онъ.—Теперь я рѣшился. Да будетъ воля Божія!...

Стэдъ.



Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

Wache auf du, edle Freiheit!
(изъ письма Гуттена къ Лютеру).

ЕФОРМАЦІЯ была одной изъ замѣчательнѣйшихъ и самыхъ тревожныхъ эпохъ всемірной исторіи. Эта религіозная революція имѣла чисто консервативный характеръ, такъ какъ не допускала даже мысли о возможности болѣе совершенной религіи, нежели христіанство, и отдѣлилась отъ римской церкви только потому, что эта церковь извратила истинную вѣру, и цѣлью реформаціи было возвратить христіанству его первоначальную простоту и истину. Реформація не была внезапнымъ проявленіемъ единичной личности, а какъ всѣ великія идеи взяла свое начало въ прошломъ, слагалась послѣдовательно, созрѣвая постепенно въ народномъ сознаніи. Лютеръ является лишь могущественнымъ выразителемъ духа времени.

Реакція противъ католицизма впервые выразилась въ формѣ многообразныхъ ересей. Уже за два столѣтія до реформаціи появляются мыслители, которыхъ можно назвать ея предвѣстниками, такъ какъ ученіе ихъ было почти тожественно съ ученіемъ Лютера. Кромѣ протестовъ въ вопросахъ религіозныхъ, являлись и протесты политическіе противъ злоупотребленій церкви свѣтской властью. Съ XIII в. Гогенштауфены вступаютъ въ открытую борьбу съ клерикальнымъ узурпаторствомъ папъ и хотя гибнутъ, но въ то же время наносятъ чувствительный ударъ папству.

Въ XIV и XV вв. вступаютъ въ борьбу съ папствомъ предвѣстники реформаціи: знаменитый англійскій богословъ Джонъ Виклефъ, пользуясь недоброжелательствомъ англійскаго правительства къ папству, выставляетъ такія требованія, какихъ не предъявлялъ еще ни одинъ изъ недовольныхъ папою. Онъ рѣзко осуждаетъ внѣшніе обряды и поведеніе духовенства, требуя, чтобы церковь вернулась къ своимъ прежнимъ истинамъ. Виклефъ

переводитъ библію на англійскій языкъ и вызываетъ этимъ сильное волненіе въ духовенствѣ. Англійскій философъ Оккенъ ревностно защищаетъ короля противъ папы, и его сочиненія имѣютъ громадный успѣхъ. Италія въ свою очередь имѣла своего реформатора Саванаролу. Его можно назвать пророкомъ германскаго религіознаго переворота. Саванарола проповѣдывалъ, что церковь должна обновиться, и защищалъ свое ученіе на основахъ разума и святаго Писанія. Джіордано Бруно и Ванини, эти глубокіе философскіе геніи Италіи, одинаково проповѣдывали необходимость обновленія церкви. Первый реформаторъ Богеміи Матвѣй Яновъ доказываетъ, что только путемъ революціи можно вернуть церковь къ евангельскому вѣроученію, отъ котораго духовенство отступило ради своекорыстныхъ цѣлей. Пламя костра Гусса быстро распространяется, угрожая охватить всю Германію. Предвѣстники реформаціи, какъ Петръ Ферріеръ, Маркелъ де Паду, Лаврентій Валла и другіе, всѣми способами стремятся разрушить власть папы. Германскій поэтъ Вальтеръ, ставъ органомъ общихъ жалобъ на Римъ, открыто вызывалъ Германію на борьбу за свободу и независимость отчизны. Не меньшею опасностью угрожали Риму все болѣе и болѣе распространявшіяся ереси. Несмотря на грозную буллу Урбана V (1362 г.), еретики съ удивительною стойкостью, съ безпримѣрнымъ геройствомъ шли на встрѣчу жесточайшимъ гоненіямъ и казнямъ. Со времени гоненія на христіанъ въ первые вѣка христіанства не было въ исторіи борьбы, которая могла бы насчитать такую массу мучениковъ, какъ эта борьба папъ съ ересью. Рядомъ съ религіозными сектами возникло движеніе, проникнееся глубже интересами государственными, нежели религіозными вопросами. Церковь называла его послѣдователей *политическими еретиками*. Съ точки зрѣнія римской церкви признаніе господства государственной власти надъ духовенствомъ было несомнѣнною ересью. Руководителемъ этого движенія былъ Арнульдъ де Брессъ, котораго кардиналъ Баронинъ называетъ „патріархомъ политическихъ еретиковъ". Мистическая философія съ сильнымъ пантеистическимъ оттѣнкомъ въ свою очередь привлекала не мало прозелитовъ. Мистическое направленіе было тоже отчасти явленіемъ, предвѣщающимъ реформацію. Родоначальникомъ этого направленія считается доминиканецъ Экартъ (1260). Благодаря Іонну Рюзбрекку мистицизмъ проникаетъ въ жизнь. Внутренняя религія этого фламандскаго отшельника, а равно и его жизнь, исполненная самоотверженія и милосердія, производили сильное впечатлѣніе. Нѣмецкій мистицизмъ принадлежитъ къ числу высочайшихъ проявленій германскаго духа. Не связанный ни съ какимъ внѣшнимъ авторитетомъ, онъ искалъ истину въ самомъ себѣ. Всѣ послѣдователи мистическаго направленія носили названіе „друзей Божіихъ". Они образовали много тайныхъ кружковъ, характеръ которыхъ былъ аскетическій, совмѣстный съ милосердіемъ. Главными ихъ центрами были Страсбургъ и Кельнъ. Герардъ де Гротъ былъ основателемъ кружка извѣстнаго подъ названіемъ „братьевъ общежитія". Этотъ кружокъ открывалъ школы, устраивалъ душе-

спасительныя бесѣды и вмѣстѣ съ тѣмъ игралъ видную роль въ антицерковномъ движеніи. Кромѣ этихъ кружковъ былъ еще одинъ, и очень распространенный среди народной массы, извѣстный подъ названіемъ *пантеистической ереси*, его члены назывались „братьями и сестрами свободнаго духа". Кельнъ, Майнцъ, Страсбургъ были вообще разсадниками всевозможныхъ сектъ. Все это были заклятые враги римской церкви, но самыми опасными ея врагами были общественные дѣятели, мыслители, поэты и ученые, которыхъ свободно можно назвать „реформаторами до реформаціи".

На почвѣ этихъ общественно-религіозныхъ протестовъ въ Германіи возникаетъ то обширное и сознательное движеніе, которое нанесло послѣдніе смертельные удары папству и всему средневѣковому политическому строю. Это движеніе гуманистовъ.

Гуманизмъ возникъ въ Италіи. Оттуда черезъ „братство общежитія" гуманизмъ проникъ въ Германію. Во главѣ этого движенія стали Эразмъ, одинъ изъ предвѣстниковъ реформаціи, и свободные мыслители Рейхлинъ и Меланхтонъ. Гуманизмъ въ въ своихъ нѣмецкихъ послѣдователяхъ въ высшей степени развилъ чувство патріотизма и сознаніе человѣческаго достоинства, вслѣдствіе чего и нѣмецкіе гуманисты поставили себѣ цѣлью освободить отечество отъ римскаго узурпаторства, освободить религію и культуру отъ порабощенія римской церкви, освободить личность отъ контроля римскаго духовенства. Свою индивидуальную независимость они хотѣли основать на широкихъ нравственныхъ принципахъ и на законномъ человѣческомъ правѣ свободы мысли, свободы слова, видя въ этомъ самое могущественное орудіе для борьбы со всякимъ зломъ; свою политическую независимость—основать на принципѣ монархическомъ, т. е. императора сдѣлать политическимъ вождемъ націи. Ихъ идеаломъ были единство и независимость Германіи, и во имя этого идеала они боролись съ феодалами, съ папою, съ духовенствомъ. Характеристическая черта нѣмецкаго гуманизма заключалась въ религіозности ея главныхъ представителей, что естественно должно было сдѣлать ихъ союзниками реформаціи. Гуманизмъ скоро завоевалъ широкія симпатіи въ Германіи. Являются меценаты, приглашающіе гуманистовъ къ своимъ дворамъ. Возникаютъ школы, откуда выходитъ цѣлый рядъ выдающихся гуманистовъ.

Съ германскимъ гуманизмомъ тѣсно связано имя одного изъ его выдающихся представителей, славнаго борца за единство и свободу отчизны—Ульриха фонъ-Гуттена. Это былъ самый утонченный, самый образованный умъ молодой школы гуманистовъ. Гуттенъ—это олицетвореніе духа времени. Вся его жизнь, дѣятельность и характеръ были живымъ изображеніемъ всѣхъ важнѣйшихъ моментовъ этой знаменательной эпохи.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ родился въ 1488 г. въ средней Германіи, въ замкѣ Штакельбергѣ близъ Фульды. Онъ принадлежалъ къ древнему роду франкскихъ рыцарей. Отецъ предназначалъ его къ духовному званію, что часто случалось съ младшими сыновьями, но рѣдко съ старшими, какъ было здѣсь. Предполагаютъ, что причиной этому было его слабое здоровье. Гуттенъ

поступилъ въ школу стариннаго Фульдскаго монастыря. Условія монастырской жизни вполнѣ благопріятствовали развитію его наклонностей къ наукамъ. Здѣсь положено было основаніе серьезнаго классическаго образованія. Но духовное званіе не привлекало его, онъ желалъ остаться міряниномъ. Монастырская братія всячески старалась удержать его, нерѣдко прибѣгая даже къ угрозамъ, но всѣ попытки склонить его къ произнесенію монашескаго обѣта встрѣчали въ немъ упорное сопротивленіе. И рыцарская жизнь въ родномъ замкѣ одинаково не привлекала его. Онъ желалъ посѣщать университеты, гдѣ уже процвѣтало новое гуманистическое образованіе. Но отецъ его объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Это былъ рыцарь стараго закала и считалъ за стыдъ, чтобы потомокъ его знатнаго рода занимался подобными пустяками, а въ духовномъ званіи онъ усматривалъ хорошую карьеру. Не видя иного исхода изъ своего безотраднаго положенія, пылкій 17-тилѣтній юноша, въ 1505 г. бѣжитъ изъ монастыря. Этотъ поступокъ вызвалъ сильный гнѣвъ въ его отцѣ. Гуттенъ былъ отвергнутъ своей семьей и остался безъ всякихъ средствъ къ существованію.

По странному стеченію обстоятельствъ, почти одновременно съ бѣгствомъ изъ монастыря Гуттена, искавшаго дѣятельности въ міру, Лютеръ въ 1505 покидаетъ міръ, чтобы скрыться отъ него въ августинскомъ монастырѣ. Оба эти великіе представителя эпохи совершенно разнообразно закаляли себя въ бѣдствіяхъ жизни для ожидавшей ихъ борьбы.

Съ того времени, какъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ покинулъ монастырь, начинается его скитальческая, полная лишеній жизнь. Сперва Гуттенъ отправляется прямо въ Кельнскій университетъ, оттуда въ Эрфуртъ. Эрфуртскій университетъ былъ въ то время центромъ гуманистическаго образованія. Тамъ онъ занимается подъ руководствомъ ученыхъ: Рагіуса, Рубіануса, Гессе и гуманиста Писторіуса. Изъ Эрфурта онъ перебирается въ Франкфуртъ-на-Одерѣ, въ Грейфсвальдъ, Виттенбергъ, Ольмюцъ, Вѣну и наконецъ въ Лейпцигскій университетъ. Такимъ образомъ Гуттенъ, не имѣя нигдѣ пристанища, странствовалъ и бѣдствовалъ по разнымъ университетамъ. Во всѣхъ мѣстахъ онъ былъ записанъ клирикомъ Фульдскаго монастыря, вѣроятно потому, что въ этой одеждѣ было легче найти помощь благотворителей, чѣмъ объявивъ себя знатнымъ рыцаремъ.

Въ 1506 г. появляются первыя поэтическія попытки Гуттена. Талантъ его быстро развивается, и его стихотворенія имѣютъ большой успѣхъ. Онъ дѣлается странствующимъ поэтомъ. Такъ называли гуманистовъ, для которыхъ поэзія служила выраженіемъ и проводникомъ античнаго образованія и орудіемъ борьбы противъ невѣжества схоластиковъ и монаховъ. Находясь постоянно въ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, Гуттенъ вынужденъ былъ прибѣгать къ помощи поклонниковъ своего таланта и искать ихъ поддержки. Гуттену не разъ ставили по этому поводу въ упрекъ его неблагодарность, указывая, будто онъ смотрѣлъ какъ на свое право на матеріальную поддержку

своихъ почитателей, и тѣхъ, кто давалъ скудно, преслѣдовалъ ѣдкой сатирой. Подобный случай былъ будто-бы съ одной семьей Лётцъ. Но Д. Штраусъ въ своей классической біографіи Гуттена, вполнѣ опровергаетъ это обвиненіе, утверждая, что братья Лётцъ сами предательски поступили съ Гуттеномъ; выказывая ему дружеское расположеніе и пріютивъ его у себя, они совершенно обобрали его и прогнали, что и дало поводъ Гуттену написать на нихъ сатиру. „Молодость Гуттена,—говоритъ Штраусъ—была безотрадна и тяжела, онъ испыталъ все, что только можетъ угнетать человѣка: голодъ, нищету лишенія всякаго рода, болѣзни и внезапныя несчастія. Не избѣгнулъ онъ даже нападенія разбойниковъ, послѣ котораго больной и полунагой скитался изъ одного мѣста въ другое". Это былъ общій удѣлъ странствующихъ рыцарей того времени. Но всѣ эти удары судьбы не умалили энергіи Гуттена. Достигнувъ 20-тилѣтняго возроста, Гуттенъ стремится въ Италію. Какъ пламенный поклонникъ античнаго міра, онъ жаждалъ увидать колыбель возродившейся образованности и въ 1512 г. отправляется въ Павію. Это было въ Венеціанскую войну, и Гуттенъ очутился тамъ среди военнаго разгрома. Пребываніе въ Италіи, гдѣ онъ тщательно изучалъ древнюю культуру, еще болѣе разожгло его патріотическій пылъ. Тамъ онъ сталъ лицомъ къ лицу съ исконнымъ врагомъ Германіи—съ папствомъ, которое въ лицѣ Юлія II обратилось въ свѣтскую завоевательную державу. Безъисходная нужда, всегда преслѣдовавшая Гуттена, заставила его вступить въ ряды императорскаго войска въ Павіи. Поступивъ на службу, онъ такимъ образомъ возвращается снова къ своему рыцарскому званію. Гуттенъ исправно несетъ обязанности воина, но военная жизнь не удовлетворяетъ его. Въ лагерѣ онъ не оставляетъ своего пера и пишетъ на латинскомъ языкѣ эпиграммы и сатирическія поэмы. Пишетъ о войнѣ, о политикѣ, осмѣиваетъ и немилосердно бичуетъ безстыдную торговлю папы Юлія II индульгенціями, эту продажу праведности и права на небесное блаженство, которыми папа самъ не обладалъ. Изящество его стиховъ, а равно и форма изложенія возбуждали общій восторгъ, и имя Гуттена какъ поэта начинаетъ пользоваться громкой извѣстностью. Послѣ тяжелыхъ годовъ его скитальческой жизни, это было первое торжество, доставленное ему его талантомъ. Новое несчастіе постигло Гуттена въ Италіи. Свирѣпствовавшая тамъ страшная болѣзнь, принявшая эпидемическій характеръ, поразила и его, и къ нравственнымъ его страданіямъ прибавились еще и физическія.

Вернувшись въ Германію, Гуттенъ дѣлаетъ попытки къ примиренію съ своей семьей. Но въ родномъ замкѣ его и знать не хотѣли. Гуттенъ вынужденъ продолжать свою скитальческую жизнь. Онъ живетъ то при дворахъ князей и меценатовъ, то пользуется гостепріимствомъ просто богатыхъ людей. При майнцскомъ дворѣ онъ въ качествѣ талантливаго поэта встрѣчаетъ самый радушный пріемъ. Въ 1515 г. онъ отправляется лечиться въ Эмсъ. Въ Эмсѣ до него доходитъ вѣсть о выдающемся событіи въ его

семьѣ. Герцогъ Ульрихъ Виртембергскій, находившійся уже въ полномъ разладѣ съ своими подданными и сосѣдями, навлекъ на свою голову еще новую вражду. Онъ измѣннически убилъ въ лѣсу одного изъ семьи Гуттеновъ,—Ганса фонъ-Гуттена. Гуттены были настолько вліятельны, что рѣшили отомстить герцогу; въ союзѣ съ сосѣдними рыцарями тутъ же собрали значительное ополченіе и вызывали къ дѣятельному участію императора и государство. Гуттенъ не пропускаетъ этого случая даромъ, онъ стремится излить всю горечь, накипѣвшую въ его душѣ, и пишетъ пять обличительныхъ рѣчей на герцога Виртембергскаго, въ заголовкѣ которыхъ ставитъ свой девизъ: „Jacta est alea“. Въ этихъ рѣчахъ онъ безпощадно громитъ герцога, какъ преступника и злодѣя, указываетъ на его тиранническое правленіе и взываетъ къ императору и владѣтельнымъ князьямъ, чтобы они учинили надъ нимъ справедливый судъ. Эти рѣчи произвели въ Германіи сильное впечатлѣніе и составили славу Гуттена. Они сдѣлали войну противъ герцога популярною. Герцогъ былъ лишенъ власти и изгнанъ. Въ походѣ противъ герцога Виртембергскаго Гуттенъ принималъ личное участіе. Это событіе примирило съ нимъ его отца, простившаго ему наконецъ его бѣгство изъ монастыря и его научное поприще.

Въ томъ же 1515 г. Гуттенъ опять отправляется въ Италію съ цѣлью окончить свое классическое образованіе. Вниманіе его приковываетъ горячій литературный споръ, по поводу обвиненія вселенскими богословами знаменитаго гуманиста Рейхлина. Нападки, направленныя кельнскими доминиканцами на Рейхлина, побудили Гуттена написать стихотвореніе подъ заглавіемъ „Triumphus Capnionis“, въ которомъ онъ жестоко осуждаетъ враговъ просвѣщенія. Въ 1516 г. онъ написалъ „Epistolae obscurorum virorum“, адресованныя преподавателю изящныхъ наукъ въ Кельнѣ Ортіусу Гратіусу, въ нихъ онъ нападаетъ на противниковъ гуманизма и съ свойственной ему иронiей глумится надъ ихъ слабостями и безнравственностью. Въ этомъ спорѣ нѣмецкіе гуманисты выступаютъ сплоченной силой.

Въ 1517 г. Гуттенъ возвращается въ Германію. Въ этомъ же году по ходатайству гуманиста Перклеймера онъ получаетъ отъ императора Максимиліана I въ Аугсбургѣ, въ присутствіи всего двора, лавры поэта, какъ лучшій изъ тогдашнихъ поэтовъ Германіи. Императоръ тутъ-же пожаловалъ ему золотой перстень и званіе поэта и университетскаго оратора и взялъ его подъ свое покровительство. Этимъ апогеемъ завершается тотъ періодъ жизни Гуттена, въ которомъ онъ является только талантливымъ латинскимъ поэтомъ, поклонникомъ античной культуры, гуманистомъ въ точномъ значеніи этого слова и смѣлымъ публицистомъ, теперь онъ вступаетъ въ новый фазисъ своей жизни, какъ выдающійся политическій дѣятель.

До сихъ поръ онъ былъ всецѣло поглощенъ вопросами, не выходящими изъ области гуманистической дѣятельности, всѣ другіе были чужды ему. Когда Лютеръ вышелъ изъ монастыря и прибилъ свои тезисы противъ ученія Тецеля объ отпущеніи грѣховъ,

на дворцовой церкви въ Виттенбергѣ, Гуттенъ остался къ этому совершенно безучастенъ. А когда Тецель съ Эккомъ выступили противъ Лютера, то Гуттенъ съ злорадствомъ говорилъ, что монахи теперь начали грызться между собой. „Загрызите другъ друга“, сказалъ онъ одному монаху, сообщившему ему о Виттенбергскихъ спорахъ, „чтобы вы погибли отъ васъ же самихъ!“ Затѣмъ онъ пишетъ въ письмѣ своему другу Нейенаару: „Я желалъ бы, чтобы наши враги какъ можно долѣе враждовали между собой и истребили другъ друга. Пусть погибнутъ всѣ они, мѣшающіе возрождающемуся образованію“. Въ немъ тогда вполнѣ высказался рыцарь, не дѣлающій никакого различія между людьми въ рясахъ. Когда Лютеръ находился въ Аугсбургѣ, Гуттенъ, пріѣхавъ туда лечиться къ одному врачу, такъ мало интересовался главою реформаціи, что даже не искалъ встрѣчи съ нимъ. Всѣ рѣзкія выходки противъ Рима, которыми Гуттенъ опередилъ Лютера, не касались религіозной стороны вопроса: онъ относится къ Риму какъ гуманистъ, т. е. ратуетъ только противъ денежнаго вымогательства и распущенности нравовъ римской куріи. Италія воспитала въ немъ патріота, съ негодованіемъ взиравшаго на иноземное владычество. При видѣ упадка германскаго государства и надменнаго обращенія патриціевъ съ народомъ у него разрывалось сердце. Еще во время Венеціанской войны онъ обращался съ воззваніемъ къ императору Максимиліану I, въ которомъ молилъ его стать во главѣ націи и положить начало возрожденію Германіи и великаго народа, который снова сдѣлаетъ его могущественнымъ. Максимиліанъ принялъ это посланіе съ благосклонной улыбкой, но не внялъ его мольбѣ. А когда папа Левъ X прислалъ кардинала Каетана на Аугсбургскій сеймъ, чтобы убѣдить имперію предпринять походъ противъ турокъ, то это дало Гуттену тему для одной изъ лучшихъ рѣчей. Онъ увѣщевалъ князей посвятить себя патріотическому дѣлу, сомкнуть свои ряды вокругъ императора и вмѣстѣ съ нимъ уничтожить нечестивыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обличаетъ современныхъ ему правителей и указываетъ на неминуемое возстаніе народа. Гуттенъ является тутъ пророкомъ, возвѣстившимъ о народномъ возстаніи, которое дѣйствительно вспыхнуло семь лѣтъ спустя. Рѣчь эта для поднесенія императору была напечатана съ большими пропусками. Это возмутило Гуттена, и онъ тутъ же напечаталъ ее цѣликомъ. Гуттенъ все надѣялся поступить на службу къ императору, но это ему не удалось, и онъ рѣшился пристроиться ко двору архіепископа майнцскаго Альбрехта. Нѣсколько страннымъ можетъ показаться это поступленіе обличителя духовенства, независимаго публициста и мыслителя на службу къ примасу католической церкви и кардиналу. Но архіепископъ Альбрехтъ былъ меценатомъ, покровительствовалъ гуманистамъ, собиралъ при своемъ дворѣ поэтовъ и ученыхъ, и хотя допускалъ у себя продажу индульгенцій, но въ то-же время сознательно допускалъ и нападки Лютера на церковь, а иногда даже самъ возмущался сребролюбіемъ Рима и былъ очень доволенъ способомъ борьбы Гуттена. И Гуттенъ,

состоя при дворѣ кардинала и исполняя нѣкоторыя дипломатическія порученія, еще рѣзче сталъ нападать на злоупотребленія Рима. Въ это время онъ написалъ діалогъ „О придворной жизни“, „Посланіе къ Нюренбергскому патрицію Перклеймеру“ и „Римскую троицу“—безпощадный памфлетъ противъ Рима.

Презрительно относясь ко всѣмъ монахамъ—вообще, не исключая и Лютера, Гуттенъ скоро измѣнилъ свой взглядъ. Онъ увидѣлъ, что это далеко не обыкновенная монашеская распря, а главное его поразило въ проповѣдяхъ Лютера удивительная мощь нѣмецкой рѣчи. Онъ видѣлъ, какъ Лютеръ силою своего слова волновалъ массы, вызывалъ броженіе, и это совершило цѣлый переворотъ въ его мысляхъ. Онъ пришелъ къ сознанію, что онъ не принадлежитъ отчизнѣ, пока говоритъ и пишетъ на чуждомъ ей языкѣ. Онъ увидѣлъ что и нѣмецкою рѣчью можно волновать сердца, что эти родные звуки производятъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ чуждая народнымъ массамъ рѣчь, которую такъ высоко ставили поклонники античнаго міра. И въ Гуттенѣ происходитъ рѣшительная перемѣна. Онъ отрекается отъ своего званія увѣнчаннаго лаврами поэта, не гордится уже своей латинской музой и начинаетъ писать по-нѣмецки.

Въ 1517 г. положеніе дѣлъ въ Германіи было таково, что малѣйшая искра могла произвести страшный пожаръ. Смѣлость тезисовъ Лютера подняла цѣлую бурю въ римской куріи, и Лютеръ былъ вызванъ въ Римъ. Но вскорѣ этотъ вызовъ былъ замѣненъ требованіемъ явиться въ Аугсбургъ къ кардиналу легату Каетану на объясненіе. Объясненіе это кончилось неблагопріятно для Лютера, и онъ, не увѣренный въ своей безопасности, ночью бѣжалъ изъ Аугсбурга въ Виттенбергъ. Послѣ этого событія наступаетъ очень кратковременное наружное примиреніе Лютера съ папой, но затѣмъ онъ опять начинаетъ нападать на свѣтскія притязанія папы. Лютеръ требуетъ уничтоженія суда римской церкви надъ германскою, также уничтоженія индульгенцій, церковныхъ наказаній и проч. Онъ проповѣдуетъ христіанскую церковь, свободную и независимую отъ церковныхъ уставовъ Рима, и рѣзко осуждаетъ аскетизмъ и монашество. Нѣмецкое духовенство замѣтно ему сочувствуетъ. Но не одно духовенство, — ему сочувствуютъ и гуманисты, самые въ то время вліятельные люди науки, а вмѣстѣ съ ними и другіе выдающіеся умы націи. Гуттенъ, этотъ смѣлый ораторъ и національный трибунъ, становится въ ряды борцовъ за Лютерово дѣло. Сближаясь съ великимъ реформаторомъ, Гуттенъ одновременно сближается и съ могущественнымъ рыцаремъ, Францемъ Зиккенгеномъ, сторонникомъ политическаго возрожденія Германіи.

Въ своихъ произведеніяхъ Гуттенъ начинаетъ теперь изображать яркими красками картину розни германскаго народа, призываетъ всѣхъ къ единенію, чтобы общими силами выступить на борьбу съ врагомъ вѣры. Въ своемъ сочиненіи „Vadicas“ онъ разоблачаетъ всю нравственную и матеріальную немощь, охватившую Германію, благодаря эксплуатаціи Рима. Другое сочиненіе „die Auschauenden“ было глумленіемъ надъ высокомѣріемъ

духовенства и кардиналомъ Каетаномъ, и подстрекательствомъ къ борьбѣ за свободу мысли.

Въ 1519 г. состоялся знаменитый Лейпцигскій диспутъ, на который явились Эккъ, Лютеръ и Меланхтонъ, его другъ и самый ревностный приверженецъ. Результатомъ этого диспута было отлученіе Лютера. Булла папы объ отлученіи была принята въ Германіи съ явнымъ неудовольствіемъ, многіе владѣтельные князья даже боялись обнародовать ее, такъ что Лютеръ могъ свободно отважиться на неслыханный шагъ. Въ Виттенбергѣ онъ публично сжегъ папскую буллу! Этотъ мужественный поступокъ привелъ Гуттена въ восторгъ. И тутъ Гуттенъ созналъ, что всѣ его лавры, всѣ его прекрасныя поэмы и блестящія рѣчи—ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалъ виттенбергскій монахъ. И предъ этимъ простымъ монахомъ, котораго еще такъ недавно презиралъ, онъ, знатный рыцарь, императоромъ увѣнчанный поэтъ, покорно склонилъ голову. „Я готовъ, пишетъ онъ Лютеру, отказаться отъ всей моей поэтической славы, чтобы вѣрно слѣдовать за тобою, монахъ, какъ твой щитоносецъ". Въ другомъ письмѣ къ Лютеру, начинающемся словами: „Wache auf Du, edle Freiheit", онъ увѣщеваетъ его бодро слѣдовать избраннымъ путемъ, обѣщая, какой бы исходъ ни ожидалъ ихъ дѣло, самоотверженно идти съ нимъ рука объ руку. Гуттенъ становится союзникомъ новаго религіознаго движенія. Но въ сущности теологическія идеи реформаціи были совершенно чужды ему, и союзъ этотъ былъ для него какъ бы средствомъ для достиженія своихъ цѣлей, т. е. цѣлей политическихъ. Лютеръ же всецѣло поглощенный теологическими вопросами, стоялъ въ сторонѣ отъ другихъ просвѣтительныхъ вопросовъ своего времени.

Эти два человѣка, игравшіе такую видную роль въ религіозномъ и политическомъ переворотѣ своего отечества, по своему характеру представляли полную противоположность. Гуттенъ всѣми силами стремился вызвать революціонное движеніе, мятежъ. Лютеръ же былъ убѣжденъ, что мятежомъ нельзя никогда достигнуть желанной цѣли. „Мятежомъ — говорилъ онъ,—можно сразу многаго достигнуть, но это не прочно". Гуттенъ вождь политической и соціальной революціи, смѣло ведущій за собой людей, неспособныхъ къ самостоятельной инпціативѣ. Онъ имѣлъ рѣдкій даръ потрясать своимъ мощнымъ краснорѣчіемъ человѣческую душу. Онъ вездѣ обнаруживаетъ бурные порывы своей страстной души и очертя голову идетъ на встрѣчу всякой опасности. Лютеръ это человѣкъ реформы, непоколебимый, спокойный и твердый, смѣло выражавшій то, что созрѣло въ народномъ сознаніи. Гуттенъ взывалъ къ страстямъ массы, Лютеръ взывалъ къ ея совѣсти и духу народному. Вступивъ въ союзъ съ Лютеромъ, Гуттенъ пишетъ громовыя обличительныя рѣчи. Онъ не обращается уже исключительно къ образованному классу, не пишетъ болѣе на чуждомъ народу языкѣ, онъ обращается ко всей націи, къ дворянству, рыцарству, бюргерамъ, крестьянамъ, ко всѣмъ, кто ненавидитъ Римъ и желаетъ избавиться отъ него, и всѣхъ призываетъ къ борьбѣ.

Среди разгара политическихъ и религіозныхъ страстей внезапно умираетъ императоръ Максимиліанъ I. Послѣ его смерти императорская власть нѣкоторое время вовсе не существовала. Франція, въ лицѣ короля Франциска I, ставшаго могущественнымъ государемъ въ Европѣ, добивалась этой чести. Но въ іюнѣ 1519 г. состоялось избраніе Карла V, короля испанскаго. Въ его лицѣ средневѣковая императорская власть явилась въ полномъ объемѣ. И въ эти дни, когда Лютеръ пришелъ къ окончательному разрыву съ Римомъ, никто еще не зналъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій вновь избраннаго императора. Всѣ возлагали на него большія надежды и съ самымъ радостнымъ настроеніемъ привѣтствовали это избраніе въ Германіи. Но болѣе всѣхъ возлагалъ на него надежды Гуттенъ. Воспоминаніе о прежней славѣ Германіи побудили Гуттена обратиться съ воззваніемъ къ Карлу V. Въ немъ онъ выражалъ увѣренность, что молодой монархъ станетъ во главѣ движенія Германіи и возстановитъ ея права на политическую религіозную свободу. Но у Карла V не лежало сердце къ новымъ вѣяніямъ, и онъ оставилъ это воззваніе безъ вниманія. Гуттенъ не падаетъ духомъ, онъ рѣшился во что бы то ни стало отстаивать святое дѣло, ставшее теперь единственною цѣлью его жизни. Онъ посѣщаетъ дворы князей, посѣщаетъ рыцарей, бюргеровъ, всюду говоритъ о святомъ дѣлѣ освобожденія Германіи и, не взирая ни на что, смѣло идетъ на встрѣчу всякой опасности.

Достойно вниманіе то, что Гуттенъ первый заговорилъ о всесословной равноправности и независимости и о сліяніи всѣхъ элементовъ государства въ одно великое, нераздѣльное цѣлое. „Прекратите ваши раздоры—взываетъ онъ къ князьямъ, — если вы будете продолжать губить насъ, членовъ, главами которыхъ вы состоите, то увидите сами, что противъ головъ возстанутъ руки и ноги, и тогда вы, воспламенившіе этотъ огонь, или же будете поглощены! Я говорю это не отъ себя, я только отголосокъ всего германскаго народа. Сплотитесь и послѣдуйте за императоромъ, вашимъ верховнымъ вождемъ, вѣрьте, что величайшія побѣды были всегда одержаны подъ предводительствомъ единаго вождя, но никогда не были одержаны ратью, желавшей обойтись безъ него!..“ Къ рыцарямъ, бюргерамъ и крестьянамъ онъ обращается съ мольбой протянуть руку помощи верховному вождю на борьбу противъ Рима, что дастъ имъ наконецъ возможность въ объединенномъ, независимомъ, своемъ національномъ государствѣ жить свободно и счастливо. Во всѣхъ его посланіяхъ изложены всѣ злоупотребленія Рима и позоръ германскаго порабощенія.

Между тѣмъ реформаціонное движеніе разросталось съ каждымъ днемъ. Римъ негодовалъ на дерзкаго монаха и въ 1521 г. вызвалъ его въ Вормсъ на сеймъ. Вормскій сеймъ возбудилъ чрезвычайный интересъ въ Германіи, слѣдившей съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ словомъ Лютера. Въ Вормсѣ надъ Лютеромъ былъ произнесенъ приговоръ, и Германія заволновалась. Могущественный рыцарь Зиккингенъ предложилъ ему убѣжище въ

своемъ замкѣ Эбернбургѣ, который всегда служилъ убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ дѣятелей того времени. Но это предложеніе имѣло большое значеніе, такъ какъ не было еще извѣстно, что въ Германіи не поднимется ничья рука для исполненія приговора. Вормскій приговоръ былъ признанъ несправедливостью и Вормскій декретъ былъ разорванъ черезъ нѣсколько дней. Однако жизнь Лютера была въ опасности, и курфюрстъ Саксонскій тайно удалилъ его въ замокъ Вартбургъ. Тамъ Лютеръ закончилъ свой капитальный трудъ перевода Библіи на нѣмецкій языкъ. Одновременно онъ писалъ тамъ разныя воззванія и памфлеты, которые только усиливали революціонное настроеніе Германіи.

Приговоръ, произнесенный надъ Лютеромъ, вызвалъ въ Гуттенѣ сильное негодованіе, и онъ пытается заключить союзъ съ рыцарями и бюргерами противъ Рима. Но попытка эта осталась тщетной. Тогда Гуттенъ обращается къ курфюрсту Саксонскому съ мольбой выступить вооруженной силой противъ злоупотребленія папской власти.

„Я всегда буду свободнымъ—писалъ онъ курфюрсту—такъ какъ не страшусь смерти. Покину города, но свободы покинуть не могу, удалюсь отъ людей, такъ какъ свободному невозможно жить между ними. Умереть я готовъ, но гнета не выношу, какъ не могу выносить порабощенія Германіи. Но я надѣюсь, что придетъ время и я выступлю изъ своего убѣжища, явлюсь къ германскому народу и скажу ему: Кто отважится съ Гуттеномъ умереть за свободу? Это я пишу къ тебѣ какъ свободный къ свободному“. Но и съ курфюрстомъ Саксонскимъ онъ потерпѣлъ неудачу. Тогда Гуттенъ печатаетъ буллу Льва X противъ Лютера, прибавляя къ ней свой взглядъ на образъ дѣйствій папы, глубоко осуждаетъ его и въ то же время жестоко осмѣиваетъ его дѣйствія и безнравственность двора. Но это не удовлетворяетъ его, онъ наноситъ Риму другой тяжкій ударъ. Еще въ бытность свою въ Италіи въ 1517 г. онъ имѣлъ случай ознакомиться съ рѣдкимъ сочиненіемъ Лаврентія Валлы, итальянскаго патріота, выдающагося политическаго дѣятеля и переводчика греческихъ классиковъ. Это сочиненіе касалось ложнаго дара императора Константина (de donatione Constantini), на основаніи котораго церковь владѣла землями. Валла его писалъ въ то время, когда образованные люди внутренно уже разорвали съ римскою церковью, но не многіе имѣли мужество разоблачить благочестивый обманъ; мнимый подарокъ церковной области Константиномъ во многихъ церковныхъ грамотахъ являлся фактомъ, и Валла сдѣлалъ важный шагъ, осмѣлившись впервые подвергнуть сомнѣнію основаніе свѣтской власти папы. Это сочиненіе Гуттенъ снова издалъ и посвятилъ его самому папѣ Льву X. Его цѣлью было оживить этимъ сочиненіемъ воспоминаніе нѣкогда бывшей по поводу этого борьбы и въ то же время это была мѣткая стрѣла, направленная противъ Рима. Эта дерзкая выходка вызвала въ римской куріи цѣлую бурю и навлекла на Гуттена сильный гнѣвъ папы. Левъ X, крайне раздраженный, послалъ архіепископу Альбрехту строгое предписаніе безпощадно карать всѣхъ мятежниковъ, находящихся при его дворѣ, а самаго

виновнаго, Гуттена, скованнаго доставить въ Римъ. Гуттенъ долженъ былъ покинуть дворъ архіепископа. Онъ отправился въ Нидерланды ко двору эрцгерцога Фердинанда, гдѣ въ то время ожидали прибытія новаго императора Карла V. Но и тамъ онъ не могъ долго оставаться. Были всюду разосланы тайные убійцы, которымъ было приказано разыскать его. Онъ снова вернулся въ Германію, гдѣ нашелъ безопасное убѣжище въ Эбернбургѣ, у Франца фонъ-Зиккингена, съ которымъ уже находился въ самой тѣсной дружбѣ. Тамъ онъ снова принимается за перо. Приговоръ Вормскаго сейма и опасенія за жизнь Лютера вызываютъ цѣлый рядъ сочиненій противъ римскаго духовенства, въ особенности противъ легата Александра. Оттуда онъ пишетъ посланіе къ германцамъ всѣхъ сословій, въ которомъ излагаетъ всѣ обвиненія, взводимыя на него римской куріей, и защищаетъ свои произведенія (Klag und Vormanung gegen die übermässige Gewalt des Papst). Возлагая все еще какія то надежды на Карла V, онъ писалъ и ему. Но въ это время Карлъ V, объявивъ войну Франціи, крайне нуждался въ поддержкѣ папы и просилъ его содѣйствія. Церковь, въ виду все сильнѣе и сильнѣе распространяющагося движенія въ Германіи, въ свою очередь должна была искать поддержку у императора. Папа воспользовался этимъ случаемъ, обѣщалъ ему свое содѣйствіе, но подъ условіемъ, чтобы императоръ сталъ защитникомъ церкви и строго преслѣдовалъ ея враговъ—еретиковъ. Эти обстоятельства дѣлали особенно несбыточными надежды Гуттена. Въ посланіи своемъ къ Карлу V онъ предостерегаетъ молодого монарха противъ окружающихъ его неблагонамѣренныхъ духовныхъ совѣтниковъ и проситъ за Лютера. Но Карлъ V не обратилъ никакого вниманія на это посланіе. Одинакова была участь и вторичнаго посланія Гуттена, написаннаго въ болѣе умѣренномъ тонѣ, въ которомъ онъ снова просилъ за Лютера. Карлъ V, заручившись поддержкой папы въ войнѣ противъ Франціи, уже твердо стоялъ на томъ, что долженъ подавить ересь. Свое рѣшеніе неуклонно стоять на сторонѣ папы онъ ознаменовалъ предостереженіемъ всѣмъ протестантамъ и заявленіемъ, что будущей весной по окончаніи войны и заключеніи мира, онъ приведетъ въ исполненіе всѣ карательныя мѣры противъ Лютера и его приверженцевъ. Не разсчитывая болѣе на императора, Гуттенъ придумывалъ иные способы борьбы съ римскимъ владычествомъ. Пребывая въ замкѣ Эбернбургѣ подъ охраной Зиккингена, онъ часто бесѣдовалъ съ своимъ другомъ. Онъ ознакомилъ его съ духомъ Лютера и его сочиненіями. Ему удалось привлечь вниманіе Зиккингена ко всѣмъ жгучимъ вопросамъ этого тревожнаго времени и внушить ему свой образъ мыслей. „Политическая и религіозная свобода, говорилъ онъ ему,—должны быть завоеваны одновременно". Гуттенъ возлагалъ теперь всѣ надежды свои на войско и готовъ былъ промѣнять перо на шпагу. Въ немъ пробудился рыцарь. Онъ убѣждалъ Зиккингена завоевать свободу отчизны посредствомъ вооруженной силы, и тотъ, внимая своему молодому другу, заключаетъ союзъ съ прирейнскими рыцарями.

Зиккингенъ по натурѣ былъ истый рыцарь и, какъ многіе изъ его сословія, не только не обладалъ ни талантомъ, ни ученостью Гуттена, но даже равнодушно относился къ наукѣ. Въ вопросахъ религіи онъ не имѣлъ опредѣленной точки зрѣнія. Гуттенъ, взявъ на себя задачу убѣдить его принять участіе въ національномъ движеніи, дѣйствовалъ на Зиккингена со стороны его патріотическаго чувства и такимъ путемъ расположилъ его въ пользу этого дѣла. И отважный рыцарь, несмотря на свои преклонные годы, подчиняется доводамъ молодого Гуттена. Всецѣло находясь подъ вліяніемъ ученія Лютера, онъ позволяетъ проповѣдникамъ лютеровскаго направленія безпрепятственно проповѣдывать и совершать богослуженіе въ его владѣніяхъ. И не только Эбернбургъ, но и всѣ его владѣнія служили убѣжищемъ приверженцевъ Лютера. Онъ былъ послѣдній изъ германскихъ рыцарей, занимавшій такое исключительное положеніе. Посвятивъ себя съ ранней молодости военному дѣлу, онъ отлично умѣлъ справляться со всякимъ сбродомъ, стекавшимся къ нему со всѣхъ сторонъ и состоявшимъ изъ отчаянныхъ головъ и остатковъ раззореннаго рыцарства. Какъ истый рыцарь, Зиккингенъ ненавидѣлъ князей, виновниковъ упадка рыцарства. Зиккингенъ былъ въ то же время и романтикомъ, глубоко таившимъ въ своемъ сердцѣ страстную любовь къ традиціямъ давно минувшаго могущества Германіи.

Поводъ къ объявленію войны нашелся очень скоро. Зиккингенъ объявилъ войну архіепископу города Трира, выступилъ въ походъ и внезапно явился съ своею ратью подъ стѣнами города. Но архіепископъ Трирскій былъ человѣкъ осторожный и, предвидя угрожавшую ему опасность, заблаговременно принялъ надлежащія мѣры: его хорошо вооруженное войско было совершенно готово встрѣтить непріятеля и дать ему рѣшительный отпоръ. Приступъ не удался Зиккингену. Войско его было разбито превосходящей силой противника. Оставленный своими союзниками, онъ вынужденъ былъ отступить. Весной же въ 1523 г. непріятель въ свою очередь вступилъ въ его владѣнія. Замки Эбернбургѣ и Ландштуль были плохо защищены, къ тому же ему пришлось бороться съ такимъ сильнымъ противникомъ, противъ котораго онъ не могъ устоять, и Зиккингенъ былъ принужденъ сдаться. Смертельно раненый, обливаясь кровью, онъ умеръ на глазахъ побѣдителя. Таковъ былъ исходъ возстанія рыцарей, перваго революціоннаго возстанія, которое присоединялось къ реформаціи. Вмѣстѣ съ Зиккенгеномъ пало и рыцарство. Оно пало въ этомъ послѣднемъ усиліи низвергнуть князей и духовенство ради востановленія прежней свободы, допускавшей лишь верховную власть императора. Съ тѣхъ поръ рыцари гибнутъ одинъ за другимъ подъ ударами своихъ враговъ. Князья пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы подчинить ихъ своей власти и пріучить къ положенію своихъ подданныхъ. Зиккингенъ выступилъ преждевременно. Рыцари остались одиноки въ этой борьбѣ. Распространившійся въ началѣ рыцарскаго возстанія слухъ, будто Зиккингенъ дѣйствовалъ не безъ императора, оказался ложнымъ, такъ какъ послѣдній объявилъ его наруши-

телемъ государственнаго порядка и мятежникомъ, и бюргеры и крестьяне не рѣшились примкнуть къ нему, къ тому же они и не довѣряли рыцарямъ, постоянно ихъ угнетавшимъ. Еще одной изъ причинъ неудачнаго возстанія Зиккингена было то, что Лютеръ до этого открыто заявилъ себя противникомъ всякаго насилія, и даже по поводу этого возстанія заблаговременно писалъ Гуттену: „Я не желаю, чтобы защита Евангелія совершалась путемъ кровопролитія. Слово завоевало міръ, слово основало церковь, слово возвратитъ ей вновь ея настоящее значеніе, и антихристъ будетъ побѣжденъ безъ всякаго насилія". И Гуттенъ не могъ сказать ему, что онъ не правъ, и въ отвѣтъ писалъ ему: „Я самъ желаю того, чего желаешь ты, и мое дѣло только отличается отъ твоего тѣмъ, что оно земное, ты же, совершенный, всегда возлагаешь надежды на небо". Для Лютера слово было настоящимъ мечемъ. „Гдѣ властвуетъ слово,—говорилъ онъ,— тамъ государство построено на началахъ разума".

Еще до начала несчастнаго похода Зиккингена, Гуттенъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Эбернбурга отъ преслѣдованія духовныхъ властей и князей. Совершенно больной, изнеможенный, въ разладѣ съ рыцарями, съ которыми онъ не соглашался относительно многихъ ихъ поступковъ, онъ скрылся въ Швейцарію. Гуттенъ искалъ теперь мирнаго убѣжища въ Базелѣ, гдѣ онъ разсчитывалъ на поддержку своего единомышленника, гуманиста Эразма. Но осторожный старикъ, дорожившій своимъ покоемъ, отказалъ ему въ убѣжищѣ, подъ предлогомъ, что онъ опасается прослыть его сообщникомъ и такимъ образомъ погубить окончательно дѣло. Гуттенъ съ глубокимъ негодованіемъ удалился. Несчастный бѣглецъ отправился въ Цюрихъ просить пріюта у Цвингли. Знаменитый швейцарскій реформаторъ поступилъ иначе, онъ оказалъ бѣдному, больному скитальцу самое радушное гостепріимство. Но Цвингли уже нашелъ въ немъ совершенно надломленнаго человѣка. Здоровье Гуттена уже давно было расшатано ужасною болѣзнью, съ которою онъ тщетно боролся нѣсколько лѣтъ. Изъ Цюриха онъ написалъ къ Эразму исполненное горечи письмо. Эразмъ отвѣчалъ ему въ самой мягкой формѣ, указывая, что за нимъ тоже наблюдаютъ, и пріютивъ его у себя, онъ навлекалъ на себя бѣду. Впослѣдствіи Эразмъ сознался, что не хотѣлъ пріютить Гуттена вслѣдствіи многихъ другихъ причинъ, начиная съ его болѣзни, къ которой онъ относился съ брезгливостью, а затѣмъ, и стѣсненное матеріальное положеніе Гуттена, заставлявшее его постоянно дѣлать долги, было ему не по праву.

Когда здоровье Гуттена стало уже быстро разрушаться, Цвингли уговорилъ его переѣхать на островъ Цюрихскаго озера, Уфенау, къ одному духовному лицу, извѣстному своимъ искуснымъ врачеваніемъ. Гуттенъ согласился. На островѣ Уфенау онъ провелъ остатокъ дней своихъ въ глубокой скорби. Много горечи накопилось въ его душѣ. Онъ скорбѣлъ за отчизну, скорбѣлъ за свое сословіе. Его личныя обстоятельства заставили его теперь глубоко вдумываться въ печальный упадокъ этого сосл[illegible] и въ

его ненормальное положеніе въ государствѣ. Не его ли цвѣтущій нѣкогда родъ пришелъ въ упадокъ и раззореніе?

Гнетущая нужда представлялось ему теперь какимъ-то страннымъ диссонансомъ съ его воспитаніемъ, блестящимъ образованіемъ и притязаніями на общественную роль. Его слабому организму не подъ силу была его бурная, полная кипучей дѣятельности жизнь. Но жизнь теперь видимо угасала, слабый организмъ его не поддавался уже никакому леченію. И нѣсколько недѣль спустя, какъ Зиккингенъ палъ въ Германіи, смерть положила конецъ и многострадальной жизни его друга. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ умеръ въ 1523 г. на 35 году; на островѣ Уфенау онъ и похороненъ. Перо и шпага были единственнымъ достояніемъ Гуттена, найденнымъ Цвингли послѣ его смерти.

Въ 1524 г. вспыхнуло крестьянское возстаніе. Это былъ взрывъ демократическихъ идей, и стремленіе преобразовать общественный строй на началахъ христіанскаго милосердія. Человѣкъ, который сталъ во главѣ этого движенія, былъ Ѳома Мюнцеръ. Крестьянское движеніе имѣла сначала угрожающій характеръ. Начались штурмы замковъ, церквей и монастырей. Лютеръ вознегодовалъ и пишетъ строгое посланіе противъ убійцъ, разбойниковъ крестьянъ. Посланіе Лютера имѣло свое дѣйствіе, и многіе, сочувствовавшіе этому возстанію, отвернулись отъ него. Крестьянское возстаніе оказалось такимъ же безсильнымъ, какъ и возстаніе рыцарей. Недостатокъ хорошихъ предводителей и рознь между ними были причинами несчастнаго исхода крестьянской войны.

Въ событіяхъ этого времени достойна вниманія та особенность что въ этомъ общемъ движеніи нѣтъ никакого единства, каждое сословіе выступаетъ отдѣльно и проигрываетъ. Рыцари за неимѣніемъ солдатъ, крестьяне за неимѣніемъ вождей. Причина заключалась въ томъ, что рыцарей и крестьянъ раздѣляла цѣлая пропасть.

Но духъ времени взялъ свое. Идеалы, которые Лютеръ и Гуттенъ и ихъ послѣдователи проводили въ жизнь, осуществляются только путемъ громадныхъ усилій и страшной борьбы.

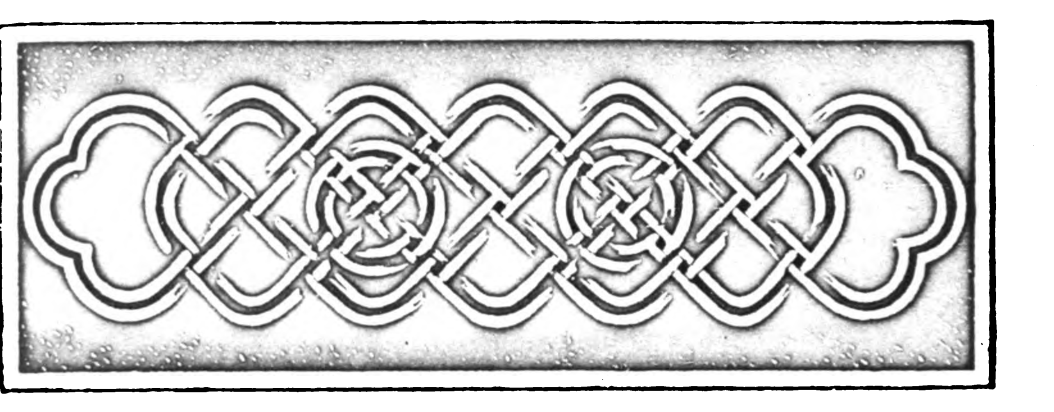
Въ борьбѣ за свои идеалы Гуттенъ и Зиккингенъ пали, но Лютеръ устоялъ. Глубоко убѣжденный въ истинѣ своего дѣла, Лютеръ, среди всѣхъ этихъ горячихъ головъ, спокойный и разсудительный, съумѣлъ уловить благопріятный моментъ. И дѣло Лютера восторжествовало. Но и труды Гуттена и Зиккингена не исчезли безслѣдно. Прошли вѣка, но имена ихъ не изгладились изъ памяти народной. Четыре вѣка спустя, объединенная, могущественная Германія воздвигла въ 1889 г. въ Эбернбургѣ большой монументъ своимъ первымъ борцамъ за свободу и независимость, послѣднимъ рыцарямъ Ульриху фонъ-Гуттену и Францу фонъ-Зиккингену.

Поэтическая личность Ульриха-фонъ-Гуттена и его жизнь, исполненная глубокаго трагизма, сдѣлали его національнымъ героемъ Германіи, и по прошествіи вѣковъ онъ сталъ однимъ изъ любимѣйшихъ сюжетовъ нѣмецкой поэзіи и искусства. Гуттенъ

былъ безспорно выдающимся человѣкомъ, обладавшимъ рѣдкою способностью направлять волю другихъ по пути собственныхъ стремленій. Въ немъ возродилась классическая древность въ самой оригинальной, самобытной формѣ. Въ его произведеніяхъ, которыя могутъ служить образцомъ изящества классическаго стиля, всецѣло отражается вся его благородная личность и вся душевная чистота идеалиста и мыслителя. Но Гуттенъ, по природѣ своей слишкомъ страстный и порывистый, въ виду тревожныхъ событій вѣка, не могъ оставаться только идеалистомъ и мыслителемъ, его пламенная, восторженная душа, требовала простора и влекла его къ широкой, активной дѣятельности. Гуттенъ и его идеалы это живое выраженіе цѣлой эпохи, той великой созидательной эпохи, которая положила начало единству Германіи и ея религіозной и политической свободы.

Идеалы Гуттена не были исключительно національными, но общечеловѣческими. И потому личность Ульриха фонъ-Гуттена будетъ всегда яркимъ свѣточемъ, озаряющимъ человѣчеству путь къ свѣту и правдѣ.

А. Смирнова.



Странички прошлаго.

У братской могилы новгородцевъ [1]).

Историческая картинка.

Нѣкогда сильный, нѣкогда славный Господинъ Великій Новгородъ сталъ рабомъ царя Московскаго...

Не въ ратномъ дѣлѣ, не въ смертномъ бою сложили свои головы защитники древняго, русскаго, свободнаго вѣча, а подъ ударами палачей, при дикомъ гоготаньи Ивана Васильевича и его присныхъ...

Не нашествіе татаръ, не посѣщеніе моровой язвы, не заразное повѣтріе, а бѣда грознѣй и мрачнѣй, приходъ московскаго, православнаго царя, владыки Руси, потомка Мономаха, заставилъ бѣжать новгородцевъ далеко, въ непроходимую глушь лѣсовъ, въ топкія болота, въ подземныя пещеры...

Лишь тамъ можно было укрыться отъ царской руки, спасти жизнь, честь женъ и дочерей. О добрѣ своемъ уже никто не думалъ въ тѣ страшные дни, которыхъ давно съ трепетомъ ждали, ждали съ тѣхъ поръ, какъ буря сломила крестъ Святой Софіи Новгородской, да кровь показалась на гробахъ двухъ архіепископовъ новгородскихъ, почивающихъ въ Мартирьевской паперти у Святой Софіи, да у Хутынскаго Спаса сами собой зазвонили колокола и въ женскомъ монастырѣ Евѳиміи, въ церкви, на иконѣ Богородицы, изъ очей покатились градомъ слезы. Видны были слезы, какъ росинки и на иконѣ Святаго Николы Чудотворца, что на Никитской улицѣ, на Федоровой улицѣ полилась вода съ вѣтвей съ тополцевъ (ветлъ) и все предвѣщало бѣду...

И наступилъ страшный 1570 годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неслыханное на Руси, чтобы свой же государь шелъ походомъ на

---

[1]) Костомаровъ: Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльновѣчеваго уклада, т. I.
Лѣтописи: Новгородская, Тверская и Московская.
Карамзинъ: Исторія Государства Россійскаго, т. IX.
А. Браудо: Посланіе Таубе и Крузе.

свои же покорные города и земли. Двинулся Іоаннъ на Новгородъ въ декабрѣ 1569 года изъ слободы Александровской, перерѣзалъ всѣхъ плѣнныхъ крымцевъ въ Торжкѣ, опустошилъ Клинъ, Тверь, Выдроборжскъ, Хотилово, Едрово, Яжелвицы, Валдай, Крестцы, Зайцево, Бронницы, Вышній-Волочекъ, убивая и грабя мирныхъ жителей на своемъ кровавомъ пути, казня всѣхъ, попадавшихся ему на встрѣчу, не щадя ни старцевъ, ни женщинъ, ни дѣтей...

2 января окружила Новгородъ дружина государя, 6-го числа, вечеромъ, подошелъ онъ самъ къ городу и черезъ два дня вошелъ черезъ Великій мостъ...

Началось избіеніе—царскій судъ...

Наступили дни когда „правда улетѣла на небо, одна кривда осталась".

Въ шесть недѣль погибло около пятидесяти тысячъ жителей подъ ударами палачей, замученныхъ, утопленныхъ въ Волховѣ цѣлыми семьями,.. Казнь началась съ духовныхъ, рѣзали, жгли, мучили тысячами въ день, не щадя грудныхъ младенцевъ. Всѣхъ горожанъ вели на лютую смерть... Тѣла несчастныхъ покрыли землю; не было позволено хоронить...

Самъ грозный царь разъѣзжалъ по улицамъ, любуясь картиной грабежа, поруганія надъ несчастными, убійствомъ и мученіемъ беззащитныхъ или садился на Волховскомъ мосту въ томъ мѣстѣ, гдѣ приказалъ расчистить рѣку отъ льда, смотрѣть какъ опричники топили въ рѣкѣ горожанъ, связанныхъ цѣлыми семьями, младенцевъ съ матерями.

На второй недѣлѣ великаго поста, въ половинѣ февраля, пресытился Іоаннъ новгородской кровью и ушелъ изъ города.

Долго не рѣшались вернуться бѣглецы въ родной городъ, превращенный въ груду развалинъ; наконецъ стали понемногу стекаться...

Въ каждой семьѣ оплакивали родныхъ, близкихъ, друзей...

Лишь 8-го сентября, въ сѣрый, осенній день, собралось духовенство, безъ чтимаго архипастыря Пимена, увезеннаго въ Москву—въ неволю, да разоренные, осиротѣлые жители, въ поле, около церкви Рождества Христова, надъ братской могилой десяти тысячъ новгородцевъ безвинно палачами убіенныхъ...

Живыхъ оставалось въ городѣ меньше, чѣмъ лежащихъ въ одной только этой могилѣ...

Живые были похожи на мертвецовъ: блѣдные, голодные, изморенные, прятавшіеся какъ дикіе звѣри по норамъ дрожа за свою жизнь...

Чудилось, будто сами мертвецы встали изъ братской могилы пѣть панихиду, пѣть вѣчную память по волѣ русской у останковъ дорогаго покойника—Господина Великаго Новгорода.

И слышалось протяжное, похоронное пѣніе, слезы и рыданія по правдѣ русской, не подъячими творимой, по дорогой утраченной свободѣ, по родному вѣчу...

Уцѣлѣлъ Новгородъ, вышелъ живымъ изъ татарскаго нашествія, полоненія Матери Русскихъ городовъ, а теперь, хранитель

завѣтовъ Владиміра Святаго, палъ онъ сраженный москвовцами... И плакали новгородцы по своемъ Государѣ [1]), сознавая, что на много вѣковъ угасъ вечеръ того, что зарей взошло на Руси при Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ... **С. С—нинъ.**

Пункты объ устроеніи единовѣрческихъ церквей

(къ столѣтію единовѣрія).

Церковный расколъ въ Россіи возникъ, какъ извѣстно, со времени исправленія, по распоряженію патріарха Никона, церковныхъ книгъ (во второй половинѣ XVII вѣка). Отпавшіе отъ православія постепенно, потомъ, раздѣлились на различныя ереси и секты, изъ коихъ подвергались преслѣдованію: первыя—безпощадному, а послѣднія—по мѣрѣ ихъ зловредности. Къ сектамъ принадлежали: поповцы, безпоповцы, феодосѣевцы, филиповцы, любушкины и др. Поповцы, пріемлевшіе священство, сами, по древнему обычаю, избирали себѣ священниковъ изъ разныхъ начетчиковъ, которыхъ рукополагали въ санъ непризнанные лжеархіереи. Къ исходу XIII вѣка всѣ попы, указаннымъ способомъ ставленные, перемерли и некому стало совершать богослуженіе. Тогда старообрядческій инокъ Никодимъ, по соглашенію со своими единомышленниками, сочинилъ, во всеподданнѣйшемъ прошеніи, условія, на которыхъ они признавали возможнымъ возсоединиться съ православною церковію (въ 1783 г.), а съ слѣдующаго года по 1794 г. въ Екатеринославской губерніи образовались 12 единовѣрческихъ церковныхъ приходовъ, благодаря энергической дѣятельности перешедшаго изъ раскола въ православіе, протоіерея Андрея Іоаннова. Далѣе Московскіе раскольники—поповцы подали митрополиту Платону проектъ правилъ Никодима, причемъ, Платонъ, разсмотрѣвъ ихъ, представилъ, со своими заключеніями Святѣйшему Синоду, а 27 октября 1800 г. Императоръ Павелъ утвердилъ „къ должному и непремѣнному исполненію“ пункты „о устроеніи единовѣрческихъ церквей и о снабженія ихъ правильными священниками“. Вотъ эти интересные пункты въ точной ихъ редакціи.

Копія съ поданныхъ Сунодальному Члену, Платону Митрополиту Московскому, при прошеніи отъ Московскихъ Старообрядцевъ пунктовъ, устраненіи имъ церкви, и о снабженіи ихъ правильными Священниками.

1-е). Дабы Святѣйшій Сунодъ разрѣшилъ преждеположенныя клятвы на двоеперстное сложеніе и другіе подобные сему обряды.

Копія съ положеннаго Преосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ, и Именнымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Высочайшимъ указомъ, даннымъ Суноду истекшаго-жъ 1800 года Октября въ 27 день, за собственноручнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ утвержденнаго на означенные Московскихъ Старообрядцевъ пункты мнѣнія.

1-е). Отъ клятвъ, прежде на нихъ возложенныхъ разрѣшить: ибо хотя Церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признаютъ, почитая имя себя связанныхъ

[1]) Такъ называли Новгородъ.

и отъ оныхъ просятъ разрѣшенія; но какъ нынѣ они сближаются, или паче, соединяются съ Церковію, и истину ея, и таинства и Священство ея признаютъ дѣйствительными; то и потребно сіе разрѣшеніе, и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подъ каковыми отторгающіеся еще отъ Церкви имѣютъ и впредь состоять праведно. А чтобы сіе разрѣшеніе было открытѣе и ихъ болѣе успокоивающее; то надъ каждымъ принимаемымъ къ дозволяемой имъ Церкви, прочесть Епископу или Пресвитеру съ возложеніемъ руки, слѣдующую разрѣшительную молитву: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію Своею и человѣколюбіемъ, да разрѣшитъ тя, къ Церкви Святѣй обращающаяся, отъ всѣхъ клятвъ, имъ же отъ Церкви, отторженіемъ отъ нея, подвергся еси. И азъ недостойный Архіерей, или Іерей (имя рекъ) властію отъ Него мнѣ данною, разрѣшаю тя раба Божія (имя рекъ) отъ оныхъ клятвъ и всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь».

2-е). Да соблаговолитъ ваше Высокопреосвященство избрать Священниковъ и Діаконовъ, кои по собственному желанію согласятся быть въ Старообрядчествѣ, и по желанію прихожанъ. Если же таковыхъ не окажется, то хиротонисать по прежде печатаннымъ книгамъ, избранныхъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ Священниковъ и по согласію прихожанъ. Также Священниковъ уклонившихся въ Старообрядчество донынѣ, если они окажутся безпорочны и явятся къ вашему Высокопреосвященству съ истиннымъ смиреніемъ, таковыхъ разрѣшить и благословить отправлять службу Божію и требы Христіанскія; отлучившіеся же таковые Священники безъ воли своего Епископа, впредь къ Старообрядческимъ церквамъ принимаемы не будутъ.

2-е). Вторую статью во всей ея силѣ, по снисхожденію, дозволить: но съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить вновь Священниковъ, по избранію прихожанъ и по разсмотрѣнію и разсужденію Епископа; а прежнихъ ихъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей Церкви, совѣсти и сана своего, къ таковой церкви не опредѣлять.

3-е). Дабы Святѣйшій Сѵнодъ и Ваше Высокопреосвященство благословили Старообрядческимъ Священникамъ службу Божію, таинства и требы Христіанскія совершать по прежде печатаннымъ книгамъ при Всероссійскихъ Патріархахъ: Іовѣ, Ермогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ и Іосифѣ, чему слѣдовать должны Діаконы и церковнослужители.

3-е). Третію статью также дозволить; ибо хотя въ книгахъ ими употребляемыхъ и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, и что пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе сего.

4-е). Церкви для Старообрядцевъ освятить Вашему Высокопреосвященству по старопечатнымъ книгамъ, или по благословенію Вашего Высокопреосвященства Старообрядческимъ Священникамъ, и да будутъ Антиминсы священные при вышеименованныхъ Патріархахъ, или вновь освящены быть имѣютъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ по старопечатнымъ книгамъ и изображены такъ, какъ показано въ старопечатномъ потребникѣ.

4-е). На четвертую статью можно преподать согласіе.

5-е). Старообрядческихъ Священниковъ не требовать въ Грекороссійскую Церьковь къ Соборнымъ моленіямъ, какъ то: въ крестные ходы и тому подобное, а отправлять имъ по благословенію Вашего Высокопреосвященства въ церквахъ Старообрядческихъ оныя Соборныя моленія; также не принуждать Старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, брады бреющихъ, и прочія имѣющихъ несогласія съ древними обыкновеніями, выключая Высочайшихъ Особъ. Старообрядцамъ, хотя и незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійскія Церкви, таковымъ не возбранять присоединиться къ церкви Старообрядческой.

5-е). Также.—Но что надлежитъ до недопущенія имъ въ церковъ нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно; а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ Священниковъ съ наставленіемъ Епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ церкви, ими просимой, и другимъ незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійской Церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ Епископа, что онъ никогда дотолѣ въ Церковь Православную не ходилъ, и таинствъ ея не принималъ, и то, нашедши его токовымъ, при принятіи къ церкви, прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ Церкви нашей Православной доселѣ бывшихъ, ни какъ до таковаго присоединенія не допускать.

6-е). Старообрядческимъ Священникамъ и пріемлющимъ сіе Священство Старообрядцамъ по духовнымъ дѣламъ быть подъ судомъ и въ полномъ вѣдѣніи у Вашего Высокопреосвященства; по дѣламъ же, принадлежащимъ до Старообрядцевъ, благоволите чинить разбирательство и сужденіе чрезъ Старообрядческихъ Священниковъ, выключая таковыхъ дѣлъ, кои требуютъ законнаго слѣдствія; но въ чемъ надлежитъ онымъ Священникамъ, относиться къ Святѣйшему Суноду и Вашему Высокопреосвященству, но то имѣть особаго Писмоводителя, съ произвожденіемъ платы отъ общества Старообрядческаго.

6-е). Шестую статью можно принять.

7-е.) Старообрядческіе Священники да будутъ снабжены Св. Мvромъ отъ Вашего Высокопреосвященства.

7-е.) Пріемлется.

8-е.) Старообрядческихъ Священниковъ не принуждать исповѣдь имѣть, кромѣ Старообрядческихъ же Священниковъ,

8-е.) Оставить сіе каждому Священнику на совѣсть.

9-е.) Благоволите Ваше Высокопреосвященство благословлять Старо-

9-е.) Сіе предоставить благоразумію и совѣсти каждаго Епископа

обрядческихъ Священниковъ и Старообрядцевъ, слагая два перста по обыкновенію древле бывшему въ Россіи.

однако предохраняя другихъ отъ соблазна.

10-е.) Священнодѣйствія донынѣ Старообрядческими Священниками учиненныя, какъ-то: крещеніе, бракосочетаніе, молитвословіе, монашество (если къ сему не окажется со стороны свѣтскаго Правительства препятствія) и другія требы Христіанскія да будутъ оставлены въ существенной ихъ силѣ и не повторять оныя, развѣ токмо окажется каковый либо изъ оныхъ Старообрядческихъ Священниковъ, бывшихъ донынѣ, самозванецъ, или правильно изверженный, Священнодѣйствія оныя совершалъ. — Также и Старообрядческіе Священники, опредѣляемые нынѣ къ Старообрядческимъ церквамъ, не долженствуютъ поправлять пріемлемыя Старообрядцами отъ Греко-россійскія Церкви Священныя тайны, какъ-то: хиротонію, крещеніе, мvропомазаніе, бракъ и проч.; но принимать оныя въ дѣйствительной ихъ силѣ.

10-е.) Пріемлется.

11-е.) Если кто изъ сыновъ Грекороссійской Церкви пожелаетъ пріобщаться Св. Таинъ отъ Старообрядческаго Священника, таковому не возбранять.—Равно-жъ, если и Старообрядецъ пожелаетъ пріобщаться Св. Таинъ въ Грекороссійской церкви, не возбранять оному.

11-е.) По сей статьѣ, сынъ Православной Грекороссійской Церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе, развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ-бъ не случилось найти Православнаго Священника и церкви, а Старообрядцу дозволять то безъ всякаго затрудненія.

12-е.) Если учинитъ Старообрядческій Священникъ преступленіе достойное изверженія, таковой предоставляется суду Вашего Высокопреосвященства. А еслижъ въ таковой винѣ окажется, за которую только временно долженъ понести наказаніе, таковый эпитимійствуется при церквахъ Старообрядческихъ по разсужденію Вашего Высокопреосвященства.

12-е.) Пріемлется.

13-е.) При Старообрядческихъ церквахъ имѣть троечастныя книги.— Но во время Святыхъ постовъ, если кто изъ Старообрядцевъ, по каковымъ либо встрѣтившимся обстоятельствамъ, на исповѣди и у причастіи Святыхъ Таинъ не будетъ, таковыхъ ко взысканію съ нихъ штрафныхъ денегъ не выписывать, и о томъ никуда не представлять; но да судятъ о томъ духовные ихъ отцы по священнымъ правиламъ.— Если-жъ кто по нерадѣнію, или пренебреженію, или другимъ незакон-

13-е.) Хотя на сію статью и можно согласиться; но какъ деньгни штрафныя собираются въ казну, то сіе зависитъ отъ благоусмотрѣнія Святѣйшаго Сvнода. А ежели-бъ и всѣ Православные отъ онаго штрафа были освобождены, а наказываны-бъ они были за духовное преступленіе духовными эпитиміями, сіе бы сходственнѣе было съ духовнымъ прегрѣшеніемъ.

нымъ причинамъ уклоняться будетъ отъ оныя Святыни, таковыхъ записывать въ особыя книги, и наказывать епитиміею и другимъ духовнымъ исправленіямъ.

14-е.) Если случится быть браку состоящемуся одной половинѣ Грекороссійской Церкви, а другой Старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію или въ Грекороссійской или Старообрядческой церкви.

14-е.) Сію статью принять можно.

15-е.) Священники Старообрядческіе во всѣхъ служеніяхъ имѣютъ приносить моленіе о Высочайшемъ здравіи и благоденствіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Супруги ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Наслѣдника ЕГО, всей Высочайшей Фамиліи, и прочихъ кого слѣдуетъ, по данной отъ Святѣйшаго Сгнода формѣ.

15-е.) Сіе необходимо потребно.

16-е.) Распри, раздоры и хулы ни съ единой стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для Богослуженія: ибо таковая обостороння разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ Старообрядцы и сынове Грекороссійскія Церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя Святыя Соборныя и Апостольскія Церкви.

16-е.) Требованіе благое и достойное, чтобъ оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности.

Къ симъ пунктамъ покойный Преосвященный Митрополитъ Платонъ присовокупилъ слѣдующее свое мнѣніе: 1-е.) Что по таковомъ взаимномъ всего вышеписаннаго принятіи и согласіи, таковыхъ пріемшихъ и согласившихся, и получившихъ на вышепрописанномъ основаніи церковь, не называть болѣе раскольниками, или Старообрядцами, ибо въ Церкви ничего новаго нѣтъ, и нѣтъ новообрядцевъ, а называть ихъ соединенцами, или единовѣрцами, на что они, особливо на послѣднее, по предложенію моему и согласными быть оказываются; а потому и Церковь ихъ имѣетъ называться Единовѣрческою; а въ упорствѣ и во отторженіи отъ Церкви пребывающіе да останутся при прежнемъ ихъ именованіи раскольниками.—2-е.) При дозволеніи просителямъ церкви потребно быть судится провозгласить слѣдующее: „что нещастливый расколъ, отъ чего произошелъ и когда, сіе извѣстно изъ многихъ изданныхъ о томъ книгъ. Церковь все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь истины отторгшихся отъ нея, и для того изданы многія книги, въ коихъ явственно и доказательно показано, и заблужденіе отторгшихся, и погрѣшности отъ нерадѣнія и невѣжества взошедшія въ прежнія церковныя книги, и какъ сходственно съ Греческими и Славянскими древними книгами оныя погрѣшности исправлены, и что таковымъ образомъ исправленныя книги въ нашей Церкви Православной употребляются, и хотя и нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ

иная Церкви мысль, развѣ каковая ею доселѣ за истину признана и признается, однако Церковь, яко мать сердобольная, не видя въ обращеніи отторгшихся отъ нея великаго успѣха, (хотя нѣкоторые Богомъ просвѣщенные и совершенно соединяются съ нею) разсудила за благо учинить нѣкоторое таковымъ въ невѣдѣніи погрѣшающимъ снисхожденіе, однако безъ соблазна правовѣрныхъ, особливо разсуждая ихъ прошеніе, которое довольнымъ образомъ ихъ съ Церковію сближаетъ, или паче соединяетъ, слѣдуя примѣру Апостольскому, иже немощнымъ быстъ, аки немощенъ, но съ тѣмъ, да немощныхъ пріобрящетъ; и дабы возымѣть благую надежду, что таковые со временемъ, Богомъ просвѣтятся, и ни въ чемъ въ неразнствующее съ Церковію пріидутъ согласіе." — Сіе почитается нужнымъ, дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ Церковь нынѣ таковое имъ творитъ снисходеніе и дабы развратные не протолковали, аки бы Святая Церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину, познала, какъ то нѣкоторые дерзаютъ и мыслить и говорить. Приказали: Высочайшую ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА волю объявить Сунодальнымъ Членамъ и прочимъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ къ должному и непремѣнному исполненію печатными указами.

Въ ожиданіи приведенныхъ правилъ 10 декабря 1799 г. въ Петербургѣ освѣщена была первая единовѣрческая церковь, устроенная обратившимся изъ раскола въ единовѣріе купцомъ Н. И. Миловымъ. Затѣмъ 20 ноября 1800 г. Императоръ Павелъ слушалъ въ этой церкви литургію, а 25 ноября Миловъ съ причтомъ призваны были къ обѣднѣ въ придворную церковь, а послѣ обѣдни представлялись Павлу и онъ съ ними милостиво разговаривалъ. Далѣе единовѣрческія церкви были здѣсь воздвигнуты: въ 1801 г.—на Волковомъ кладбищѣ; въ 1820 г.—въ Грязной, нынѣ Николаевской улицѣ, въ 1852 г.—въ Захарьевской улицѣ, и въ 1853 г.—на Охтѣ. Церкви эти вѣдаются со времени ихъ открытія старостами и попечителями, избиравшимися изъ прихожанъ, а созданы на пожертвованія богатыхъ прихожанъ-купцовъ. Причтъ же назначался къ этимъ церквамъ въ старину—исключительно по указаніямъ старостъ и попечителей, а въ позднѣйшее время случалось и властію одного духовнаго начальства. Наконецъ съ проникновеніемъ въ среду единовѣрцевъ просвѣщенія молодое его поколѣніе постепенно отставало отъ единовѣрія, а присоединялось къ православной церкви, ибо порядокъ богослуженія уже не согласовался съ пріобрѣтенными ими новыми понятіями.

Таджикскія преданія.

Шугнанъ, Рошанъ, Каратекинъ Дервазъ и прибрежная часть Кулябскаго бекства представляютъ собой, какъ сосѣдній афганскій Балакшанъ, послѣдній оплотъ таджиковъ. Иранское племя, тѣснимое въ долинѣ, укрывшись въ горахъ, не могло отстоять свою цивилизацію; вся энергія была обращена на отраженіе узбековъ. О наукахъ и литературѣ некогда было думать; тѣмъ не

менѣе неграмотные потомки мелкихъ таджикскихъ владѣтелей въ Дервазѣ цитировали мнѣ отрывки изъ иранскихъ поэмъ и разсказывали мѣстныя легенды на языкѣ, близкомъ къ древне-персидскому, но съ болѣе твердымъ произношеніемъ буквъ х и ф. Все передаваемое ими они слышали отъ стариковъ. Я старался согласовать ихъ разсказы съ данными нѣкоторыхъ вакфнаме (дарственныя грамоты мечетямъ). Изъ нихъ наиболѣе интересныя находятся въ Файзбадѣ, Рустакѣ и въ селеніи Ленгаръ близъ Муминъ Абада въ Кулябскомъ бекствѣ. Въ нихъ я нашелъ лишь указанія о родѣ шаховъ Хамушъ (нѣмыхъ), владѣвшихъ впослѣдствіи Шугнаномъ. Кромѣ этихъ письменныхъ памятниковъ по побережью Пяньжа попадаются тетрадки съ отрывками изъ твореній Саади, Хафиза и даже Омаръ Хаямлы; случайно въ Серъ Чашмѣ, когда я былъ въ гостяхъ у Мазрабъ бека, мнѣ показывали клочекъ рукописи о походѣ шугнанцевъ для обращенія въ исламъ невѣрныхъ кяфировъ. Я съ трудомъ разобралъ лишь небольшую часть, встрѣчавшіеся тамъ обороты рѣчи были весьма своеобразны благодаря особымъ утеряннымъ теперь согласованіямъ родовъ. Мнѣ не удалось снять копіи съ этой рукописи: наученные горькимъ опытомъ, туземцы не только не даютъ своихъ рукописей въ руки европейскихъ или бухарскихъ чиновниковъ, но даже часто отрицаютъ самое существованіе рукописи, которую раньше показывали. Въ селеніи Анжерау я пріобрѣлъ большой гончарный горшокъ, почти въ сажень вышины и около аршина въ діаметрѣ, съ крестами и буквами на непонятномъ мнѣ языкѣ; жители изъ боязни быть обращенными въ христіанство соскоблили надписи, а Ширъ-Али-Ханъ, управитель Анжерау, уничтожилъ умышленно книгу, или вѣрнѣе листки, написанные такими же буквами, какія были на горшкѣ, и мнѣ при всемъ стараніи не удалось добыть разъясненія этой загадки.

Я привожу всѣ эти данныя, дабы дать возможность всякому интересующемуся страной провѣрить и дополнить то, что мнѣ удалось собрать во время моей службы на афганской границѣ; несмотря на то, что исламизмъ уничтожилъ большинство народныхъ обычаевъ, въ странѣ сохранилось много легендъ и пѣсенъ, при помощи которыхъ можно до извѣстной степени возстановить прошлое вымирающихъ таджиковъ.

Баронъ Н. Н. фонъ-деръ-Ховенъ.

1. Сказка о братьяхъ.

При сліяніи Оби-Хумба съ Пянжемъ, по преданію, жили когда то два брата. Ежедневно въ полдень они получали съ неба пищу въ видѣ варенаго риса; въ немъ попадались черные кусочки, которые Всевышній запретилъ имъ пробовать. Однажды жена младшаго брата пожелала вмѣстѣ съ мужемъ идти собирать пищу и, увидя черные кусочки, начала уговаривать мужа отвѣдать запрещеннаго плода, говоря, что запрещеніе Всемогущаго основано на боязни, чтобы люди не пріобрѣли излишняго могущества, и,

не дождавшись разрѣшенія, она съѣла кусокъ и тотчасъ же превратилась въ овцу и жалобно заблеяла.

Однажды къ братьямъ прилетѣла птица, которой они раньше не видали. Они ее пріютили. Ночью птица полетѣла къ ручью, напилась воды и, превратившись въ человѣка, разсказала имъ, что Всемогущій сдѣлалъ человѣка птицей за то, что онъ намѣренно лишилъ птицу жизни; срокъ наказанія истекъ, и онъ, напившись въ чистомъ притокѣ Пянжи, опять сталъ человѣкомъ.

Братья въ свою очередь разсказали про свое несчастье. Гость взялся помочь, и вскорѣ овца сдѣлалась женщиной. Ихъ новый другъ приказалъ имъ высѣчь въ камнѣ двѣ чаши громадныхъ размѣровъ (которые и понынѣ видны около Кала-и-Хумба), набрать въ нихъ воды и выпить. Къ великому огорченію братьевъ оказалось, что воды для двухъ мало, а для одного много. Тогда рѣшили предоставить воду младшему, и онъ вскорѣ почувствовалъ большую силу. Гость посовѣтовалъ имъ не злоупотреблять священной водою.

Братья зажили по-прежнему, но крупа уже перестала падать съ неба, и, чтобы быть сытыми, приходилось работать. Однажды младшій братъ сталъ хвастать своей силой, старшему это показалось обиднымъ. По совѣту жены онъ пошелъ и напился сколько могъ воды, дающей силу, и дѣйствительно, вернувшись, поборолъ младшаго брата; тотъ, вырвавшись, сталъ бросать камнями, которые завалили источникъ и дорогу къ нему, и оба брата погибли.

Глыбы, завалившія по преданію источникъ, не менѣе нѣсколькихъ сотъ пудовъ каждая; онѣ были, очевидно, сорваны съ горъ и принесены водой уже въ историческое время. Легенда, вѣроятно, составилась изъ нѣсколькихъ старинныхъ разсказовъ.

2. Сказка о дынѣ съ золотыми сѣмечками.

Давно въ Дервазѣ жилъ старикъ, отличавшійся добротой и сострадательностію къ животнымъ: медвѣди, лани, волки ѣли съ нимъ изъ одной чаши и были смирны какъ овцы.

Однажды на дорогѣ онъ нашелъ журавля съ перебитой ногой, взялъ его къ себѣ, кормилъ, лѣчилъ, и когда журавль выздоровѣлъ, выпустилъ его на свободу. Черезъ годъ, въ благодарность за оказанную услугу, журавль принесъ старику большую дыню. Этотъ послѣдній разрѣзалъ ее и увидѣлъ, что сѣмечки въ ней золотыя; но старику не нужно было золота: дыню онъ съѣлъ, а сѣмечки разбросалъ. Съ той поры люди и находятъ золото въ Дервазѣ. Объ этомъ узналъ жадный и злой сосѣдъ старика. Захотѣлось и ему получить чудесную дыню. Съ этой цѣлью онъ поймалъ журавля, переломилъ ему ногу, залѣчилъ и выпустилъ журавля на свободу. Черезъ годъ журавль принесъ и ему дыню, и, когда онъ ее разрѣзалъ, оттуда поползли ящерицы, змѣи, скорпіоны, которые и умертвили шедшаго къ добру кривымъ путемъ.

Основаніемъ легенды послужила форма золотыхъ песчинокъ, напоминающихъ зерна дыни.

3. Сказка о прозрѣвшемъ царевичѣ [1]).

Согласно преданію, въ неприступныхъ отрогахъ Дервазскаго хребта уцѣлѣли потомки Александра Македонскаго. Мѣстные владѣтельные шахи, принявъ языкъ и обычаи своихъ сосѣдей, продолжаютъ до сихъ поръ чтить память славнаго Искандера. Отсутствіе дѣтей мужского пола считается величайшимъ несчастіемъ, а рожденіе сына празднуется возможно торжественнѣе, какъ милость Бога, даровавшаго владѣтелю продолженіе рода его на землѣ.

Это было во время одного изъ такихъ празднествъ. Къ правителю Дерваза и Бадахшана явился дервишъ. Остановившись у воротъ, онъ просилъ допустить его въ присутствіе шаха. Но слуги грубо прогнали его, а дервишъ, уходя, проклялъ новорожденаго. Это услышала старая служанка, знавшая силу заклятій дервишей. Она побѣжала къ матери наслѣдника, прося повелѣнія отыскать дервиша. Но сколько ни искали его отправленные нукеры [2]), они не могли найти его ни въ этотъ, ни на слѣдующій день и только подъ конецъ празднествъ привели какого то старца.

Шахъ, узнавъ о происшедшемъ, потребовалъ его къ себѣ. На всѣ вопросы старецъ упорно молчалъ и только въ концѣ концовъ сказалъ шаху, что „обиду простить можно, но забыть никогда“, и въ доказательство своей незлопамятности снялъ свое проклятіе.

Усмѣхнулся шахъ, а приближенные опять грубо прогнали старика. Оскорбленный дервишъ ушелъ.

„Вы вспомните меня, говорилъ онъ гнавшимъ его слугамъ: черезъ 19 лѣтъ въ этотъ день и на этомъ мѣстѣ, виновникъ бывшихъ торжествъ, преемникъ могущества великаго Искандера, не будетъ видѣть ни свѣта солнца, ни блеска луны“. Всѣ разсмѣялись въ отвѣтъ на слова дервиша, а скоро и совсѣмъ забыли о происшедшемъ.

Между тѣмъ Шахъ Задэ (царевичъ) росъ на удивленіе подданнымъ и на радость родителямъ. Предсказаніе дервиша сбылось. Въ 19-й лунный годъ онъ лишился зрѣнія. Собравшіеся на совѣтъ мудрецы рѣшили, что возвратить эту способность можетъ единственно тотъ, кто отнялъ ее. Гонцы разсѣяны волею шаха по всѣмъ мѣстамъ государства. Имъ дано повелѣніе во что бы то ни стало найти дервиша. Аллахъ помогъ одному изъ гонцовъ. Мугаммедъ направилъ его къ горѣ пророка Алія, гдѣ онъ увидѣлъ молившагося старца.

Долго не соглашался дервишъ ѣхать ко дворцу шаха; долго упрашивали его сосѣди, боявшіеся мести шаха за непослушаніе...

Онъ отправился съ посланнымъ въ Кала-и-Хумбъ [3]). „Я требую, чтобы ты излѣчилъ моего сына“, сказалъ шахъ, когда дервишъ предсталъ передъ нимъ. „Хорошо, сказалъ старецъ; но знай, сыну твоему будетъ дано не только обыкновенное зрѣніе: онъ будетъ

---

[1]) Записано со словъ Фирюзь—Бея въ Калаи-Хумбэ. Варіанты этого сказанія слышаны мною отъ хоховскаго жителя Islякъ-ша.

[2]) Слуги.

[3]) Столица Дерваза.

видѣть все сокрытое отъ взора обыкновенныхъ смертныхъ... Впрочемъ, если Шахъ-Задэ пожелаетъ, онъ, сохранивъ свою человѣческую способность зрѣнія, можетъ отдать мой даръ всякому человѣку свободному въ сужденіяхъ. Однако сынъ твой не въ правѣ отказываться, если награжденный имъ пожелаетъ отдать ему обратно этотъ даръ».

Приведенный царевичъ прозрѣлъ въ тотъ же мигъ. Старика наградили халатомъ, и онъ ушелъ. Нѣсколько дней продолжались празднества по поводу исцѣленія наслѣдника. Одинъ виновникъ торжества оставался безучастнымъ ко всему происходившему вокругъ него. Мрачный сидѣлъ онъ на пирахъ въ виду ликующей толпы, не обращая вниманія на радостные клики народа.

„Что съ тобою, сынъ мой? не разъ спрашивалъ его правитель: повѣдай мнѣ твое горе, чтобы я могъ раздѣлить его съ тобою и приказать раздѣлить его подданнымъ!“.

Долгое время молчалъ царевичъ [1]); наконецъ сказалъ:

„Со дня моего рожденія я жилъ въ полумракѣ невѣжества. Въ 19 лѣтъ я лишился свѣта очей. Теперь я вижу все происходящее вокругъ меня и страдаю за всѣхъ тѣхъ, которые страдаютъ, доставляя намъ удобства и развлеченіе. Я вижу, съ какимъ трудомъ достаетъ народъ тотъ хлѣбъ, который мы бросаемъ, и тѣ ковры, которые мы топчемъ... И вижу я, что счастіе однихъ зиждится на несчастіи другихъ, и не могу теперь брать на себя отвѣтственность за благо цѣлаго народа. Отецъ, ты хочешь назначить меня своимъ преемникомъ! Многаго ты не знаешь, а наибольшаго не зналъ и не узнаешь никогда. А потому можешь править своимъ народомъ. Я же вижу страданія всѣхъ и не могу вести ко благу подданныхъ, ввѣрившихъ мнѣ власть надъ собою“.

Шахъ возмутился словами сына и рѣшилъ, что дервишъ, возвративъ ему зрѣніе, отнялъ у него разсудокъ. Но такъ какъ сынъ былъ въ правѣ передать свой даръ свободному въ сужденіяхъ человѣку, то царь *назначилъ* желающихъ воспринять излишнюю зрячесть, но сынъ ему напомнилъ то обстоятельство, что эта передача могла совершиться только добровольно, а такъ какъ подданные шаха не смѣли желать чего-либо противнаго волѣ ихъ повелителя, то приходилось найти людей, которые не утратили еще способность мыслить самостоятельно. Послѣднее было не въ традиціяхъ страны и пришлось долго искать

Въ долинѣ Язгелона жилъ въ то время пастухъ Диванэ [2]). Живя всегда въ горахъ, онъ не смѣлъ показываться въ селеніяхъ, такъ какъ, благодаря своей глупости, говорилъ всѣмъ правду. Его было даже хотѣли казнить, но, видя, что онъ лишенъ разсудка, рѣшили изгнать его въ горы и поручить ему охрану общественнаго скота.

„Онъ такъ глупъ, говорили старики, что не сможетъ свалить на волка пропажу скотины, которую пастухи спрятали въ нѣдрахъ своихъ желудковъ или продали сосѣдямъ.“

[1]) По преданію это былъ знаменитый впослѣдствіи своей прозорливостью и умомъ шахъ Чу-би-на-Па (деревянная нога).

[2]) Безумный.

Вскорѣ увидѣли, что Диванэ при всѣхъ своихъ недостаткахъ по своей глупости умѣлъ охранять чужіе интересы въ ущербъ себѣ; потому, не будучи терпимъ среди людей, сдѣлался царемъ надъ скотами. Бушевалъ ли вихрь въ горахъ Дерваза, шли ли потоки въ ущельяхъ, ворочая камнями, Диванэ всегда сидѣлъ на своемъ посту и умѣлъ сберечь ввѣренныя ему стада отъ непогоды, звѣря или вора. „Дуракамъ счастье!“ рѣшили старики и попробовали еще взвалить на Диванэ обязанность убивать тѣхъ волковъ и животныхъ, которыя водятся въ горахъ. На это Диванэ, по свойственной ему глупости, сказалъ:

„Волкъ ѣстъ овцу потому, что голоденъ, лиса роетъ себѣ нору на зиму, пташка прославляетъ на деревѣ Создателя. Зачѣмъ же я буду уничтожать для прихоти то, что возобновить не могу?“.

Жители побили его за непослушаніе и рѣшили послать шаху въ качествѣ желающаго принять на себя излишекъ зрячести царевича, говоря: „Шахъ не дуракъ, чтобы хорошее отдавать другимъ. Вѣрно, эта зрячесть солона. Зачѣмъ намъ пробовать и потомъ гнѣвить шаха отказомъ отъ нея. А дуракъ пусть раздѣлывается, какъ хочетъ“.

Прибывъ въ Кала-и-Хумбъ и узнавъ въ чемъ дѣло, Диванэ задумался, а затѣмъ узнавъ, что вернуть даръ зависитъ отъ его свободной воли, согласился и принялъ на себя зрячесть.

Опрошенный царевичемъ, Диванэ сказалъ: „Для васъ все было ново, а потому страшно. Я же ко всѣмъ страданіямъ этимъ присмотрѣлся, глазъ примозолился“.

Вскорѣ Шахъ рѣшилъ въ благодарность Богу за возвращеніе сыну разсудка построить храмъ. Для этого по всей землѣ были посланы сборщики доброхотныхъ подаяній. Шахъ приказывалъ никого не принуждать жертвовать и даже предложить желающимъ работать за плату надъ сооруженіемъ богоугоднаго зданія.

Минь-баши [1]) собрали народъ и начали говорить про желаніе шаха такъ убѣдительно, что юзь-баши [2]) съумѣли извлечь для себя довольно ощутительную пользу изъ нежеланія нѣкоторыхъ жертвовать на храмъ. Шахъ, не желая стѣснять проявленій народной воли, передалъ все дѣло въ руки своихъ приближенныхъ, такъ что благое дѣло затянулось бы на многіе годы.

Но Диванэ опять началъ показывать свой скверный нравъ, и, несмотря на желаніе оградить шахскаго сына отъ излишней зрячести, его пришлось казнить, послѣ чего даръ дервища перешелъ обратно къ Шахъ-Задэ. Вскорѣ, впрочемъ, нашлись другіе охотники взять на себя зрячесть. Къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ немедленно лишалось разсудка и говорило о какихъ-то дворцахъ, скованныхъ вмѣсто извести людскимъ потомъ. Въ результатѣ пришлось кое-кого посадить за рѣшетку, кое-кого отправить навѣстить праотцевъ, и даръ зрячести грозилъ вѣчно остаться у Шахъ-Задэ, если бы его не выручила прекрасная дочь шаха Гармскаго. Она приняла на себя, выйдя замужъ за Шахъ-Задэ,

---

[1]) Тысяцкіе.
[2]) Сотскіе.

его зрячесть и всю свою жизнь плакала такъ сильно и горько, что изъ слезъ ея образовался Ягъ-Су. Когда она умерла, то и тогда не перестала плакать о людскомъ горѣ и своими слезами орошать долину Дерваза. Въ той долинѣ выросли розы и своимъ благоуханіемъ наполнили страну.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много поколѣній людскихъ смѣнилось, а прекрасная царевна подъ землею продолжаетъ плакать о томъ, что она видѣла и чему не могла помочь во время своей краткой жизни.

Религіозный реформаторъ древняго Египта.

Въ 1392 г. до Рождества Христова въ Ѳивахъ умеръ послѣ 35 л. царствованія фараонъ Аменофисъ III, или, какъ онъ назывался оффиціально, „король верхняго и нижняго Египта Небме-ре". На тронъ своего отца сѣлъ и началъ царствовать Аменофисъ IV, по древнему обычаю принявшій еще титулъ „Нефер-Хеперу-ре", т. е. „прекрасны образы бога солнца". Новый фараонъ воспитывался жрецами въ Геліополисѣ, которые внушили ему, что богъ солнца есть самый великій богъ и какъ „живущій на обоихъ горизонтахъ", или по-египетски, „Ре-хармахисъ", имѣетъ право на всеобщее поклоненіе; остальные же боги ничто иное, какъ различные виды бога солнца. Кромѣ того они убѣдили его, что если богъ гор. Ѳивъ Амунъ въ теченіе цѣлаго вѣка считался главнымъ египетскимъ богомъ и жрецы его, благодаря дяніямъ и покровительству фараоновъ, пріобрѣли могущество и вліяніе, то это была большая обида для бога солнца. Разумѣется, жрецы ждали лишь случая, чтобы лишить бога Амуна и его жрецовъ вліянія, которое простиралось даже на политику. Какимъ образомъ удалось Геліопольскимъ жрецамъ перетянуть на свою сторону сына Аменофиса III,—неизвѣстно, но вѣрно то, что Аменофисъ IV признавалъ ихъ разсужденія справедливыми и вмѣстѣ съ ними сталъ ненавидѣть все, что было связано съ богомъ Амуномъ. Въ богословской школѣ въ Геліополисѣ преподавалось ученіе, по которому самый чистый и высокій образъ бога солнца былъ не тотъ Ре-Хармахисъ, который извѣстенъ былъ народу въ видѣ человѣка съ птичьей головой, а само солнце, являвшееся каждый день на небѣ въ видѣ огненнаго шара и своими лучами дававшаго міру свѣтъ и жизнь. Ему дали особое имя: „Ре-Хармахисъ, веселящійся на горизонтѣ; свѣтъ, сущій въ солнцѣ". Смыслъ этой фразы неясенъ, но также неясенъ онъ былъ вѣроятно и египтянамъ того времени. Молодой фараонъ увлекся этимъ ученіемъ; кромѣ него жрецы нашли поддержку и въ матери его, Теіе, которая еще при жизни мужа, болѣе чѣмъ какая либо другая египетская королева, вліяла на дѣла правленія, и будучи не изъ знатнаго и сильнаго рода, вѣроятно, не разъ наталкивалась на интриги жрецовъ бога Амуна, считавшихъ ее недостойной быть королевой; но благодаря ея уму и безграничному довѣрію къ ней ея мужа, Аменофиса III, всѣ происки оканчивались ничѣмъ.

Не удивительно поэтому, что при вступленіи на престолъ Аменофиса IV въ Египтѣ царило большое волненіе. Всѣ ждали что будетъ. Станетъ ли новый фараонъ на сторону древняго бога солнца, или же, по примѣру предковъ, главнымъ богомъ признаетъ Амуна и отречется отъ ученія, которому слѣдовалъ, будучи принцемъ. Ждать пришлось недолго. Въ первые же годы царствованія Аменофиса IV гордые и избалованные жрецы Амуна увидѣли, что дни ихъ могущества и славы окончились. Слѣдуя древнему обычаю, Аменофисъ IV, при вступленіи на престолъ, принялъ титулъ перваго пророка бога солнца, а затѣмъ послѣдовали и дѣйствія, направленныя противъ Амуна. Аменофисъ III началъ было строить огромный залъ на дворѣ храма Амуна, но смерть не дала ему окончить эту постройку. Сынъ его велѣлъ остановить работы и выстроить храмъ „Хармахису, веселящемуся на горизонтѣ", въ которомъ онъ самъ былъ изображенъ молящимся своему богу. И въ другихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Мемфисѣ, воздвигались храмы, и вліяніе новаго бога росло. Преданность фараона новой религіи доходила до фанатизма. Такъ какъ въ Ѳивахъ, гдѣ съ древнихъ временъ все было въ связи съ богомъ Амуномъ, новая вѣра распространялась очень медленно, фараонъ рѣшилъ перенести свою столицу выше по Нилу, въ мѣстечко Ель-Амарна, которое въ честь своего бога назвалъ Эхутъ-атонъ, т. е. „горизонтъ солнца". Туда за нимъ послѣдовалъ весь дворъ и вся знать.

До сихъ поръ Аменофисъ IV не мѣшалъ остальнымъ богамъ существовать на ряду съ новымъ богомъ, но съ теченіемъ времени исповѣданіе старой и новой вѣры одновременно стало невозможно, и на 6 году царствованія Аменофиса IV вѣра въ новаго бога „Атонъ" была объявлена господствующею въ Египтѣ, а всѣ остальные боги были упразднены. Какъ въ самомъ Египтѣ, такъ и въ подвластныхъ ему странахъ требовалось поклоненіе только одному Атону, какъ единому богу. Храмы другихъ боговъ были закрыты, имущество ихъ конфисковано, а имена боговъ уничтожались въ надписяхъ. Особенно преслѣдовалось все, что было связано съ Амуномъ. Даже имя „Амунъ" было проклято, и кто носилъ имя, въ составъ котораго входило слово „амунъ", спѣшилъ перемѣнить его. Первый сдѣлалъ это самъ фараонъ. Имя свое „Аменофисъ", или вѣрнѣе „Амен-хотеп", т. е. „Амунъ доволенъ", онъ замѣнилъ именемъ „ехъ-ен-атонъ", т. е. „духъ солнца". Даже надписи именъ его отца и дѣда, Аменофиса II и III, были стерты и замѣнены другими.

Оставалось сдѣлать только одно: дать новому богу то, чѣмъ пользовались въ Египтѣ всѣ боги, а именно — провинцію или округъ, который принадлежалъ бы ему одному и въ которомъ жители поклонялись бы ему, какъ своему покровителю. Аменофисъ IV отдалъ новому богу въ исключительное владѣніе округъ „горизонтъ солнца", въ которомъ жилъ самъ. Торжество посвященія богу цѣлой провинціи было совершено съ большою помпою.

Въ чемъ состояла новая религія, „вѣра короля", которой онъ

отдался съ такимъ жаромъ, объ этомъ не говоритъ ни одинъ изъ существующихъ источниковъ. Извѣстно лишь о ней изъ словъ гимна, составленнаго, вѣроятно, самимъ фараономъ, въ которомъ „Атонъ“ называется единымъ богомъ и творцомъ жизни, все устраивающимъ и все поддерживающимъ. Прежніе боги господствовали надъ отдѣльными провинціями, а Атонъ былъ владыкою вселенной, — чтобы выразить это, его имя писалось въ овальныхъ кружкахъ и ему давались разные эпитеты, какъ напримѣръ: „живое солнце, владыка всего, что находится подъ солнцемъ, свѣтящій надъ Египтомъ, владыка солнечныхъ лучей“, и т. д.

Такимъ образомъ многобожіе прежней религіи было замѣнено, хотя и довольно грубымъ, понятіемъ о единомъ богѣ. Вѣра въ бога солнца все болѣе и болѣе распространялась, и старые обряды постепенно замѣнялись новыми. Въ первые годы царствованія Аменофиса IV бога солнца продолжали изображать человѣкомъ съ птичьей головой, но затѣмъ изображенія эти прекратились, какъ вслѣдствіи ненависти къ старымъ идоламъ, такъ отчасти и потому, что изображать бога въ видѣ человѣка или звѣря не было въ духѣ новаго ученія. Поклоняться стали только солнцу и изображали его кругомъ, отъ котораго исходятъ лучи, оканчивающіеся руками, раздающими фараону, его семьѣ и представителямъ всего человѣчества знаки жизни.

Для историка было бы интересно прослѣдить, какъ измѣнялась мало по малу новая религія со дня ея введенія, но для этого не существуетъ достаточно данныхъ. Неизвѣстно также, какъ измѣнились воззрѣнія на жизнь и на смерть. Вѣрно только то, что Озирисъ, богъ смерти, былъ вытѣсненъ „живымъ солнцемъ“, свѣтившимъ и мертвымъ праведникамъ.

Въ одной изъ могилъ въ восточной части долины Эль-Амарна сохранились рисунки, изображающіе фараона въ разные моменты его жизни. Замѣчателенъ одинъ изъ нихъ, представляющій фараона сидящимъ съ женою въ одной изъ комнатъ дворца. Онъ цѣлуетъ маленькую дочь свою, жена его держитъ на колѣняхъ другую дочь, а третья играетъ съ ея короною. Такія картины изъ интимной жизни фараоновъ прежде обыкновенно не изображались, почему можно предположить, что и тутъ, вѣроятно, оказала нѣкоторое вліяніе новая религія, которая, можетъ быть, иначе понимала значеніе фараона, какъ властелина.

Введеніе новой религіи, вѣроятно, не встрѣтило нигдѣ особенно сильнаго сопротивленія, потому что о возстаніяхъ въ Египтѣ за это время ничего неизвѣстно. Когда же, однако, Эхъен-атонъ, процарствовавъ 18 лѣтъ, умеръ, не оставивъ наслѣдника, во всей странѣ поднялась цѣлая буря. Послѣдователи старой вѣры, въ особенности жрецы Амуна, возстали и всѣми силами старались возстановить старыхъ боговъ. Закере, зять короля-еретика, сначала боролся съ этимъ движеніемъ, но вскорѣ былъ свергнутъ съ престола, и преемникъ его, Тут-енх-атонъ, убѣдился, что новая вѣра не можетъ удержаться, какъ государственная религія, и что самъ онъ останется на престолѣ только

тогда, если примирится съ жрецами Амуна. Какъ нѣкогда Аменофисъ IV, измѣнилъ онъ свое имя, содержавшее слово „атонъ", и принялъ имя „Тут-енх-Амунъ", т. е. „живое изображеніе Амуна". Въ этомъ измѣненіи имени заключался цѣлый переворотъ. Кромѣ того, слѣдуя теченію обстоятельствъ, фараонъ перенесъ свою столицу обратно въ Оивы, что окончательно рѣшило судьбу „солнечнаго горизонта". Вмѣстѣ съ фараономъ переселились въ Оивы и всѣ жители, и черезъ нѣсколько лѣтъ столица Аменофиса IV превратилась въ груду развалинъ. Послѣ смерти Тут-енх-Амуна вступилъ на престолъ нѣкій Ейе, который прежде занималъ высокое положеніе въ одномъ изъ храмовъ Атона, но, вступивъ на престолъ, вновь сдѣлался почитателемъ Амуна. Однако какъ Тут-енх-Амунъ, такъ и Ейе, были слишкомъ близки къ ереси, поэтому имъ не вполнѣ довѣряли и подозрѣвали въ тайномъ пристрастіи къ вѣрѣ Аменофиса IV. Во всемъ Египтѣ господствовало броженіе, всѣ боялись, что вдругъ произойдетъ новый религіозный переворотъ. Но вотъ умеръ и Ейе, не оставивъ наслѣдника, и явился человѣкъ, къ которому примкнули всѣ. Это былъ полководецъ Харемхебъ, командовавшій войсками при Аменофисѣ IV и никогда не поклонявшійся Атону. Жрецы Амуна встрѣтили его съ восторгомъ и торжественно короновали въ храмѣ Амуна. Онъ скоро возстановилъ порядокъ и уничтожилъ послѣднія воспоминанія о новой религіи.

Такимъ образомъ окончился религіозный переворотъ, составлявшій одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ древне-египетской исторіи. Если бы Аменофисъ IV прожилъ дольше и преемники его были бы такъ же энергичны, какъ и онъ, то новая религія ввела бы въ Египтѣ болѣе возвышенное понятіе о богѣ. Но разъ вновь укрѣпилось „правовѣріе", живое религіозное теченіе, которое, безъ сомнѣнія, существовало въ поклоненіи Атону, стало мало по малу глохнуть и уступило мѣсто мертвому формализму и различнымъ суевѣріямъ. Даже живопись, принявшая болѣе реальный характеръ при Аменофисѣ IV, опять возвратилась къ прежнему чопорному стилю. **М.**

Картинныя коллекціи старой монархіи.

Первый положившій начало составленію королевскихъ коллекцій былъ Францискъ I, устроившій „картинный кабинетъ". Положимъ, что онъ допустилъ крупную ошибку, исключивъ картины національныхъ художниковъ, но за это онъ не жалѣлъ денегъ для пріобрѣтенія прекрасныхъ итальянскихъ картинъ школы Рафаэля, которыя и до-нынѣ служатъ украшеніемъ французскаго національнаго музея.

До Людовика XIV, коллекція эта однако не увеличивалась ни однимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ. Сынъ Франциска I жилъ слишкомъ мало; его внуки, занятые многимъ другимъ, не имѣли ни возможности, ни времени, чтобъ позаботится объ этомъ; Генрихъ IV предпочиталъ красоту въ жизни красотѣ, изображенной на полотнѣ; Людовикъ XIII предпочиталъ охоту на волковъ. Такъ мы доходимъ до Людовика XIV, въ правленіе котораго начинаютъ

обращать серьезное вниманіе на художества и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается правильная система покупокъ и, надо сказать, часто великолѣпныхъ покупокъ. Такъ въ 1661 г. пріобрѣтено шестьсотъ картинъ, составлявшихъ галлерею Мазарини; въ 1671 г. королевскій кабинетъ увеличился на двѣсти замѣчательныхъ картинъ лучшихъ художниковъ, купленныхъ у банкира Ябаха, который пріобрѣлъ ихъ при Кромвелѣ изъ коллекціи Карла I-го, короля Англіи.

Развитію національнаго искусства способствовали съ одной стороны самъ король и Кольберъ, сильно поощряя подобныя произведенія, а съ другой стороны оно возбуждалось безпрестанными заказами; благодаря всему этому королевскій музей, помѣщавшійся въ Старомъ Луврѣ, настолько увеличился, что сдѣлался съ 1680 г. государственнымъ учрежденіемъ, съ директоромъ или хранителемъ картинъ (garde des tableaux) во главѣ.

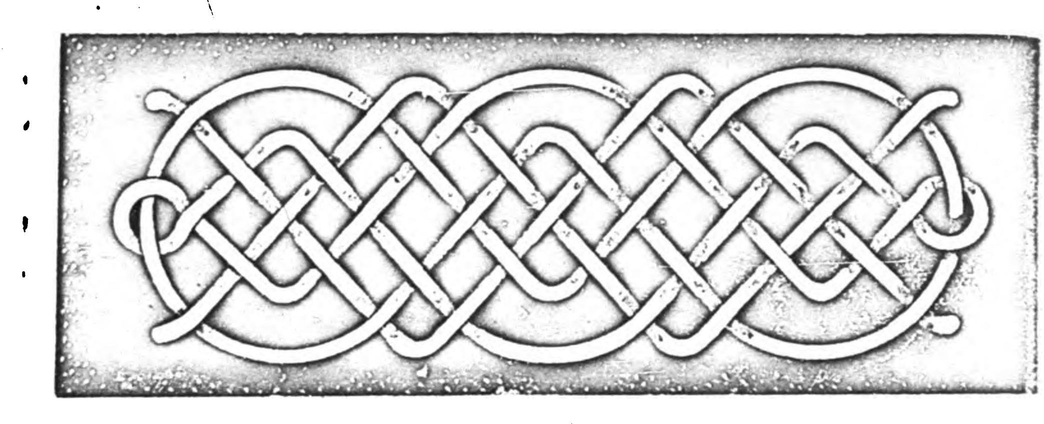
Къ сожалѣнію, однако, музей не сохранился въ своемъ первоначальномъ видѣ. Людовикъ XIV не могъ не воспользоваться лучшими картинами этой коллекціи, для украшенія своихъ многочисленныхъ дворцовъ въ Версалѣ и Тріанонѣ, Марли, Медонѣ и Шавилѣ. Мало-по-малу коллекція эта стала уменьшаться, и изъ 2,376 картинъ, которыя она насчитывала, въ 1710 г. уже не хватало болѣе трети въ моментъ переписи генерала Бальи. Эти недостающія картины были перенесены при Людовикѣ XV въ Люксембургъ и возвращены оттуда назадъ въ Лувръ при Людовикѣ XVI. Было бы еще ничего, еслибъ онѣ служили только украшеніемъ королевской резиденціи, но дѣло въ томъ, что онѣ очень быстро пріѣдались королю, и тогда ихъ мѣняли. Вотъ эти то многочисленные переѣзды изъ Парижа въ Версаль и изъ Версаля въ Парижъ, затѣмъ небрежное наблюденіе за вѣшаніемъ картинъ и ихъ сниманіемъ и, наконецъ, частая перемѣна рамъ, въ которыхъ они находились, все это вмѣстѣ взятое страшно разрушительно вліяло на ихъ состояніе. Испорченныя, расцарапанныя, потрескавшіяся онѣ отдавались на реставрированіе; при этомъ ихъ безъ стѣсненія увеличивали и уменьшали, смотря по размѣру предназначаемаго имъ помѣщенія. Въ большинствѣ случаевъ реставрированіе только увеличивало ущербъ. Хранители картинъ, будучи художниками, разрѣшали себѣ мазать вкривь и вкось, называя это варварство „обновленіемъ“. Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ прибавилась еще беззцеремонность нѣкоторыхъ вельможъ, которымъ поручено было храненіе художественныхъ вещей. Послѣ смерти Людовика XIV герцогъ d'Antin, вкусы котораго сходны были со вкусами монарха, воспользовался безпорядками, чтобы присвоить себѣ лучшія картины изъ коллекціи покойнаго короля. Онъ перевезъ изъ Версаля въ свой парижскій отель 131 картину. Здѣсь они оставались до 1737 г., т. е. до смерти герцога, послѣ чего попали назадъ въ Версаль. Хорошо еще, что существовалъ списокъ, составленный Coypel'емъ незадолго до смерти короля, иначе картины эти, вѣроятно, были бы проданы.

Этому списку картинъ королевской коллекціи предшествовали другіе подобные же; но единственнымъ послѣдовательнымъ и

полнымъ спискомъ является каталогъ Николая Бальи, написанный въ 1709 и 1710 г. и сохранившійся въ архивахъ послѣ революціи.

Этотъ трудъ еще не былъ опубликованъ, такъ какъ для каждой картины нужны нѣкоторыя поясненія, какъ то—годъ, въ которомъ она поступила въ коллекцію, краткая ея исторія, судьба, какой она подверглась въ продолженіе ея пребыванія тамъ, ея перемѣщенія, ея послѣдовательное реставрированіе и, наконецъ, чѣмъ она стала въ наше время.

Эту трудную задачу недавно взялъ на себя Fernand Engerand, который съумѣлъ взяться за это дѣло съ изумительной проницательностью и рѣдкимъ терпѣніемъ. Онъ создалъ по-истиннѣ идеальный толковый католоrъ, который замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что читается съ интересомъ и лишенъ всякой сухости.



Изъ области археологіи.

Начало новаго академическаго года въ Археологическомъ институтѣ.— Рѣчь директора института проф. Н. В. Покровскаго.

Большой успѣхъ выпалъ въ нынѣшнемъ академическомъ году на долю Археологическаго института. Доказательствомъ того, что интересъ къ археологіи усиливается въ нашемъ обществѣ, служитъ небывалый наплывъ слушателей въ институтъ. Уже до 2 октября поступило въ институтъ свыше 400 прошеній; около половины принадлежатъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, остальныя поданы лицами, получившими среднее образованіе.

Войдя въ залы института въ дни занятій, вы невольно поражаетесь разнообразіемъ состава слушателей. Генеральскіе и офицерскіе мундиры смѣшиваются здѣсь съ тужурками студентовъ, съ сюртуками чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ и рясами духовныхъ лицъ. Есть и нѣсколько дамъ.

Первымъ днемъ занятіи въ институтѣ былъ понедѣльникъ 2 октября. Передъ началомъ лекцій директоръ института проф. Н. В. Покровскій обратился къ собравшимся съ небольшою вступительною рѣчью, указывающею на цѣль, преслѣдуемую институтомъ, и на его направленіе.

Число слушателей, говорилъ Н. В. Покровскій, увеличивается съ каждымъ годомъ и институтъ растетъ и крѣпнетъ. А было время, когда число слушателей считалось единицами.

Что же влечетъ въ институтъ? Онъ не даетъ по окончаніи курса никакихъ правъ, никакихъ привиллегій. Влечетъ въ институтъ лишь присущее человѣку стремленіе къ исканію истины.

Недавнее же предубѣжденіе, существовавшее въ нашемъ образованномъ обществѣ противъ археологіи въ настоящее время уже исчезло.

Что можетъ дать институтъ своимъ слушателямъ? Имѣя въ своемъ составѣ лучшихъ представителей современнаго археологи-

ческаго знанія, институтъ можетъ дать точныя указанія на результаты, какихъ достигла археологія до настоящаго времени, и, во-вторыхъ, познакомить слушателей съ пріемами научнаго обслѣдованія памятниковъ старины.

Тотъ недочетъ въ организаціи института, что слушатели его не получаютъ никакихъ правъ, имѣетъ и свою хорошую сторону. Онъ устанавливаетъ совершенно свободныя и простыя отношенія между профессорами и слушателями. Между тѣми и другими въ институтѣ господствуетъ полное равенство.

По своему направленію институтъ помогаетъ подъему народнаго русскаго самосознанія, помогаетъ освободиться отъ рабскаго поклоненія передъ западно-европейской наукой и искусствомъ и водрузить знамя русской самобытной науки.

Первые шаги института были робки; теперь совершенно иное: на сторонѣ института полное сочувствіе образованнаго общества. Несомнѣннымъ доказательствомъ служитъ многочисленное собраніе слушателей института и содѣйствіе со стороны правительства. Это сочувствіе поднимаетъ энергію института и помогаетъ ему утвердиться на той высотѣ, которую требуетъ современность.

Привѣтствуя, въ заключеніе своей рѣчи, новыхъ слушателей съ поступленіемъ въ семью института, Н. В. Покровскій выразилъ твердую увѣренность, что слушатели по окончаніи курса еще тѣснѣе сплотятся съ институтомъ для совмѣстной работы.

Рѣчь была покрыта апплодисментами слушателей.

Раскопки на островѣ Критѣ. Въ засѣданіи классическаго отдѣленія Археологическаго общества 16 октября секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ прочелъ чрезвычайно интересный рефератъ „о послѣднихъ раскопкахъ на островѣ Критѣ“.

Многострадальному острову уже много лѣтъ было не до раскопокъ, не до археологическихъ изслѣдованій. Въ настоящее время, когда страсти нѣсколько улеглись, когда внутренняя жизнь острова вступаетъ въ свои права, вниманіе археологовъ вновь обратилось на Критъ, почва котораго хранитъ въ своихъ нѣдрахъ многочисленные археологическіе памятники глубочайшей древности.

Англичанинъ Эвансъ положилъ много личной энергіи и матеріальныхъ средствъ на раскопки на мѣстѣ Кносса. Открыты тамъ остатки театра. Но наиболѣе важные и блестящіе результаты дали изслѣдованія одного холма. По вскрытіи холма обнаружено было жилище древняго царя Кносса. При детальномъ разслѣдованіи выяснилось, что открытое зданіе представляетъ собою образчикъ дворца первобытной эпохи.

Матеріаломъ для постройки служилъ крупный камень. Дворецъ нѣкогда подвергся опустошительному пожару.

Изъ отдѣльныхъ частей дворца можно было замѣтить большую залу, арки и лѣстницы. Въ залѣ стояли каменныя сѣдалища, представляющія собою родъ трона; здѣсь же были расположены и обыкновенныя каменныя скамьи. Противъ трона расположенъ водоемъ. Рядомъ съ большою залою находилась нѣкогда комната, по нѣкоторымъ признакамъ служившая купальнею.

Наибольшій интересъ представляетъ обнаруженная на стѣнахъ дворца древняя живопись. Около трона нарисованы декораціи, изображающія растенія. Одна изъ художественныхъ композицій изображаетъ собою цѣлую сцену изъ временъ той отдаленной эпохи: толпа обнаженныхъ юношей съ длинными локонами приближается къ женщинѣ. Тѣла юношей изображены—темнокоричневыми, тѣло женщины—бѣлымъ. Изъ другихъ крупныхъ рисунковъ открыта фигура быка.

Встрѣчается и миніатюрная роспись. Такъ изображена на бѣломъ фонѣ цѣлая группа: нѣсколько декольтированныхъ женщинъ въ изящныхъ платьяхъ, прекрасно исполненныхъ красками, сидятъ на полу. Вокругъ нихъ расположились мужчины.

Въ числѣ отдѣльныхъ находокъ встрѣтилось много каменныхъ сосудовъ—чашъ, служившихъ, вѣроятно, лампами, а также и другихъ древнихъ сосудовъ. Глиняныя таблички съ надписями разсѣяны были на значительномъ пространствѣ; однородность многихъ написанныхъ на нихъ формулъ позволяетъ предположить, что это были различные счета. Найдено также много кирпичей съ печатями. Судя по надписямъ—въ этой части Крита письмо было особое, своеобразное.

Всѣ открытыя при раскопкахъ Эванса находки поступаютъ въ собственность критскаго правительства. Для помѣщенія ихъ устраивается особый музей въ стѣнахъ арсенала.

Время, къ которому относится дворецъ со всѣми открытыми въ немъ археологическими сокровищами, опредѣляется древнѣйшимъ періодомъ Микенской эпохи, не ранѣе второго тысячелѣтія до Р. Х.

Раскопки въ Римѣ. М. И. Ростовцевъ, спеціально занимающійся изслѣдованіемъ римскихъ древностей, сообщилъ въ одномъ изъ засѣданій И. Р. А. О. о послѣднихъ раскопкахъ на римскомъ форумѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Рима.

Римскій форумъ изслѣдуется въ трехъ мѣстахъ. Почва его состоитъ изъ ряда весьма тонкихъ слоевъ. Въ окрестностяхъ Lapis-niger найдено много надписей временъ императора Константина. Въ другой части форума открыты остатки „Базилики Эмилія". Послѣднее открытіе сдѣлано благодаря пожертвованіямъ одного англичанина, купившаго построенныя на мѣстѣ раскопокъ зданія, которыя и были затѣмъ снесены съ этого мѣста Но недостатокъ матеріальныхъ средствъ не позволилъ окончательно извлечь всю базилику изъ нѣдръ земли, такъ какъ пришлось бы для этой цѣли пріобрѣсти еще рядъ построекъ.

Любопытныя открытія сдѣланы близъ храма Юлія Цезаря. Открытъ на форумѣ древній цѣлительный источникъ, близъ него остатки храма, посвященнаго нимфѣ воды. Раскопки производятся также близъ храма Конкордіи. Внѣ форума большой интересъ представляетъ изслѣдованіе „Термъ Каракаллы"; детальное изслѣдованіе ихъ подземнаго устройства можетъ освѣтить темный, до сихъ поръ, вопросъ какимъ путемъ снабжались знаменитыя римскія бани водою и какъ устранялась грязная вода изъ бань въ клоаки.

Въ окрестностяхъ театра Марцелла производятся также весьма интересныя раскопки. Мѣстность эта представляетъ собою самое грязное мѣсто въ Римѣ. Грязь снаружи не устранена и въ настоящее время, но внутренніе покои открыты и открыта возможность циркулировать внизу.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга II съ 2 планами, 24 рисунками и 9 портретами. Владиміръ, 1900 г.

Владимірская ученая архивная комиссія, объ учрежденіи которой мы говорили въ мартовской книжкѣ нашего журнала, заканчивая второй годъ своей дѣятельности выпустила и второй томъ своихъ „Трудовъ", изданный такъ же изящно, какъ и первый.

Дѣятельность комиссіи, какъ видно изъ отчета за 1899 годъ, заключалась прежде всего въ разборѣ и описаніи архивовъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Разобраны дѣла владимірскаго губернскаго правленія, канцеляріи губернатора, намѣстническаго правленія съ 1779 по 1840 года. Изъ нихъ наиболѣе интересныя дѣла описаны и отобраны для храненія въ историческомъ архивѣ комиссіи.

Обратила вниманіе комиссія и на вещественные памятники Владиміро-Суздальскаго края. Собраны были свѣдѣнія объ имѣющихся памятникахъ. А. В. Селивановымъ и А. П. Поливановымъ произведены были раскопки обширнаго могильника на р. Колпѣ.

Возбужденъ вопросъ и о реставраціи одного изъ рѣдкихъ памятниковъ древне-русской архитектуры XII вѣка — Золотыхъ Воротъ.

На собраніяхъ комиссіи прочтено нѣсколько рефератовъ; наиболѣе интересные изъ нихъ напечатаны въ „Трудахъ" комиссіи.

Музей и историческій архивъ помѣщаются въ настоящее время въ небольшомъ, отведенномъ городскою думою помѣщеніи, въ зданіи Золотыхъ Воротъ, въ виду чего предсѣдателемъ комиссіи княземъ Н. П. Урусовымъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи не только историческаго музея, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общегубернскаго. Музей будетъ раздѣляться на два отдѣла: историческій и естественно-промышленный. Проектъ этотъ привлекъ уже много матеріальныхъ средствъ для своего осуществленія.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ „Трудахъ", отмѣтимъ „Древній запрестольный крестъ въ гор. Переславлѣ-Залѣсскомъ" съ приложеннымъ изящнымъ рисункомъ креста. Авторъ статьи протоіерей А. Свирѣлинъ относитъ описываемый имъ крестъ къ числу тѣхъ крестовъ, которые привезъ князь Владиміръ изъ Корсуни въ Кіевъ (въ X вѣкѣ), хотя архивная комиссія, помѣщая статью, не соглашается съ этимъ указаніемъ. Страничка „изъ исторіи Спасо-Евфиміева монастыря" Н. Маклакова передаетъ объ учрежденіи при монастырѣ императрицею Екатериною II въ 1766 году „монастырской крѣпости" сначала для „безумныхъ колодниковъ", но затѣмъ мало по малу обратившейся въ обыкновенный арестный замокъ. Статья А. Бунина „Къ исторической топографіи города Владиміра-на-Клязмѣ" снабженная планомъ древняго города передаетъ расположеніе земляныхъ валовъ города, деревянныхъ укрѣ-

пленій на нихъ, описываетъ нѣкоторыя древнія церкви и зданія города.

Въ музей коммиссіи поступили отъ игуменіи Покровскаго Суздальскаго монастыря портретъ и кресло царицы Евдокіи Лопухиной, первой жены императора Петра I, заточенной въ монастырѣ, постриженной подъ именемъ Елены. Снимки портрета и кресла, помѣщенные въ книжки Трудовъ, снабжены краткимъ изложеніемъ пребыванія царицы Евдокіи въ монастырѣ и изслѣдованіемъ подлинности портрета.

Обстоятельно описанъ „Суздальскій Ризположенскій женскій монастырь“ В. Т. Георгіевскимъ. Эта крупная работа по церковной археологіи. Иллюстрирована она многими рисунками и въ приложеніи къ ней помѣщены архивные матеріалы.

Остается отмѣтить еще начатое А. В. Смирновымъ и помѣщенное въ приложеніяхъ къ трудамъ изданіе: „Портретная галлерея уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи.

Къ XII археологическому съѣзду.

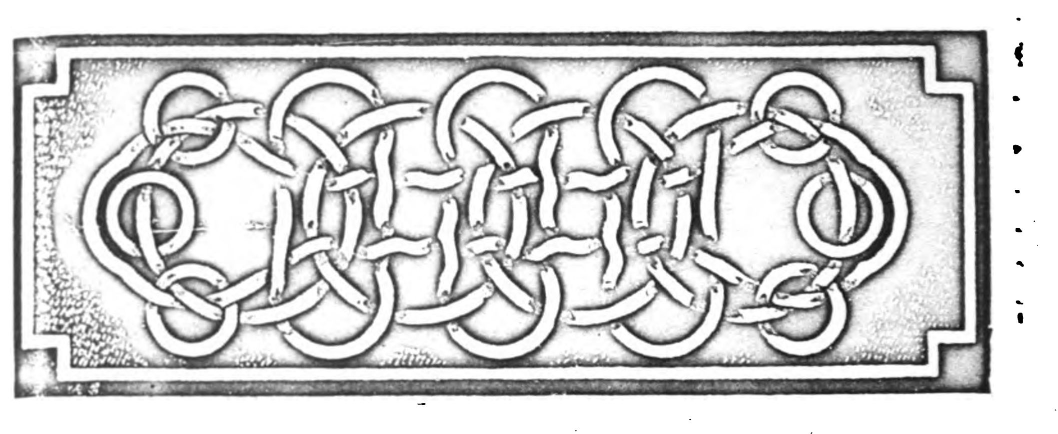
Послѣднее засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ было посвящено докладамъ лицъ, совершившихъ, по порученію комитета, раскопки и различнаго рода археологическія экскурсіи.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ результатами своихъ поѣздокъ въ Екатеринодаръ и Новочеркасскъ для организаціи въ нихъ мѣстныхъ отдѣленій предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, По наблюденіямъ докладчика, екатеринодарское и новочеркасское отдѣленія комитета осуществятъ предложенныя имъ задачи. При посѣщеніи проф. Багалѣемъ въ Сумахъ П. И. Харитоненка, послѣдній подтвердилъ ранѣе данное обѣщаніе—принять на себя всѣ расходы по раскопкамъ, которыя будутъ произведены въ его имѣніяхъ Харьковской губ. Проф. М. Г. Халанскій доложилъ о результатахъ своей научной поѣздки въ Курскую губ. Въ Щигровскомъ уѣздѣ посѣщено село Красная Поляна—съ цѣлью изученія преданій о битвѣ русскихъ съ татарами на красно-полянской равнинѣ и памятниковъ этой битвы. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ прослѣжена бѣлгородская черта укрѣпленій и осмотрѣны древности села Болховца, прежде города Болховца. Въ г. Путивлѣ вниманіе проф. Халанскаго привлекъ такъ называемый „городокъ“, кремль стараго Путивля. Здѣсь осмотрѣнъ имъ надгробный камень съ именемъ князя Василія и возвышеніе изъ мусора, прикрывающее собою основаніе стариннаго храма. Собраны свѣдѣнія отъ старожиловъ о находкахъ на городкѣ. Изъ храмовъ г. Путивля, осмотрѣнныхъ г. Халанскимъ, особенно много предметовъ хранитъ Молгенскій монастырь. Въ немъ имѣются пожертвованія русскихъ царей и царицъ. Любопытны также памятники эпохи самозванца: тронъ самозванца, икона Жировицкой Божьей Матери и др. Осмотрѣны также древности Преображенскаго собора XV—XVI в., церквей

Николаевской и Воскресенской XVII в. Самой замѣчательной сокровищницей города Путивля является библіотека изъ старо-печатныхъ изданій, находящаяся при ремесленномъ училищѣ имени Маклакова. Изученіе преданій села Красной Поляны, связанныхъ съ такъ называемымъ „голубцемъ", поставленнымъ недалеко отъ Муравской дороги, привело профессора Халанскаго къ выводу, что здѣсь была дѣйствительно битва русскихъ съ татарами, но не въ древнее время, а въ XVII вѣкѣ. Объ этомъ сраженіи, окончившемся побѣдой курскаго воеводы и отнятіемъ полона, набраннаго татарами подъ Ливнами, Ельцомъ и другими городами, есть извѣстіе въ мѣстныхъ курскихъ лѣтописяхъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ профессоръ Халанскій имѣлъ въ виду выяснить направленіе старой бѣлгородской черты укрѣпленій. Ему удалось достать матеріалъ для полнаго отвѣта на вопросъ, поставленный г. Иловайскимъ: бѣлгородская, называемая здѣсь „татарской", граница направлялась въ одну сторону отъ Бѣлгорода—на Болховецъ, Кульбаки, Карповъ, Гутово, Ракитное и Суджу, а въ другую сторону на Старый Городъ, Игуменку, Нежиголь или Нежигольскъ, Бекарюково, Сурково, Новый Осколъ. Прочитанъ былъ отчетъ г-жи Е. П. Мельникъ, которая по порученію комитета производила раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи въ теченіе іюля. Ею раскопано 11 кургановъ въ четырехъ могильникахъ, расположенныхъ у г. Купянска и деревни Вороновки. Всѣ изслѣдованные курганы, по мнѣнію г-жи Мельникъ, относятся къ концу каменнаго вѣка; только въ одномъ отмѣчено погребеніе варварскаго характера. Е. Н. Трефильевъ, участвовавшій вмѣстѣ съ г-жей Мельникъ въ указанныхъ раскопкахъ, сообщилъ подробныя свѣдѣнія о процессѣ раскопокъ и о предметахъ, найденныхъ при этомъ. На основаніи добытыхъ данныхъ, по мнѣнію докладчика, можно раскопанные курганы ввести въ общую классификацію типовъ погребенія, которую даетъ профессоръ В. Б. Антоновичъ для кургановъ Кіевской губерніи, именно отнести къ послѣднему типу погребенія каменнаго періода. Н. А. Федоровскій представилъ въ своемъ докладѣ отчетъ о произведенномъ имъ изслѣдованіи въ археологическомъ отношеніи мѣстности около Райгородки, Изюмскаго уѣзда. Обслѣдованіе этой мѣстности показываетъ, что она въ смыслѣ существованія городищъ въ настоящее время не представляетъ интереса и въ этомъ отношеніи почти не даетъ археологическаго матеріала. Но подпочвенные пески окрестностей Райгородки заключаютъ нѣкоторый археологическій матеріалъ, свидѣтельствующій намъ о жизни здѣсь доисторическаго человѣка каменнаго вѣка или, вѣрнѣе, переходной эпохи. А. М. Покровскій доложилъ о результатахъ раскопокъ своихъ въ селѣ Прелестномъ, Изюмскаго уѣзда. Референтомъ раскопано было четыре кургана; три изъ нихъ онъ относитъ къ каменному періоду, четвертый же, по его мнѣнію, принадлежитъ къ другому типу погребеній, но онъ нарушенъ былъ кѣмъ-то уже: всѣ кости въ полномъ безпорядкѣ. Проф. Л. Ю. Шепелевичъ познакомилъ съ результатами своихъ раскопокъ въ окрестностяхъ г. Невеля, Витебской губ. Имъ раскопано 55 кургановъ, давшихъ довольно боль-

шое количество памятниковъ, весьма важныхъ для изученія культуры древнѣйшихъ поселенцевъ этого края. Результаты этихъ раскопокъ тѣмъ цѣннѣе, что Невельскій уѣздъ почти не подвергался археологическому изслѣдованію. Всѣми докладчиками демонстрированы были добытыя наиболѣе интересныя вещи. Комитетомъ приняты предложенія М. Г. Халанскаго произвести раскопки стариннаго храма на „городкѣ“ стараго Путивля, обратиться съ просьбой къ духовному начальству о предоставленіи на археологическую выставку при съѣздѣ нѣкоторыхъ предметовъ, хранящихся въ церковныхъ ризницахъ и складахъ безъ употребленія, и особенно старопечатныхъ книгъ (предложеніе и о. І. Филевскаго) и объ изысканіи средствъ и способовъ къ полученію библіотеки старопечатныхъ книгъ, находящейся въ г. Путивлѣ при ремесленномъ училищѣ имени Маклакова.

А. Мироновъ



Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

„Русская Мысль“, августъ. „Прогрессъ и регрессъ въ исторіи“. М. К. П.—Исторія все еще не считается за такую науку, которая бы устанавливала связь и причинность явленій въ жизни человѣческихъ обществъ; она не обнаруживаетъ такихъ законовъ, чтобы имѣть право считаться точной наукой. Brooks Adams въ сочиненіи, подъ заглавіемъ «Законъ цивилизаціи и упадка», старается именно найти такой общій законъ развитія цивилизаціи человѣческихъ обществъ. По мнѣнію его, сознательной мысли принадлежитъ лишь ничтожная доля въ общей суммѣ человѣческихъ дѣйствій. Огромная часть всѣхъ поступковъ, изъ какихъ слагается человѣческая жизнь и жизнь человѣческихъ обществъ, направляется инстинктомъ. Непроизвольный инстинктъ проявляется различно у людей различнаго типа, различныхъ индивидуальныхъ наклонностей, и притомъ въ зависимости отъ средствъ. B. Adams дѣлитъ историческія эпохи, принимая за основаніе, какой типъ въ нихъ преобладаетъ, развивается и одерживаетъ побѣду надъ всѣми остальными въ борьбѣ за существованіе. По его наблюденіямъ, исторія до сихъ поръ выдвинула два яркихъ типа: „человѣкъ-воинъ» и «матеріальный человѣкъ». Первый развиваетъ въ себѣ физическую силу, у него развито воображеніе въ ущербъ холодной разсчетливости. Яркими представителями этого типа являются римляне временъ республики и духовенства среднихъ вѣковъ. У матеріальнаго человѣка преобладаетъ холодный разсчетъ. Онъ не преклоняется, не идеализируетъ, а анализируетъ. Мышленіе его въ духѣ строгой цѣлесообразности дало толчокъ къ научному знанію. Представителей этого типа B. Adams находитъ въ Римѣ временъ имперіи, Византіи и Англіи, начиная съ реформаціи до нашихъ дней.

Человѣкъ-воинъ слабѣе матеріальнаго человѣка. Исторія на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія выдвигаетъ человѣка перваго типа, затѣмъ дальнѣйшая эволюція вызываетъ развитіе второго типа, который и вступаетъ въ борьбу съ первымъ. Борьба оканчивается торжествомъ матеріальнаго человѣка. Но торжество это ведетъ не къ дальнѣйшему развитію человѣчества, а къ его упадку. Цивилизованное общество можетъ существовать только при условіи обновленія его свѣжими силами первобытныхъ расъ, нетронутыхъ цивилизацией.

Въ виду первенствующаго значенія въ исторіи двухъ типовъ, авторъ останавливается главнымъ образомъ на хозяйственной жизни народовъ. Въ Римѣ, съ самаго начала его существованія, замѣчается борьба гражданъ господствующаго класса, которая въ періодъ республики рѣзко дѣлитъ римлянъ на мало имущихъ и много имущихъ. Въ первыхъ онъ видитъ людей-воиновъ, во вторыхъ людей матеріальнаго разсчета. Какъ ни странно, но оказывается, что люди-воины, увеличивая территорію государства, славу и его богатство, сами для себя почти ничего не пріобрѣтаютъ. Такъ, Регулъ, сложивъ съ себя званіе главнокомандующаго, имѣлъ при себѣ для хозяйственныхъ потребностей только одного раба. Манлій Курій Дентатъ, герой Самнитской войны и побѣдитель Пирра, наводнившій Римъ сокровищами Тарента, возвратился къ своему скромному сельскому хозяйству. И наоборотъ, человѣкъ цивилизованнаго типа, Катонъ Старшій, удваивалъ свой трудъ, сокращалъ излишніе расходы, всего выше цѣнилъ скопленіе сокровищъ, отдавалъ деньги въ ростъ и выгодно торговалъ рабами.

Завоевательный періодъ окончился, а съ нимъ окончилось и главенство человѣка-воина, его первенствующее положеніе въ государствѣ. Съ завоеваніемъ римлянами всего побережья Средиземнаго моря, начинается расцвѣтъ торговли, спекуляціи и хищничества, торжество матеріальнаго человѣка, предпринимателя и хищника. Доходы съ провинцій были обложены налогами въ пользу государства и сдавались на откупъ; биржевая игра на форумѣ становится любимымъ развлеченіемъ римской аристократіи. Такимъ положеніемъ вещей былъ подготовленъ императорскій періодъ, который въ концѣ концовъ привелъ государство къ разложенію. Это разложеніе выразилось въ постепенномъ огрубеніи понятій, пониженіи критической способности, вырожденіи творчества. Появленіе варваровъ ускорило гибель римской культуры, но въ то же время оно влило въ нее новые соки и отвело ей новое русло. Началась для Рима новая исторія, въ которой сталъ вновь главенствовать человѣкъ воинъ, и такъ продолжалось всѣ средніе вѣка, пока не выступилъ въ періодъ возрожденія «матеріальный человѣкъ». Такъ же точно B. Adams разсматриваетъ исторію Византіи.

Нѣтъ надобности далѣе слѣдить за B. Adams'омъ, чтобы понять всю несостоятельность его „исторической гипотезы". Русскій авторъ излагаемой статьи напр., замѣчаетъ, что гибель римской культуры произошла не отъ преобладанія „матеріальнаго человѣка", безпечнаго насчетъ развитія умственныхъ силъ страны,

а вообще отъ политики Рима, стремившагося во все время своего существованія жить за счетъ другихъ странъ и за счетъ дарового рабочаго труда, неограниченнаго рабства, и отъ безпредѣльной тираннической централизаціи. Въ примѣненіи къ Византіи „гипотеза“ B. Adams'a оказывается совершенно несостоятельной. Тамъ, прежде всего, правящій классъ, пропитанный развращающими традиціями императорскаго Рима, не имѣлъ никакихъ корней въ народной массѣ и жилъ на тѣлѣ ея какъ паразитъ. Распредѣленіе богатства было возмутительно неравномѣрное и противорѣчащее всѣмъ первоначальнымъ основамъ христіанской морали, которою былъ пропитанъ бѣдствующій византійскій пролетаріатъ. Естественно, что при нашествіи варваровъ, правительственный классъ не встрѣтилъ поддержки ни въ массахъ, ни въ духовенствѣ. Приливъ варваровъ въ Византію не обновилъ этой страны, и она принуждена была погибнуть окончательно для исторіи.

Итакъ, новую попытку найти законъ для историческаго развитія человѣчества можно считать неудавшейся. Схема закона, построенная B. Adams'омъ, о смѣнѣ историческихъ періодовъ кажется близкой къ истинѣ, но содержаніе въ эту схему вложено имъ безусловно произвольное.

„Міръ Божій“, сентябрь. „Умственная жизнь Англіи отъ эпохи Возрожденія до XIX столѣтія“, историческіе очерки Ев. Тарле. Когда говорятъ объ эпохѣ Возрожденія, то по обыкновенію ограничиваютъ идейное движеніе этого знаменательнаго времени предѣлами Италіи и отчасти Германіи и Франціи. Между тѣмъ въ другихъ странахъ это движеніе не осталось безъ отголоска, но лишь приняло своеобразную форму. *Г. Тарле* въ настоящее время очень подробно и обстоятельно разработалъ вопросъ о томъ, въ какой формѣ вылилось это движеніе въ Англіи, и почему именно оно выразилось тамъ въ своеобразной формѣ, совершенно отличной отъ другихъ странъ. „Въ тѣ времена, когда въ Италіи основы средневѣковаго быта распадались и когда на ихъ обломкахъ возникалъ новый общественный порядокъ, въ Англіи всѣ элементы ея средневѣковой жизни—король, парламентъ, широко распространенное мелкое землевладѣніе—были налицо. Всѣ эти явленія политической и соціальной структуры обнаруживали въ Англіи XIV и XV вв. полную жизнеспособность. Въ этотъ моментъ исторіи англійская общественная жизнь болѣе, чѣмъ когда либо, обнаружила свою обособленность отъ жизни европейскаго материка“. „Англія лишь въ концѣ XV ст. начала ту болѣзненную эволюцію, которая продолжалась весь XVI в. и выразилась въ обезземеленіи громадныхъ массъ англійскихъ фермеровъ. Три бурныхъ событія привели Англію къ эволюціи, подобной гуманитарному движенію въ Европѣ: *Столѣтняя война* (1337—1459 г.г.), *черная смерть* (1348—1349 г.г.) и *война Алой и Бѣлой розы* (1455—1485 г.г.). Черная смерть рѣзко нарушила равновѣсіе въ распредѣленіи народонаселенія Англіи, а двѣ войны медленно подточили и разрушили старый укладъ ея жизни; но англійскій ренессансъ начался уже тогда, когда европейскій кончился. Евро-

пейскій ренессансъ принадлежитъ концу среднихъ вѣковъ, англійскій—началу новаго времени.

Мы ограничимся краткими характеристиками главныхъ дѣятелей англійскаго ренессанса, которыхъ авторъ въ своей статьѣ очерчиваетъ довольно подробно. Это были—религіозный реформаторъ Уиклефъ, философы Фр. Беконъ, Гоббесъ, Локкъ, Юмъ и Бентамъ, математикъ Ньютонъ, экономистъ Адамъ Смитъ, писатели Томасъ Моръ, Шефтсбёри, лордъ Честерфильдъ и Свифтъ и поэты Шекспиръ и Бернсъ. Уже одно то, что авторъ объединяетъ эти имена въ одномъ общемъ названіи *англійскихъ гуманистовъ* и усматриваетъ въ ихъ дѣятельности общее стремленіе къ идейному обновленію общества на совершенно новыхъ началахъ общественной жизни, придаетъ характеристикамъ автора оригинальность.

Уиклефъ—это былъ англійскій Гусъ. Но Гусъ умеръ на кострѣ, а вмѣстѣ съ нимъ погибла и его идея—религіозная реформація Чехіи. Уиклефъ вышелъ побѣдителемъ, потому что не только въ народѣ созрѣла потребность обновленія религіозныхъ вѣрованій, но и сама свѣтская власть сочла согласнымъ со своими интересами поддержать оксфордскаго профессора. Въ неразвитой Чехіи религіозное движеніе все цѣликомъ замкнулось въ свои рамки, въ Англіи же движеніе, поднятое Уиклефомъ, тѣсно примкнуло къ демократическому движенію, искавшему выхода къ новому общественному строю. Сама свѣтская власть впослѣдствіи усмотрѣла это объединеніе и испугалась его, отшатнувшись отъ Уиклефа. Но энергія Уиклефа, полная отчетливость мысли и надежда на поддержку народа давали ему силы довести дѣло до конца, до побѣды его идей.

Послѣ „Республики" Платона, *Томасъ-Моръ* первый далъ образчикъ весьма рѣдкаго и оригинальнаго литературнаго произведенія. Это произведеніе, „О наилучшемъ состояніи государства и объ островѣ Утопіи", заключаетъ въ себѣ и критическіе и положительные элементы, одинаково важные: критическіе—потому, что являются живыми наблюденіями современника надъ описываемыми событіями, положительные—потому, что въ нихъ указаны такіе опредѣленные общественные идеалы, подобныхъ которымъ не дало все гуманистическое движеніе во всей Европѣ. „Утопія", въ которой разсказывается образцовая до идеальности общественная жизнь на началахъ въ своемъ родѣ коммунистическихъ, произвела на читающую публику такое огромное впечатлѣніе, что многіе повѣрили въ существованіе острова „Утопіи" въ самомъ дѣлѣ.

Если вся эрудиція Уиклефа и Томаса Мора пошла на указаніе путей, которыми можно достичь религіознаго и общественнаго идеаловъ, то *Шекспиръ* показалъ объемъ и мощь человѣческой психики, способность ея проявленія въ безконечномъ разнообразіи. Его изобразительный и анализирующій геній былъ такъ великъ и глубокъ, что не оставалось, кажется, ни одного уголка человѣческой души, необслѣдованной имъ, и притомъ съ совершенно объективной точки зрѣнія. Онъ какъ будто давалъ

понять, что при такихъ свойствахъ человѣческой души должна существовать полнѣйшая увѣренность въ способности ея воспринять всякое впечатлѣніе, усвоить всякую идею, осуществить ее на дѣлѣ. Запасъ психической впечатлительности неограниченъ. Поэтому значеніе Шекспира въ свое время было огромно. Почему же Шекспиръ по смерти своей былъ тотчасъ же забытъ? Авторъ объясняетъ это странное обстоятельство тѣмъ, что многихъ современниковъ занимала въ Шекспирѣ не художественная правда его произведеній, а внѣшность фабулы. Возможно, что впослѣдствіи занимательность театральной фабулы стала исчезать, но, по нашему, главная причина быстраго забвенія Шекспира заключается въ отвлеченіи въ то время вниманія англійскаго народа общественнымъ и религіознымъ движеніемъ въ Англіи. Конецъ царствованія Елизаветы, господство Стюартовъ, революція, Кромвель, религіозная сумятица быстро чередовались и своими внѣшними перипетіями отвлекали вниманіе народа и мѣшали ему напряженно задумываться надъ вопросами болѣе высокаго порядка. Внѣшняя сторона дѣла обращаетъ на себя вниманіе всегда сильнѣе внутренней.

Но если массу только временно и притомъ искуственно заинтересовало свойство собственной психологической природы, то въ меньшинствѣ интересъ къ этому предмету сталъ возрастать. Одновременно съ Шекспиромъ возникъ интересъ къ изслѣдованію научнымъ путемъ психологическихъ вопросовъ. Англичане взялись за этотъ предметъ замѣчательно вѣрно и умѣло. Изученіе психической природы человѣка они начали съ наблюденія и опыта, приложили къ изученію экспериментальный методъ и индукцію. *Бэконъ* первый въ исторіи философіи указалъ съ совершенною полнотою на ту роль которую призвана играть индукція въ философскомъ мышленіи. Онъ былъ современникомъ Шекспира, и не даромъ отождествляютъ его съ Шекспиромъ, приписывая ему авторство шекспировскихъ произведеній. Бэкона называютъ отцомъ новаго естествознанія. До него научная мысль витала въ области абстракціи. Единственными положеніями, заслуживающими довѣрія, по словамъ Бэкона, считаются только тѣ, которыя выведены на основаніи изученія фактовъ, причемъ даже твердо сложившееся положеніе должно быть взято назадъ, если новые факты ему противорѣчатъ. Тэнъ назвалъ Бэкона поэтомъ въ душѣ. При всей своей трезвости и позитивизмѣ, Бэконъ такъ былъ увлеченъ новизною и свѣжестью своихъ идей, что давалъ имъ часто удивительно художественную и образную форму; сравненія, увлекательныя картины, образы испещряютъ его „Novum organon". Въ отличіе отъ другихъ гуманистовъ, Бэконъ относился холодно къ древнимъ мыслителямъ и называлъ классическую древность юностью міра; другое отличіе отъ нихъ Бэкона было то, что итальянскіе и прочіе гуманисты материка дали только толчокъ къ „возрожденію науки", собственныя же ихъ идеи вскорѣ потеряли всякую практическую цѣнность; идеи Бэкона, наоборотъ, не только оказали могущественное воздѣйствіе на весь научный и философскій міръ, но не потеряли и до сего времени своего значенія.

Знаменитый „Левіафанъ“ *Гоббеса* до сего времени еще не переведенъ на русскій языкъ. Это можетъ быть объяснено тою причиною, что въ основѣ „Левіафана“ заложены элементы чисто механическаго міропониманія. Гоббесъ не допускаетъ вліянія церкви ни на одну изъ функцій государственнаго организма, и при такихъ-то основныхъ положеніяхъ своего произведенія все содержаніе философіи Гоббеса изложено просто, сухо и прямолинейно; его мысль очищена и изготовлена какъ образцовый скелетъ: все ясно и наглядно до мельчайшей составной части. Его политическая философія исходитъ изъ одного коренного тезиса: люди по основнымъ чертамъ своей природы—себялюбивые звѣри, которые всегда готовы броситься и растерзать ближняго; ихъ сдерживаетъ только общественно-государственная связь, основанная на договорной теоріи. Такимъ образомъ, Гоббесъ, сходясь въ основномъ положеніи своей политической теоріи съ французскими энциклопедистами, различался рѣзко отъ этихъ идеалистовъ своими матеріалистическими взглядами. То, что думали они возможно перестроить по одному желанію, онъ требовалъ поддерживать. Но онъ допускалъ катастрофы, если онѣ сознаны, какъ потребность, всѣмъ обществомъ. И тогда власть, установленная революціей, такъ же обязательна, какъ и власть мирнаго правительства.

Гоббесъ имѣлъ на современниковъ сильное вліяніе. Самая безапелляціонность его приговоровъ какъ разъ отвѣчала потребностямъ времени: некогда было долго думать, когда надо было быстро дѣйствовать. Бэконъ въ естествознаніи и Гоббесъ въ политической наукѣ нанесли сильные удары метафизическому міропониманію въ Англіи, отъ которыхъ тамъ никогда потомъ не оправились.

Въ помощь появившейся новой наукѣ—естествознанію недоставало главной опоры—высшей математики. И такую опору далъ геніальный *Ньютонъ*. Множество открытій того времени были совершены при помощи математическаго анализа, въ этомъ отношеніи достаточно указать на открытый тѣмъ же Ньютономъ законъ тяготѣнія.

Бэконъ полагалъ, что только индукція даетъ прочное основаніе для познанія природы. Ньютонъ дополнилъ это положеніе новымъ, тѣмъ, что многія объективныя истины нельзя доказать путемъ опыта: онѣ доказываются только посредствомъ чистаго мышленія, обязательность котораго никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида. Предметный міръ созданъ и держится на основаніяхъ законовъ разума, родственныхъ нашему человѣческому разуму. Впослѣдствіи эту мысль подробно развилъ Кантъ, пропѣвъ философскій гимнъ „чистому разуму“. Словомъ, съ конца XVII в. математика, такъ сильно и конкретно возвеличенная прогрессомъ естествознанія, начинаетъ вліять дисциплинирующимъ образомъ на умы интеллектуальнаго европейскаго авангарда.

Когда еще Ньютонъ только производилъ исчисленія, писалось и подготовлялось въ томъ же Лондонѣ, гдѣ жилъ Ньютонъ, въ

нѣсколькихъ кварталахъ отъ его дома, произведеніе, давшее необыкновенный толчекъ экспериментальному и критическому духу наступившаго времени. Въ 1687 г. появились „Principia" Ньютона; черезъ три года, послѣ двадцатилѣтнихъ сборовъ, *Локкъ* опубликовалъ свой „Опытъ о человѣческомъ разумѣ". Сенсуализмъ Локка имѣлъ широкое вліяніе на философовъ просвѣтительной эпохи. Локкъ совершенно отвергъ существованіе и даже возможность врожденныхъ идей; чувственному міру онъ придалъ смыслъ и значеніе единственнаго источника и мѣстонахожденія всѣхъ понятій, а чувствамъ онъ отвелъ роль орудій при передачѣ нашему сознанію простыхъ идей, т. е. представленій о предметномъ мірѣ. Такимъ образомъ, и Локкъ въ своемъ изслѣдованіи сталъ на ту же точку механическаго міровоззрѣнія, какъ и остальные англійскіе ученые, современники его, и закрѣпилъ еще прочнѣе эту точку зрѣнія. Локкъ только съ Гоббесомъ отчасти не сходится въ политическихъ взглядахъ. Онъ говоритъ, что если человѣкъ, захватившій деспотическую власть въ свои руки, нарушилъ общественный договоръ, то и остальные члены общества въ правѣ нарушить его съ своей стороны и возвратиться къ первобытному состоянію. По смыслу локковскаго ученія, всѣ системы общежитія составляютъ такую скалу: выше всего—свободный правовой порядокъ; въ случаѣ его невозможности—возвращеніе къ естественномусостоянію; наконецъ самая тяжелая форма—деспотизмъ.

Будучи глубокимъ эстетикомъ, человѣкомъ широкаго художественнаго образованія и кругозора, тонкимъ аналитикомъ, *Шефтсбери* дѣйствовалъ эстетически воспитательнымъ образомъ на своихъ современниковъ. Онъ полагалъ, что добродѣтель служитъ сама себѣ наградой, а порокъ самъ себѣ наказаніемъ. У него впервые выдвигается теорія общественной разумности эгоизма: слѣдованіе своимъ естественнымъ склонностямъ не можетъ быть вреднымъ для общества. Въ общемъ, его моральная философія носитъ возвышенный, идеалистическій характеръ. Но его сочиненіе „Характеристика людей, обычаевъ, мнѣній и эпохъ", проникнутое слишкомъ учительнымъ тономъ и направленное исключительно по адресу высшаго сословія, носитъ злободневный характеръ, и потому значеніе Шефтсбери было недолговременное.

Гораздо большее значеніе имѣлъ еще болѣе эфемерный *Честерфильдъ*. Это былъ равнодушный, проницательный, холодный скептикъ, давнымъ давно, вполнѣ самостоятельно, еще въ молодости произведшій переоцѣнку всевозможныхъ моральныхъ и религіозныхъ сентенцій и общепринятыхъ сужденій. Къ сожалѣнію, кругъ его наблюденій ограничивался англійской аристократіей. Это для нея былъ маленькій Вольтеръ, отчасти маленькій Петроній. Оттого онъ имѣлъ блестящій успѣхъ въ своемъ обществѣ. Но онъ во всякомъ случаѣ интересенъ, какъ представитель въ аристократическомъ обществѣ вольнодумнаго и гуманитарнаго направленія, которое проникло и въ этотъ слой, крайне въ то время беззаботный насчетъ какихъ бы то ни было идей.

Свифтъ своеобразный англійскій сатирикъ до сего времени и

въ Англіи и во всей Европѣ пользуется неослабѣвающимъ успѣхомъ. Авторъ не причисляетъ его къ геніальнымъ сатирикамъ, какъ Рабле или Салтыкова, но его сатиры дышутъ тою местью, которая у множества людей до сего времени имѣетъ основаніе сохраняться. Началъ онъ съ знаменитаго памфлета „Сказка о бочкѣ". Въ этомъ памфлетѣ Свифтъ очень зло осмѣиваетъ католичество, англиканство и лютеранство, изображая ихъ въ видѣ трехъ братьевъ, получившихъ отъ своего отца въ наслѣдство по кафтану: каждый изъ нихъ, согласно завѣщанію, обязанъ носить свой кафтанъ, никакъ его не измѣняя и не передѣлывая, но братья, пользуясь всякими схоластическими ухищреніями и словесными каламбурами, успѣваютъ такъ истолковывать постоянно завѣщаніе, что для нихъ оказывается вполнѣ возможнымъ аккуратно слѣдить за модой, приспособляться къ ней и до неузнаваемости кроить и перекраивать свою первоначальную одежду. Эта „Сказка" имѣла большой литературный успѣхъ и, въ особенности, обрадовала виговъ, непримиримыхъ враговъ католичества; иронію по адресу англиканской церкви они притворились незамѣтившими. Послѣдующія сатиры Свифта—„Пребываніе Гуливера въ странѣ гуингмовъ" (сатира на глупость и недостатки людей), „Прошеніе ирландскихъ матерей и отцовъ"—написаны съ тѣмъ же вдохновеніемъ и пропитаны тою же злобой, что и „Сказка о бочкѣ", особенно „Прошеніе" о томъ, чтобы англійскіе лорды и леди оказали милость ирландскимъ матерямъ, покупали бы ихъ маленькихъ дѣтей себѣ на жаркое. Дѣйствіе памфлета было такое, то возбудило на улицахъ Дублина ревъ разъяренной толпы. Правительство такъ испугалось, что не рѣшилось тронуть Свифта, до котораго давно добиралось.

Въ сатирахъ Свифта не существовало такой затаенной мысли, которая бы была доступна только немногимъ; наоборотъ, раскрыть его основную мысль для всѣхъ англичанъ того времени стоило небольшого труда. Это свойство сатиръ Свифта сдѣлало его страшно популярнымъ въ народѣ. Замѣчательно также другое отличительное свойство его сатиръ. Свифтъ вовсе не хочетъ исправлять людей; онъ не признаетъ такихъ данныхъ, которыя бы позволяли надѣяться, что вообще такое исправленіе мыслимо. Онъ стремится только унизить людей самымъ чувствительнымъ образомъ, унизить ихъ въ ихъ самосознаніи. Вліяніе Свифта на англійскую литературу было весьма велико; оно открыло широкую дорогу той реалистической струѣ, которая не переставала время отъ времени пробиваться въ англійской поэзіи и беллетристикѣ.

Наиболѣе реальнымъ и популярнымъ англійскимъ поэтомъ того времени авторъ статьи называетъ *Роберта Бёрнса*. Онъ былъ извѣстенъ и въ салонахъ, и въ журналахъ, и въ кабакахъ. Размѣрами популярности въ свое время онъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ. Но затѣмъ онъ за собой въ послѣдующее время сохранилъ одно только значеніе — народнаго поэта; и притомъ шотландскаго по преимуществу. У насъ обыкновенно приравниваютъ его къ Кольцову, но кругозоръ Бёрнса былъ шире.

Антидогматическое и скептическое направленіе *Юма* сказалось чрезвычайно рано, въ первомъ же его произведеніи. Мощная сила и глубина философскаго анализа Юма далеко оставила за собою европейскихъ мыслителей XVIII вѣка. „Естественная исторія религій" Юма и до сего времени можетъ заставить человѣка пересмотрѣть свои убѣжденія. Кромѣ названнаго произведенія, у Юма существуютъ еще два: „Трактатъ о человѣческой природѣ" и „Изслѣдованіе, касающееся человѣческаго разума". По мнѣнію Юма, человѣческое знаніе состоитъ: 1) изъ непосредственныхъ воспріятій и 2) изъ идей, т. е. воспоминаній о прежнихъ воспріятіяхъ. Изъ этихъ двухъ частей слагается наше знаніе въ каждый моментъ. Утвердивши эти два положенія, Юмъ, со свойственнымъ ему безграничнымъ скептицизмомъ, тотчасъ же ихъ начинаетъ колебать. Если такъ, онъ говоритъ, то наше знаніе слѣдуетъ считать недостовѣрнымъ, потому что, во 1, непосредственныя впечатлѣнія у разныхъ людей бываютъ разныя объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, и, во 2, міръ идей, т. е. воспоминаній о впечатлѣніяхъ, еще сбивчивѣе, еще ненадежнѣе: воспоминанія сталкиваются, путаются, невѣрно ассоціируются и порождаютъ невѣрныя умозаключенія. Для устраненія такого противорѣчія, Юмъ обращается къ закону причинности, отождествляемой имъ съ нашей привычкой, которая тоже далеко небезошибочна. Чтобы установить достовѣрную общую для всѣхъ людей причинность, надо только доказать невозможность противоположнаго; иначе сказать, Юмъ настаиваетъ на введеніи въ философію математическихъ пріемовъ доказательства. Такова философская точка зрѣнія Юма, которая для своего времени была цѣлымъ открытіемъ. Можно себѣ вобразить, какое значеніе имѣло въ произведеніяхъ Юма приложеніе этого пріема. Кантъ впослѣдствіи говорилъ, что Юмъ вызвалъ его изъ догматической спячки.

Книга *Адама Смита* „О богатствѣ народовъ" имѣла для своего времени колоссальное значеніе. Его изслѣдованіе явилось отвѣтомъ на запросы времени. Основная предпосылка А. Смита можетъ назваться однимъ изъ руководящихъ мотивовъ всей просвѣтительной эпохи, это—мысль о цѣлесообразномъ устройствѣ міра, о томъ, что человѣкъ, повинуясь своимъ естественнымъ влеченіямъ и не стѣсняемый внѣшними препятствіями, всегда проживетъ жизнь съ пользою для себя и для общества. Мнѣніе о гармоніи между естественнымъ закономъ и соціальнымъ благомъ легло въ основу всего міровоззрѣнія А. Смита. Историческая роль А. Смита заключалась въ томъ, что живя въ эпоху надвигающагося господства буржуазіи, видя вокругъ себя полнѣйшее несоотвѣтствіе старыхъ рутинныхъ взглядовъ съ новыми потребностями промышленнаго общества, онъ далъ, опираясь на широкій гуманитарный принципъ, правдивую и безпощадную критику всего промышленнаго строя старой Европы и меркантилизма. Вслѣдъ за физіократами (Кенэ и Тюрго), пользуясь ихъ указаніями, которыя у нихъ были намѣчены вскользь, мало послѣдовательно и часто недоказательно, А. Смитъ основалъ цѣлую новую науку, убивъ въ то же время окончательно теорію меркантилистовъ. Критическое зна-

ченіе его теоріи было огромно и именно потому, что появленіе ея совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда Англія превращалась изъ закрытой протекціонистской страны въ страну свободной торговли. Поэтому книга А. Смита явилась прямо экономическимъ евангеліемъ.

Соціальные реформаторы Европы полагали, что грядущее торжество должно появиться, какъ непосредственное заключеніе предполагаемыхъ реформъ. Англійскіе гуманисты полагали, что эти хронологическія рамки должны быть передвинуты. Они стремились нести своему поколѣнію, своимъ современникамъ нравственную и материальную помощь еще до наступленія лучшаго соціальнаго будущаго, исправлять ихъ нравы въ настоящемъ и подготовить такимъ путемъ возможность одновременнаго осуществленія общественныхъ идеаловъ и моральнаго совершенства. Къ такимъ моралистамъ принадлежалъ *Бентамъ*. Бентамъ склоненъ считать устройство міра такимъ, что наибольшій соціальный прогрессъ можетъ быть достигнутъ, если человѣческой природѣ будетъ предоставленъ полный просторъ, полная возможность безпрепятсвеннаго развитія. Вся эмоціональная жизнь складывается изъ двухъ элементовъ: удовольствія и страданія, которыя могутъ быть подвергнуты ариѳметическому учету. Человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ болѣе сумма его удовольствій. Человѣка не слѣдуетъ стѣснять никакими этическими ученіями, основанными на предвзятыхъ взглядахъ. Наибольшій соціальный прогрессъ будетъ достигнутъ тогда, если каждый членъ общества будетъ повиноваться велѣніямъ своего эгоизма, но такъ, чтобы, соблюдая свои интересы, никогда не осмѣливаться жертвовать чужими. Въ случаѣ необходимости самопожертвованія, человѣкъ долженъ разсчитать, превыситъ ли, при его дѣйствіи, сумма удовольствія, полученнаго другимъ, сумму страданій дѣйствующаго лица. Такого рода положенія Бентама придали его теоріи названіе утилитарной. Удобопонятная и конкретная бентамовская „мораль разсчета" была выдвинута какъ разъ въ моментъ расцвѣта индивидуализма и восторжествовала надъ всѣми прочими этическими ученіями. Впослѣдствіи Фейербахъ, охвативъ во всемъ объемѣ утилитарную мораль, выразилъ ее въ столь немногихъ словахъ: „Нравственно то, что полезно человѣческому роду". При самомъ появленіи утилитарной морали на нее яростно напали со всѣхъ сторонъ, какъ люди, не согласные съ нею въ силу собственныхъ не менѣе основательныхъ убѣжденій, такъ и всѣ лицемѣры. Нападки эти продолжались весь XIX вѣкъ, но утилитарная мораль до послѣдняго времени стойко держалась и удачно защищалась, нанося нерѣдко своимъ противникамъ опустошительныя пораженія. Это и понятно. Въ ряды ея входило множество выдающихся умовъ изъ всѣхъ областей знанія.

Авторъ статьи, объединяя перечисленныхъ нами дѣятелей мысли подъ общимъ названіемъ англійскихъ гуманистовъ, сталъ на такую новую точку зрѣнія, съ которой до сего времени этотъ предметъ еще не освѣщался, но въ сущности давно уже напрашивался на такое освѣщеніе. Цѣль европейскихъ и англій-

скихъ гуманистовъ была общая: освободить скованную личность средневѣковаго человѣка отъ всѣхъ путъ, въ которыхъ обстоятельства держали его въ теченіе тысячи лѣтъ. Но англійскіе гуманисты оказались счастливѣе другихъ своихъ собратьевъ. Въ то время, какъ европейская мысль, при всемъ своемъ стремленіи къ свободѣ, оставалась, незамѣтно для себя, по-прежнему скованной и не шла дальше идеологическихъ мечтаній, часто очень смѣлыхъ, но все таки предвзятыхъ и по пріемамъ вполнѣ схоластическихъ, англійская мысль сразу и безповоротно порвала съ идеологіей и схоластикой и устремилась по пути полной эмансипаціи, полной свободы. Этому помогло то обстоятельство, котораго не существовало на континентѣ Европы: дѣятельность англійскихъ гуманистовъ совпала съ рѣзкимъ и крутымъ переворотомъ въ экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ всего англійскаго общества; на континентѣ гуманистовъ преслѣдовали, а въ Англіи за ними слѣдовали.

„Вѣстникъ Европы", сентябрь. „Генрихъ Ибсенъ и основныя идеи его произведеній", критическій очеркъ А. Андреевой. Въ 1898 г. въ Норвегіи отпраздновали съ помпой семидесятую годовщину рожденія національнаго драматурга, Генриха Ибсена. Не смотря на свои годы, Ибсенъ и теперь еще продолжаетъ писать. *Его* читатели ждутъ постоянно отъ него новаго слова, и онъ, по обыкновенію, недолго заставляетъ ихъ ждать. Но многихъ онъ поражаетъ не новымъ словомъ, а вычурной идеей, а въ последнее время—даже вычурнымъ заглавіемъ своего сочиненія, напр. (послѣднее), „Когда мы, мертвые, пробуждаемся". Идея въ его „Мертвыхъ" та же, что и въ „Маленькомъ Эйольфѣ", и въ „Строителѣ Сольнесѣ", и въ „Дикой уткѣ". Это полное отрицаніе всякаго общества, крайній индивидуализмъ, сближеніе людей на началахъ безсознательныхъ стремленій, опредѣлить которыя можно только символически, что должно быть доступно немногимъ людямъ, съ особымъ душевнымъ складомъ. Мы назвали Ибсена *національнымъ* писателемъ, но это не совсѣмъ согласно съ тѣмъ, какъ это слово обыкновенно понимается. Ибсенъ потому для Норвегіи націоналенъ, что онъ норвежецъ и выводитъ въ своихъ драмахъ людей съ норвежскими именами. Темы ибсеновскихъ драмъ не норвежскія и не общеевропейскія, а совсѣмъ изъ другого міра, одному Ибсену извѣстнаго. Авторъ статьи совершенно основательно замѣчаетъ, что, несмотря на широкую извѣстность Ибсена, онъ... не популяренъ, съ его именемъ не связывается въ представленіи публики опредѣленно выраженной физіономіи. Критика не опредѣлила его значенія и колеблется между двумя крайними взглядами. Для однихъ Ибсенъ—талантъ качества не высокаго; творчество его—симптомъ вырожденія; онъ, какъ будто, искусно пользуется склонностью новыхъ поколѣній къ символикѣ и мистицизму; но онъ не имѣетъ будущаго, потому что служитъ модѣ и отражаетъ на себѣ нездоровое настроеніе въ обществѣ. Наоборотъ, для другихъ, Ибсенъ—талантъ міровой. Онъ не только реформаторъ въ литературномъ обществѣ и создатель новой драмы, но глашатай новыхъ воззрѣній, новыхъ

общественныхъ идеаловъ. Разрушая, какъ будто, традиціонные устои жизни, онъ даетъ *новую* красоту, новую правду.

Что же такое Ибсенъ?

Авторъ статьи приходитъ къ заключенію, что насъ, современниковъ, Ибсенъ „волнуетъ тою рѣшимостью и опредѣленностью, съ которою онъ ставитъ самые глубокіе и сложные вопросы нашей внутренней жизни. Тѣ противорѣчія ума и сердца, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество при смѣнѣ историческихъ эпохъ, при смѣнѣ идеаловъ и міровоззрѣній, освѣщены талантомъ Ибсена очень ярко. Оттого онъ и привлекаетъ къ себѣ тѣхъ, кто когда либо задумывался надъ этими противорѣчіями и искалъ изъ нихъ выхода, искалъ новыхъ рѣшеній для вѣчныхъ загадокъ бытія. Готовыхъ рѣшеній Ибсенъ не даетъ. Но въ постановкѣ вопросовъ, въ основѣ всѣхъ его произведеній лежитъ та потребность правды и свободы человѣческихъ отношеній, которая никогда не умираетъ въ сердцѣ человѣка. Потомство, быть можетъ, не признаетъ въ Ибсенѣ великаго поэта, но его поэзія принадлежитъ всемірной исторіи, потому что она воплощаетъ въ художественномъ образѣ особенности нашего времени, наболѣвшую душу современнаго намъ человѣчества". Съ этимъ, конечно, можно и не согласиться...

„М. С. Корелинъ", біографическій очеркъ, В. И. Герье. Отъ среды, какъ и отъ смерти, никуда не уйдешь. Истинный индивидуализмъ и не стремится порывать съ средою. Смыслъ его надо понимать совсѣмъ иначе, нежели понимаютъ его ибсеновцы. Типичнымъ представителемъ истиннаго индивидуализма мы позволимъ себѣ считать недавно умершаго М. С. Корелина, извѣстнаго изслѣдователя „Эпохи возрожденія въ Европѣ". Г. Герье въ краткомъ біографическомъ очеркѣ, опредѣляя въ общихъ чертахъ личность Корелина, говоритъ: „Одно изъ главныхъ открытій нашего времени въ области исторіи заключается въ установленіи понятія среды и ея вліянія на людей на ихъ убѣжденія и на ихъ творенія. Прослѣдить вліяніе среды въ исторіи литературы и искусства, въ исторіи теорій и общественныхъ теченій есть благодарное дѣло, которымъ многіе занимаются и увлекаются. И покойный Корелинъ, какъ историкъ, былъ хорошо знакомъ съ значеніемъ среды и съ вопросомъ о ея вліяніи. Въ небольшой рукописи, оказавшейся въ его бумагахъ, онъ, упомянувъ о вліяніи климата и расы, говоритъ о теоріи, въ которой мѣсто расы и климата занимаетъ общественная среда, развивающаяся по своимъ особеннымъ законамъ, совершенно независимымъ или даже прямо противоположнымъ стремленіямъ отдѣльныхъ личностей. Общественная среда понимается или какъ организмъ, въ которомъ личность занимаетъ мѣсто клѣточки, лишенная всякой самостоятельности въ жизни и дѣятельности, или какъ аггрегатъ особей, въ которомъ индивидуумъ живетъ и дѣйствуетъ подъ исключительнымъ вліяніемъ только біологическихъ законовъ или еще уже, однѣхъ экономическихъ потребностей. Принимать ли эту теорію среды, искать ли въ окру-

жавшей Корелина средѣ объясненіе его личности, дѣйствующую пружину его начинаній и источникъ его убѣжденій?.. Г. Герье, по справедливости ставя высоко Корелина какъ ученаго и человѣка, полагаетъ, что вѣрнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ должно такъ: „Если личность и жизнь М. С. (Корелина) и представляются въ извѣстномъ смыслѣ отраженіемъ современной среды, то болѣе характерной для него чертою является, что онъ постоянно выдавался *надъ* средою—*перерасталъ среду*".

Истинный индивидуализмъ заключается въ томъ, чтобы не уйти отъ среды, а перерости ее, стать надъ нею. При такомъ условіи даже невозможно разорвать съ средою, потому что изъ нея же приходится почерпать свои силы. А для чего эти силы нужны, это можно видѣть изъ того, что самъ Корелинъ отдавалъ преимущество той морали, которая была, по его мнѣнію, „чужда эгоистической окраски".

Въ сентябрьской книжкѣ „*Вѣстника Европы*" помѣщены *три статьи объ умершемъ писателѣ, В. С. Соловьевѣ*. До 1888 г. Соловьевъ помѣщалъ свои статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ", „Руси", (аксаковской), „Православномъ Обозрѣніи" и „Извѣстіяхъ Славянскаго Общества". Первая его статья въ „Вѣстникѣ Европы"—„Россія и Европа" („Національный вопросъ въ Россіи")—появилась въ 1888 г. Съ тѣхъ поръ всѣ выдающіяся статьи Соловьева прошли черезъ этотъ журналъ. Перечислимъ главныя изъ нихъ: Въ 1888 г. „Очерки изъ исторіи русскаго сознанія", въ 1891 г.—„Идолы и идеалы", въ 1893 г.—„Изъ вопросовъ культуры", въ 1894 г.—„Нравственная философія, какъ самостоятельная наука", въ 1896 г.—„Византизмъ и Россія", „Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія", въ 1897 г.—„Судьба Пушкина", въ 1900 г.—„Три характеристики". Поводъ, приведшій Соловьева въ „Вѣстникъ Европы", указывается въ статьѣ самого журнала.

„Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ надъ русскимъ обществомъ быстро надвигалась какая-то мгла, похожая на ту, которую сухой восточный вѣтеръ приноситъ съ собою въ равнины нашего Поволжья. Неясными становились очертанія идей, съ которыми связана была до тѣхъ поръ надежда на лучшее будущее. Все благопріятствовало галлюцинаціямъ слуха и зрѣнія: дикіе вопли казались призывными кликами, болотные огни принимались за путеводныя звѣзды. Проповѣдь человѣконенавистничества, высокомѣрія и невѣжества заранѣе праздновала побѣду, провозглашала себя единственнымъ выраженіемъ русскихъ началъ и русскаго патріотизма. И вотъ среди усилившагося мрака блеснуло яркимъ свѣтомъ правдивое, сильное слово молодого писателя, имя котораго давно уже пользовалось почетною извѣстностью въ литературныхъ средахъ, но мало еще было знакомо большой публикѣ. Это была статья Вл. С. Соловьева: „Россія и Европа". Нападеніе было имъ направлено на самый центръ позиціи, только что передъ тѣмъ объявленной неприступной, и три вышеназванные колосса на глиняныхъ ногахъ зашатались.

И. М.

Изъ Иностранныхъ журналовъ.

Шпіонство въ прежнія времена.—Первые шаги царствованія Людовика XVI.—Дѣдъ «Орленка».—Наполеонъ I и Турція.—Взятіе Берлина Наполеономъ.—Отъѣздъ Наполеона I на островъ св. Елены.

Въ прежнія времена французскіе политическіе шпіоны назывались корреспондентами. Когда прекратились дипломатическія сношенія между Франціей и Англіею въ 1756 году, Людовикъ XV, придававшій особенное значеніе службѣ политическихъ шпіоновъ, назначилъ отъ 80 до 100 тысячъ ливровъ въ годъ на это дѣло, лишь бы узнавать свѣдѣнія о замыслахъ англійскаго правительства.[1]

Еще въ 1755 году, при началѣ непріязненныхъ дѣйствій между Франціею и Англіею въ Канадѣ, политическимъ шпіономъ на жалованіи у Франціи состоялъ нѣкто—Моберъ-нормандецъ. Его донесенія изъ Лондона были очень цѣнны: въ нихъ онъ сообщалъ о планахъ Питта, отношеніяхъ Англіи къ Пруссіи и о политикѣ Россіи, начавшей отдаляться отъ Англіи. Разумѣется, сношенія съ Моберомъ велись съ большими предосторожностями. Въ Лондонѣ онъ жилъ подъ именемъ Боттемана и письма адресовались къ нему черезъ третьи руки. Съ своей стороны и Моберъ посылалъ шифрованныя донесенія, подписываясь разными именами. Адресовалъ онъ ихъ въ Гаагу къ одному типографщику для передачи Гольману, гамбургскому банкиру. Между прочимъ Моберъ предлагалъ подкупить англійскаго депутата палаты Зельвинса, но это дѣло не состоялось. Кромѣ Мобера, въ Лондонѣ были еще французскими корреспондентами: кавалеръ Робинзонъ и аббатъ Гензей. Но Робинзонъ вскорѣ былъ арестованъ англійскою полиціею и посаженъ въ тюрьму въ Лондонѣ. Абатъ Гензей, каппеланъ Грималььди, испанскаго посланника въ Лондонѣ, рекомендовалъ корреспондентомъ своего брата врача, жившаго и практиковавшаго въ Лондонѣ. Послѣдній такъ умѣло велъ свое дѣло, что посылалъ свои свѣдѣнія французскому правительству до 1758 года; однако въ концѣ концовъ англійская полиція выслѣдила и его арестовала въ іюнѣ 1758 г. Гензей былъ приговоренъ къ повѣшенію.

Между прочимъ, Моберъ предлагалъ Франціи подорвать лондонскій банкъ посредствомъ фальшивыхъ банковыхъ билетовъ, но Людовикъ XV не согласился на такой „недостойный поступокъ“.

Должность корреспондента, вѣроятно, была очень заманчива, потому что многіе предлагали свои услуги французскому правительству, напримѣръ, баронъ Гатцель, виртембергскій министръ, но Людовикъ XV отклонилъ это предложеніе, боясь недоразумѣній съ Виртембергомъ. Предлагалъ свои услуги и графъ Иванъ Головкинъ, старшій сынъ и секретарь русскаго посланника въ Гаагѣ.

---

[1] Revue d'histoire diplomatique № 4. 1903. L'Espionnage en Angleterre pendant la guerre de sept ans, par M. P. Coquelle.

молодой человѣкъ съ сомнительной репутаціей, который лишь благодаря высокому положенію его отца не былъ посаженъ въ тюрьму за долги. Предлагали свои услуги и другіе, но многіе и обманывали. Завѣдывающему корреспондентами французскому посланнику въ Голландіи д'Афри предложилъ свои услуги нѣкто Фальконетъ, который деньги взялъ, но свѣдѣній никакихъ не давалъ. Съ 1758 года корреспонденціи изъ Лондона прекратились. Людовикъ XV былъ очень недоволенъ, и д'Афри принужденъ былъ дѣятельно заняться подысканіемъ новыхъ корреспондентовъ. Со времени охлажденія между Россіей и Англіей русскій посланникъ въ Лондонѣ, князь Голицынъ, началъ высылать шифрованныя сообщенія къ саксонскому посланнику въ Гаагѣ Каудербаху обо всемъ, что дѣлалось въ политическихъ сферахъ Лондона. Д'Афри, узнавъ объ этомъ, обратился къ Каудербаху и черезъ его посредство получилъ согласіе князя Голицына пользоваться его сообщеніями. Людовикъ XV очень обрадовался, хотя писалъ д'Афри, что „не считаетъ Голицына настолько свѣдущимъ, чтобы онъ могъ давать точныя и вѣрныя свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ просилъ оказывать Голицыну довѣріе и стараться извлекать изъ него возможно больше пользы“.

Итакъ князь Голицынъ въ теченіе 1859 — 1761, вплоть до своего отъѣзда изъ Лондона, дѣлалъ сообщенія обо всемъ, что зналъ, и „его сообщенія были очень точны“. „Эти корреспонденціи имѣли то преимущество, что они почти ничего не стоили Франціи“. Послѣ отъѣзда Голицына изъ Лондона, Людовикъ XV, боясь остаться безъ всякихъ свѣдѣній изъ Англіи, рѣшилъ обратиться съ тѣмъ же предложеніемъ къ преемнику Голицына извѣстному Гроссу, что было сдѣлать легко, такъ какъ всѣ сообщенія Голицына шли именно черезъ Гросса, бывшаго тогда русскимъ министромъ въ Гаагѣ. Людовикъ XV заявилъ, что онъ охотно будетъ отпускать Гроссу по 50 тыс. ливровъ въ годъ. Пресловутая англійская экспедиція, по слухамъ, отправлялась въ путь, и нужно было во что бы то ни стало узнать о планахъ ея. Король приказалъ д'Афри самому сговориться съ Гроссомъ безъ всякихъ посредниковъ: „другое дѣло вести переговоры съ обыкновеннымъ шпіономъ, но предлагать это не особенно чистое ремесло представителю такой державы, какъ Россія, такъ просто нельзя“.

Гроссъ вскорѣ сообщилъ д'Афри, что онъ получилъ приказаніе отъ императрицы Елисаветы быть на сколько возможно полезнымъ Франціи. Это еще болѣе облегчило переговоры, но для большей вѣрности Людовикъ XV, черезъ своего посланника въ Россіи Бретейля, спросилъ согласіе у русскаго двора на порученіе Гроссу корреспондировать изъ Лондона во Францію и приказалъ д'Афри выдавать Гроссу въ его полное безотчетное распоряженіе по 100 тыс. ливровъ въ годъ. Смерть императрицы Елисаветы Петровны однако разстроила эти планы. Какая политика будетъ при Петрѣ III? Будетъ-ли Гроссъ назначенъ въ Лондонъ? Эти вопросы сильно занимали Людовика XV. Но вскорѣ Гроссъ получилъ приказаніе выѣхать изъ Гааги въ Лондонъ (19 февраля 1762 года). Не успѣлъ онъ однако покинуть Гаагу, какъ

получено было новое приказаніе изъ Петербурга. Гроссъ долженъ остаться въ Голландіи, а въ Лондонъ назначенъ молодой графъ Воронцовъ, сынъ канцлера. По мнѣнію д'Афри, эта перемѣна совершилась благодаря врагамъ Франціи и тому вліянію, которое они оказывали на новаго царя. Фридрихъ II прусскій, хорошо обо всемъ освѣдомленный, не довѣрялъ Гроссу; онъ указалъ на него Георгу III англійскому, какъ на опаснаго человѣка, и добился у Петра III, обожавшаго прусскаго короля, перемѣны назначенія. Наконецъ война окончилась. Франція все время не имѣла никакихъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Англіи. Это тѣмъ болѣе было тяжело для Людовика XV, что война лѣтомъ 1762 года стала еще серьезнѣе; Испанія и Португалія приняли участіе въ борьбѣ, и Белль-Иль попалъ въ руки англичанъ.

Людовикъ XVI вступилъ на престолъ при всеобщемъ ликованіи [1]). Послѣдовала отставка знаменитаго Шуазеля, нѣкоторыхъ другихъ министровъ и многихъ придворныхъ, но все это дѣлалось тихо, спокойно, любезно, такъ что и люди, терявшіе свое положеніе, ничего не могли сказать противъ молодого монарха. Точно также дѣйствовала и молодая королева. Генералъ Понтекуленъ, еще при жизни Людовика XV, по его приказанію, долженъ былъ дѣйствовать противъ Маріи Антуанетты, которая и сказала ему тогда, что никогда не забудетъ такой обиды. Ставъ королевою и встрѣтившись съ генераломъ, она сказала ему: „Будьте увѣрены, что я все, все забыла, одно безпокоитъ меня, забыли-ли и вы все". Бѣдный Понтекуленъ не могъ ничего отвѣтить отъ волненія, только слезы ручьями потекли по его щекамъ.

По поводу отставки Шуазеля, Людовикъ XVI выразился такъ: „я едва читаю и пишу, меня ничему не учили; но я немного читалъ исторію и понялъ, почему всегда погибали государства: отъ законныхъ женъ и отъ любовницъ".

Съ первыхъ же дней царствованія бѣднаго короля начали тормошить всѣ: и жена, и братья, и министры, и придворные, онъ не зналъ кого слушать. „Нужно опасаться—говорила принцесса д'Арманьякъ,—что они или выведутъ короля изъ терпѣнія, или онъ станетъ самымъ нерѣшительнымъ человѣкомъ во Франціи".

Второе предположеніе принцессы д'Арманьякъ оправдалось.

Шарль Бонапартъ [2]), отецъ Наполеона I, былъ извѣстенъ своими подвигами во время борьбы за независимость Корсики. Въ походахъ онъ сильно разстроилъ свое здоровье и болѣзнь помѣшала ему отправиться въ 1779 году въ Парижъ въ качествѣ представителя корсиканскаго дворянства. Въ концѣ 1784 года онъ отправился въ Монпелье для леченія, но болѣзнь его, ракъ

---

[1]) Выдержки изъ II тома «Воспоминаній» Моро, которыя скоро должны появиться въ печати. La Revue bleue № 17. 1900 г.

[2]) Nouvelle Revue отъ 15-го октября 1900 года. Le Grand—père de «l'Aiglon», par Henri Beauquier.

въ желудкѣ, настолько глубоко пустила корни, что доктора не могли даже облегчить его страданій, и онъ умеръ на рукахъ своихъ родныхъ 24-го февраля 1785 года.

Шарль Бонапартъ слылъ при жизни за вольтеріанца, но передъ смертью онъ потребовалъ къ себѣ аббата Манена и умеръ добрымъ католикомъ. Тѣло его погребено было почему-то не на городскомъ кладбищѣ, а въ часовнѣ при монастырѣ des Cordeliers de l'Observance.

Много лѣтъ спустя, городскія власти Монтелье предложили первому консулу воздвигнуть памятникъ въ честь его отца, но Наполеонъ имъ отвѣтилъ отказомъ: „Если бы,—сказалъ онъ,—мой отецъ умеръ вчера, то вполнѣ естественно, что мнѣ пріятно было бы выразить скорбь свою какимъ-нибудь сыновнимъ почтеніемъ; но теперь прошло уже столько лѣтъ съ момента этого печальнаго событія, что о немъ не только не помнитъ французскій народъ, но большинство ничего и не знаетъ. Поэтому лучше оставимъ эту мысль". Братъ Наполеона Людовикъ, сдѣлавшись голландскимъ королемъ, по приказанію императора, перенесъ останки своего отца въ Санъ-Лё, гдѣ и воздвигнулъ ему памятникъ. По странной случайности, часовня, гдѣ былъ похороненъ Шарль Бонапартъ, превращена нынѣ въ типографію.

Послѣ Амьенскаго договора прекратились военныя дѣйствія и между Франціею и Турціею, которая была собственно лишь союзницей Англіи. Чтобы занять прежнее первенствующее положеніе на Босфорѣ, Бонапартъ послалъ въ Константинополь представителемъ Франціи генерала Брюна, побѣдителя при Бергенѣ [1]), одно имя котораго должно было, по мнѣнію перваго консула, подѣйствовать какъ на Турцію, такъ и на представителей Россіи и Англіи [2]). Главною цѣлью генерала Брюна было возвысить Турцію въ ея собственныхъ глазахъ, побудить ее стать самостоятельной державой, затѣмъ добиться ея согласія на предоставленіе Франціи свободной торговли въ Черномъ морѣ и Левантѣ. Генералъ Брюнъ торжественно въѣхалъ въ Константинополь въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты. Султанъ Селимъ смотрѣлъ на въѣздъ съ бельведера. Представители другихъ державъ, разумѣется, были очень недовольны этой помпой; они, подъ предлогомъ, что въ городѣ свирѣпствуетъ чума, а на самомъ дѣлѣ, чтобы не присутствовать при встрѣчѣ французскаго посланника, удалились на дальнія резиденціи. Англійскій же посланникъ лордъ Эльдманъ, отозванный въ Лондонъ, поспѣшилъ выѣхать еще наканунѣ изъ Константинополя. Онъ дѣйствовалъ

---

[1]) Бергенъ—деревня въ нидерландской провинціи сѣверной Голландіи; тамъ произошла битва между англо-русской арміей, подъ начальствомъ герцога Іоркскаго, и французско-голландской арміей подъ начальствомъ генерала Брюна (14 сентября 1744 года).

[2]) Le Revue hebdomadaire отъ 6, 13, 20 и 27 октября 1900 года. La Politique orientale de Napoleon. L'Ambassde de France à Constantinople (1803—1805), par Georges Grosjean.

очень деспотически въ Турціи [1]). Генералъ Брюнъ произвелъ сильное впечатлѣніе на жителей Константинополя, кромѣ того турки смотрѣли на французовъ, какъ на избавителей отъ англійскаго ига. Пріемъ у султана французскаго посланника также былъ очень торжественъ и дружественъ.

Хотя свободное плаваніе французскихъ кораблей по Черному морю было разрѣшено въ силу договора 6-го мессидора, но Россія хотѣла контролировать или лучше сказать наблюдать за французскими судами. И новый русскій посланникъ Италинскій (?) былъ того мнѣнія, что Черное море есть большое озеро, принадлежащее Россіи, поэтому она вольна дѣлать тамъ, что ей угодно.

На это „возмущенный“ Брюнъ отвѣтилъ: „У этого большого озера есть еще два хозяина, и ключъ отъ него во всякомъ случаѣ находится не у одной Россіи“. Тогда Талейранъ обратился прямо въ Петербургъ, и государь рѣшилъ, что указаніе Франціи совершенно справедливо. Между тѣмъ русскимъ было чего опасаться за Черное море: французы, чтобы еще болѣе расположить турокъ въ свою пользу, стали намекать, что они могутъ, введя французскую эскадру въ Черное море, захватить для Турціи весь Крымскій полуостровъ. Сильно боролась французская дипломатія, во главѣ съ Талейраномъ, и съ Англіей. Франціи нужно было утвердиться въ Египтѣ. Со стороны Турціи не ожидалось сопротивленія, такъ какъ беи, по наущенію англичанъ, постоянно возмущались противъ турецкаго султана, и тотъ поэтому вполнѣ соглашался, чтобы въ Египтѣ былъ турецкій паша, который управлялъ бы страною отъ его султана имени, а вся военная сила находилась въ рукахъ Франціи, безъ согласія которой ни одна другая торговая нація не должна быть допускаема въ Египетъ. Согласно Амьенскому договору, англичане должны были очистить островъ Мальту, но они не желали исполнять этого постановленія, считая обладаніе Мальтой гарантіей для господства на Средиземномъ морѣ, а также и противъ намѣреній Франціи насчетъ Египта. Тогда первый консулъ предложилъ другія комбинаціи для рѣшенія этого спорнаго вопроса, однако англичане то проволочками, то обманами старались уклониться отъ требованій Франціи, и война между Англіей и Франціей разгорѣлась снова. Въ то время какъ Наполеонъ подготовлялся высадиться на берегахъ Англіи, Брюнъ продолжалъ вести противъ англичанъ дипломатическую кампанію въ Константинополѣ, но шансы были неодинаковы: у англійскаго посланника Дрюмлона былъ сильный союзникъ въ лицѣ русскаго посланника, который дѣйствовалъ уже не дожидаясь инструкцій изъ Петербурга, зная, что русскій царь сталъ снова относиться недружелюбно къ первому консулу. „Государь, несмотря на происходившіе дебаты въ англійскомъ

[1]) Въ то время, когда французскій повѣренный въ дѣлахъ сидѣлъ въ семибашенной тюрьмѣ, лордъ Эльдманъ захватилъ для себя зданіе французскаго посольства. Этотъ дипломатъ, собираясь уѣзжать изъ Константинополя, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пять разъ откланивался у султана и каждый разъ получалъ прощальные подарки.

парламентѣ, не понималъ, что англичане никого не хотѣли допускать въ Средиземное море". Онъ посылалъ свои войска къ архипелагу, гдѣ хотѣлъ утвердиться, чтобы выполнить свою роль эмансипатора и опекуна на Балканскомъ полуостровѣ.

Неосторожными словами русскаго генерала Шпренгпортена, проѣзжавшаго черезъ Константинополь въ Грецію съ порученіемъ отъ русскаго правительства, и вышеприведенными намѣреніями государя относительно Балканскаго полуострова воспользовались французы и начали стращать Турцію. Шпренгпортенъ сказалъ Брюну: „Турки добрые малые, и если ихъ изгонять изъ Европы, то не нужно безпокоить ихъ въ Азіи".

Какъ образчикъ французскихъ застращиваній, считаемъ не лишнимъ привести выдержку изъ напечатаннаго въ журналѣ Le Carnet historique et littéraire въ этомъ году, любопытнаго документа, составлённаго французскимъ гражданиномъ Эмелемъ Годэномъ 2-го фримэра VII года. Это воззваніе было массами распространено въ Греціи.

„Жители Греціи, несчастные потомки народа, блиставшаго нѣкогда науками, искусствами, войнами и особенно любовью къ свободѣ. Пусть геній ея освѣщаетъ и возбудитъ васъ. Пусть онъ предупредитъ васъ, что мнимые ваши друзья измѣняютъ вамъ и замышляютъ противъ васъ недоброе. Неужели въ то время, когда другіе народы просыпаются и стремятся къ свободѣ, вы еще долго будете находиться въ неволѣ. Вамъ угрожаютъ еще большіе ужасы. Деспотъ, управляющій мрачными областями Московіи, соединился съ кровожадными турками для окончательнаго вашего порабощенія; они хотятъ отнять отъ васъ послѣднее: надежду и религію. Несчастные греки! Какъ вы ошиблись, думая найти въ русскомъ правителѣ и народѣ братьевъ и покровителей"!!

Англійскіе агенты, съ своей стороны, старались выказать передъ русскими дѣйствія Франціи въ извращенномъ видѣ, потому что господства надъ Средиземномъ морѣ, на востокѣ и въ Азіи Англія могла добиться лишь при несогласіяхъ между Франціею и Россіею. „Ватерлоо, Севастополь, Садова, Седанъ тому доказательства. Лишь на Берлинскомъ конгрессѣ Россія поняла, что Англія издавна водила ее за носъ".

Несмотря на симпатіи султана Селима къ Франціи и отправку въ Парижъ посланника Галетъ-эффенди, положеніе французовъ въ Константинополѣ не мѣнялось, даже когда Наполеонъ былъ провозглашенъ императоромъ, и Порта не соглашалась признать за нимъ императорскій титулъ, ссылаясь на Россію и „желая оставаться другомъ всѣхъ". Въ ноябрѣ 1804 года Брюну было приказано выѣхать изъ Константинополя въ трехдневный срокъ, но Брюнъ, желая привести все къ обоюдному согласію, оставался до 13-го декабря. Послѣ его отъѣзда представителемъ Франціи остался повѣренный въ дѣлахъ Парандье, который на собственный страхъ продолжалъ вести переговоры, но ничего не добился, кромѣ выговора изъ Парижа. Между тѣмъ Галетъ-эффенди, заваленный подарками и милостями Наполеона, старался дѣйствовать въ пользу французовъ. Онъ написалъ длинное посланіе

и ждалъ отвѣта. Наконецъ отвѣтъ получился. Въ немъ султанъ просилъ французскаго императора повременить, дать ему возможность окончить переговоры съ Россіей; можно было понять также, что онъ просилъ дать время подготовиться противъ русскихъ, даже что онъ хочетъ объявить войну Россіи. Наполеону надоѣли эти постоянныя отговорки, и онъ приказалъ очень сухо отвѣтить султану. Черезъ нѣсколько времени Наполеонъ написалъ собственноручно письмо султану, письмо это долженъ былъ передать лично посланный имъ въ Константинополь Жоберъ. Передача совершилась при крайне таинственной обстановкѣ, но о письмѣ тотчасъ же всѣ узнали. Русское посольство утверждало, что изъ этого ничего не выйдетъ, а Англія объявила, что при новой „слабости“ султана англійскій флотъ войдетъ въ Дарданеллы. Золото полилось рѣкою. Но все-таки письмомъ своимъ Наполеонъ добился, что нѣсколько враждебныхъ Франціи членовъ дивана были смѣщены. Турція обязалась, освободившись отъ ига Россіи и Англіи, сохранять нейтралитетъ и, въ случаѣ необходимости союза, заключить таковой предпочтительно съ Франціей. Изъ всего этого Наполеонъ понялъ, что для возстановленія своего вліянія въ Константинополѣ Франція должна имѣть возможность оказать, въ случаѣ надобности, быструю и существенную помощь Турціи. Поэтому, не обладая сильнымъ флотомъ для парализованія дѣйствій Англіи на морѣ, она должна была во что бы то ни стало утвердиться на сушѣ—именно въ Далмаціи. Аустерлицъ и Пресбургъ предоставили ей этотъ пунктъ. Побѣдительницѣ же при Трафальгарѣ слѣдовало дать реваншъ, о чемъ и сталъ мечтать Наполеонъ.

Свидѣтель событій при Іенѣ и захвата французами Берлина въ 1806 году, баварскій посланникъ въ Берлинѣ Франсуа Габріэль Брей (впослѣдствіи графъ [1]) даетъ въ своемъ дневникѣ за октябрь и ноябрь мѣсяцы этого года весьма интересныя подробности о походѣ Наполеона на Пруссію.

По словамъ Брея, Наполеонъ былъ очень удивленъ вызовомъ Пруссіи и говорилъ, что война эта дѣло женскихъ рукъ: „лучше бы онѣ занимались хозяйствомъ, а не вмѣшивались въ политику“ прибавлялъ онъ.

„13-го октября 1806 года. Сегодня получено печальное извѣстіе о смерти Луи Фердинанда, павшаго въ сраженіи близъ Рудольштадта. Общая скорбь. Это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ и способнѣйшихъ генераловъ прусской арміи. Онъ съ тремя баталіонами пруссаковъ и четырьмя батальонами саксонцевъ въ теченіе пяти часовъ сдерживалъ непріятеля, и только

---

[1]) Deutsche Rundschau. Октябрь 1900 года. Berlin in Oktober und November 1806 Tagebuch-Aufzeichnungen eines Diplomaten.

Брей состоялъ раньше представителемъ мальтійскаго ордена въ Раштатѣ и затѣмъ въ С.-Петербургѣ. Это отецъ графа Брея, состоявшаго баварскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Съ его интересными записками объ этой эпохѣ мы познакомили уже нашихъ читателей.

послѣ его паденія французы прошли черезъ дефиле Рудольштадта.

„14-го октября. Получено извѣстіе, что Мюратъ съ семью полками капитулировалъ и Бернадоттъ окруженъ, но этому никто не вѣритъ. Въ Эрфуртѣ изданъ манифестъ и посланъ представителямъ иностранныхъ державъ, исключая союзниковъ Франціи. Испанскій посланникъ очень обиженъ: въ манифестѣ сказано, что Испанія потеряла, благодаря Франціи, свою прежнюю славу и значеніе великой державы".

27-го сентября, въ три часа дня, былъ торжественный въѣздъ Наполеона въ Берлинъ. „Ничего не могло быть величественнѣе этого вида силы и могущества, говоритъ Брей.—Наполеонъ рожденъ повелителемъ. На тѣхъ самыхъ улицахъ, гдѣ недавно еще оскорбляли его, теперь раздавалось громкое ура".

27-го сентября состоялся пріемъ у Наполеона. Сначала принято было духовенство, затѣмъ судебные чины. Городская депутація, съ княземъ Гацфельдомъ во главѣ, была принята Наполеономъ очень сурово, князю онъ намекнулъ, что не нуждается въ его службѣ. Графу Неалю Наполеонъ сказалъ: „Ну что, графъ, вы и ваша дочь, графиня Паулина, желали войны. Она называла насъ трусами, а вотъ мы здѣсь. Разумѣется, эти мелкіе уколы не могли оскорбить меня, но ваша несчастная дочь вполнѣ заслуживаетъ, чтобы ее посадили въ сумасшедшій домъ».

„31-го октября. Въ Потсдамѣ и Шарлоттенбургѣ между платьями королевы Луизы нашли письма, доказывающія ея соглашеніе съ русскимъ императоромъ и намѣреніе вести войну противъ „Бонапарта", къ нимъ приложены были планы кампаніи съ объясненіями.

О планахъ Наполеона относительно Польши и ея возстановленія, чтобы гарантировать себя отъ Россіи, Брей писалъ отъ 14-го ноября „Большая часть польскихъ дворянъ стремится въ Познань. Маршалъ Даву съ 30,000 арміей готовъ поддержать поляковъ. Наполеонъ, кажется, хочетъ выждать дѣйствія этой первой мѣры, прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе. На нѣкоторое время онъ уѣдетъ, вѣроятно, въ Парижъ и приступитъ къ дѣлу весною. Пруссія перестала быть активною силою, и судьба ея будетъ зависѣть отъ великодушія императора и его плановъ. Планы Наполеона относительно Польши не осуществились, онъ убѣдился, какъ передалъ Фридриху-Вильгельму французскій генералъ Бертранъ, посланный Наполеономъ въ Мемель для переговоровъ о мирѣ, что страна эта не должна имѣть независимаго положенія". Прусскій и польскій вопросы рѣшены были окончательно при Тильзитскомъ свиданіи.

Послѣ сраженія при Ватерлоо, союзники рѣшили отослать Наполеона I на островъ св. Елены. Послѣ прибытія въ Парижъ, въ Мальмезонъ, Наполеонъ, въ день, назначенный для отъѣзда въ ссылку, долго расхаживалъ по саду и на всѣ замѣчанія приставленныхъ къ нему лицъ о томъ, что пора ѣхать, не отвѣчалъ

ни слова[1]). Между тѣмъ въ Парижѣ уже начались народныя волненія и ходили слухи, что толпа хочетъ убить императора. Разумѣется, въ эту тяжелую минуту всѣ покинули Наполеона и королеву Гортензію, находившуюся также въ Мальмезонѣ. Возлѣ королевы осталась лишь одна приближенная дама, которая несмотря на безпокойство за своихъ дѣтей, находившихся въ Парижѣ, не рѣшалась оставить королеву совершенно одной. Въ это время въ Мальмезонъ пріѣхала графиня Кафарелли, предложила королевѣ Гортензіи свои услуги и съ ея разрѣшенія осталась въ Мальмезонѣ, а придворная дама была отпущена къ своимъ дѣтямъ.

Одинъ изъ генераловъ подошелъ къ графинѣ Кафарелли и, указывая на императора, сказалъ ей: „время не терпитъ, а онъ не отвѣчаетъ даже на наши просьбы; попробуйте вы обратиться къ нему, скажите, что кареты уже готовы, ѣхать давно пора; положеніе становится все опаснѣе“. Графиня приблизилась къ Наполеону и сказала ему, что онъ былъ всегда великимъ человѣкомъ и долженъ имъ остаться до конца, онъ долженъ помнить, что взоры всѣхъ обращены теперь на него..... Наполеонъ вдругъ остановился, сорвалъ нѣсколько розъ и проговорилъ, обращаясь къ графинѣ: „Я васъ раньше считалъ въ числѣ своихъ враговъ, а теперь вижу, что вы лучшая изъ моихъ друзей“. Съ этими словами онъ подошелъ къ каретѣ, снова остановился, поцѣловалъ графиню и, отдавъ ей букетикъ розъ, уѣхалъ.

Королева Гортензія не забыла преданности графини Кафарелли и упомянула о ней въ своемъ духовномъ завѣщаніи.

Новыя книги.

А. Ф. Быкова. **Разсказы изъ исторіи Англіи XI—XIX вѣка.** Съ 34 рисунками. Изданіе Д. Г. Алексѣева. СПБ. 1900 г.

Изданіе задумано, какъ видно, съ прекрасной цѣлью: возможно доступно и подробно изложить для средняго и ниже средняго читателя политическую исторію Англіи, показать весь ходъ созданія государственнаго механизма Великобританіи, но прекрасно задуманное, къ сожалѣнію, далеко не получило совершеннаго выполненія. И причинъ такого контраста между планомъ и исполненіемъ нѣсколько. Во-первыхъ, удивительно некрасивый языкъ—скучный, безцвѣтный, монотонный; затѣмъ сильно мѣшаетъ дѣлу и своеобразный пріемъ автора—расчленять самую простую обыденную мысль на нѣсколько фразъ. Вотъ образчики этого пріема, а кстати и языка: „Когда солдатъ обвиняется въ какомъ либо преступленіи, то онъ не можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ исполнилъ только приказаніе своего начальника; онъ не можетъ сказать: я не виноватъ, я исполнилъ то, что мнѣ было приказано.

[1]) Le Carnet historique et littéraire отъ 15-го октября 1900 года. La Reine Hortense et la comtesse de Cafarelli.

Ему скажутъ: ты виноватъ, потому что не долженъ былъ исполнять этого приказанія—оно незаконно. Солдатъ въ Англіи обязанъ повиноваться только законному приказанію своего начальника. Солдатъ не обязанъ слѣпо повиноваться своимъ начальникамъ, хотя бы ему приказывалъ главнокомандующій; онъ всегда самъ долженъ разсудить, законное приказаніе получилъ онъ или незаконное". И въ такомъ духѣ написаны всѣ 260 страницъ. Такъ школьникъ, незнающій урока, „размазываетъ" передъ учителемъ случайно выхваченную изъ книги фразу. Если бы выпустить изъ брошюры Быковой всю воду, на которой авторъ разводитъ свои познанія изъ англійской исторіи, то книга сократилась бы на половину безъ всякаго ущерба для дѣла. Повѣствованіе Быковой названо разсказами изъ исторіи Англіи. Это крупное недоразумѣніе: разсказывать то она и не умѣетъ. Изложеніе ея, напоминающее слогъ канцелярскихъ бумагъ, не только не можетъ пріохотить къ чтенію, а наоборотъ способно навести тяжелую дремоту. Такъ даже наши прославленные гимназическіе учебники не пишутся, а ужъ въ нихъ ли не приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы внушить гимназистамъ полное отвращеніе къ историческому чтенію.

„Новая библіотека". *Петръ Розеггеръ.* **Разсказы.** Перев. съ нѣм. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль". М. 1901.

Поэтъ, малоизвѣстный у насъ, а у себя на родинѣ въ Австріи давно уже возведенный въ рангъ первокласснаго писателя, по происхожденію штирійскій крестьянинъ, умомъ, талантомъ и трудомъ пробившій себѣ дорогу. Сначала пастухъ, затѣмъ бродячій портной, онъ уже первымъ сборникомъ своихъ стихотвореній обратилъ на себя вниманіе нѣмецкихъ литераторовъ, которые приняли участіе въ его судьбѣ и не дали заглохнуть самородку. „Розеггеръ—художникъ, художникъ по призванію, но кромѣ того онъ крестьянинъ, эти два факта опредѣляютъ характеръ Розеггера и красною нитью проходятъ по его разсказамъ", говоритъ въ предисловіи къ сборнику переводчикъ. Изъ семи небольшихъ разсказовъ, изданныхъ редакціею „Русской Мысли", въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе очеркъ „Буква—демонъ". Это въ сущности автобіографія поэта-крестьянина, въ дѣтствѣ еще искушеннаго демономъ — буквою, отравившагося сладкимъ ядомъ печатнаго слова и съ тѣхъ поръ всѣмъ пожертвовавшаго и всего себя отдавшаго на служеніе этому слову. Очеркъ дышетъ искренностью и обличаетъ руку недюжиннаго мастера. Другіе 6 разсказовъ всѣ изъ быта штирійскаго крестьянства. Спокойно, но съ большимъ юморомъ и сочувствіемъ къ своимъ простодушнымъ героямъ ведетъ авторъ повѣствованіе и чѣмъ то старымъ, полузабытымъ вѣетъ отъ его „картинокъ" и отъ его манеры письма. Этотъ выходецъ изъ глубины земледѣльческаго класса—прекрасный разсказчикъ, художникъ, много наблюдавшій и талантливо передающій свои наблюденія, но ничего рѣзкаго, смѣлаго, обличительнаго читатель не найдетъ у него, словомъ, онъ не новаторъ, открывающій читателю новые горизонты, не

посланникъ, отпущенный народомъ, чтобы заявить свѣту о страданіяхъ, думахъ и чувствахъ пославшихъ его, онъ только пѣвецъ, только художникъ.

„Новая библіотека“. *А. Ш.* **Рабство въ древнемъ Римѣ.** Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. М. 1901.

Увлеченіе популяризаціей сугубо серьезныхъ и многотомныхъ работъ на потребу „народа“ нерѣдко приводитъ компиляторовъ къ крупнымъ ошибкамъ, промахамъ и курьезамъ, подрывающимъ все значеніе ихъ трудовъ. По большей части они совершенно не знаютъ того читателя, для котораго предназначаютъ свою работу; „простота“ изложенія, доходящая порою до полнаго искаженія оригинала, отъ котораго остаются одни клочки, и на ряду съ этимъ неумѣніе пригнать къ понятіямъ малообразованнаго читателя свои мысли — невольно порождаютъ вопросъ: для кого сочиняются эти популярныя книжонки и нужны ли онѣ вообще? Брошюра А. Ш., хотя и въ меньшей степени, однако грѣшитъ указанными недостатками. Ингрэмъ, Летурно, Гиббонъ, Мейеръ, Спенсеръ, Фридлендеръ — вотъ главнѣйшіе источники, которыми пользовался авторъ при составленіи брошюрки, на которые онъ ссылается и съ которыми познакомиться рекомендуетъ читателю. Все это прекрасно, непонятно лишь, о какомъ читателѣ онъ говоритъ. Съ одной стороны этому читателю подносятся такія поучительныя свѣдѣнія, изложенныя при томъ образцовымъ языкомъ: „Знаменитый философъ Эпиктетъ былъ рабомъ очень жестокаго господина, который занимался однажды тѣмъ, что истязалъ ему ногу. Эпиктетъ замѣтилъ, что такъ можно переломить ее, но хозяинъ не унимался; когда же предсказаніе философа исполнилось, онъ со свойственнымъ ему спокойствіемъ заявилъ, что нога уже сломана“. Этотъ „историческій“ примѣръ приведенъ въ подтвержденіе той мысли, что „образованіе не избавляло рабовъ отъ жестокаго обращенія, оно заставляло ихъ лишь сильнѣе чувствовать всю унизительность своего положенія“. Съ другой стороны втиснуть въ книжечку размѣромъ въ 2 печатныхъ листа исторію рабства въ древнемъ Римѣ—трудъ невозможный, и компилятору приходится съ отчаянія пробавляться анекдотами, оставивъ въ сторонѣ Спенсера, Гиббона, Летурно и др. Въ концѣ брошюры помѣщено краткое поясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ,—эпоха, циркъ, арена, республика, весталки и т. п. Съ этими понятіями, по мнѣнію автора, его читатель не знакомъ. Между тѣмъ мы находимъ въ текстѣ — пролетаріатъ, экономическое положеніе и др. въ этомъ родѣ, надо полагать, читателю извѣстныя слова, потому что объясненія къ нимъ не приведено. Намъ кажется, что читатель, незнающій, что такое эпоха и республика, не станетъ читать Летурно и Фридлендера, а знакомые съ пролетаріатомъ и экономіей не нуждаются въ книжонкѣ А. Ш.

„Новая библіотека“. Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ П. Ганзена). Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. М. 1901.

Книжечка въ 90 страничекъ представляетъ собой извлеченіе изъ солиднаго по своимъ размѣрамъ труда извѣстнаго переводчика и популяризатора у насъ—сѣверной литературы, на сѣверѣ—нашей—П. Ганзена. Авторъ книжечки не особенно стѣснялся съ сочиненіемъ почтеннаго датчанина и, заимствовавъ „сюжетъ", какъ говорятъ передѣлыватели драматическихъ пьесъ, изложилъ его на свой образецъ, оказавъ тѣмъ плохую услугу Ганзену. Отрывочное, безсвязное изложеніе „по Ганзену" отражается и на внутреннемъ содержаніи брошюрки. Черезчуръ любовное, можно даже сказать, пристрастное отношеніе автора—датчанина къ учрежденіямъ трудовой помощи на его родинѣ, подъ рукою компилятора превратилось прямо-таки въ маниловщину, въ сладчавую повѣсть о высокодобродѣтельныхъ и высокогуманныхъ сѣверянахъ. Отсутствіе самаго важнаго, самаго безспорнаго аргумента въ пользу дѣйствительно разумной постановки дѣла, приносящаго очевидные положительные результаты—отсутствіе статистическаго матеріала, живыхъ наглядныхъ цифръ лишаетъ книжечку той серьезности, которой заслуживаетъ трактуемый ею вопросъ. Конечно, ни размѣръ книжки, ни назначеніе ея даже права не даютъ мечтать о такой роскоши, но отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не воспользоваться другимъ прекраснымъ способомъ воздѣйствія на читателя: мы разумѣемъ художественное изображеніе въ живыхъ очеркахъ широкой и плодотворной дѣятельности сѣверянъ на почвѣ благотворительности. У Ганзена для этого нашелся бы матеріалъ.

Письма и бумаги Суворова изъ „Суворовскаго Сборника" Императорской Публичной Библіотеки. Издалъ *В. Алексѣевъ.* Выпускъ I. СПБ. 1901 г.

Французы говорятъ, что біографы—самые опасные враги великихъ людей. То же можно сказать и про библіофиловъ, собирающихъ и публикующихъ письма и автографы знаменитостей. Г. Алексѣевъ избралъ своего мертваго Суворова и приступилъ къ опубликованію его обширной переписки. Первый выпускъ не представляетъ ничего интереснаго, въ немъ нѣтъ новыхъ документовъ, которые послужили бы для историка ключемъ для уразумѣнія событій. Для средняго интеллигентнаго читателя они просто скучны и даже неудобочитаемы, потому что авторъ ихъ отчасти по привычкѣ къ недомолвкамъ, условностямъ и всякимъ притчамъ, отчасти же изъ боязни нарушенія тайны писемъ, систематически практиковавшагося правительствомъ Екатерины II, выражается очень темными и загадочными иносказаніями. Суворовъ по своимъ письмамъ рисуется далеко не тѣмъ чистымъ геніемъ, самоотверженнымъ героемъ, почти полубогомъ, какимъ казался по своимъ военнымъ подвигамъ. Какъ человѣкъ своего времени, онъ былъ не чуждъ интригъ, личныхъ искательствъ, низкой зависти къ чужимъ успѣхамъ и пустого тщеславія, выражавшагося въ жаждѣ отличій, титуловъ и почетныхъ званій. Тяжелое впечатлѣніе производятъ его попытки выдать единственную свою дочь Наташу замужъ за сына вліятельнаго по родственнымъ связямъ аристократа Салтыкова, рядомъ съ самыми неуважитель-

ными отзывами о всей семьѣ Салтыковыхъ. Въ своемъ формулярѣ Суворовъ приписываетъ себѣ честь разгрома Пугачева, хотя въ дѣйствительности армія самозванца была разгромлена еще до его прибытія на мѣсто дѣйствія Михельсономъ. „По словамъ Екатерины, Суворовъ въ дѣлѣ усмиренія Пугачева сдѣлалъ столько же, сколько ея собачка Томасъ". Г. Алексѣевъ полагаетъ, что письма Суворова рисуютъ въ извѣстной степени его эпоху, что они—„фотографическій снимокъ извѣстнаго момента", но сама по себѣ Екатерининская эпоха въ дѣйствительности едва-ли освѣщается изданными матеріалами съ какой-нибудь новой стороны. Суворовскія письма могутъ служить только матеріаломъ для личной характеристики великаго полководца, но не могутъ замѣнять таковую. Безпристрастный историкъ подвелъ бы итогъ всѣмъ темнымъ и свѣтлымъ сторонамъ характера народнаго героя, освѣтилъ бы его заботливость о солдатахъ, силу его нравственнаго вліянія на армію, его борьбу съ „немогузнайствомъ", вѣру въ необходимость развивать сознательное отношеніе къ своему дѣлу у подчиненныхъ и т. д. При непосредственномъ же чтеніи откровенной корреспонденціи генералиссимуса отдѣльныя непріятныя черты его личности какъ-то заслоняютъ собою все, что было въ немъ свѣтлаго, на чемъ зиждилось могущество его вліянія на толпу, и невольно въ великомъ полководцѣ начинаешь видѣть мелкаго человѣка, способнаго привирать о своихъ подвигахъ, добиваться вліянія путемъ заискиванія передъ временниками и фаворитами, и пр. Было бы смѣшно требовать отъ исторіи, чтобы она охраняла сложившіяся легенды и не разрушала дорогихъ иллюзій, но непосредственное знакомство средняго читателя съ матеріалами не даетъ того широкаго синтеза, безъ котораго нѣтъ исторической правды, безъ котораго наше пониманіе лицъ и событій всегда будетъ оставаться неполнымъ и одностороннимъ.

И. Гофштеттеръ.

Гибель Англіи. Англо-франко-русская война въ 1900 году. Издалъ *В. Березовскій.* Спб. 1900, стр. 76. Ц. 50 к.

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ раздѣляетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ". Анонимный авторъ фантастической сказки въ „Monde illustré", переводъ которой изданъ г. Березовскимъ, какъ будто вдохновился этими строками забытаго патріотическаго стихотворца пятидесятыхъ годовъ. Дѣлитъ онъ, однако, не Русь, но Англію съ ея колоніями.

„Все въ англійскомъ зданіи", говоритъ онъ, „грозитъ разрушеніемъ, фасадъ его далъ трещины, балки подгнили!.. Радостныя завыванія, которыми привѣтствуются столь запоздалые и дорого стоющіе трансваальскіе успѣхи (200,000 англичанъ, предводимыхъ самыми знаменитыми вождями, противъ горсти земледѣльцевъ), не могутъ измѣнить неумолимаго закона, управляющаго жизнью націй. Англія кажется приговоренной къ гибели, потому что народы имѣютъ также свою собственную судьбу, и исторія вѣчно повторяется. Великобританія достигла той высшей ступени счастья и могущества, за которою слѣдуетъ паденіе". Славное и долго-

лѣтнее царствованіе Викторіи — конечный пунктъ постояннаго возвышенія, остановка на вершинѣ вулкана передъ его изверженіемъ.

Такова основная точка зрѣнія автора, исходя изъ которой онъ рисуетъ грандіозную картину англо-франко-руссской войны, проявляя при этомъ, если не глубину мысли, то немало фантазіи и остроумія. Эпопея войны начинается съ нападенія подстрекаемыхъ англійскими войсками афганскихъ бандъ на станцію Закаспійской жел. дор. Эмиръ Абдуррахманъ, симпатизирующій Россіи, умираетъ отъ отравы; его убійца, родной племянникъ, во всемъ слѣдуетъ велѣніямъ англичанъ. Русскіе идутъ на Гератъ; въ тотъ же день Англія отзываетъ своего посла при петербургскомъ дворѣ; Гератъ взятъ штурмомъ; черезъ нѣсколько дней послѣ этого „Times" разоблачаетъ тайну франко-русскаго соглашенія, и возгорается война Россіи и Франціи съ Англіей. Остальныя державы, въ силу дипломатическихъ и территоріальныхъ соображеній, остаются нейтральными.

Не слѣдя за всѣми перипетіями возникающей ожесточенной бойни, которыя подробно рисуетъ авторъ, скажемъ, что онъ отдаетъ полную справедливость доблести англійскихъ войскъ, ослабленныхъ къ тому же массовымъ возстаніемъ индусовъ и враждебными дѣйствіями египетскаго хедива и Менелика. И у англичанъ бываютъ крупные успѣхи, но въ общемъ все клонится въ пользу союзниковъ, на сторону которыхъ становится и сама природа. Такъ, напримѣръ, высадившійся во Франціи Киченеръ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ только потому, что спѣшившій къ нему на помощь, флотъ былъ задержанъ въ Ламаншѣ бурею. Конецъ войны оправдываетъ заглавіе брошюры; англичане лишились лучшихъ вождей: Робертсъ убитъ при Кандагарѣ; адмиралъ Раусонъ сдѣлалъ непростительную ошибку, позволившую истребить въ Ламаншѣ англійскій флотъ и съ горя раздробилъ себѣ черепъ; французы высадились въ Англіи, взяли въ плѣнъ, принца Уэльскаго и лорда Уольслея и вступили въ Лондонъ, гдѣ и былъ подписанъ мирный договоръ. Англія обезсилѣла, лишаясь не только всѣхъ своихъ колоній, но и Ирландіи, обратившейся въ республику. Индійская имперія образовала самостоятельное государство. Австралія, Новая Зеландія, Тасманія и Аукледнъ соединились въ независимую конфедерацію. Франція получила Ньюфаундлэндъ, Малайскій полуостровъ, Сингапуръ, Гонконгъ, Антильскіе острова (кромѣ Ямайки, присоединенной къ Кубѣ), Англо-Нормандскіе острова, часть острововъ Океаніи и значительно расширила территорію французскаго Судана. Германія, Италія, Испанія, Португалія, Греція, Соединенные Штаты, Венецуэла, Египетъ, Абиссинія, Трансвааль, Оранжевая республика, Японія—всѣ дѣлятъ шкуру британскаго льва, получая на свою долю лакомые кусочки. При этомъ дѣлежѣ авторъ забываетъ одну лишь Россію, сокрушившую Англію въ Индіи, предполагая, вѣроятно, что съ нея достаточно моральнаго успѣха и уничтоженія могущественной соперницы.

На прощаніе съ „Гибелью Англіи" замѣтимъ, что хотя ав-

торъ въ своихъ предположеніяхъ совершенно забываетъ условія, международной жизни, но брошюрка, снабженная массою рисунковъ и портретовъ, написана очень живо и можетъ быть съ интересомъ прочтена любителями пофантазировать —ъ.

Д. Н. Садовниковъ и его поэзія. *Аполлонъ Коринфскій.* Сообщеніе сдѣланное 17 марта 1900 г. въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго. Спб. 1900. Стр. 112. Ц. 50 к.

Семнадцать лѣтъ назадъ умеръ поэтъ Садовниковъ; такъ называемой „большой публикѣ" онъ совершенно невѣдомъ, и скорбящій о томъ г. Коринфскій пожелалъ посвятить памяти и поэзіи Садовникова особую книжку. Желаніе—вполнѣ похвальное, и, при общемъ недостаткѣ біо-библіографическихъ работъ, ко всякому серьезному труду подобнаго рода, особенно еще при наличности критической оцѣнки, мы хотѣли бы отнестись съ полнымъ одобреніемъ. Г. Коринфскій, очевидно, горячо симпатизируетъ Садовникову, любовно обрисовываетъ его литературную дѣятельность, но, къ сожалѣнію, желаніе восхвалить Садовникова quand-même дѣлаетъ изъ брошюры не историко-литературное изслѣдованіе, а сплошной лирическій возгласъ. Начинается она пространными жалобами на то, что у насъ нѣтъ ни Пантеоновъ, ни Вестминстерскихъ аббатствъ (куда, замѣтимъ отъ себя, Садовниковъ не попалъ бы), и мѣста упокоенія писательскаго праха разсѣяны по разнымъ кладбищамъ; затѣмъ г. Коринфскій дѣлаетъ вылазку противъ поэтовъ—живого П. Я. и мертвыхъ Соймонова и Симборскаго (съ послѣднимъ онъ, повидимому, мало знакомъ, какъ какъ говоритъ лишь о его гражданскихъ стихотвореніяхъ, совершенно игнорируя художественно-мастерскія воспроизведенія народныхъ сказаній) и только тогда переходитъ непосредственно къ Садовникову.

Основная нота, проникающая всю книжку, — скорбь о томъ, что Садовниковъ несправедливо забытъ. Но, на самомъ дѣлѣ, историки литературы его помнятъ, а публика въ сущности даже и забыть то не могла, такъ какъ и при жизни этого писателя, безспорно обладавшаго извѣстнымъ дарованіемъ, не отличала его своимъ вниманіемъ. „Не пора ли выйти литературнымъ кесарямъ изъ дремучихъ лѣсовъ равнодушія, подойти къ этому имени да и скосить подъ корень весь не на мѣстѣ разросшійся, заслоняющій его бурьянъ?" аффектированно спрашиваетъ г. Коринфскій и сейчасъ же отвѣчаетъ: „Пора, давно пора, услышать русскому читателю вдохновенное слово забытаго пѣвца вольныхъ людей и воочію увидѣть всю красоту его пѣсенъ — этихъ заживо погребенныхъ сокровищъ".

Но, перефразировавъ латинское изрѣченіе, можно сказать: „Habent sua fata scriptores". Литературные дѣятели, если они внесли въ народное самосознаніе или духовный міръ дѣйствительно свѣжую струю, не такъ-то легко позабываются обществомъ. Всѣ же писатели, хотя бы очень почтенные, но не выдѣлившіеся ни особой оригинальностью, ни глубиною таланта, представляютъ явленіе преходящее, и нельзя требовать, чтобъ въ памяти читающей массы удерживались ихъ имена. И дѣло тутъ — въ не ро-

скошныхъ гробницахъ Пантеона, даже не въ именахъ и біографіяхъ. Неизвѣстно, кто былъ авторомъ „Писемъ Юніуса", но творенія этого знаменитаго анонима вызвали цѣлую литературу коментаріевъ, въ то время какъ современные ему и при жизни прославленные писатели теперь безнадежно забыты. Общество чутко, и насильно ему ничего не привьешь.

„Широкіе замыслы, созрѣвшіе въ сердцѣ поэта, не успѣли полностью воплотиться въ краски и звуки", говоритъ г. Коринфскій. Но Садовниковъ умеръ тридцати шести лѣтъ, причемъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ являлся плодовитѣйшимъ сотрудникомъ сорока изданій. Кажется, за это время, при своей количественной продуктивности, онъ могъ бы и завоевать извѣстность, и оставить цѣнное литературное наслѣдье. А если этого не случилось, то виноваты свойства автора. Садовниковъ—непроизвольно звучавшая эолова арфа, самъ себя не опредѣлившій и не познавшій талантъ, лишенный истинной оригинальности и замѣнявшій ее оригинальничаньемъ. Отсутствіе яркой литературной физіономіи позволяло ему, при всей тогдашней обособленности лагерей, печататься въ самыхъ разнообразныхъ органахъ печати, въ славянофильской „Бесѣдѣ" и „Вѣстникѣ Европы", „Модномъ Свѣтѣ" и органѣ крайняго радикализма „Словѣ", но эта то безцвѣтность и обусловила недостатокъ вниманія публики. Не могъ понравиться и дѣланный, напыщенно-изощренный языкъ Садовникова, въ погонѣ за мѣткостью эпитетовъ и народностью колорита пестрившаго свои стихи мѣстными словечками, тавтологіями и архаизмами. Не всегда удавалась ему и самая структура стиха; попадались неловко скроенныя цезуры, невѣрныя ударенія и т. д. Когда же (очень рѣдко) Садовникову удавалось освободиться отъ указанныхъ недостатковъ то онъ, давалъ вполнѣ поэтическія, изящныя вещицы. Отбросивъ все случайное, все вымученное и топорное, въ огромномъ литературномъ багажѣ Садовникова можно дѣйствительно отыскать нѣсколько стихотвореній, достойныхъ стать на ряду съ лучшими произведеніями другихъ второстепенныхъ поэтовъ. Таковы, напримѣръ, его образныя, филигранно отдѣланныя описанія степной природы. Но это еще не даетъ правъ на всероссійскую извѣстность. . . . .

Возвращаясь къ книжкѣ г. Коринфскаго, замѣтимъ, что она врядъ ли кого нибудь удовлетворитъ. Историкъ литературы не найдетъ въ ней новаго фактическаго матеріала, а обыкновеннаго читателя непріятно поразятъ панегирическій тонъ и отсутствіе какой бы то ни было объективности. **В. К—въ.**

Е. Марковъ. **Грѣхи и нужды нашей средней школы.** Спб. 1900. Стр. 131. Ц. 60 к.

Книга Е. Л. Маркова состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ статей, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы» и «Новомъ Времени». Каждая изъ этихъ статей („Живая душа въ школѣ", „Книжный изморъ", „Классическое суевѣріе", „Какая школа нужна нашимъ дѣтямъ" и „Не балуйте дѣтей") представляетъ собою отдѣльное цѣлое, но всѣ онѣ соединены одною общей идеей, являясь живымъ откликомъ на „проклятые вопросы" школы — откликомъ

стараго опытнаго педагога, проникнутаго пироговскими завѣтами и горячо протестующаго противъ насилія надъ духомъ, сухости и педантизма нашей схоластичной средней школы.

Въ первой изъ перечисленныхъ статей авторъ говоритъ, что важнѣе всего «уничтожить механическое бездушіе нашего воспитательнаго дѣла, измѣнить его канцелярски-чиновническій характеръ, возвратить учебнымъ заведеніямъ ихъ живую, искреннюю жизнь, ихъ естественную физіономію». Достигнуть этого предписаніями нельзя. Но такая задача осуществится, если люди, которымъ будетъ поручено дѣло, станутъ его хозяевами, свободными проявлять свою иниціативу и выбирать для намѣченной цѣли тѣ средства, въ силу которыхъ вѣрятъ. Пусть работники школы выбираются съ скрупулезной тщательностью, но тѣ, которые признаны достойными, не должны быть стѣснены «однообразными предписаніями, безчисленными формальными требованіями и главное, пагубнымъ недовѣріемъ, которое убиваетъ все живое и искреннее...». Авторъ непоколебимо вѣритъ, что земля русская не оскудѣла достойными работниками просвѣщенія и дастъ ихъ, сколько нужно, разъ учитель и воспитатель будетъ освобожденъ отъ тѣхъ путъ, которыя нынѣ связываютъ его по рукамъ и ногамъ. Въ подтвержденіе своей мысли онъ рисуетъ тульскую гимназію конца 50-хъ начала 60-хъ годовъ, гдѣ началъ свою педагогическую дѣятельность; попечитель округа генералъ Исаковъ рѣшился пересоздать эту гимназію, обратившуюся чуть-ли не въ бурсу, и послалъ туда директоромъ съ самыми широкими полномочіями покойнаго И. Ѳ. Гаярина. Послѣдній сгруппировалъ въ гимназіи кружокъ молодыхъ и энергичныхъ педагоговъ; въ результатѣ получилась общность семьи и школы, единеніе учащихъ съ учащимися, и гимназія, хотя отступившая отъ оффиціальныхъ программъ, донынѣ, черезъ сорокъ лѣтъ, вспоминается бывшими учениками съ чувствомъ любви и отрады, если не благоговѣнія.

Статьи «Книжный изморъ» и «Классическое суевѣріе» взаимно одна другую дополняютъ. Въ первой изъ нихъ г. Марковъ возстаетъ противъ школьнаго книжничества, всею своею непосильною тяжестью гнетущаго ребенка и юношу, убивающаго въ немъ здоровье и лучшіе свойства духа, давая взамѣнъ лишь безсвязные обрывки малопригодныхъ знаній. Въ этой грустной картинѣ главное мѣсто принадлежитъ «классическому суевѣрію», т. е. архаическому наслѣдію средневѣковья,—древнимъ языкамъ. Авторъ подробно разбираетъ всѣ доводы защитниковъ классической системы образованія и приходитъ къ заключенію, что «классицизмъ не дастъ въ руки человѣку, вступающему въ жизнь, рѣшительно никакого орудія для правильной оцѣнки жизни и для борьбы съ неблагопріятными ему условіями ея. Мало того, онъ, можно сказать, заранѣе обезсиливаетъ человѣка, питая его юность одними теоретическими иллюзіями, устраняя его мысль, чувство и волю отъ всякаго живого, дѣйствительно существующаго интереса, скрывая отъ него тотъ мощный ликъ природы,

безъ познанія котораго умъ человѣка остается пустопорожнимъ, а силы человѣка безплодными».

Изгнаніе изъ средней школы мертвыхъ языковъ даетъ въ ея распоряженіе такой запасъ времени, при которомъ не составитъ затрудненія размѣстить необходимѣйшіе предметы преподаванія, не находящіе теперь себѣ мѣста. «Руководящимъ девизомъ жизненной школы», говоритъ г. Марковъ въ слѣдующей статьѣ, должно стать здоровое педагогическое правило: non multa, sed multum (много, но не многое). «Нужно положить основою образованія человѣка познаніе окружающаго его міра, своего народа, своей земли, своего языка и письменности, а также, въ извѣстной мѣрѣ, жизни и языка тѣхъ народовъ, съ которыми нашему родному народу приходится жить и вести дѣла разнаго рода». Школьное ученіе должно быть живымъ дѣломъ, совершенно обособленнымъ отъ того мертвящаго формализма, который обратилъ даже преподаваніе Закона Божія въ принудительную церковную повинность. „Учебное" заведеніе должно стать и „воспитательнымъ". Постоянное общеніе, собесѣдованія, образовательныя прогулки, изученіе природы среди нея самой, ручной трудъ, развитіе эстетическаго вкуса и способностей — вотъ, по мнѣнію г. Маркова, могущественные факторы раціональнаго воспитанія и образованія. Нѣкоторый примѣръ уже сдѣланнаго примѣненія подобныхъ началъ даетъ тифлисская гимназія, на которой авторъ подробно останавливается.

Тема послѣдней статьи («Не балуйте дѣтей») видна изъ ея заглавія. Дѣлая дѣтей кумирами дома, изнѣживая и водя на помочахъ, мы, конечно, плохо подготовляемъ ихъ къ обычной жизни испытаній, труда и борьбы. Излишнее баловство, можетъ быть, вреднѣе суровости. Нельзя только согласиться съ авторомъ тамъ, гдѣ онъ особенно настаиваетъ на развитіи въ дѣтяхъ необходимыхъ имъ для дальнѣйшей жизни кротости и смиренія. Чего другого, а этихъ качествъ у насъ и такъ достаточно, и они скорѣе тормозятъ общественное усовершенствованіе, чѣмъ являются его пособниками. «Прогрессъ всякаго» справедливо не нравится г. Маркову, но излишнее развитіе смиренія можетъ повести къ господству той «золотой середины», при которой истинный прогрессъ немыслимъ.

Въ заключеніе своей замѣтки мы должны сказать, что книга г. Маркова можетъ быть смѣло рекомендована всѣмъ, кто интересуется судьбами нашей средней школы. Она разсѣеваетъ мракъ, сгустившійся около педагогическихъ вопросовъ, и въ этомъ — ея несомнѣнная заслуга. **К.**

Библіографическій указатель литературы о Кубанской области, Кубанскомъ казачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи. Отдѣлъ II. Географія, этнографія, статистика, естествознаніе и медицина. Составилъ *Е. Д. Фелицынъ*, поч. чл. кубанскаго област. статистич. комитета при участіи *В. С. Шамрая*. Екатеринодаръ. 1900. Стр. 125—217.

Второй выпускъ труда почтенныхъ знатоковъ Кубанской об-

ласти гг. Фелицына и Шамрая составленъ очень добросовѣстно и, будучи полезенъ, какъ справочникъ по родиновѣдѣнію, въ значительной мѣрѣ удовлетворяетъ и чисто-библіографическимъ требованіямъ. Неотъемлемымъ его достоинствомъ является то, что, тамъ гдѣ это имъ доступно, составители не ограничиваются выпискою заглавія книги или статьи, но вкратцѣ передаютъ содержаніе. Гг. Фелицынъ и Шамрай довольно полно использовали существующіе указатели и каталоги. Если-же не вполнѣ достаточно представлена журнально-газетная литература за послѣднія двадцать лѣтъ, то не надо забывать, что, при отсутствіи систематическихъ каталоговъ, указанія такого рода приходится дѣлать de visu, что для провинціальнаго библіографа зачастую совершенно недоступно. **В. К—въ.**

Вольтеръ. Шесть лекцій *Давида Фридриха Штрауса.* Переводъ съ шестого нѣмецкаго изданія. Изданіе магазина „Книжное дѣло“. М. 1900.

Переводъ лекцій Штрауса о Вольтерѣ на русскій языкъ имѣетъ свою исторію. Въ семидесятыхъ годахъ былъ напечатанъ въ количествѣ 1350 экземпляровъ полный переводъ этихъ лекцій, но ни одинъ изъ этихъ экземпляровъ не попалъ въ руки читателей. Въ 1899 году появилась характеристика Вольтера „по Штраусу“, а теперь, наконецъ мы дождались почти полнаго перевода блестящей характеристики Штрауса. Несмотря на „нѣмецкую точку зрѣнія“, о которой авторъ предупреждаетъ въ первой лекціи, штраусовское жизнеописаніе Вольтера является однимъ изъ самыхъ полныхъ и объективныхъ. По прочтеніи его лекцій, образъ Вольтера во весь ростъ вырисовывается передъ читателями.

Для многихъ Вольтеръ является какой-то „загадочной натурой“, которая то способна раболѣпствовать изъ за какого нибудь ордена, то готова возстать въ защиту поруганныхъ идеаловъ гуманности и справедливости. Двойственность Вольтера дѣлается понятной, если мы взглянемъ на нее съ точки зрѣнія Штрауса. Онъ говоритъ, что Вольтеръ самый типичный представитель своей эпохи и болѣе другихъ къ ней приспособленный. Недостатки Вольтера „представляютъ частью естественные результаты той эпохи съ ея низкой культурой, частью средство для ея преобразованія“. Ниже Штраусъ поясняетъ: „этимъ я не хочу сказать, что недостатки Вольтера не были дѣйствительными недостатками, большею частью онъ преслѣдовалъ второстепенныя, а часто недостойныя цѣли, и это лежало на немъ всегда мучительнымъ гнетомъ“.

Д. И. Писаревъ, посвятившій Вольтеру одну изъ своихъ ослѣпительныхъ статей, обрушивался на ходячее мнѣніе, что Вольтеръ—философъ. Титулъ философа, конечно, непримѣнимъ къ Вольтеру, но зато его съ полнымъ правомъ можно причислить къ піонерамъ соціологіи. Вольтеръ первый пустилъ въ оборотъ выраженіе—„философія исторіи“. Соціологическія идеи Вольтера нашли выраженіе въ четырехтомномъ трудѣ „Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ и о главныхъ историческихъ событіяхъ отъ Карла Великаго до Людовика XIII“.

Это любопытное изслѣдованіе составилось изъ двухъ сочиненій, написанныхъ для маркизы дю-Шателе: „О философіи исторіи“ и „Опытъ исторіи мысли“ Штраусъ говоритъ объ „опытѣ“ Вольтера, что онъ занималъ „почетное мѣсто въ ряду попытокъ, сдѣланныхъ человѣческимъ разумомъ, чтобъ отгадать загадку исторіи“. Въ „Опытѣ“ перекрещиваются двѣ точки зрѣнія: критическая и прагматическая. Критика Вольтера безпощадно преслѣдуетъ все чудесное, анекдотическое, преувеличенное. Если въ критической части „Опыта“ мы имѣемъ дѣло съ остроумнымъ, а иногда съ легкомысленнымъ французомъ, то его философская часть знакомитъ съ глубокимъ, а иногда таки прямо геніальнымъ мыслителемъ. Рядомъ выписокъ изъ „Опыта“ Штраусъ показываетъ, что Вольтеръ довольно послѣдовательно проводилъ идею діалектическаго міросозерцанія. Прочія историческія идеи Вольтера Штраусъ не безъ остроумія сравниваетъ съ идеями Боссюэта, Гердера и Гегеля.

Какъ мы уже говорили въ семидесятыхъ годахъ „Опытъ“ Вольтера былъ отпечатанъ и долженъ былъ появиться на нашемъ книжномъ рынкѣ, но обстоятельства помѣшали его выходу въ свѣтъ на русскомъ языкѣ. Вообще у насъ забыты слова—императрицы Екатерины о томъ, что сочиненія Вольтера образуютъ гражданъ, геніевъ, полководцевъ, которые безъ него заснули бы во мракѣ невѣжества. Удивительно, что теперь изъ всѣхъ сочиненій Вольтера можно достать только „Кандида“ и „Исторію Карла XII“. Такъ какъ мы принуждены знакомиться съ Вольтеромъ изъ вторыхъ рукъ, то особенной рекомендаціи заслуживаетъ разбираемая книга Штрауса. По изложенію и объему она общедоступна и даетъ правдивую характеристику одного изъ тѣхъ „рыцарей духа“, которые, по словамъ Гейне,

«...по свѣту разъѣзжаютъ—
Вносятъ свѣтъ и гонятъ тьму».

Е. М. В.

В. Вартаньянцъ. **Ученіе Л. Н. Толстого, какъ идеализація рабства.** (Критическій опытъ). Тифлисъ 1900 г. Цѣна—35 к.

Толстого—художника не только отдѣляютъ, но иногда даже противупоставляютъ Толстому—мыслителю. Это вовсе не значитъ, что его художественное творчество такъ уже абсолютно независимо отъ его этическихъ воззрѣній. Напротивъ того, вдумчивая критика и въ наиболѣе раннихъ, юношескихъ разсказахъ находитъ сѣмена и ростки его позднѣйшаго жизнеученія. Какъ бы ни были рѣдки отдѣльныя противорѣчія, какъ бы ни были обширны метаморфозы, пережитыя геніальнымъ человѣкомъ на протяженіи его долгой жизни, тѣмъ не менѣе даже и въ нихъ сохраняется внутреннее единство, гармонически охватывающее всѣ пройденныя стадіи развитія, или можетъ быть точнѣе будетъ сказать: *раскрытія* его могучей, неусыпно творческой мысли. И если нѣкоторые критики разрубаютъ единаго человѣка на двое, заживо препарируютъ его своимъ скальпелемъ и, отдѣливъ десницу, жестоко побиваютъ ею „шуйцу графа Толстого“, то къ этому они прибѣгаютъ чаще всего по чисто тактическимъ сообра-

женіямъ. Еще чаще при огульномъ восхищеніи романами и разсказами Толстого высказываются столь же огульныя осужденія всѣмъ его морально-общественнымъ взглядамъ.

Не онъ обнаруживаетъ двойственность творчества, но его оппоненты обнаруживаютъ двойственность пониманія. Главною причиною послѣдней служитъ то, что они не пытаются разобраться въ его публицистическихъ воззрѣніяхъ. И въ этой области Толстой далъ много вѣчныхъ истинъ, но рядомъ съ ними высказалъ и много заблужденій. Безсмертна его геніальная этическая критика существующихъ формъ жизни, безсмертна вся обличительная сторона его литературной дѣятельности. Обнаруживъ въ цѣломъ рядѣ, потрясающихъ картинъ всѣ ужасы и неправды жизни, онъ разбудилъ своими и публицистическими и художественными твореніями спящую совѣсть человѣчества, лицемѣрно молящагося Христу, но служащаго буржуазно языческимъ идоламъ.

Основную ошибку нашей передовой журналистики, болѣе или менѣе сглаженную и замаскированную въ трудахъ ея талантливыхъ представителей, цѣликомъ повторяетъ и доводитъ до крайнихъ предѣловъ развитія г. Вартаньянцъ, авторъ новой брошюрки объ ученіи Толстого. Онъ прямо обвиняетъ ясно-полянскаго философа въ „идеализаціи рабства“, въ служеніи крѣпостническимъ идеаламъ. На осторожный полувопросъ Н. К. Михайловскаго: „Какимъ образомъ могло случиться, что демократическій, народническій писатель, какимъ считается Толстой, *какъ бы* проповѣдуетъ народу прелести батрачества и рабства?“—не въ мѣру рѣшительный г. Вартаньянцъ отвѣчаетъ съ полною увѣренностью, что въ душѣ Толстого сидитъ „не только неисправимый баринъ, но баринъ-*рабовладѣлецъ*“. „Туманное цѣлесообразное начало, которое безъ насъ и наперекоръ намъ (по мнѣнію автора „Войны и мира“) устроетъ все посвоему“ есть не кто иной—говоритъ тифлисскій публицистъ—какъ Молохъ крѣпостного права, пропитавшій своими тенденціями Толстого-барина“ (стр. 14). На стр. 22 онъ называетъ Толстого „костюмированнымъ китайцемъ“. Слѣдуя указкѣ другихъ критиковъ, не сумѣвшихъ понять великаго писателя во всей широтѣ его горизонтовъ, г. Вартаньянцъ видитъ въ Толстомъ не геніальнаго человѣка, протестующаго противъ неправдъ жизни, а только одну изъ варіацій „кающагося дворянина“, притомъ наименѣе удачную изъ остальныхъ, на каждомъ шагу безсознательно повторяющую свой покаянный грѣхъ и словомъ и дѣломъ, т. е. не только литературнымъ служеніемъ традиціямъ крѣпостничества, но даже и вымогательствомъ съ своихъ крѣпостныхъ самыхъ высокихъ по уѣзду оброковъ, что давно уже удостовѣренно В. И. Семевскимъ. Правда, сажать своихъ крѣпостныхъ на оброкъ Толстой могъ только 40—50 лѣтъ тому назадъ, а проповѣдью любви и самоотреченія занялся лишь на нашихъ глазахъ, предварительно обвинивъ себя въ „Исповѣди“ въ еще горшихъ грѣхахъ и преступленіяхъ,—но историческая перспектива какъ то ускользаетъ изъ глазъ не по-разуму усердныхъ обвинителей, и они съ спокойною

совѣстью ставятъ рядомъ событія, раздѣленныя пространствомъ цѣлыхъ десятилѣтій. Суровый приговоръ ихъ не смягчается даже четырьмя земскими давностями и сознаніемъ того, что нельзя ставить въ вину отдѣльному человѣку преступленія всей его эпохи. Еще неосновательнѣе приписывать Толстому крѣпостническіе идеалы и по настоящее время на томъ основаніи, что онъ нѣкогда пользовался трудомъ крѣпостныхъ, и тенденціозно искать подоплёку тайнаго и безсознательнаго крѣпостничества въ его проповѣди любви и самоотреченія. Даже и увлеченіе Толстымъ русской публики, точно такъ же какъ увлеченіе Гоголемъ и Достоевскимъ, проницательный авторъ объясняетъ ничѣмъ инымъ, какъ ея крѣпостническими симпатіями.

И. Гофштеттеръ.

K. Waliszewski. **L'Hèritage de Pierre le Grand Règne des femmes, Gouvernement des favoris (1725—1741). Paris 1900.**

Трудъ Валишевскаго состоитъ изъ трехъ частей: въ первой „Жена и внукъ" разсказывается о государственномъ переворотѣ, послѣдовавшемъ послѣ смерти императора Петра I, о царствованіи императрицы Екатерины I, Меншиковѣ, женскихъ интригахъ, графѣ Морицѣ саксонскомъ, о царствованіи императора Петра II, его забавахъ, о наступленіи олигархіи и анархіи, о верховникахъ. Вторая часть посвящена описанію царствованія Анны Іоановны: попытка введенія либеральнаго правленія въ Россіи; Бироновщина; внутренняя политика Россіи; нѣмцы у власти; внѣшняя политика; ученики и наслѣдники императора Петра I. Въ третьей части: „Двѣ регентши" паденіе Бирона, Анна Леопольдовна и Елисавета Петровна. Подробнаго содержанія книги мы не будемъ касаться, тѣмъ болѣе, что изъ приведеннаго выше перечня главъ вполнѣ ясенъ планъ ея. Постараемся привести вкратцѣ лишь тѣ немногіе новые историческіе матеріалы, которые удалось автору извлечь изъ Дрезденскаго и Берлинскаго секретныхъ архивовъ.

Новые матеріалы касаются встрѣчи князя Меншикова съ графомъ Морицомъ саксонскимъ; и сознанія Лефорта [1]) (саксонскаго посланника), что будто бы „легкомысленное поведеніе цесаревны Елисаветы отняло у друзей графа саксонскаго возможность желать для него этого брака". Въ донесеніяхъ отъ 1 и 20 декабря 1727 года Лефортъ сообщалъ саксонскому двору о молодомъ императорѣ Петрѣ II: „Le maître n'a d'autre occupation que de courir les rues jour et nuit avec la princesse Elisabeth et sa soeur, visiter chambellan (Ivan Dolgorouki), pages, cuisiniers et Dieu sait encore qui... [2]). Qui pourrait croire que ces malavisés (les Dolgorouki)

---

[1]) Лефортъ постоянно свáталъ Морицу саксонскому невѣсть и требовалъ, чтобы тотъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Великая княгиня Елисавета сама отклонила притязанія графа Саксонскаго, какъ слишкомъ неподходящую для нея партію. См. Соловьевъ томъ 19, гл. I, стр. 982 и послѣдующія.

[2]) и Соловьевъ ссылается на Лефорта, когда разсказываетъ, что Петръ II «по обычаю всю ночь гуляетъ», «пробѣгалъ всю ночь по городу». Т. 19, гл. II стр. 1066.

prêtant la main à diverses débauches, en insinuant (au Tsar) les sentiments du dernier Russe. Je sais un appartement attenant le billard, ou le sous-gouverneur lui menage des parties fines. Il travaille actuellement à la petite créature qui était chez Menchikoff... à qui il a fait offrir 50 milles roubles... On ne se couche qu'a 7 heures du matin."

Интересны донесенія прусскаго посланника Мардерфельда. Отъ 16 февраля 1730 года онъ сообщалъ, что на вопросъ цесаревны Елисаветы у верховнаго совѣта, по его-ли приказанію Иванъ Долгорукій снялъ почетный караулъ у ея дворца, послѣдовалъ отвѣтъ: „Non; et si le prince Ivan envoie chez vous avec de telles commissions, vous pouvez faire fouetter les commissionnaires et s'il se présente lui-même, vous pouvez lui cracher au visage". 20-го февраля 1730 года онъ же писалъ о томъ, что въ Москвѣ всѣ только и говорятъ о конституціи и объ англійскомъ парламентѣ. Одинъ князь разспрашивалъ иностраннаго посланника очень подробно о женевской конституціи. 4 января 1731 года тотъ же Мардерфельдъ сообщалъ въ Берлинъ, что Карлъ Биронъ (братъ герцога) красавецъ по наружности, произвелъ большое впечатлѣніе на Елисавету; тогда призвали красавца Шубина изъ Ревеля, который одинъ былъ въ состояніи отклонить цесаревну отъ новаго увлеченія. Но императрица рѣшилась поступить гораздо проще: она запретила Бирону видѣться съ слишкомъ увлекающеюся Елисаветою, а Шубина сослала въ Сибирь... и такъ далеко—прибавляетъ авторъ,—что Елисаветѣ впослѣдствіи едва удалось отыскать его. Въ дѣлѣ Волынскаго авторъ, кажется, придаетъ слишкомъ много значенія версіи, будто бы Волынскій хотѣлъ завладѣть русскимъ престоломъ, чему вѣрилъ и дипломатическій корпусъ въ Петербургѣ. По крайней мѣрѣ Мардерфельдъ въ своихъ донесеніяхъ отъ 28-го іюня, 12 и 16—іюля 1740 года упоминаетъ о „potion sopitére", предназначавшемся Волынскимъ для императрицы pour la plonger dans le sommeil éternel, afin que rien ne l'empéchat (Volynski) de monter sur le trône.

Къ книгѣ приложенъ портретъ императрицы Екатерины I изъ портретной галлереи Дашковой.

Опечатки: Въ № 11, въ статьѣ В. Батуринскаго на стр. 184 строка 5 сверху, вмѣсто «цинизма» слѣд. читать: «нивизма» стр. 189, строка 17 снизу, вмѣсто «законы» слѣд. читать «заказы»; стр. 198, строка 3 снизу вмѣсто «она» слѣд. читать: «молодежь».

Редакторъ-издатель **С. С. Сухонинъ.**

СОДЕРЖАНІЕ
„ВѢСТНИКА ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ“
ЗА ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

(Декабрь 1899—ноябрь 1900).

I. Статьи общаго характера.—Философія исторіи.

II. Русская Исторія.

III. Исторія иностранныхъ государствъ и народовъ.

IV. Исторія литературы, искусствъ и просвѣщенія.

V. Исторія быта и нравовъ.

VI. Беллетристика.

VII. Странички прошлаго.

а) *Изъ русской жизни.*

б) Изъ иностранной жизни.

X. Литературная лѣтопись.

могли снабдить русское войско хлѣбомъ и скотомъ. Для обезпеченія за собою этихъ выгодъ императрицѣ нужно было войти въ соглашеніе съ Польшею. Она рѣшила сдѣлать это во время своего путешествія въ Крымъ, предпринятаго въ 1787 г. Императрица охотно согласилась на предложенное ей свиданіе со Станиславомъ-Августомъ въ Каневѣ; ей также пріятно было видѣть многочисленныхъ польскихъ пановъ, отправившихся привѣтствовать ее въ Кіевѣ.

Въ Кіевѣ съѣхалась почти вся польская оппозиція: гетманъ Браницкій съ женою, Щенсный и Игнатій Потоцкіе, Казиміръ-Несторъ Сапѣга и многіе другіе. Всѣ они старались оказать возможно большій почетъ императрицѣ и ея двору, толпились вокругъ князя Потемкина, который въ присутствіи русскихъ генераловъ и сановниковъ принималъ ихъ безъ всякихъ церемоній, лежа на диванѣ, одѣтый въ полушубокъ. Поляки унижались передъ императрицею и ея фаворитомъ, надѣясь, что имъ удастся добиться отозванія изъ Варшавы Штаккельберга и поколебать положеніе Станислава-Августа.

Но Екатерина, нуждаясь теперь въ королѣ и поэтому не желая умалять его значеніе въ республикѣ, не удовлетворила ихъ желаній. Она отличила одного лишь Щенскаго Потоцкаго, почтивъ его исключительнымъ вниманіемъ. Тѣмъ временемъ Станиславъ-Августъ прибылъ въ Каневъ и семь недѣль ожидалъ здѣсь пріѣзда императрицы. Съ нимъ пріѣхали: два его племянника: Станиславъ, съ 1784 г. бывшій великимъ литовскимъ подскарбіемъ, и Іосифъ (сынъ Андрея), бывшій австрійскимъ офицеромъ; великій коронный маршалъ, Михаилъ Мнишекъ, литовскій польный гетманъ, Людвигъ Тышкевичъ,—оба женатые на кузинахъ короля; епископъ Адамъ Нарушевичъ и др. Въ маѣ прибыла въ Каневъ императрица. Во время свиданія, состоявшагося на кораблѣ, Станиславъ-Августъ имѣлъ съ Екатериной совѣщаніе о политическихъ дѣлахъ. Онъ обязался склонить республику оказать Россіи поддержку въ войнѣ съ Турціей и взамѣнъ за это желалъ получить согласіе императрицы на избраніе послѣ его смерти на польскій престолъ племянника его, Станислава Понятовскаго, а также на увеличеніе польской арміи и королевской власти въ Польшѣ. На избраніе князя Станислава на польскій престолъ императрица не согласилась, по остальнымъ же вопросамъ обѣщала дать отвѣтъ по пріѣздѣ въ Петербургъ. Насколько оппозиція разочаровалась въ своихъ ожиданіяхъ, настолько же довольнымъ уѣзжалъ изъ Канева Станиславъ-Августъ. Онъ возвращался въ Варшаву

черезъ южныя воеводства и Краковъ, повсюду подготовляя умы къ конфедератскому сейму, который бы утвердилъ рѣшенное участіе Польши въ турецкой войнѣ и измѣненіе конституціи 1775 г. Вернувшись въ столицу, онъ, желая напомнить населенію о прежнихъ войнахъ Польши съ Турціей, велѣлъ поставить въ Лазенковскомъ паркѣ конную статую короля Яна III.

Въ августѣ 1787 г. Турція, раздраженная притязаніями петербургскаго двора, объявила войну Россіи. Въ началѣ же слѣдующаго года Австрія, согласно договору съ Екатериною, объявила войну Турціи. Шведскій король, Густавъ III, желая освободиться отъ вліянія Россіи, прервалъ дипломатическія сношенія съ нею и готовился къ войнѣ. Пруссія въ соглашеніи съ Англіей и Голландіей готова была поддержать Турцію. При такихъ условіяхъ для Польши открывалось два пути. или вступить въ союзъ съ Россіей и, взамѣнъ за согласіе императрицы на извѣстныя измѣненія конституціи 1775 г., принять участіе въ войнѣ съ Турціей,—или же, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Россіи, освободиться отъ ея вліянія и вернуть себѣ прежнее положеніе независимаго государства. Какой изъ этихъ путей слѣдуетъ избрать, предстояло рѣшить очередному сейму, который долженъ былъ состояться осенью 1780 г.

Послѣ каневскаго съѣзда императрица прислала королю черезъ Штаккельберга условія союза между Россіей и Польшей. Она предложила трактатъ, гарантирующій неприкосновенность владѣній обоихъ государствъ и обязывающій ихъ оказывать другъ другу помощь въ случаѣ внѣшней опасности. Она хотѣла заключить лишь оборонительный союзъ и не соглашалась ни на какія измѣненія конституціи, а тѣмъ болѣе на предложенное Станиславомъ-Августомъ въ Каневѣ расширеніе королевской власти. Императрица изъявляла свое согласіе на превращеніе предстоящаго сейма въ конфедерацію, но только для утвержденія предложеннаго союза и увеличенія арміи. Король не думалъ воспользоваться затрудненіями Россіи и попытаться на освобожденіе государства изъ-подъ ея вліянія: онъ хотѣлъ, кромѣ утвержденія союза и увеличенія арміи, предложить на конфедератскомъ сеймѣ внутреннія реформы безъ измѣненія основъ конституціи 1775 г. Программу короля поддерживали: великій коронный канцлеръ, бывшій маршалъ коронаціоннаго сейма, Яцэкъ Малаховскій, и примасъ, Михаилъ Понятовскій. За сохраненіе прежнихъ отношеній съ Россіей

были всѣ тѣ, которые получали деньги изъ кассы Штаккельберга или были обязаны его протекціи своимъ положеніемъ въ республикѣ: князь Адамъ Понинскій, получившій должность великаго короннаго подскарбія; алчные и коварные братья Коссаковскіе: Іосифъ, епископъ инфлянтскій, и Симонъ, нѣкогда барскій конфедератъ, а теперь членъ постояннаго совѣта; Владиславъ Гуровскій, назначенный великимъ литовскимъ маршаломъ; Казиміръ Рачинскій, генералъ велико-польскій; каштеляны: войницкій, Петръ Ожаровскій, перемышльскій, Антоній Четвертинскій и др.

Вторую политическую группу составляли вожди прежней оппозиціи, а именно; гетманы — великій, Браницкій, и польный, Ржевусскій, а также Щенсный-Потоцкій, отказавшійся отъ должности русскаго воеводы и купившій себѣ у Фридриха-Алозія Брюля чинъ генерала коронной артиллеріи. Они тоже были сторонниками Россіи, но не по тѣмъ соображеніямъ, которыя руководили королемъ и наемниками Штаккельберга: они тяготѣли къ Россіи, надѣясь склонить ее къ уничтоженію постояннаго совѣта и возстановленію прежняго владычества магнатовъ. Браницкій, человѣкъ лишенный чести, во время своего пребыванія въ 1787 г. въ Кіевѣ не постѣснился говорить императрицѣ и ея приближеннымъ: «*je suis russe*» — я русскій; ради уничтоженія военнаго департамента и возстановленія независимости гетманской власти онъ готовъ былъ проливать свою кровь за Россію. Первый сановникъ республики безъ ея разрѣшенія, самовольно отправился въ началѣ русско-турецкой войны подъ Очаковъ, въ главный штабъ князя Потемкина; онъ принялъ начальство надъ казацкимъ полкомъ и сражался съ турками. Смиренный въ присутствіи русскихъ, онъ съ поляками держалъ себя нагло и вызывающе. Ржевусскій нѣкогда клялся отмстить Россіи; вознаграждаемый за ссылку въ Калугу саномъ польнаго гетмана и богатымъ королевскимъ старостствомъ онъ въ своихъ рѣчахъ на сеймѣ громилъ общество, упрекая его въ испорченности онъ разыгрывалъ роль Катона, — а въ дѣйствительности это былъ польскій аристократъ, не понимавшій жизни безъ избирательнаго королевскаго престола, *liberum veto* и независимой гетманской власти. Понявъ, что одна лишь Россія, руководясь своими собственными интересами, можетъ возстановить прежній строй республики, онъ предался ей, забывъ о своей клятвѣ и мести. Щенсный-Потоцкій не лишенъ былъ заслугъ: онъ былъ извѣстенъ своей гуманностью къ крѣпостнымъ и щедрыми пожер-

твованіями на общественныя надобности. Однако достоинства его перевѣшивались его родовой гордостью, жаждой восхваленія и преклоненія. Императрица, понявъ Потоцкаго, не скупилась въ Кіевѣ на проявленія своего вниманія къ нему; она совершенно вскружила голову самолюбивому магнату своимъ заявленіемъ, что, въ случаѣ смерти Станислава-Августа, она считаетъ его самымъ достойнымъ польской короны. Потемкинъ и русскіе генералы относились къ нему съ глубочайшимъ почтеніемъ. Эти люди, хотя и различные по натурѣ, шли рука объ руку другъ съ другомъ, связанные общей надеждой на осуществленіе своихъ стремленій при помощи Россіи. Въ концѣ 1787 г. они представили Потемкину проектъ учрежденія конфедераціи, которая соединила бы всѣ польскія силы съ Россіей для войны съ Турками. Такъ какъ властелинами конфедераціи были ея учредители, то они разсчитывали этимъ путемъ овладѣть сеймомъ, чтобы обезоружить короля и другихъ своихъ противниковъ. Проектъ этотъ въ сущности клонился къ бунту противъ короля, по примѣру радомской конфедераціи: онъ могъ бы вызвать междуусобную войну, вмѣшательство державъ и раздѣлъ республики. Императрица, намѣреваясь достигнуть осуществленія своихъ плановъ относительно республики при содѣйствіи Станислава-Августа, не согласилась на учрежденіе магнатской конфедераціи, но съ удовольствіемъ удостовѣрилась въ томъ, что въ авторахъ проекта она всегда найдетъ удобное орудіе, чтобы произвести смуту въ республикѣ и достигнуть своей цѣли.

Во главѣ третьей политической группы, которая получила названіе патріотической партіи, стояли: Игнатій Потоцкій, бывшій теперь надворнымъ литовскимъ маршаломъ, князь Адамъ Чарторыйскій и коронный референдарь, братъ канцлера, Станиславъ Малаховскій. Потоцкій и Чарторыйскій освободились отъ вліянія гетмана Браницкаго, котораго они въ сущности презирали, а Малаховскій, прозванный польскимъ Аристидомъ, поглощенный до сихъ поръ исполненіемъ своихъ должностныхъ и гражданскихъ обязанностей, теперь въ первый разъ выступилъ на болѣе широкое политическое поприще. Основной чертой ихъ програмы было устраненіе русскаго вліянія при помощи Пруссіи, которая во время, начавшейся тогда турецкой войны обращала свои взоры на Польшу. Съ ихъ програмой внѣшней политики соединялись планы преобразованія государственнаго и общественнаго строя въ духѣ интересовъ страны и требованій прогресса. Ревностнаго сотрудника въ

дѣлѣ внутреннихъ реформъ они нашли въ лицѣ священника Гуго Коллонтая (†1750 г.), который выслуживъ пенсію въ должности ректора главной коронной школы и получивъ санъ литовскаго рефендаря, поселился въ Варшавѣ и началъ свою публистическую дѣятельность. Въ сочиненіи, озаглавленномъ: «*Нѣсколько писемъ Анонима къ коронному рефендарю, Станиславу Малаховскому, о предстоящемъ сеймѣ*» (1788 года, три тома), онъ изложилъ планъ реформъ, ставшій политической программой прогрессистовъ. Подъ знаменемъ патріотической партіи группировались молодые люди, воспитанные въ атмосферѣ училищныхъ реформъ Конарскаго, проникнутые идеями пред-революціонной французской литературы. Не малую роль въ этой партіи играли дамы-аристократки: княгиня, жена генерала земель подольскихъ, жена маршала, Любомірская, со своими дочерями, женами Игнатія и Станислава Потоцкихъ.

На предсеймовыхъ сеймикахъ избранія въ послы добивались вожди партій, а также люди, для которыхъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ открывалось поприще для дѣятельности на пользу страны. Щенсный Потоцкій былъ избранъ брацлавскимъ посломъ, племянникъ Браницкаго, Казиміръ-Несторъ Сапѣга,—брестъ-литовскимъ; референдарь Малаховскій избранъ посломъ отъ сандомірскаго воеводства, князь Адамъ Чарторыйскій и Станиславъ-Костка Потоцкій—отъ люблинскаго. Группу патріотовъ усилили лифляндскіе послы: Юліанъ Усынъ-Нѣмцевичъ и Іосифъ Вейссенгоффъ, брестъ-литовскій, Ѳаддей Матушевичъ, пинскій, Матвѣй Бутримовичъ, познанскій, Игнатій Закржевскій и др.

Всѣ партіи, различавшіяся другъ отъ друга какъ въ своихъ взглядахъ на внѣшнюю политику, такъ и въ планахъ, касавшихся внутренняго строя государства, сходились въ одномъ общемъ желаніи—увеличія арміи. Всѣ хотѣли, чтобы республика приняла дѣятельное участіе въ современныхъ политическихъ событіяхъ: двѣ первыя партіи желали поддерживать императрицу въ турецкой войнѣ, патріотическая же партія для осуществленія своей программы считала необходимымъ войти въ союзъ съ Пруссіей противъ Россіи и Австріи. Проникшая во всеобщее сознаніе, необходимость увеличенія войска, отъ котораго зависѣла возможность участія республики въ современныхъ политическихъ событіяхъ, склоняла всѣ партіи къ превращенію предстоящаго сейма въ конфедерацію. Лишь конфедератскій сеймъ, какъ обезпеченный отъ сорванія, открывалъ виды на увеличеніе арміи.

6 Октября 1788 г. въ Варшавѣ былъ открытъ сеймъ заместителемъ маршала предъидущаго сейма, познанскимъ посломъ Квилецкимъ. Послѣ провѣрки выборовъ маршаломъ сейма былъ единогласно избранъ референдарь Малаховскій. На слѣдующій день въ общемъ собраніи обѣихъ палатъ король представилъ актъ конфедераціи, выработанный заранѣе при содѣйствіи самыхъ выдающихся людей изъ сенаторовъ и рыцарства. Проектъ этотъ былъ принятъ. Конфедерація учреждалась въ защиту католической вѣры, неприкосновенности страны, республиканскаго правленія, королевскихъ прерогативъ и существующихъ магистратуръ; главной цѣлью ея было увеличеніе войска, утвержденіе налоговъ и осуществленіе внутреннихъ реформъ. Всѣ дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ посредствомъ открытаго голосованія. Послѣ открытаго голосованія должно производиться окончательное закрытое, если бы этого потребовалъ хоть одинъ изъ членовъ сейма. Тайное голосованіе было принято въ интересахъ тѣхъ членовъ сейма, которые, будучи теперь подданными державъ-участницъ раздѣла, не могли безъ опасности для себя высказывать открыто свои взгляды. Такъ какъ конфедерація должна была имѣть двухъ маршаловъ, то на эти должности назначены были: отъ Короны—избранный уже посольскою палатою, референдарь Малаховскій, а отъ Литвы—генералъ литовской артиллеріей, Казиміръ-Несторъ Сапѣга.

Лишь только конституировался конфедератскій сеймъ, прусскій посолъ, Генрихъ-Людвигъ Бухгольцъ, обратился къ нему съ деклараціей слѣдующаго содержанія. Король Фридрихъ-Вильгельмъ II съ изумленіемъ, дескать, узналъ о предполагающемся заключеніи русско-польскаго союза. Если ни Россія, ни Австрія не имѣютъ никакихъ намѣреній, враждебныхъ республикѣ, то предполагающейся союзъ можетъ быть направленъ только противъ Турціи, или же противъ него, прусскаго короля. Такъ какъ не существуетъ повода для союза противъ Турціи, которая свято соблюдаетъ условія карловицкаго договора, то надо думать, что предполагающійся союзъ угрожаетъ только безопасности Пруссіи. Въ виду этого прусскій король протестуетъ противъ русско-польскаго союза и, съ своей стороны, предлагаетъ республикѣ заключить съ нимъ союзъ для защиты обоихъ государствъ. Онъ не воспротивится увеличеніи польской арміи, но предостерегаетъ, какъ бы Польша не была вовлечена въ войну, которая можетъ имѣть для нея самыя печальныя послѣдствія.

Прусская декларація произвела чрезвычайно сильное впе-

чатлѣніе. Въ первый разъ одинъ изъ сосѣднихъ государей и участниковъ раздѣла Польши высказывался въ Варшавѣ такъ рѣшительно противъ Россіи и такъ доброжелательно къ республикѣ, обращаясь къ ней, какъ къ независимому государству. Благодаря прусскому королю, обѣщавшему безкорыстную помощь и защиту отъ притязаній Россіи, большинство членовъ сейма пришло къ убѣжденію, что сеймъ теперь уже свободенъ отъ давленія Штаккельберга и можетъ быть господиномъ своихъ дѣйствій. Немедленно же послѣ засѣданія, на которомъ была прочитана прусская декларація, около пятидесяти пословъ поспѣшили посѣтить Бухгольтца и выразить благодарность Фридриху-Вильгельму за его великодушіе.

На засѣданіи 20 октября, по предложенію сѣрадзскаго воеводы Михаила Валевскаго, сеймъ единогласно постановилъ увеличить войско до 100,000 чел.—и вскорѣ послѣ этого сказались послѣдствія прусской деклараціи. Возникъ вопросъ о начальствованіи надъ войскомъ, вызвавшій ожесточенную борьбу.

Станиславъ Потоцкій доказывалъ, что порученіе начальствованія надъ стотысячной арміей военному департаменту, учрежденію, навязанному извнѣ и находящемуся подъ иностраннымъ вліяніемъ, равнялось бы отдачѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ республики на службу Россіи. Онъ предложилъ уничтожить военный департаментъ и возстановить военную коммиссію, которая бы зависѣла только отъ сейма. Но въ дѣйствительности Потоцкій и его приверженцы изъ патріотической партіи стремились къ изъятію войска не только изъ вѣдѣнія постояннаго совѣта, но и изъ подъ верховной власти Станислава-Августа. Военный департаментъ защищалъ Штаккельбергъ, доказывая, что сеймъ не въ правѣ уничтожать учрежденіе, гарантированное Россіей: за департаментъ высказались также король и братъ его, примасъ, предостерегая, отъ опасности нарушенія трактата 1775 г. Оппозиція не прекращала своихъ нападокъ на департаментъ—тѣмъ болѣе, что она имѣла союзника въ лицѣ прусскаго двора. На помощь тяжеловѣстному Бухгольтцу въ Варшаву прибылъ маркграфъ Іеронимъ Луккезини, ловкій итальянецъ, съ большимъ искусствомъ подстрекавшій сеймъ порвать отношенія, существовавшія между Польшею и Россіей. По наущенію Луккезини оппозиція на тотъ случай, если ей не удастся уничтожить военный департаментъ, согласна была учредить конфедерацію и призвать на помощь прусскаго короля. Фридрихъ-Вильгельмъ держалъ на границѣ корпусъ, го-

товый каждую минуту вступить въ Польшу. Станиславъ-Августъ, не желая допустить распаденія сейма и прусскаго нашествія согласился на голосованіе вопроса о военномъ департаментѣ. На засѣданіи 3 ноября, продолжавшемся шестнадцать часовъ, было произнесено болѣе восьмидесяти рѣчей въ защиту департамента и противъ него. При тайномъ голосованіи военный департаментъ былъ уничтоженъ большинствомъ восемнадцати голосовъ. Мѣсто его заняла военная коммиссія, общая для Короны и Литвы, состоявшая изъ восемнадцати членовъ: гетмана, предсѣдательствовавшаго въ ней, трехъ сенаторовъ, девяти сеймовыхъ пословъ и пяти военныхъ. Избраніе членовъ этой коммиссіи было произведено сеймомъ.

Штаккельбергъ, безъ согласія котораго сеймъ постановилъ учредить стотысячную армію и уничтожить военный совѣтъ, чувствовалъ себя крайне оскорбленнымъ. Въ виду затрудненій, какія испытывала тогда Россія, ведшая турецкую и шведскую войны, онъ молчалъ; узнавъ однако, что оппозиція задумала внести на сеймѣ новыя предложенія, клонившіяся къ измѣненію конституціи 1775 г., онъ вручилъ маршаламъ ноту, грозившую возмездіемъ за нарушеніе трактатовъ. Нота русскаго посланника имѣла самыя печальныя послѣдствія, такъ какъ она побудила оппозицію еще тѣснѣе сблизиться съ Пруссіей. Желая дать понять посланнику, что угроза его не страшна, что русская гарантія не можетъ связывать республику въ рѣшеніи ея внутреннихъ дѣлъ, оппозиція обратилась къ берлинскому двору. Она хотѣла получить отъ берлинскаго двора заявленіе, что прусскій король не считаетъ себя въ правѣ стѣснять свободу обсужденій и постановленій республики; другими словами,—она добивалась отъ этого монарха полнаго отреченія отъ гарантіи, установленной трактатомъ о раздѣлѣ 1773 г. Берлинскій дворъ исполнилъ это желаніе; Бухгольтцъ вручилъ маршаламъ сейма декларацію, въ которой заявлялъ, что прусскій король, въ качествѣ принявшаго на себя гарантію, считаетъ своей обязанностью лишь защищать независимость Польши и отнюдь не имѣетъ притязанія вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла,—напротивъ, онъ желаетъ возможно больше обезпечить свободу республики въ этомъ отношеніи. Эта декларація прусскаго короля произвела огромное впечатлѣніе. Отреченіемъ отъ гарантіи король возбуждалъ у всѣхъ ненависть къ Россіи, отстаивалъ неприкосновенность конституціи 1775 г. и компромитировалъ Станислава-Августа, предостерегавшаго отъ опасности нарушенія трактатовъ о раздѣлѣ. Эта

вторичная прусская декларація придала оппозиціи смѣлость предпринять новое нападеніе на гарантированное Россіей правительство т. е., на постоянный совѣтъ.

Доброжелательныя заявленія прусскаго короля подали сейму мысль отправить въ Берлинъ посланника для переговоровъ о заключеніи союза, а также назначить полномочныхъ министровъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Король далъ свое согласіе на это и назначилъ: литовскаго стольника, князя Іосифа Чарторыйскаго, въ Берлинъ, вице-коменданта кадетскаго училища Франциска—Ксаверія Войну, въ Вѣну, Франциска Букатаго въ Лондонъ, а также трехъ Потоцкихъ: Щенскаго въ Петербургъ, Станислава въ Парижъ и щержецкаго старосту, Петра, въ Константинополь. Оппозиція посмотрѣла на эти королевскія назначенія, какъ на простой проектъ, и добивалась, чтобы посланниковъ при иностранныхъ дворахъ назначалъ и отзывалъ только сеймъ. Хотя право назначенія посланниковъ всегда принадлежало королю, Станиславъ-Августъ, опасаясь новой конфедераціи и прусскаго нашествія, отказался отъ этой своей прерогативы. Гораздо важнѣе былъ вопросъ о составленіи инструкціи для посланниковъ и вообще, о завѣдываніи посольствами. Не питая никакого довѣрія къ департаменту иностранныхъ дѣлъ въ постоянномъ совѣтѣ, оппозиція добивалась передачи его правъ особой депутаціи сейма. Это желаніе ея также было исполнено. Для составленія инструкцій посланникамъ и руководства дипломатіей была назначена *«депутація по иностраннымъ дѣламъ»*, состоявшая изъ маршаловъ сейма, четырехъ хранителей печати, трехъ сенаторовъ, шести членовъ изъ рыцарскаго сословія и литовскаго писаря, Антонія Дзѣдушицкаго,—въ общемъ, изъ шестнадцати человѣкъ. Учрежденіе сеймовой депутаціи по иностраннымъ дѣламъ было новымъ посягательствомъ на постоянный совѣтъ, а вслѣдствіе этого и на русскую гарантію.

Послѣ упраздненія департамента военныхъ дѣлъ и передачи правъ департамента иностранныхъ дѣлъ сеймовой депутаціи, упраздненіе всего постояннаго совѣта было уже лишь вопросомъ времени. Въ концѣ 1788 г. число враговъ совѣта увеличилось еще Браницкимъ, который вернулся изъ русскаго лагеря. 19 Января 1789 г; по предложенію сѣрадзскаго воеводы, Валевскаго, и трокскаго посла, Михаила Залѣсскаго, постоянный совѣтъ былъ упраздненъ. Республика избавилась отъ навязаннаго Россіей правительства, тяготѣвшаго надъ нею двѣнадцать лѣтъ Уничтоженіе постояннаго совѣта не вызвало

со стороны Штакельберга такихъ протестовъ, какъ упраздненіе военнаго департамента. Въ Варшавѣ сперва не знали, чему приписать такое спокойствіе Россіи; впослѣдствіи же убѣдили себя, будто императрица не станетъ претендовать на нарушеніе трактата. Спокойствіе петербургскаго кабинета было въ дѣйствительности лишь маской, которою онъ прикрывался до времени и по необходимости подъ давленіемъ Австріи.

Русскій и австрійскій дворы, въ силу заключеннаго между ними союза, обязались дѣйствовать въ Варшавѣ единодушно и совмѣстно: посланникъ императора Іосифа II, де-Каше, долженъ былъ во всемъ поддерживать Штаккельберга. Вскорѣ однако обнаружились недостатки этого соглашенія. Россія не хотѣла дѣлиться своею властью въ Польшѣ ни съ одной державой и не скрывала также своихъ стремленій отъ Австріи, хотя и желала ея поддержки. Эта система не нравилась императору Іосифу II; австрійскій канцлеръ, Кауницъ, неоднократно высказывалъ свое недовольство. Рознь между союзными державами вызывало также различіе ихъ взглядовъ на польскій вопросъ. Когда значительная часть польскаго народа перешла на сторону Пруссіи и уничтожила правительство 1775 г., Россія отнеслась къ этому съ раздраженіемъ, держала себя высокомѣрно и старалась склонить къ тому же и вѣнскій дворъ. Совершенно иначе дѣйствовалъ Кауницъ. Убѣжденный въ томъ, что подстрекательство сейма со стороны Пруссіи имѣло цѣлью лишь раздражить императорскіе дворы и побудить ихъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ республики, что дало бы Фридриху-Вильгельму возможность занять западныя польскія воеводства, онъ всѣми силами старался успокоить раздраженіе петербургскаго двора. Представителю своему въ Варшавѣ онъ предписалъ величайшую сдержанность и осторожность; такую же тактику онъ рекомендовалъ и петербургскому двору. Императрица, сдерживаемая австрійскимъ канцлеромъ, отложила свою месть, хотя и не перестала пользоваться косвенными средствами, возбуждавшими страхъ въ народѣ и сеймѣ. Къ такимъ средствамъ принадлежало подстрекательство украинскихъ крестьянъ къ бунту.

Послѣ перваго раздѣла Штаккельбергъ сталъ стремиться къ тому, чтобы всѣхъ дизунитовъ въ русскихъ воеводствахъ Польши подчинить петербургскому синоду и превратить въ подданныхъ Россіи. Помощника въ этомъ положеніи онъ нашелъ въ лицѣ Конисскаго, который хотя и перешелъ въ 1772 году со всей своей могилевской эпархіей подъ власть Россіи, но не переставалъ словомъ и дѣломъ вредить Польшѣ. По

его рекомендаціи священникъ русскаго посольства въ Варшавѣ, Викторъ Садковскій былъ назначенъ Екатериной въ 1783 г. архимадритомъ слуцкаго православнаго монастыря и намѣстникомъ кіевскаго митрополита для дизунитовъ въ предѣлахъ республики. Назначеніе это состоялось безъ согласія патрона монастыря, князя Радзивилла, которому принадлежалъ Слуцкъ, и безъ предварительнаго сношенія съ Станиславомъ-Августомъ. Не ограничиваясь этимъ, Штаккельбергъ принялся хлопотать въ Петербургѣ объ учрежденіи особой православной эпархіи въ Польшѣ. Подъ вліяніемъ того же Конисскаго, въ 1785 г. указомъ императрицы Садковскій былъ назначенъ епископомъ переяславскимъ и коадъюторомъ кіевскаго митрополита — съ резиденціей въ Слуцкѣ. Такимъ образомъ, петербургское правительство безъ сношенія съ королемъ, учредило въ Польшѣ новое православное епископство, названное переяславскимъ. Садковскій получилъ хиротонію въ Кіевѣ; при возведеніи въ епископскій санъ онъ далъ присягу на вѣрность императрицѣ, обѣщавъ служить ей до послѣдней капли крови. Уступая назойливымъ требованіямъ Россіи, Станиславъ-Августъ далъ Садковскому привиллегію на это епископство, несмотря на то, что Садковскій отказался принести необходимую присягу на вѣрность королю. Присягу эту онъ далъ лишь послѣ каневскаго съѣзда, въ Тульчинѣ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій короля и приказаній петербургскаго двора. Вскорѣ послѣ упраздненія постояннаго совѣта сеймъ получилъ свѣдѣнія, что епископъ созываетъ православныхъ священниковъ, склоняетъ ихъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ и подстрекаетъ къ бунту. Въ то же время были получены подтвержденія извѣстій о готовившихся волненіяхъ среди украинскаго крестьянства. Убійство въ с. Невѣрковѣ, на Волыни, всего семейства Валежинскихъ, повергло въ ужасъ окрестныхъ землевладѣльцевъ. Они стали искать убѣжища въ Дубнѣ, Луцкѣ, Люблинѣ и даже за-австрійскою границею. Со страхомъ посылали они въ Варшаву просьбы о защитѣ. Сеймъ велѣлъ арестовать Садковскаго и представить въ Варшаву, назначилъ „депутацію для допросовъ обвиняемыхъ въ бунтѣ“, потребовалъ у дизунитскаго духовенства присяги на вѣрность королю и республикѣ, постановилъ выслать изъ страны маркитантовъ, филиппоновъ [1]), бродячихъ монаховъ и всякихъ стран-

[1]) Великоросы-офени. Названіе ихъ маркитантами въ то время безпрестанныхъ войнъ—понятно; филиппонами же ихъ называли отъ имени

никовъ, подозрѣваемыхъ въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту. Магдебургіи и слѣдственныя коммиссіи, учрежденныя въ Луцкѣ, Дубнѣ, Кременцѣ, Житомірѣ, Владимірѣ, Брацлавѣ, Махновкѣ и другихъ городахъ, которымъ было предоставлено и право произносить приговоры, арестовывали подозрительныхъ лицъ и признанныхъ виновными въ подстрекательствѣ къ бунту присуждали къ повѣшенію. Въ Луцкѣ было обезглавлено два уніатскихъ священника. Русскія воеводства были умиротворены суровыми наказаніями, прибытіемъ военныхъ командъ и бдительностью Щенснаго Потоцкаго, который, подвергшись оскорбленіямъ со стороны сейма за свои симпатіи къ Россіи, уѣхалъ изъ Варшавы и поселился на Украинѣ.

Послѣ упраздненія постояннаго совѣта, важнѣйшія задачи сейма составляли: изысканіе средствъ на содержаніе стотысячной арміи и выработка новой формы правленія, соотвѣтствующей потребностямъ самостоятельнаго государства.

Увлеченіе, съ которымъ большинство сейма относилось къ обезпеченію независимости страны преодолѣло господствовавшее до сихъ поръ отвращеніе къ уплатѣ постоянныхъ налоговъ, обыкновенно отожествлявшихся съ неволею. Послѣ продолжительныхъ преній принято было постановленіе, въ силу котораго староства должны были платить двѣ, экспектанты, по полученіи ими вѣчныхъ арендъ,—двѣ съ половиною, эмфитеуты 1775 г.—три съ половиною кварты по новой люстраціи. Духовенство, сверхъ *subsidium charitativum*, обложено было податью въ 20% съ доходовъ, шляхтскія имѣнія—въ 10% подъ названіемъ „вѣчной жертвы". Изъ этихъ источниковъ разсчитывали получить около 36 милліоновъ. А такъ какъ бюджетъ стотысячной арміи долженъ былъ равняться приблизительно 40 милліонамъ, то казалось, что остается изыскать еще лишь небольшую часть средствъ, необходимыхъ на содержаніе арміи. Вскорѣ найденъ былъ новый источникъ дохода для подкрѣпленія военнаго фонда. Одинъ изъ пословъ сейма предложилъ назначить преемнику умершаго Солтыка († 1788 г.) 100,000 золотыхъ ежегодной пенсіи, всѣ же остальные доходы съ владѣній краковскихъ епископовъ употреблять на содержаніе арміи. Предложеніе это было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ; черезъ нѣсколько дней, несмотря на протесты нунція, была принята „коэквація" (уравненіе) всѣхъ

одной изъ великорусскихъ сектъ,—филиппова согласія,—приверженцы которыхъ искали въ Польшѣ убѣжища отъ религіозныхъ гоненій въ Россіи. Г. Л.

остальныхъ епископствъ послѣ смерти лицъ, занимавшихъ тогда епископскія каѳедры. Сеймъ предложилъ финансовой коммиссіи принять въ свое вѣдѣніе владѣнія краковскихъ епископовъ, сдать ихъ въ аренду и изъ доходовъ выплачивать преемнику Солтыка по 100,000 золотыхъ въ годъ. Послѣ смерти остальныхъ епископовъ, коммиссія поступитъ такимъ же образомъ и съ ихъ владѣніями. Примасу она будетъ платить ежегодно 200, латинскимъ епископамъ 100, уніатскимъ 50 тысячъ золотыхъ. Къ несчастью, надежда на полученіе 40 милліоновъ ежегоднаго дохода на содержаніе арміи не оправдалась. Вмѣсто ожидавшихся 36 милліоновъ, староства, экспектативы, эмфитеузы и частныя помѣстья едва дали 18. Самое большее разочарованіе принесъ десятипроцентный сборъ, который вслѣдствіе сокрытія землевладѣльцами ихъ дѣйствительныхъ доходовъ далъ не болѣе шести милліоновъ. Въ виду недобора установленъ былъ полуторный подымный налогъ въ городахъ, налогъ на вино, мясники были обложены сборомъ натурою, кожами, который по разсчетамъ долженъ былъ дать свыше десяти милліоновъ. Однако и эти источники не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. За невозможностью собрать сорока-милліонный фондъ, сеймъ вынужденъ былъ временно ограничиться учрежденіемъ арміи въ 65,000 чел.

Выработкою новой государственной конституціи занялась, учрежденная 7 сентября 1789 г., *«депутація для улучшенія формы правленія»*, предсѣдателемъ которой былъ каменецкій епископъ, Красинскій. Въ работахъ ея вскорѣ приняла участіе и депутація для рѣшенія мѣщанскаго вопроса, назначенная по настояніямъ президента Старой Варшавы, Яна Декерта.

Декертъ въ согласіи съ Коллонтаемъ хотѣлъ образовать изъ всѣхъ королевскихъ городовъ союзъ съ цѣлью возвращенія имъ правъ, которыми они пользовались въ прежнія времена. Въ половинѣ ноября 1789 г., по его приглашенію, въ Варшаву съѣхалось 269 представителей 141 города изъ Короны (кромѣ Кракова) и Литвы. Въ меморіалѣ, редактированномъ Коллонтаемъ, делегаты требовали для мѣщанскаго сословія: *„neminem captivabimus“*, права пріобрѣтенія земельныхъ владѣній, права занимать духовныя и свѣтскія должности, получать офицерскіе чины, посылать въ сеймъ своихъ представителей, принимать участіе въ заключеніи торговыхъ трактатовъ и т. п. Депутація получила аудіенцію у короля, посѣтила сеймовыхъ маршаловъ и министровъ, прося ихъ о поддержкѣ своихъ тре-

бованій передъ государственными чинами. Она держала себя демонстративно: заказала въ варшавскихъ католическихъ церквахъ молебствія о дарованіи ей успѣха, дала банкетъ въ городской ратушѣ, иллюминовала дома мѣщанъ. Поведеніе этой мѣщанской «черной процессіи» встревожило шляхту. Извѣстія о современныхъ событіяхъ въ Парижѣ, о побѣдѣ третьяго сословія надъ королемъ, дворянствомъ и духовенствомъ, о взятіи Бастиліи и деклараціи правъ человѣка вызвали опасеніе, какъ бы и польское мѣщанство не устроило революціи. Однако, вслѣдствіе настояній Декерта, сеймъ, послѣ трехдневнаго обсужденія, 19 декабря 1789 г. назначилъ *«депутацію для разсмотрѣнія требованій мѣщанства»*. Депутація эта, засѣдавшая подъ предсѣдательствомъ познанскаго епископа, Антонія Окенцкаго, обязана была сноситься съ учрежденной раньше депутаціей для улучшенія формы правленія.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ занятій, епископъ Красинскій представилъ сейму, выработанныя сеймомъ или вѣрнѣе, Игнатіемъ Потоцкимъ, «основы улучшенія правленія». Предлагалось: устранить неземлевладѣльческую шляхту отъ участія въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ; ввести такъ называемый «готовый сеймъ» т. е., состоящій изъ пословъ предъидущаго сейма, — на случай войны, внутреннихъ смутъ, голода или междуцарствія; установить рѣшенія второстепенныхъ дѣлъ большинствомъ голосовъ, согласно наказамъ пословъ, единогласное же рѣшеніе сохранить для основныхъ законовъ и т. п. Сеймъ принялъ эти основы и поручилъ депутаціи выработать проектъ «основныхъ законовъ», — касавшихся порядка замѣщенія престола, участія короля въ дѣятельности сейма, политическаго положенія шляхты, мѣщанства и крестьянства. Такъ какъ выработка основныхъ законовъ и вообще, созиданіе новаго правительственнаго механизма требовали не мало времени, то сеймъ, не дожидаясь проектовъ депутаціи, установилъ самые необходимые органы администраціи, безъ которыхъ былъ бы невозможенъ внутренній порядокъ въ странѣ. Онъ учредилъ такъ называемыя «гражданско-военныя коммиссіи для охраны порядка» въ качествѣ органовъ административнаго управленія въ провинціи.

Въ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ не было постоянныхъ органовъ административной власти, кромѣ хозяйственныхъ сеймиковъ, собиравшихся ежегодно на непродолжительное время. Мысль объ учрежденіи такихъ органовъ подъ названіемъ гражданско-военныхъ коммиссій для охраны порядка

подали литовскіе послы. Эти коммиссіи были введены во всѣхъ воеводствахъ земляхъ и повѣтахъ. Въ каждую коммиссію хозяйственный сеймикъ долженъ былъ избирать на два года въ Литвѣ пятнадцать, а въ Коронѣ шестнадцать членовъ изъ свѣтской и духовной шляхты. Коммиссары—литовскіе въ составѣ трехъ, а коронные—четырехъ—обязаны были ежедневно собираться на засѣданія для исполненія обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ. Обязанности свои они должны были исполнять безплатно, пользуясь за это преимуществами при назначеніи на государственныя должности и полученіи другихъ отличій. Коммиссіи вѣдали гражданско-военныя и хозяйственныя дѣла. Онѣ рѣшали всѣ вопросы, касавшіеся расквартированія войскъ, устройства военныхъ складовъ, набора солдатъ, борьбы съ дезертирствомъ, разбирали споры между солдатами и населеніемъ. Въ хозяйственномъ отношеніи онѣ должны были вести статистику населенія, собирать налоги, содѣйствовать развитію земледѣлія, ремеселъ и торговли, сообщать правительству о мѣстахъ нахожденія полезныхъ ископаемыхъ, фабрикахъ и ихъ производствѣ, надзирать за имуществами благотворительныхъ учрежденій и т. п.

Засѣданія сейма въ теченіе 1789 г. были безпорядочны и мало-производительны. Сеймъ не спѣшилъ выполненіемъ своихъ важнѣйшихъ задачъ: организаціей шестидесяти-тысячной арміи и введеніемъ новой формы правленія. Бездѣятельности его въ этомъ отношеніи способствовала прусская политика, обѣщавшая республикѣ полную безопасность со стороны Россіи. Дѣйствительно, были основанія полагать, что императрица откажется отъ своего давленія на Польшу, что въ виду положенія, занятаго Пруссіей, она не станетъ стремиться къ возстановленію своего прежняго вліянія.

По совѣту прусскаго короля, депутація иностранныхъ дѣлъ, согласно постановленію сейма, обратилась къ петербургскому двору съ нотою, излагавшею условія, на которыхъ республика соглашалась пропустить русскія войска черезъ свои владѣнія. Русскія войска могли проходить черезъ ея владѣнія отрядами не свыше 1500 челов., при чемъ второй такой отрядъ не могъ вступить въ Польшу раньше, чѣмъ предшествовавшій выйдетъ изъ ея предѣловъ. Военная коммиссія укажетъ путь, которымъ они должны идти, и назначитъ коммиссаровъ съ польскими военными эскортами. Къ русскимъ военнымъ складамъ тоже будутъ назначены коммиссары и отряды польскихъ солдатъ. Императрица, по совѣту Кауница, велѣла не-

медленно перевести изъ польской Украины всѣ русскіе военные склады и при передвиженіи войскъ и аммуниціи обходить владѣнія республики. Въ то же время князь Потемкинъ, владѣвшій Смѣлянщиной и имѣвшій польскій индигенатъ, подарилъ республикѣ въ качествѣ ея гражданина двѣнадцать пушекъ и пятьсотъ карабиновъ изъ русскихъ фабрикъ. Не всѣ хотѣли видѣть въ этомъ насмѣшку надъ вооруженіями Польши и ея воинственными планами относительно Россіи.—Другимъ постановленіемъ сейма было воспрещено вывозить польскіе продукты за Днѣпръ, что затрудняло продовольствованіе русской арміи. Увѣренность въ полной безопасности республики со стороны Россіи поддерживалъ маркграфъ Луккезини, назначенный прусскимъ посланникомъ вмѣсто Бухгольтца.

Побѣды русско-австрійскихъ войскъ подъ Фокшанами и Рымникомъ побудили прусскій дворъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшилъ принять участіе въ войнѣ. Заключивъ союзъ съ Англіей и Голландіей, подчинивъ своему вліянію Швецію и Польшу, онъ считалъ Пруссію первой державой въ Европѣ. Для ослабленія Австріи онъ бунтовалъ венгровъ и хотѣлъ поднять возстаніе въ Галиціи. Турціи онъ предложилъ наступательно-оборонительный союзъ, который и былъ заключенъ въ началѣ 1790 г.; въ то же время онъ при посредствѣ Луккезини началъ переговоры о союзѣ съ республикой.

На совѣщаніи съ депутаціей иностранныхъ дѣлъ Луккезини представилъ проекты двухъ трактатовъ: торговаго и оборонительнаго. Въ первомъ изъ нихъ берлинскій дворъ соглашался понизить пошлины съ польскихъ продуктовъ, сплавляемыхъ по Вислѣ, съ 12 до 9% и допускалъ *провозъ* ихъ черезъ Силезію въ Саксонію съ уплатою пошлины въ 2%, но оставлялъ за собою право воспрещенія *вывоза* въ Силезію и назначенія пошлинъ на товары, провозимые по Вислѣ въ Польшу. За эти льготы онъ требовалъ уступки себѣ Гданска и Торна. Въ оборонительномъ же трактатѣ онъ предлагалъ республикѣ военную помощь въ 10,000 челов. пѣхоты и 2000 конницы, требуя взамѣнъ отъ нея 10.000 челов. конницы и 2000 пѣхоты. По главному пункту, касавшемуся обезпеченія независимости республики, онъ заявлялъ въ общихъ выраженіяхъ, что сдѣлаетъ все, что только позволятъ обстоятельства. Депутація отвѣтила, что, не имѣя полномочія уступать какія либо владѣнія республики, она не можетъ вести переговоры на почвѣ проектовъ прусскаго короля. Тогда Фридрихъ-Вильгельмъ,

увидѣвъ, что республика ни въ коемъ случаѣ не согласится на уступку Гданска и Торна, велѣлъ заявить о своей готовности заключить только оборонительный трактатъ, не прерывая однако переговоровъ и по торговымъ дѣламъ. 29 марта 1790 г. былъ заключенъ *прусско-польскій оборонительный союзъ*. Онъ гарантировалъ неприкосновенность территорій обоихъ государствъ, а также ихъ взаимную защиту на тотъ случай, если бы какая либо изъ договаривающихся сторонъ подверглась нападенію. Если одинъ изъ союзниковъ подвергается нападенію, другой союзникъ будетъ стараться помочь ему дипломатическимъ путемъ (*bona officia*), но если это не приведетъ къ цѣли, то долженъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ оказать помощь оружіемъ. Прусскій король доставитъ республикѣ 14,000 чел. пѣхоты и 4,000 кавалеріи съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи. Республика же доставитъ прусскому королю 8,000 чел. кавалеріи и 4,000 пѣхоты съ соотвѣтствующимъ числомъ пушекъ. Въ случаѣ надобности вспомогательный контингентъ можетъ быть увеличенъ: со стороны прусскаго короля до 30,000, со стороны же республики до 20,000 чел. По желанію стороны, подвергшейся нападенію, помощь войскомъ можетъ быть замѣнена денежной субсидіей. Въ VI ст. трактата говорилось: если бы какое либо иностранное государство, ссылаясь на прежніе акты, захотѣло вмѣшаться во внутреннія дѣла республики, то прусскій король для предотвращенія войны прибѣгнетъ сперва къ дипломатическимъ средствамъ, но если это не достигнетъ цѣли, онъ поддержитъ Польшу оружіемъ согласно условіямъ трактата.

Прусско-польскій трактатъ уничтожилъ вліяніе императрицы въ Польшѣ, а съ паденіемъ этого вліянія долженъ былъ удалиться и человѣкъ, бывшій до сихъ поръ представителемъ русской системы. Вскорѣ послѣ заключенія трактата Штакельбергъ былъ отозванъ и уѣхалъ изъ Варшавы. На его мѣсто былъ назначенъ Яковъ Булгаковъ, бывшій раньше посломъ въ Константинополѣ.

Послѣ заключенія трактата съ Пруссіей патріотическая партія стала всемогущей. Сеймъ еще распадался на прогрессистовъ, желавшихъ радикальныхъ реформъ, и консерваторовъ, стоявшихъ за сохраненіе существующихъ учрежденій, но отъ русскаго вліянія онъ совершенно освободился. Необходимость заставила Станислава-Августа отказаться отъ каневской программы и присоединиться къ большинству сейма, стоявшему за союзъ съ Пруссіей. Съ этихъ поръ онъ провозглашалъ

лозунгъ: «король съ народомъ!»,—на что большинство сейма отвѣчало: «народъ съ королемъ!» Изъ сторонниковъ Россіи Щенсный Потоцкій, раздраженный сеймомъ, уѣхалъ въ Италію, гетманъ Ржевусскій поселился въ Вѣнѣ, Браницкій же прикинулся патріотомъ. Люди, извѣстные своимъ прислуживаніемъ Россіи, сошли со сцены, напутствуемые презрѣніемъ общества. Самымъ краснорѣчивымъ выраженіемъ анти-русскаго настроенія было дѣло Понинскаго, главнаго интригана времени сейма, санкціонировавшаго раздѣлъ. Еще въ 1789 г., по предложенію холмскаго посла, Войцеха Суходольскаго, Понинскій былъ арестованъ и преданъ сеймовому суду по обвиненію въ томъ, что онъ въ 1773 г. самочинно присвоилъ себѣ званіе маршала конфедераціи, получалъ пенсіи изъ-за границы и служилъ иностранной державѣ во вредъ республикѣ. Понинскому удалось бѣжать изъ-подъ ареста, но подъ Торномъ онъ былъ снова схваченъ и подвергнутъ болѣе строгому заключенію въ казармѣ коронной артиллеріи. Онъ сперва хотѣлъ впутать въ дѣло своихъ товарищей по сеймовой делегаціи,—между прочимъ, епископа Массальскаго, маршала Гуровскаго и гетмана Браницкаго; послѣ отклоненія его желанія, онъ просилъ объ амнистіи, которая тоже не была ему дана. Осенью 1790 г. постановленіемъ сеймового суда онъ былъ приговоренъ къ лишенію должностей, княжескаго титула, дворянства, орденовъ, родовой фамиліи, къ удаленію его маршальской стражей за варшавскіе валы и къ изгнанію навсегда изъ предѣловъ республики. Лишь вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ его семейства публичное изгнаніе его за городскія рогатки было замѣнено вывезеніемъ вечеромъ въ каретѣ.

Заключеніе союза съ Пруссіей и пораженіе русской партіи устранило важнѣйшія препятствія, мѣшавшія ходу дѣятельности сейма. Открылись виды на осуществленіе внутреннихъ реформъ, проекты которыхъ были выработаны депутаціями для улучшенія формы правленія и обсужденія мѣщанскаго вопроса. На помощь депутаціямъ пришла публицистика, развитіе которой во время засѣданій сейма было внушительно, а вліяніе какъ на законадателей, такъ и на общественное мнѣніе, стало огромнымъ.

Періодическая печать какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ далеко не удовлетворяла умственныхъ запросовъ общества. «*Пріятныя и полезныя развлеченія*» прекратились въ 1777 г., «*Мониторъ*» пересталъ выходить въ 1784 г. «*Варшавская Газета*», выходившая съ 1774 г. два

раза въ недѣлю, была органомъ, крайне консервативнымъ. Редакторъ ея, свящ. Стефанъ Лускина, человѣкъ, не имѣвшій никакихъ научныхъ или педагогическихъ заслугъ, не могъ примириться съ упраздненіемъ ордена іезуитовъ, къ которому онъ самъ принадлежалъ, и вступилъ въ борьбу съ вольнодумнымъ направленіемъ. Занятый дискредитированіемъ французскихъ новаторовъ: Вольтера и Руссо, всецѣло поглощенный мыслью о возстановленіи іезуитскаго ордена, онъ не обращалъ вниманія на самыя существенныя политическо - общественныя дѣла, бывшія предметомъ обсужденій сейма. Редактировавшійся свящ. Свитковскимъ, *«Политическій и историческій памятникъ»*, преобразованный въ 1788 г. въ *«Историко - политическій и экономическій памятникъ»*, стоялъ на почвѣ прогресса, но, будучи ежемѣсячнымъ журналомъ, не имѣлъ достаточной подвижности, чтобы не отставать отъ быстраго хода событій. Лишь въ 1791 г., благодаря стараніямъ инфлянтскихъ пословъ: Нѣмцевича и Вейсенгоффа, а также раціонжскаго каштеляна, Өаддея Мостовскаго, начала выходить два раза въ недѣлю *«Національная и иностранная газета»*, органъ патріотической партіи.

Вслѣдствіе малочисленности періодическихъ изданій общественное мнѣніе высказывалось въ летучихъ сочиненіяхъ, переходившихъ изъ рукъ въ руки. Сочиненія эти, преимущественно политическаго содержанія, трактовали о важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ въ формѣ научныхъ статей, повѣстей, сатирическихъ и юмористическихъ произведеній, эпиграммъ, памфлетовъ и даже пасквилей. Самымъ распространеннымъ былъ памфлетъ, съ рѣзкими преувеличеніями и партійнымъ жаромъ говорившій о вопросахъ, стоявшихъ на очереди. Коллонтай организовалъ особую публицистическую канцелярію, прозванную консерваторами «кузницею», изъ которой вышелъ рядъ сочиненій по текущимъ дѣламъ. Помощники его; кононикъ Францискъ-Салезій Езерскій и піаръ Францискъ-Ксаверій Дмоховскій, пріобрѣли извѣстность мѣткостью пера и искусствомъ въ выслѣживаніи слабыхъ сторонъ консерваторовъ. Литература брошюръ охватила все—какъ всю систему будущаго строя республики, такъ и частные вопросы: порядокъ замѣщенія престола, войско, налоги, положеніе общественныхъ классовъ: мѣщанства, евреевъ и крестьянства.

Всю систему реформъ Колонтай изложилъ въ проектѣ подъ заглавіемъ *«Политическое право польскаго народа»* (1790 г.), составляющемъ четвертую часть его писемъ къ

Станиславу Малаховскому. Ее же изложилъ Сташицъ въ своихъ «*Предостереженіяхъ для Польши*» (1790 г.), бывшихъ дальнѣйшимъ развитіемъ мыслей, изложенныхъ въ его «Размышленіяхъ о жизни Яна Замойскаго»,—а также анонимный авторъ въ извѣстной брошюрѣ: «*Политическія мысли для Польши*» (1789 г.). Авторы эти расходились во взглядахъ на размѣры королевской власти, но признавали необходимость наслѣдственности престола, отмѣны *liberum veto*, уравненія правъ мѣщанства съ правами шляхты и реформы положенія крестьянъ. Съ ними полемизировалъ защитникъ консервативнаго лагеря, витебскій каштелянъ, Адамъ-Лаврентій Ржевусскій, племянникъ Северина, авторъ брошюры: «*Мысли о формѣ республиканскаго правленія*» (1790 г.). Отстаивая исключительность шляхетскихъ привиллегій, онъ считалъ реформу общественныхъ отношеній излишней; въ наслѣдственности престола онъ видѣлъ гибель народныхъ вольностей. Больше всего раздѣлялъ прогрессистовъ отъ консерваторовъ взглядъ на порядокъ замѣщенія престола: онъ вызвалъ полемику, въ которой приняли участіе самые выдающіеся представители партій.

Проживавшій въ Вѣнѣ гетманъ Ржевусскій, раздраженный проектами прогрессистовъ, выражалъ въ своей брошюрѣ: «*Краткое разсужденіе о наслѣдованіи престола въ Польшѣ*» (1789 г.), скорбь о паденіи общества, утратившаго сознаніе благодѣтельности избирательнаго престола. Въ другомъ своемъ сочиненіи: «*Историческія и юридическія доказательства того, что польскій престолъ всегда былъ избирательнымъ*» (1789 г.) онъ считалъ несомнѣннымъ, что польская корона была избирательной даже во времена Попелидовъ и Пястовъ. Ржевусскій вызвалъ своими брошюрами множество сочиненій, въ однихъ изъ которыхъ доказывалась полезность, а въ другихъ гибельность избирательности престола. Изъ прогрессивнаго лагеря Коллонтай издалъ: «*Замѣчанія о сочиненіи...: Краткое разсужденіе о наслѣдованіи престола въ Польшѣ*» (1790 г.), каноникъ Езерскій: «*О междуцарствіяхъ въ Польшѣ*» (1790 г.», епископъ Красинскій: «*Письмо о наслѣдованіи престола*» (1790 г.). Указывая послѣдствія избирательности престола, авторы эти предостерегали отъ нея, какъ отъ фактора, вызывающаго анархію и зависимость государства отъ иностранныхъ вліяній.

Вопросъ объ увеличеніи войска вызвалъ сотни проектовъ, имѣвшихъ въ виду увеличеніе государственныхъ доходовъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело предложеніе участ-

ника промышленныхъ предпріятій Прота Потоцкаго, свящ. Михаила Оссовскаго, изложенное въ его брошюрѣ: *«Совѣтъ и законопроектъ объ устроеніи староствъ»*. Онъ совѣтовалъ произвести оцѣнку староствъ и продать ихъ съ публичныхъ торговъ, на счетъ же будущихъ доходовъ изъ этого источника выпустить на извѣстную сумму кредитные билеты, которые покрыли бы расходы по организаціи и содержанію стотысячной арміи. Другіе же авторы совѣтовали увеличить налоги, взимаемые съ духовенства, секуляризовать всѣ церковныя имущества и даже упразднить монашескіе ордена. Духовенство отчаянно защищалось, обвиняя авторовъ такихъ проектовъ въ ненависти къ церкви и неуваженіи къ религіи.

По вопросу объ уравненіи правъ мѣщанства прогрессисты прибѣгали къ теоріямъ современной французской литературы и приводили также историческія, экономическія и моральныя доказательства въ пользу своихъ стремленій. «Права человѣка», провозглашавшія равноправіе всѣхъ людей, служили исходною точкою въ рѣшеніи мѣщанскаго вопроса. Каноникъ Езерскій въ исторической повѣсти подъ заглавіемъ: *«Ржепиха, мать королей»* (1790 г.) и памфлетѣ, изданномъ подъ псевдонимомъ Яроша Кутасинскаго: *«Размышленія о нешляхетскомъ сословіи въ Польшѣ»* (1790 г.) объяснялъ приниженность мѣщанства преобладаніемъ шляхты и предразсудками. Переводомъ знаменитой брошюры Сійеса: «Что такое третье сословіе» *(Que c'est que c'est tiers ètat?)*, вышедшей подъ заглавіемъ: *«Духъ покойной Бастиліи»* (1790 г.), онъ старался привести въ сознаніе мѣщанства его право на участіе въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ наравнѣ со шляхтою. Сами мѣщане, ободренные назначеніемъ сеймовой депутаціи для разсмотрѣнія ихъ привиллегій, стали собирать историческія доказательства въ свою пользу. Варшавскіе адвокаты: Адамъ Мэнджецкій и Францискъ Барсъ, въ сочиненіяхъ: *«Права польскихъ городовъ на участіе въ законодательной, исполнительной и судебной власти»*, *«Свѣдѣнія о первоначальной основѣ городовъ въ Польшѣ»* и др. освѣщали лучшее прошлое мѣщанскаго сословія, затемненное шляхтскимъ эгоизмомъ. Другіе авторы доказывали необходимость равноправія мѣщанства настоятельной надобностью поднять экономическія силы страны и увеличить численность полноправныхъ гражданъ.

Еврейскій вопросъ былъ поднятъ пинскимъ посломъ, Матвѣемъ Бутримовичемъ, въ его брошюрѣ подъ заглавіемъ: *«Способъ превращенія польскихъ евреевъ въ полезныхъ странѣ граж-*

данъ» (1790 г.). Препятствіе къ ассимиляціи евреевъ онъ видѣлъ не въ іудейской религіи, а въ ошибочномъ законодательствѣ, выдѣлявшемъ ихъ изъ остального общества. Для осуществленія ассимиляціи, по его мнѣнію, слѣдовало подчинить евреевъ власти городскихъ магистратовъ, воспретить имъ употребленіе иностраннаго языка въ кагальныхъ декретахъ, контрактахъ и торговыхъ книгахъ, подчинить обученіе еврейской молодежи контролю коммиссіи просвѣщенія. Заявленія, вызванныя брошюрою Бутримовича, особенное вниманіе обращали на воспитаніе евреевъ; для нихъ совѣтовали даже ввести обязательное обученіе. Вѣра въ возможность нравственнаго перерожденія евреевъ поддерживалась популярной тогда теоріей Локка, по которой «чистая таблица» человѣческой души исписывается воспитаніемъ и внѣшними обстоятельствами. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія въ іюнѣ 1790 г. сеймъ назначилъ *«депутацію для составленія проекта преобразованія* (положенія) *евреевъ»*, что перенесло теоретическій еврейскій вопросъ на практическую почву.

Сознаніе необходимости улучшенія положенія крестьянъ высказывалось въ сочиненіяхъ исходившихъ отъ обоихъ политическихъ лагерей. Радикальные авторы стояли на почвѣ идей Выбицкаго, изложенныхъ въ его *«Патріотическихъ письмахъ»*: они требовали для крестьянъ личной свободы, права собственности на землю, замѣны барщины оброкомъ и народныхъ школъ.

Не ограничиваясь публицистической дѣятельностью, патріотическая партія прибѣгала и къ другимъ средствамъ воздѣйствія на публику, какъ театръ, политическія общества. Въ варшавскомъ театрѣ шла комедія Юліана-Урсина Нѣмцевича: *«Возвращеніе посла»*, осмѣивавшая шляхетскіе предразсудки и вызвавшая возмущеніе въ консервативныхъ кругахъ. По иниціативѣ Коллонтая въ Варшавѣ возникъ политическій клубъ, къ которому принадлежали самые выдающіеся послы патріотической партіи. Благодаря этимъ посламъ, клубъ сталъ звеномъ, соединившимъ «кузницу» съ сеймомъ; онъ былъ защитникомъ стремленій прогрессивной партіи въ самомъ очагѣ законодательной власти.

Во время наибольшаго оживленія общественнаго мнѣнія истекалъ второй годъ засѣданій сейма. Такъ какъ по законамъ республики очередный сеймъ созывался черезъ каждые два года, то этотъ сеймъ долженъ былъ закончить свои засѣданія и уступить мѣсто новому. По закону король долженъ

былъ за шесть недѣль до собранія новаго сейма созвать сеймики для избранія пословъ. Закрытіе засѣдавшаго сейма распустило бы конфедерацію, составлявшую одно съ нимъ, и могло бы вызвать величайшія опасности. Кто же могъ бы гарантировать, что новый сеймъ тоже превратится въ конфедерацію и, обезпечивъ себя этимъ путемъ отъ сорванія, станетъ продолжать работу стараго? Продлить полномочія засѣдавшаго сейма на второе двухлѣтіе было невозможно, такъ какъ законъ воспрещалъ лишать народъ права избранія пословъ въ установленный срокъ. Нѣкоторые послы, стоявшіе на почвѣ права, считая продолженіе засѣданій сейма дольше двухъ лѣтъ нарушеніемъ установленій республики, требовали закрытія сейма и созванія посольскихъ сеймиковъ. Другіе, главнымъ образомъ, консерваторы, не желая допустить принятія новой формы правленія, которая могла бы отмѣнить избирательность престола, тоже требовали закрытія сейма, а вмѣстѣ съ нимъ и распущенія конфедераціи, составлявшей всю силу прогрессивной партіи. Послѣ продолжительныхъ преній въ половинѣ іюня 1790 г. было рѣшено: продлить полномочія сейма вмѣстѣ съ конфедераціей и созвать на 9 февраля 1791 г., сеймики для избранія новаго состава пословъ. Этимъ путемъ прогрессивная партія спасла конфедератскій сеймъ и обезпечила себѣ виды на преобразованіе формы правленія. Вскорѣ это преобразованіе вслѣдствіе важныхъ политическихъ событій стало дѣломъ, не терпящимъ отлагательства.

Союзникъ Россіи, императоръ Іосифъ II, умеръ (20 февраля 1790 г.); братъ и преемникъ его, Леопольдъ II, рѣшилъ отказаться объ участія въ турецкой войнѣ и обезопасить себя со стороны Пруссіи. Въ іюлѣ 1790 г. въ Райхенбахѣ, въ Прусской Силезіи, уполномоченные австрійскаго и прусскаго дворовъ подписали при посредствѣ Англіи конвенцію, которой Леопольдъ обязался заключить миръ съ Турціей и не оказывать помощи Россіи; прусскій король отказался отъ притязаній на новыя территоріальныя пріобрѣтенія, а слѣдовательно, и отъ своихъ плановъ относительно Гданска и Торна. Райхенбахскій договоръ былъ невыгоденъ для Польши, такъ онъ ослаблялъ значеніе прусско-польскаго трактата отъ 29 марта 1790 г. Трактатъ этотъ первоначально имѣлъ для Пруссіи значеніе на случай войны съ Австріей и Россіей, теперь же на половину утратилъ его вслѣдствіе заключенія Пруссіей союза съ Австріей и сохранилъ уже лишь значеніе на случай столкновенія съ Россіей. Когда Пруссія войдетъ въ со-

глашеніе и съ императрицей, трактатъ 29 марта не будетъ уже имѣть въ ея глазахъ никакой цѣны, вслѣдствіе чего республика лишится надежды на помощь, на которую она разсчитывала въ случаѣ русскаго нашествія. Неблагопріятнымъ для Польши событіемъ былъ также союзъ, заключенный съ Россіей въ августѣ 1790 г. шведскимъ королемъ, Густавомъ III. Все это произвело переполохъ въ Варшавѣ; у патріотической партіи появилось сознаніе необходимости для республики защищаться собственными средствами, не разсчитывая на постороннюю помощь. Эти обстоятельства побуждали ускорить преобразованіе формы правленія, которое должно было создать силу, имѣвшую обезпечить независимость и неприкосновенность государства.

5 августа 1790 г. каменецкій епископъ, президентъ депутаціи для улучшенія формы правленія, представилъ сейму проектъ основныхъ законовъ. Изъ отдѣльныхъ пунктовъ этого проекта сеймъ прежде всего обратилъ вниманіе на неприкосновенность и независимость республики. Онъ принялъ основной законъ о нераздѣльности территоріи республики, формулированный въ такихъ словахъ: «ни одинъ сеймъ или кто бы то ни было не можетъ уступить въ обмѣнъ никакой части (страны), а тѣмъ болѣе отдѣлить ее отъ общаго состава республики». Вскорѣ послѣ этого была единогласно принята отмѣна русской гарантіи 1768 и 1775 г.г. и постановленіе это тоже включено въ число основныхъ законовъ. Постановленіе о нераздѣльности территоріи республики было направлено противъ Пруссіи, желавшей выторговать Гданскъ и Торнъ взамѣнъ за уступки въ торговомъ договорѣ; отмѣна же гарантіи, а слѣдовательно, и законовъ, навязанныхъ въ 1768 и 1775 г.г., была новымъ вызовомъ Россіи. Возбужденіе противъ республики прусскаго короля лишеніемъ его надежды на пріобрѣтеніе Гданска и Торна и вызовъ, брошенный въ то же время Россіи постановленіемъ объ отмѣнѣ гарантіи было очень рискованнымъ шагомъ, дѣлавшимъ еще болѣе опаснымъ положеніе, въ которое поставилъ Польшу райхенбахскій конгрессъ. Изъ остальныхъ предложеній депутаціи больше всего возбудилъ страсти проектъ, отмѣнявшій избраніе короля и вводившій избраніе родовъ, въ которыхъ польскій престолъ долженъ быть наслѣдственнымъ.

Щенскій, Потоцкій и Ржевускій составили въ Вѣнѣ протестъ противъ установленія наслѣдственности престола, занесли его при помощи своихъ друзей въ акты брацлавскаго зем-

ства и распространяли посредствомъ печати въ публикѣ. По ихъ примѣру, подобный же манифестъ внесли во владимірскіе акты волынскіе послы и нѣкоторые обыватели изъ русскихъ воеводствъ. На сеймѣ консервативные послы энергично выступили противъ проекта депутаціи. Патріотическая партія, не рѣшаясь подвергать столь важное дѣло голосованію, внесла предложеніе, чтобы маршалы сейма запросили народъ универсаломъ, что онъ предпочитаетъ: свободное ли избраніе королей, или наслѣдственность престола въ избранномъ королевскомъ семействѣ? Обсужденіе этого предложенія заняло три бурныхъ засѣданія, въ которыхъ обѣ партіи приводили всевозможные аргументы на тему объ избирательности и наслѣдственности престола. Выходъ изъ этихъ споровъ указалъ маршалъ литовской конфедераціи, Сапѣга, предложивъ запросить народъ, не согласится ли онъ для предотвращенія послѣдствій междуцарствія на избраніе наслѣдника престола при жизни Станислава-Августа? Послѣ принятія этого предложенія, было принято и другое, вмѣнившее маршаламъ сейма въ обязанность рекомендовать народу особымъ актомъ избраніе наслѣдника престола въ лицѣ курфюрста саксонскаго.

Обсудить многіе другіе проекты депутаціи для улучшенія формы правленія оказалось невозможнымъ къ сроку, на который назначено было закрытіе сейма т. е., до 9 февраля 1791 г. Депутація по иностраннымъ дѣламъ вошла въ сеймъ съ представленіемъ, что въ виду продолжающейся русско-турецкой войны, не законченныхъ переговоровъ о торговомъ договорѣ между республикой и Прусіей неблагоразумно было бы распускать конфедерацію и оставлять столь важныя дѣла вмѣстѣ съ другими нерѣшенными вопросами на волю судьбы, предоставляя ихъ новому сейму, т. е. случайностямъ liberum veto. Ссылаясь на эти представленія послы патріотической партіи указывали на необходимость продлить конфедерацію и сеймъ на дальнѣйшій срокъ. Чтобы не нарушать закона, предписывавшаго созывать сеймики каждые два года, они предложили созвать ихъ на 16 ноября 1790 г. и присоединить къ существующему составу пословъ тѣхъ, которые будутъ избраны. Такая мѣра предотвратила бы погрѣшности, къ которыя могъ бы впасть будущій сеймъ, если бы онъ состоялъ только изъ новыхъ пословъ, незнакомыхъ надлежащимъ образомъ съ начатыми, но не оконченными дѣлами. Словомъ, предложено было продлить конфедедерацію и сеймъ, но въ удвоенномъ составѣ. Это предложеніе было принято и постановлено, что къ суще-

ствующему составу пословъ присоединятся тѣ, которые будутъ избраны на сеймикахъ 16 ноября. Новые послы соберутся въ Варшаву 16 декабря, составятъ актъ присоединенія къ конфедераціи и вмѣстѣ съ прежнимъ составомъ пословъ будутъ продолжать занятія сейма.

Сеймики созванные на 16 ноября 1790 г., кромѣ избаранія пословъ, должны были дать отвѣты на универсалы маршаловъ: одинъ изъ этихъ универсаловъ запрашивалъ о томъ, не установить ли наслѣдственность престола, другой рекомендовалъ избраніе на польскій престолъ саксонскаго курфюрста. Станиславъ-Августъ не упустилъ никакихъ мѣръ, которыя могли бы склонить сеймики принять рѣшенія, согласныя съ желаніями патріотической партіи. Онъ посылалъ въ провинція надежныхъ и вліятельныхъ людей; послалъ даже въ Вѣну Станислава Потоцкаго, чтобы онъ удержалъ Щенскаго отъ вредной агитаціи и склонилъ его прекратить связи съ гетманомъ Ржевусскимъ. Сеймики закончились мирно и дали неожиданно-благопріятный отвѣтъ на вопросъ объ избраніи преемника Станиславу-Августу, но неблагопріятный на вопросъ объ установленіи наслѣдственности престола. Всѣ коронные и литовскіе сеймики, за исключеніемъ одного лишь волынскаго дали свое согласіе на избраніе наслѣдника престола въ лицѣ саксонскаго курфюрста, Фридриха-Августа, внука Августа III. За наслѣдственность же престола высказались лишь пять сеймиковъ: три коронныхъ и два литовскихъ.

16 декабря 1790 г. новые послы присоединились къ прежнимъ и, по приглашенію короля, подписали актъ конфедераціи. Этотъ удвоенный сеймъ, вмѣстѣ съ сенаторами, состоялъ приблизительно изъ пятисотъ членовъ.

Сеймъ въ удвоенномъ составѣ началъ свою дѣятельность осужденіемъ правительственныхъ учрежденій за ихъ подчиненіе представителю иностраннаго терроризма, Штаккельбергу: поводомъ къ этому послужило дѣло о покупкѣ дворца для русскаго посольства.

Въ 1768 г. Репнинъ добился отъ делегаціи постановленія, предписывавшаго финансовой коммиссіи купить для русскаго посла дворецъ и изыскать средства на его содержаніе. До тѣхъ же поръ, пока это не будетъ сдѣлано, казна должна была выдавать на наемъ помѣщенія ежегодно по 25,000 золотыхъ. Среди смутъ, охватившихъ вскорѣ республику, это постановленіе было забыто: средства на содержаніе жилища русскаго посла были изысканы лишь на сеймѣ 1776 г. Ка-

залось, что все это дѣло за давностью уже прекратилось, но Штаккельбергъ, вернувшись изъ Кіева, потребовалъ отъ департамента иностранныхъ дѣлъ выполненія сеймоваго постановленія 1768 г. и выразилъ желаніе, чтобы былъ пріобрѣтенъ такъ называемый брылевскій дворецъ (Брюля), принадлежавшій тогда князю Адаму Понинскому. По распоряженію постояннаго совѣта финансовая коммиссія исполнила желаніе Штаккельберга; на покупку дворца, мебелировку его, устройство конюшенъ и т. п. она израсходовала свыше миліона золотыхъ. Главныхъ виновниковъ всего этого: постояннаго совѣта и великаго короннаго подскарбія, Понинскаго, уже не существовало; тѣмъ не менѣе нѣкоторые послы требовали привлеченія къ отвѣтственности членовъ учрежденій, причинившихъ республикѣ столь крупный убытокъ. Въ концѣ концовъ сеймъ освободилъ отъ отвѣтственности членовъ бывшаго постояннаго совѣта и финансовой коммиссіи, дворецъ же велѣлъ отобрать въ казну; однако онъ достигъ своей цѣли, выразивъ возмущеніе тѣмъ раболѣпіемъ, съ которымъ недавно относились къ русскому послу высшія административныя власти. Этимъ онъ засвидѣтельствовалъ о своемъ желаніи охранять національное достоинство и отвергалъ все, что могло бы причинить ущербъ независимости страны. Въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ онъ занялся законодательными дѣлами. 21 марта онъ принялъ законъ о сеймикахъ, 18 апрѣля—законъ о городахъ.

Патріотическая партія добивалась принятія основного принципа, что не каждый шляхтичъ, а лишь *осѣдлый* имѣетъ право участія въ правленіи республикой и только *осѣдлая* шляхта можетъ участвовать въ засѣданіяхъ сеймиковъ. Въ прежнія времена шляхта, не имѣвшая земельныхъ владѣній, участвовала въ сеймикахъ въ силу обычая; лишь сеймъ 1768 г., подъ вліяніемъ Репнина, включилъ въ основные законы и право голоса на сеймикахъ всей шляхты. Бѣдныя и невѣжественныя шляхетскія толпы, въ пьяномъ видѣ, по приказаніямъ магнатовъ, избиравшія пословъ и диктовавшія имъ наказы, уже возмущали чувства землевладѣльцевъ. Вопросъ о томъ, кто можетъ участвовать и пользоваться голосомъ въ сеймикѣ, вызвалъ продолжительныя пренія, но въ концѣ концовъ былъ рѣшенъ въ духѣ желаній патріотической партіи. Избирательное право было признано за землевладѣльцами и ихъ сыновьями, лицами, пользовавшимися имѣніями вслѣдствіе залога, и пожизненными арендаторами, платившими сто золотыхъ десятиннаго сбора,—а также за военными, владѣвшими землею. Отъ кандидатуры на должности и

на избраніе въ послы были устранены лица, не достигшія двадцатичетырехлѣтняго возраста, никогда не состоявшія на общественной службѣ, скартабеллы и осужденные по гражданскимъ дѣламъ.

Послѣ рѣшенія вопроса о сеймикахъ, на очереди стоялъ вопросъ о городахъ.

Депутація по городскимъ дѣламъ, назначенная въ декабрѣ 1790 г., хотя ее и снабжали матеріалами выдающіеся варшавскіе законовѣды, какъ Мондрецкій и Барссъ, работала вяло. Декертъ, задѣтый нерасположеніемъ шляхты къ мѣщанству, заболѣлъ отъ огорченія и умеръ (4 октября 1790 г.), не дождавшись плодовъ своихъ стараній. Накапунѣ своей смерти онъ написалъ маршалу Малаховскому письмо, въ которомъ благодарилъ его за гуманность и справедливость, но вмѣстѣ съ тѣмъ скорбѣлъ, что республика откладываетъ предоставленіе мѣщанамъ гражданскихъ правъ. Шляхту онъ называлъ слѣпой и предсказывалъ, что города возстанутъ. Послѣ смерти Декерта, сеймъ проявилъ безпримѣрную щедрость въ возведеніи мѣщанъ въ шляхетское достоинство. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1790 г. онъ возвелъ въ шляхетское достоинство болѣе четырехсотъ особенно вліятельныхъ лицъ, — банкировъ, законовѣдовъ. «Кузница» Коллонтая подняла тревогу. Каноникъ Езерскій напечаталъ свой «*Спѣшный голосъ къ городскому сословію*», въ которомъ совѣтовалъ ему отвергать возведенія въ шляхетское достоинство, а добиваться уравненія правъ мѣщанъ съ правами шляхты. Въ щедромъ пожалованіи шляхетства онъ видѣлъ средство, разсчитанное на ослабленіе у новопожалованныхъ банкировъ и законовѣдовъ интереса къ защитѣ мѣщанскаго дѣла. Недовѣріе Декерта и подозрительность Езерскаго оказались неосновательными. На сеймѣ было много пословъ, расположенныхъ къ мѣщанству, и они подняли мѣщанскій вопросъ вскорѣ послѣ принятія законопроекта о сеймикахъ. Предложено было много законопроектовъ о городахъ, произнесено много рѣчей, пока, наконецъ, не нашелъ выхода калишскій посолъ, Янъ Сухоржевскій, извѣстный до сихъ поръ своей защитой старыхъ установленій республики, избирательности престола и участія всей шляхты въ сеймикахъ. Сухоржевскій предложилъ законопроектъ, который былъ принятъ 18 апрѣля.

Мѣщане были уравнены со шляхтой въ слѣдующихъ отношеніяхъ: они получили право *neminem captivabimus* и доступъ ко всѣмъ духовнымъ и гражданскимъ должностямъ и

военнымъ чинамъ. Занятія мѣщанъ признаны были столь же почтенными, какъ и землевладѣніе. Шляхтичъ, становившійся гражданиномъ какого-либо города, занимавшійся торговлею или ремесломъ, не утрачивалъ прерогативъ своего сословія. Передъ каждымъ очереднымъ сеймомъ мѣщане впредь будутъ избирать представителей, называющихся уполномоченными, которые будутъ засѣдать въ ассесорскомъ судѣ и коммиссіяхъ: финансовой и полиціи. Уполномоченные, засѣдающіе въ ассесорскомъ судѣ и коммиссіяхъ, пользуются рѣшающимъ голосомъ въ дѣлахъ, касающихся городовъ и торговли, въ остальныхъ же дѣлахъ—совѣщательнымъ. Они имѣютъ также право сообщать сейму о нуждахъ городовъ и для осуществленія этого права могутъ просить маршала о предоставленіи имъ голоса. Урегулированъ былъ и вопросъ о возведеніи мѣщанъ въ шляхетское достоинство; его могли требовать: уполномоченные послѣ двухлѣтней службы, мѣщане, пріобрѣтшіе земельныя владѣнія, уплачивающіе не менѣе двухсотъ золотыхъ десятиннаго сбора, военные, получившіе чинъ ротмистра или капитана, гражданскія должностныя лица, получившія чинъ правителя канцеляріи. Сверхъ того, каждый сеймъ будетъ возводить въ шляхетское достоинство тридцать мѣщанъ, отличившихся на какомъ либо поприщѣ. Городамъ было обезпечено самоуправленіе и независимость отъ шляхетской юрисдикціи. Права эти были предоставлены королевскимъ городамъ, имѣвшимъ локаціонныя привиллегіи. Пользоваться ими могли и тѣ частно-владѣльческіе города, владѣльцы которыхъ предоставятъ имъ въ собственность землю и получатъ для нихъ у короля такъ называемый утверждающій дипломъ.

Мѣщанство, хотя и не уравненное въ правахъ со шляхтою по отношенію къ участію въ законодательствѣ, съ благодарностью приняло законъ 18 апрѣля. На слѣдующій день выдающіеся жители Варшавы собрались въ замкѣ съ президентомъ города, Лукашевичемъ, во главѣ и пали къ ногамъ короля съ выраженіями благодарности и слезами радости. Восторгъ еще больше увеличился, когда выдающіеся шляхетскіе сановники стали, въ знакъ братства, поступать въ мѣщанское сословіе.

Законы о сеймикахъ и городахъ, хотя они и были очень важны, составляли лишь часть конституціоннаго зданія, къ сооруженію котораго стремилась патріотическая партія. При существующемъ порядкѣ засѣданій сейма дѣло реформы подвигалось впередъ медленно вслѣдствіе затрудненій со стороны

консерваторовъ и тайныхъ происковъ русской партіи: епископа Коссаковскаго, канцлера Малаховскаго, гетмана Браницкаго, войницкаго каштеляна, Петра Ожаровскаго, и другихъ, поддерживавшихъ постоянныя сношенія съ преемникомъ Штакельберга, Булгаковымъ. Невозможно было разсчитывать на скорое осуществленіе всей системы реформъ, которыя придали бы государству устойчивость и силу,—а внѣшнія политическія условія принимали все болѣе неблагопріятный оборотъ для Польши. Пруссія, раздраженная неудачею своей попытки выторговать Гданскъ и Торнъ, охладѣла къ республикѣ; Россія одерживала блестящія побѣды, которыя предвѣщали близкое заключеніе мира съ Турціей. При такихъ обстоятельствахъ единственнымъ средствомъ спасенія представлялось скорѣйшее осуществленіе всѣхъ реформъ заразъ при помощи государственнаго переворота.

Небольшой кружокъ патріотовъ на своихъ собраніяхъ въ жилищѣ маршала Малаховскаго рѣшилъ составить проектъ конституціи, предложить его сейму и провести безъ преній. Къ этому кружку принадлежали: Игнатій Потоцкій, недавно назначенный великимъ маршаломъ литовскимъ, свящ. Коллонтай, раціонжскій каштелянъ Мостовскій, инфлянтскіе послы: Вейссенгоффъ, Нѣмцевичъ, краковскій посолъ Станиславъ Солтыкъ, брестъ-литовскій Ѳаддей Матушевичъ и нѣкоторые иные. При посредствѣ свящ. Сципіона Піатоли, итальянца, бывшаго раньше гувернеромъ въ домѣ княгини Любомірской, а теперь королевскимъ секретаремъ, въ тайну былъ посвященъ Станиславъ-Августъ. Съ этихъ поръ собранія происходили въ королевскомъ замкѣ, въ кабинетѣ свящ. Піатоли. Число членовъ кружка увеличилось вскорѣ до шестидесяти человѣкъ. Проектъ конституціи, редактированный королемъ, рѣшено было внести на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій сейма послѣ пасхальныхъ каникулъ и добиться принятія его посредствомъ аккламаціи безъ предварительнаго обсужденія. Разсчитывали на то, что многіе изъ оппозиціонныхъ пословъ, проводившіе праздники въ провинціи, опоздаютъ своимъ возвращеніемъ въ Варшаву; къ испытаннымъ же патріотамъ король разослалъ письма съ приглашеніемъ вернуться возможно скорѣе. Для внесенія проекта конституціи въ сеймъ былъ избранъ день 5 мая 1791 г. Не задолго до этого дня король сообщилъ о предположенной мѣрѣ нѣкоторымъ сановникамъ: канцлеру Малаховскому, подканцлеру Хрептовичу и великому коронному маршалу, Мнишку. Малаховскій выдалъ тайну Булгакову, вслѣдствіе чего сторон-

ники Россіи разослали въ провинціи гонцовъ съ цѣлью побудить оппозиціонныхъ пословъ явиться на засѣданіе сейма 5 мая. Узнавъ объ этомъ, патріоты, желая предупредить возвращеніе оппозиціонныхъ пословъ, рѣшили внести въ сеймъ проектъ конституціи 3 мая. Въ то же время они не преминули искать поддержки въ общественномъ мнѣніи и въ особенности въ мѣщанствѣ, наэлектризованномъ недавно полученными имъ прерогативами. 29 апрѣля маршалъ Малаховскій съ другими выдающимися людьми въ числѣ болѣе сорока человѣкъ отправился въ ратушу Старой Варшавы съ цѣлью вступленія въ мѣщанское сословіе. Его встрѣтили здѣсь съ большими почестями и выраженіями благодарности, по окончаніи же церемоніи его проводили домой цехи со знаменами среди радостныхъ восклицаній. Вечеромъ 2 мая, въ радзивилловскомъ дворцѣ, въ Королевскомъ Предмѣстьѣ, состоялось засѣданіе клуба, на которое было приглашено много лицъ различныхъ сословій. Станиславъ Солтыкъ говорилъ о деспотизмѣ Россіи; онъ напомнилъ, что въ этомъ самомъ дворцѣ была рѣшена въ 1767 г. ссылка его дяди, краковскаго епископа. Прочитанный проектъ конституціи присутствующіе встрѣтили съ восторгомъ. Совѣщанія устраивались и въ квартирѣ Булгакова, созвавшаго своихъ приверженцевъ для обсужденія средствъ съ цѣлью парализовать стремленія патріотической партіи. Здѣсь рѣшено было протестовать противъ проекта конституціи; роль главнаго оппонента взялъ на себя калишскій посолъ, Сухоржевскій.

3 мая, на дворцовую площадь собрались толпы народа. Ходилъ слухъ, что въ засѣданіи сейма въ сословіе мѣщанъ вступитъ самъ король, а консервативные послы будутъ добиваться удаленія изъ палаты маршала Малаховскаго за манифестацію въ ратушѣ 29 апрѣля. Для привѣтствія Станислава-Августа и защиты Малаховскаго въ залу засѣданій прибыли толпы купцовъ и ремесленниковъ. Они заполнили входы, заняли скамьи сеймовой палаты, проходили за барьеръ маршала. Положеніе, занятое мѣщанствомъ, вызвало у оппозиціи страхъ революціи.

Въ одиннадцатомъ часу, маршалъ Малаховскій открылъ засѣданіе, предложивъ прочесть важныя депеши, полученныя отъ польскихъ пословъ за границею. Нѣсколько пословъ попросили слова, — между прочимъ Солтыкъ, и Сухоржевскій. Маршалъ далъ слово Солтыку, который требовалъ немедленнаго прочтенія депешъ и принятія средствъ спасенія, если республикѣ грозитъ опасность. Едва онъ кончилъ, какъ Сухо-

ржевскій вторично потребовалъ слова, заявляя, что имѣетъ сообщить важныя и ужасныя вѣсти. Послѣ краткой рѣчи короля, который тоже рекомендовалъ прочесть извѣстія изъ-за границы, Сухоржевкій протискался сквозь толпу, упалъ на колѣни передъ престоломъ и, дергая себя за платье, съ волненіемъ заговорилъ: «Затѣяна революція на гибель свободѣ. Чтобы легче провести заготовленный въ тайнѣ проектъ конституціи, хотятъ устранить сеймъ вымышленными заграничными извѣстіями о яко бы угрожающемъ раздѣлѣ республики!» Онъ протестовалъ противъ всего этого заявляя, что не хочетъ спасать Польшу посредствомъ наложенія цѣпей на свободу. Послѣ Сухоржевскаго, по требованію многихъ, выступилъ членъ депутаціи иностранныхъ дѣлъ, Өаддей Матушевичъ, и прочелъ депеши, извѣщавшія о сближеніи Пруссіи съ петербургскимъ дворомъ и возможной изолированности Польши въ случаѣ русскаго нашествія. Послѣ прочтенія депешъ, Игнатій Потоцкій пригласилъ короля указать средства спасенія. Станиславъ-Августъ заявилъ, что спасеніе страны онъ видитъ единственно въ сильномъ правительствѣ, проектъ установленія котораго уже готовъ и соотвѣтствуетъ желаніямъ многихъ членовъ сейма. Раздались восклицанія: «просимъ прочесть проектъ!», который и прочелъ секретарь сейма Сярчинскій. Большинство членовъ сейма приняло проектъ конституціи съ криками восторга; нѣкоторые члены оппозиціи порицали конституцію и требовали обсужденія ея; патріоты же сперва опровергали обвиненія, а затѣмъ потребовали немедленнаго принятія проекта. Король попросилъ маршала сосчитать голоса. Маршалъ пригласилъ оппозицію встать съ мѣстъ. Но оппозиція вмѣсто того, чтобы встать, снова выступила съ рѣчами; маршалъ литовской конференціи потребовалъ вторичнаго чтенія проекта. Вторичное чтеніе оппозиція заглушала криками. Среди общаго замѣшательства инфлянтскій посолъ, Михаилъ Забѣлло, обратился къ престолу и просилъ короля, не откладывая, теперь же присягнуть на вѣрность конституціи. Просьбу его поддержали многочисленные голоса арбитровъ; сенаторы и послы двинулись къ престолу. Сухоржевскій снова упалъ на колѣни и кричалъ: «на моемъ трупѣ»! Затѣмъ, послѣ троекратнаго вопроса Малаховскаго, принимаетъ ли палата проектъ, и восклицаніяхъ: согласны! король далъ присягу на вѣрность конституціи по формулѣ, прочитанной Феликсомъ Турскимъ, недавно назначеннымъ краковскимъ епископомъ. По приглашенію короля, сенаторы и

послы отправились для принесенія присяги въ церковь св. Яна. Мѣщанство, находившееся на дворцовой площади, привѣтствовало ихъ восклицаніями; оба же маршала сейма были отнесены въ церковь на рукахъ. Въ церкви маршалъ Сапѣга, котораго считали орудіемъ Браницкаго, заявилъ, что, не желая вызывать раздора въ народѣ, онъ принимаетъ конституцію, хотя многія статьи ея не согласуются съ его убѣжденіями. Послѣ заявленія Сапѣги, Турскій прочелъ присутствовавшимъ формулу присяги, а смоленскій епископъ, Тимофей Горженскій, запѣлъ *„Тебе, Бога хвалимъ“* среди грохота пушекъ, разставленныхъ передъ замкомъ. По возвращеніи въ залу засѣданій, сенаторы и послы подписали конституцію и постановили, чтобы на вѣрность ей присягнули всѣ магистратуры.

Изъ всѣхъ членовъ сейма, которыхъ было на засѣданіи 3 мая свыше ста пятидесяти, лишь одинъ сенаторъ, перемышльскій каштелянъ, князь Антоній Четвертинскій, и двадцать семь пословъ отправились на слѣдующій день въ варшавскій городской судъ съ манифестомъ противъ конституціи. На слѣдующемъ засѣданіи, 5 мая одни изъ членовъ оппозиціи не присутствовали, такъ какъ рѣшили не принимать участія въ дальнѣйшей дѣятельности сейма и разъѣхались по своимъ воеводствамъ, другіе же присягнули на вѣрность конституціи и подписали ее. Вслѣдствіе единогласнаго принятія ея на этомъ засѣданіи она получила названіе *конституціи 3 и 5 мая 1791 г.*

Конституція эта состояла изъ одиннадцати статей. Первая изъ нихъ говоритъ о религіи, три дальнѣйшія опредѣляютъ правовое положеніе шляхты, мѣщанства и крестьянъ; остальныя же трактуютъ о правительственныхъ властяхъ: законодательной, исполнительной и судебной.

Господствующая религія — католичество; переходить изъ него въ какое либо иное исповѣданіе воспрещается подъ страхомъ наказанія за отступничество, наказаніе же это будетъ установлено уголовнымъ кодексомъ. Всѣ другія исповѣданія терпимы и будутъ пользоваться покровительствомъ. Изъ содержанія этой статьи вытекало, что ограниченія правъ диссидентовъ, введенныя штаккельберговской конституціей 1775 г., уступили мѣсто полному равноправію иновѣрцевъ въ занятіи должностей и участіи въ сеймѣ.

Шляхта (ст. III) сохраняетъ всѣ привиллегіи и права, данныя ей въ прежнія времена.

Мѣщанамъ (ст. III) гарантированы всѣ права, предоставленныя имъ 18 апрѣля.

Крестьяне (ст. IV) были взяты подъ покровительство закона и правительства, но только въ отношеніи ихъ договоровъ съ землевладѣльцами. Всѣ договоры и соглашенія, заключенные между землевладѣльцами и крестьянами, будутъ имѣть обязательную силу для обѣихъ сторонъ. Землевледѣлецъ не въ правѣ самовольно измѣнить ихъ, крестьяне же не могутъ отказаться отъ исполненія обязательствъ, добровольно, взятыхъ ими на себя. Конституція не касается ни существа, ни размѣровъ повинностей, не предоставляетъ крестьянину личной свободы и не освобождаетъ его отъ потримоніальнаго суда. Будущее крестьянства она оставляетъ въ рукахъ землевладѣльцевъ. Внимательнѣе относится она къ людямъ, переселяющимся въ Польшу. Всѣ переселяющіеся въ страну, не исключая и тѣхъ, которые раньше незаконно выбыли изъ нея, пользуются личной свободой и правомъ селиться въ городахъ и селахъ по собственному усмотрѣнію.

Конституція сохранила прежнюю общественную организацію, основывающуюся на различіи правового положенія шляхты, мѣщанъ и крестьянъ. Она значительно сблизила мѣщанство со шляхтою, но не измѣнила положенія крестьянъ. Авторовъ конституціи связывало опасеніе, какъ бы не нарушить болѣе значительными уступками крестьянамъ матеріальныхъ интересовъ шляхты и не вызвать вооруженнаго противодѣйствія съ ея стороны. Въ общемъ, въ статьяхъ, касавшихся общественнаго строя, конституція стояла на почвѣ не революціи, а постепенной реформы, дальнѣйшее развитіе которой зависитъ отъ условій будущаго. Къ тому же законодатели меньше значенія приписывали общественному строю, чѣмъ недостаткамъ въ организаціи правительства, въ которыхъ они видѣли главную причину безсилія республики.

Законодательная власть принадлежитъ сейму, состоящему изъ двухъ палатъ: сенаторской подъ предсѣдательствомъ короля и посольской. Въ составъ сенаторской палаты входятъ: епископы, воеводы, каштеляны и министры, въ посольской же засѣдаютъ представители шляхты и уполномоченные городовъ, — послѣдніе, впрочемъ, не имѣютъ права голоса въ принятіи постановленій. Шляхетскіе послы должны считаться представителями не своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, а всего народа; они рѣшаютъ дѣла всего государства, а не отдѣльныхъ частей его. Сеймы будутъ: *очередные*, собирающіеся

резъ каждые два года, *чрезвычайные*, собирающіеся черезъ каждую четверть вѣка для пересмотра конституціи, и *готовые*, созываемые въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства для рѣшенія какихъ либо отдѣльныхъ вопросовъ. Для очереднаго и чрезвычайнаго сеймовъ послы избираются, въ готовомъ же засѣдаютъ послы предъидущаго очереднаго сейма Всѣ вопросы на сеймахъ рѣшаются большинствомъ голсовъ. Такимъ образомъ, упраздняется *liberum veto* и конфедератскіе сеймы. Принимаемыя сеймами рѣшенія раздѣляются на *общіе законы* по вопросамъ: конституціоннымъ, гражданскимъ, уголовнымъ и установленію постоянныхъ налоговъ, и *сеймовыя постановленія* по вопросамъ: объявленія войны, заключенія мира, взысканія долговъ и т. п. Порядокъ принятія общихъ законовъ и сеймовыхъ постановленій не одинаковъ.

Предложенія короля по предметамъ, составляющимъ содержаніе общихъ законовъ, до внесенія ихъ въ сеймъ должны быть сообщены сеймикамъ, которые высказываютъ свое мнѣніе въ наказахъ посламъ. Законопроектъ обсуждаетъ посольская палата и сообщаетъ свое рѣшеніе сенатарской. Сенаторская палата или утверждаетъ рѣшеніе посольской и такимъ образомъ превращаетъ его въ законъ, или отвергаетъ. Если отвергнутое рѣшеніе посольская палата приметъ вторично по истеченіи двухъ лѣтъ, т. е. на слѣдующемъ очередномъ сеймѣ, то и сенатъ долженъ принять его. Такимъ образомъ, сенатъ лишь не допускаетъ поспѣшнаго принятія законовъ. Предложенія короля по содержанію сеймовыхъ постановленій могутъ быть внесены непосредственно въ сеймъ безъ предварителнаго сообщенія ихъ сеймикамъ. Посольская палата передаетъ свои рѣшенія относительно сеймовыхъ постановленій сенаторской палатѣ, которая подвергаетъ ихъ голосованію. Рѣшающее значеніе принадлежитъ большинству обоихъ палатъ.

Исполнительная власть принадлежитъ королю и его совѣту, носящему названіе *стражи законовъ*. Польскій престолъ будетъ избирательнымъ, но лишь въ томъ смыслѣ, что избираются семейства, въ которыхъ онъ наслѣдуется. По смерти Станислава-Августа будетъ царствовать курфюрстъ саксонскій, а послѣ него его сынъ, внукъ и т. д. Такъ какъ у курфюрста не было сына, то польской инфанткой была признана дочь его, Марія-Августа-Непомуцена. Мужъ инфантки положитъ начало династіи, по прекращеніи которой народъ изберетъ другую. При вступленіи на престолъ король дастъ

присягу на вѣрность конституціи и *pacta conventa*. Онъ неприкосновененъ и неотвѣтственъ. Ему принадлежитъ право помилованія осужденныхъ на смертную казнь (*jus agratiandi*), верховное начальствованіе надъ войскомъ во время войны, онъ назначаетъ епископовъ, гражданскихъ должностныхъ лицъ и офицеровъ. Однако онъ не можетъ принять никакого постановленія безъ стражи законовъ. Стража состоитъ изъ примаса, какъ председателя коммиссіи просвѣщенія, и пяти министровъ, назначаемыхъ королемъ на два года, а именно: министра полиціи, государственной печати, военнаго, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ. Въ составъ стражи входитъ маршалъ послѣдняго сейма, однако безъ права участія въ принятіи ея постановленій. Маршалъ можетъ только созвать готовый сеймъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія, внутреннихъ смутъ, голода или смерти короля. Для того, чтобы постановленія стражи имѣли силу, они должны быть подписаны королемъ и однимъ изъ министровъ, которые отвѣтственны передъ сеймомъ за свою дѣятельность лично и имущественно. Для выполненія постановленій стражи будутъ функціонировать правительственныя коммиссіи: просвѣщенія, полиціи, военная и финансовая. Правительственнымъ коммиссіямъ подчинены существовавшія въ провинціяхъ еще съ 1789 г. коммиссіи для охраны порядка.

Организація судебной власти была приспособлена къ общественному строю. Будутъ функціонировать прежнія судебныя учрежденія, — отдѣльныя для шляхты, мѣщанъ и крестьянъ. Для облегченія правосудія будетъ составленъ сводъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ: во время малолѣтства, психической болѣзни или смерти короля исполнительная власть переходитъ въ руки *регентства*. Оно будетъ состоять изъ стражи, министровъ которой назначитъ готовый сеймъ, подъ председательствомъ королевы, а за отсутствіемъ ея, — примаса. Регентство даетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ каждому очередному сейму.

Особая „декларація государственныхъ чиновъ" предписывала всѣмъ магистратурамъ и войску дать присягу на вѣрность конституціи, назначила на 8 мая благодарственное молебствіе и повелѣла соорудить въ Варшавѣ храмъ въ честь Провидѣнія Божія. Она объявила врагами отечества, измѣнниками и бунтовщиками всѣхъ, кто станетъ интриговать про-

тивъ конституціи и принимать участіе въ рокошѣ или конфедераціи съ цѣлью ея отмѣны.

Маршалы сейма универсаломъ отъ 7 мая сообщили о принятіи новой конституціи всѣмъ провинціальнымъ магистратурамъ.

Увлеченіе народа конституціей превзошло всѣ ожиданія. Варшава, а вмѣстѣ съ нею правинціальныя города, не исключая и мелкихъ пограничныхъ поселеній, соперничали другъ съ другомъ въ восхваленіи короля и выраженіяхъ благодарности сейму за третью статью конституціи. Этотъ энтузіазмъ шляхта еще болѣе усиливала братскимъ сближеніемъ съ мѣщанами и вступленіемъ въ ихъ сословіе. Благопріятно для конституціи было также настроеніе шляхты. Гражданско-военная комиссіи выражали въ своихъ заявленіяхъ благодарность королю и сейму. Въ столицу прибывали депутаціи отъ трибуналовъ, отъ нѣкоторыхъ воеводствъ, земель и повѣтовъ. Но особенно краснорѣчиво шляхетская масса выразила свое отношеніе къ конституціи въ февралѣ 1792 г. на сеймикахъ, созванныхъ для избранія депутатовъ и должностныхъ лицъ. Всѣ сеймики, за исключеніемъ владимірскаго, мельникскаго, люблинскаго и цехановскаго, присягнули на вѣрность конституціи и постановили послать делегатовъ для выраженія благодарности королю и государственнымъ чинамъ. Послѣднимъ было торжественное празднованіе первой годовщины конституціи 3 мая 1792 г. засѣданіе сейма состоялось въ церкви св. Креста, переполненной членами правительственныхъ учрежденій, делегатами сеймиковъ и публикою. Послѣ богослуженія всѣ присутствовавшіе, съ королемъ во главѣ, отправились торжественной процессіей на площадь противъ уяздовскихъ казармъ для участія въ закладкѣ храма въ честь Провидѣнія Божія. По окончаніи этой церемоніи епископъ Нарушевичъ произнесъ патріотическую рѣчь. Вечеромъ Варшава была иллюминована. Въ театрѣ была поставлена драма Нѣмцевича: „*Казиміръ Великій*", написанная спеціально для этого торжества. Ни одинъ диссонансъ не нарушилъ празднества.

Въ теченіе цѣлаго года народнаго увлеченія сооружалось зданіе новаго правленія по плану, намѣченному въ конституціи. Организована была стража, министрами въ которую король назначилъ: государственной печати (внутреннихъ дѣлъ)— канцлера Малаховскаго, иностранныхъ дѣлъ—подканцлера Хрептовича, полиціи—маршала Игнатія Потоцкаго, военнаго— гетмана Браницкаго, финансовъ—короннаго надворнаго подскарбія, Ѳому Островскаго. Сеймъ занялся опредѣленіемъ компетенцій центральнаго органа законодательной власти, стражи

и правительственныхъ коммиссій, выработалъ избирательное право для городовъ, регулировалъ положеніе дизунитовъ и т. д. Въ опредѣленіи компетенцій сейма и стражи онъ обнаружилъ недовѣріе къ королевской власти, вслѣдствіе чего извратилъ монархическую идею конституціи и ослабилъ тенденцію созданія сильнаго правительства. Онъ лишилъ преемниковъ Станислава Августа права назначенія свѣтскихъ сенаторовъ, предоставивъ имъ лишь утвержденіе одного изъ кандидатовъ, избранныхъ на сеймикахъ. Министры, назначаемые непосредственно королемъ, могутъ быть на каждомъ сеймѣ подвергнуты баллотировкѣ и, по желанію $^2/_3$ голосующихъ, лишены своихъ должностей, хотя бы за ними не было никакой вины. Правительственныя коммиссіи, состоявшія изъ членовъ, назначенныхъ сеймомъ, получили право обсуждать распоряженія короля и стражи и передавать ихъ на рѣшеніе сейма. Кромѣ лишенія короля права назначать свѣтскихъ сенаторовъ и оставлять на должностяхъ министровъ, сеймъ ограничилъ его право помилованія, установивъ, что это право не можетъ распространяться на приговоренныхъ къ смертной казни военнымъ судомъ или уголовнымъ судомъ за разбой, казнокрадство и вооруженные захваты. Въ другихъ случаяхъ королю предоставлено только замѣнять смертную казнь пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ и то лишь подъ условіемъ, чтобы рѣшеніе его подписалъ одинъ изъ министровъ, засѣдающихъ въ стражѣ. Насколько въ недовѣріи къ королевской власти сеймъ проявилъ старый шляхетско-республиканскій духъ, настолько же въ организаціи правительственныхъ комиссій сказалось его стремленіе къ укрѣпленію государственныхъ силъ путемъ тѣснаго объединенія Литвы съ Короною въ административномъ отношеніи. Взявъ за образецъ постановленіе сейма 1788 г., учредившее военную коммиссію, общую для всей республики, онъ ввелъ единство полицейской и финансовой администраціи, т. е. учредилъ, вмѣсто двухъ, одну общую коммиссію полиціи и финансовую коммиссію *обоихъ народовъ*. Онъ установилъ избирательное право для городовъ, регулировавшее избраніе городами уполномоченныхъ и ихъ участіе въ сеймѣ и правительственныхъ комиссіяхъ. Съ цѣлью освобожденія дизунитовъ отъ русскаго вліянія сеймъ сдѣлалъ шаги къ учрежденію для нихъ верховной церковной власти, которая бы зависѣла только отъ республики. По его иниціативѣ въ Пинскѣ состоялся съѣздъ (*конгрегація*) духовныхъ и свѣтскихъ представителей дизунитовъ, который въ присутствіи коммисара

республики выработалъ церковную организацію, независимую отъ петербургскаго синода, связанную въ догматическомъ отношеніи съ цареградскимъ патріаршествомъ. За исключеніемъ опредѣленія компетенцій коммиссіи просвѣщенія, составленія свода законовъ и регулированія еврейскаго вопроса, сеймъ закончилъ все въ теченіе одного года: соорудилъ и привелъ въ движеніе новую правительственную машину, подчинилъ общественныя отношенія принципамъ конституціи. Плодотворная и разумная въ общемъ дѣятельность сейма въ области внутренней организаціи была, однако, недостаточной для обезпеченія государства отъ посягательствъ извнѣ.

За границею конституція произвела самое лучшее впечатлѣніе. Папа сперва прислалъ королю поздравительное письмо, а затѣмъ особымъ бреве перенесъ празднованіе памяти св. Станислава на 3 мая. изъ державъ-участницъ раздѣла Пруссія и Австрія отнеслись къ конституціи въ высшей степени сочувственно. Прусскій король, вопреки мнѣнію своихъ министровъ, выразилъ удовольствіе по случаю измѣненія правленія республики и призванія на престолъ саксонскаго курфюрста; австрійскій канцлеръ, князь Кауницъ, не только одобрялъ польскую конституцію, но и послалъ съ согласія императора депешу къ петербургскому двору, въ которой совѣтовалъ ему признать переворотъ 3 мая. Прусскій король и императоръ Леопольдъ на съѣздѣ въ Пильницѣ въ августѣ 1791 г. обязались не предпринимать ничего, что могло бы нарушить цѣлость республики и ея конституцію, и дали обѣщаніе не добиваться возведенія на польскій престолъ какого либо принца изъ своихъ домовъ или брака его съ инфанткою. Россія, которой, впрочемъ, республика не сообщила оффиціально о принятіи конституціи, хранила молчаніе. Саксонскій курфюстъ выразилъ благодарность за призваніе его на польскій престолъ, но отъ оффиціальнаго принятія избранія воздержался. Онъ требовалъ нѣкоторыхъ измѣненій конституціи: увеличенія королевской власти и перенесенія права престолонаслѣдія на его братьевъ. Князь Адамъ Чарторыйскій съ раціонжскимъ каштеляномъ, Өаддеемъ Мостовскимъ, былъ отправленъ посланникомъ въ Дрезденъ, но ему не удалось склонить Фридриха-Августа къ принятію польской короны. Оказалось, что курфюрста удерживаетъ отъ этого не столько содержаніе конституціи, какъ молчаніе Россіи. Онъ требовалъ, чтобы республика оффиціально сообщила петербургскому двору о конституціи, и хотя требованіе было исполнено, все таки медлилъ съ принятіемъ короны. Онъ предвидѣлъ противодѣйствіе Россіи.

Петербургскій дворъ ждалъ лишь окончанія турецкой войны, чтобы принять мѣры противъ республики. Нѣкоторое время онъ колебался въ выборѣ средствъ. Вскорѣ выборъ средствъ императрицѣ облегчили польскіе магнаты.

Непримиримые враги наслѣдственности престола: Щенсный Потоцкій и Северинъ Ржевусскій, проживая въ Вѣнѣ, придумывали средства для ниспроверженія конституціи. Потоцкій сперва обращался къ австрійскимъ министрамъ; убѣдившись, что при вѣнскомъ дворѣ онъ не найдетъ поддержки своимъ стремленіямъ, онъ снесся съ княземъ Потемкинымъ, ведшимъ тогда мирные переговоры съ Турціей въ Яссахъ. Потемкинъ вызвалъ его къ себѣ для болѣе обстоятельнаго обсужденія плана дѣйствій и средствъ. Въ половинѣ октября 1791 г. Потоцкій прибылъ въ Яссы; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и Ржевусскій. Не успѣвъ придти къ какому либо соглашенію съ Потемкинымъ, который для поправленія здоровья уѣхалъ въ степь, гдѣ и умеръ, они отправились въ галицкую Подолію, въ Язловецъ, и ждали здѣсь дальнѣйшихъ приказаній петербургскаго двора. Не прошло и мѣсяца, какъ ихъ снова вызвалъ въ Яссы Безбородко, которому по смерти Потемкина было поручено окончаніе мирныхъ переговоровъ съ Турціей. На совѣщаніяхъ съ Безбородко они составляли планы ниспроверженія конституціи, съ нетерпѣніемъ ожидая заключенія русско-турецкаго мира, которое позволило бы императрицѣ оказать имъ поддержку введеніемъ русскихъ войскъ въ предѣлы республики.

Получивъ извѣстіе о пребываніи Потоцкаго и Ржевусскаго въ русскомъ лагерѣ въ Яссахъ, сеймъ постановилъ пригласить ихъ вернуться въ страну и дать присягу на вѣрность конституціи. Въ силу этого постановленія король издалъ въ стражѣ приказъ гетману, а военная коммиссія генералу артиллеріи, предписывавшій имъ вернуться до истеченія трехъ мѣсяцевъ. Вмѣсто исполненія этихъ приказовъ, они отвѣтили на нихъ дерзкими письмами, въ которыхъ называли сеймъ собраніемъ заговорщиковъ, а конституцію преступленіемъ и могилою свободы. Отправленный королемъ въ Яссы, Станиславъ Потоцкій тоже не могъ убѣдить недовольныхъ прекратить переговоры съ Россіей. Тогда сеймъ, возмущенный дерзостью генерала артиллеріи и гетмана, лишилъ ихъ должностей и упразднилъ обѣ польныя булавы. Это произошло вскорѣ послѣ 9 января 1792 г., по заключеніи въ Яссахъ русско-турецкаго мирнаго договора. Получивъ свободу дѣйствій, императ-

рица пригласила Потоцкаго и Ржевускаго въ Петербургъ для составленія плана дѣйствій противъ Польши.

Вслѣдъ за Потоцкимъ и Ржевускимъ на берега Невы прибылъ также гетманъ Браницкій якобы для устроенія имущественныхъ дѣлъ своей жены, наслѣдницы Потемкина, въ дѣйствительности же для совмѣстныхъ интригъ съ недовольными. Король подъ давленіемъ Булгакова разрѣшилъ гетману уѣхать, взявъ съ него честное слово и письменное заявленіе, что онъ сохранитъ вѣрность конституціи и вернется въ республику по первому требованію. На частной аудіенціи, данной императрицею Потоцкому и Ржевусскому, рѣшено было, что недовольные учредятъ конфедерацію для ниспроверженія конституціи и призовутъ на помощь Россію. Актъ конфедераціи былъ составленъ при участіи генерала Попова, бывшаго раньше довѣреннымъ Потемкина. Въ то же время четырнадцать челобитчиковъ повергли отъ имени польскаго народа къ стопамъ «великой, богоподобной монархини» жалобу на сеймъ, обвиняя его въ насиліяхъ и преступленіяхъ, и просьбу о помощи для возстановленія республиканской свободы. Русскіе государственные люди выработали планъ вторженія войскъ императрицы во владѣнія республики и изготовили декларацію для объясненія причинъ такого шага. Декларація обвиняла послѣдній сеймъ въ нарушеніи трактатовъ, отказѣ русской арміи въ гостепріимствѣ, преслѣдованіи подданныхъ императрицы, противозаконномъ ниспроверженіи республиканскаго правленія и т. д. Ея величество, говорилось далѣе въ деклараціи, уступая мольбамъ многочисленныхъ поляковъ знатнаго происхожденія и высокаго положенія, объединенныхъ въ конфедерацію, посылаетъ свои войска для возстановленія законовъ и прерогативъ республики. Рѣшаясь на этотъ шагъ, Россія опасалась противодѣйствія со стороны Пруссіи, связанной съ Польшею обязательствами трактата 29 марта 1790 г., а также со стороны Австріи, которая не измѣнила своего расположенія къ конституціи 3 мая. Однако вскорѣ она нашла поддержку въ современныхъ политическихъ событіяхъ на западѣ. Сынъ и преемникъ умершаго императора Леопольда († 1 марта 1792 г.), Францъ II, готовился къ борьбѣ съ французской революціей. Екатерина поощряла его вооруженія, даже обѣщала ему помощь. Въ апрѣлѣ 1792 г. французское національное собраніе объявило войну Австріи. Императоръ лишился возможности воспрепятствовать осуществленію намѣреній Россіи относительно Польши; изолированной Пруссіи императрица не боялась, будучи готова предоставить и ей выгоды отъ на-

шествія на Польшу. Эти обстоятельства ускорили рѣшеніе императрицы по польскому дѣлу. 18 мая 1792 г. Булгаковъ вручилъ Хрептовичу, какъ министру иностранныхъ дѣлъ, декларацію о вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Польши.

Въ Варшавѣ никто не сомнѣвался въ угрожающей опасности, однако не думали, чтобы она разразилась такъ быстро.

Сеймъ, полагаясь на дружелюбныя заявленія Австріи и Пруссіи, долго не допускалъ возможности русскаго вторженія. Лишь въ апрѣлѣ 1792 г. получивъ извѣщеніе о намѣреніяхъ русскаго двора отъ польскаго посла въ Петербургѣ, Деболи, онъ сталъ принимать мѣры для защиты. Онъ рѣшилъ теперь же выполнить постановленіе объ учрежденіи стотысячной арміи, продать староства и сдѣлать за границею заемъ въ тридцать милліоновъ. Въ Вѣну былъ отправленъ князь Адамъ Чарторыйскій съ просьбой къ императору о дипломатической поддержкѣ; въ Берлинъ поѣхалъ Игнатій Потоцкій, чтобы напомнить о трактатѣ 29 марта. Поручивъ начальствованіе надъ вооруженными силами королю, сеймъ въ засѣданіи 29 мая отсрочилъ свою сессію до окончанія войны. Вмѣсто преній по законодательнымъ вопросамъ, по странѣ распространилось это трехъ актовъ: отвѣта на русскую декларацію, воззванія главнокомандующаго къ войскамъ и универсала короля и государственныхъ чиновъ къ народу. *Четырехлѣтній* сеймъ (прозванный также *великимъ*) прекратилъ свои засѣданія, не обезпечивъ страны отъ послѣдствій непріятельскаго нашествія. Средства защиты, принятыя въ апрѣлѣ 1792 года, слишкомъ запоздали. Послѣ декларацій Булгакова, переговоры о тридцатимилліонномъ займѣ въ Голландіи не могли достигнуть цѣли. Въ объединенной государственной кассѣ обоихъ народовъ на войско и всѣ надобности кампаніи было лишь 1.300.000 золотыхъ. Въ моментъ передачи королю главнаго начальствованія надъ войскомъ вся армія въ Коронѣ и Литвѣ состояла изъ 57.000 человѣкъ; за изъятіемъ резерва и каменецкаго гарнизона, противъ огромной русской арміи могло выступить лишь 45.000 человѣкъ! Численность арміи сенатъ увеличилъ до 100.000 человѣкъ лишь тогда, когда для организаціи ея не было уже ни времени, ни денегъ. Мѣры, принятыя въ апрѣлѣ и маѣ 1792 г., были бы хороши три года тому назадъ, да и то лишь при энергичной дѣятельности органовъ исполнительной власти.

* * *

ныхъ? Платону, заставившему ихъ уразумѣть, что такое жизнь, люди предпочитаютъ Александра, ведущаго ихъ на смерть, объѣдающагося какъ скотъ и околѣвающаго отъ пьянства. А, между тѣмъ, мы ищемъ, склонясь надъ книгами, причину зла; мы слушаемъ, какъ поетъ матерія на пылающей химической печи, мы изучаемъ пути небесныхъ свѣтилъ, мы вызываемъ на нашихъ машинахъ искру изъ таинственныхъ электрическихъ токовъ... Мы говоримъ о разнорѣчіи въ законахъ. Что же изъ этого? Проходитъ солдатъ и убиваетъ. Вотъ онъ и повелитель... Пролитая кровь Архимеда стерла начертанныя имъ на пескѣ математическія фигуры; а убившій его дуралей, вытирая свой клинокъ, воображаетъ, что прервалъ смѣшную забаву безумнаго старика...

Такъ говорилъ юноша. Его жалкіе пальцы цѣплялись за ручки кресла; онъ выставлялъ впередъ свою голову, на которой видно было, какъ наливались вены подъ то краснѣвшей, то блѣднѣвшей кожей. Произнося эти фразы, онъ поминутно плевалъ.

— Сила физическая, т. е. сила Геркулеса есть также явленіе природы, грустно возразилъ Грелу. И ее слѣдуетъ изучать точно такъ же, какъ силу молніи или океана, которыя тоже убиваютъ безъ разбора. Мы слишкомъ ничтожны, чтобы смотрѣть на наше знаніе какъ на всеобщее...

— И вотъ, единый разъ въ исторіи міра, человѣкъ молодой, окруженный славой, поддерживаемый восхищеніемъ Европы, достигаетъ высшей власти. Случайно онъ знаетъ философовъ, онъ читалъ и понимаетъ ихъ. Онъ видѣлъ, какъ произошелъ самый величайшій переворотъ, потрясшій правленіе тридцати вѣковъ, и онъ не старается, прежде всего, довершить тріумфъ справедливости, проповѣданный намъ Жанъ-Жакомъ, Дидро и Вольтеромъ, ради достиженія счастья человѣчества!

— Какой смѣшной самохвалъ!—пробормоталъ Меркеръ, только что введенный къ своимъ начальникамъ.

Больной замолчалъ, поблѣднѣлъ и задрожалъ. Онъ сдѣлалъ знакъ, и лакеи выкатили его на креслѣ изъ залы, а офицеры продолжали молча пить.

Герикуръ размышлялъ. Ему видно было черезъ большое окно, какъ драгуны, словно пастухи на лошадяхъ, гнали между холмами стада русскихъ плѣнныхъ. Это шествіе медленной толпы продолжалось до края горизонта, а надъ нимъ возвышались сіяющія каски побѣдителей.

— Неужели-же,—спросилъ онъ у Грелу,—вся эта слава—преступленіе?

— Кто знаетъ? Исторія все выяснитъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть преступленіемъ рисковать жизнью за честь знамени и за побѣду великаго народа!

Въ это время въ залу внезапно вошелъ Августинъ и бросился въ объятья брата. Онъ возвѣстилъ перемиріе и вѣрный миръ въ будущемъ, хотя эрцгерцоги подошли къ Пресбургу съ итальянской арміей. Онъ былъ какъ въ бреду отъ восторга: императоръ пожаловалъ ему крестъ.

Патенты на новые чины пришли въ тотъ же день. Поэтому, на другой день, когда возвращались съ парада, на которомъ кавалеристы привѣтствовали полковника Герикура громкими оваціями и криками, изъ парка выѣхала почтовая карета, за нею зеленая коляска и еще другой экипажъ. Въ окнѣ почтовой кареты показалась женская рука, зеленая бархатная шляпка и ридикюль на рукѣ, одѣтой въ митенку. «Это Аврелія!» угадалъ Бернардъ. Онъ быстро сбѣжалъ со ступеней крыльца. Почтальонъ уже останавливаетъ лошадей, къ нему нагнулась съ рыданіями его жена, вся горячая отъ слезъ, она сжала его въ своихъ объятіяхъ и заплакала, въ то время какъ Мальвина вышла изъ коляски и поднесла свои пальцы къ губамъ Августина.

— Мой герой! мой герой! радостно повторяла счастливая жена.

Аврелія вышла изъ экипажа вслѣдъ за Пракси-Блассаномъ. Въ то же время Бернардъ увидалъ и Мальвину. Августинъ разсказывалъ ей объ аустерлицкихъ подвигахъ. Бернардъ крѣпко прижалъ жену къ своей груди. Она шептала: «Твои раны не болятъ?.. Ахъ еслибъ ты зналъ!.. я была все время съ тобою... я думала: можетъ быть онъ страдаетъ въ этотъ часъ, одинъ въ какой-нибудь канавѣ въ Австріи. Это сабельный ударъ, вотъ тутъ?.. Боже мой! Ты ихъ побѣдилъ, ты, ты!.. Я тебя обожаю, я тебя обожаю!..».

Несмотря на то, что вниманіе его было отвлечено въ другую сторону, ухо Бернарда все же слышало громкія похвалы своего шурина, который тотчасъ же попросилъ Августина проводить его къ горящему камину. Пока они всходили по лѣстницѣ, Виржини объявила о своемъ путешествіи и о новомъ богатствѣ Герикуровъ. Въ настоящее время компанія Герикуровскихъ мельницъ, унаслѣдовавшая поставку Ванлерберга, разорившагося съ *«Соединенными Негоціантами»*, полу-

чила весь подрядъ на муку для арміи, какъ въ Артуа, такъ и во Фландріи. Каролина посылала ему золото! Всѣ три женщины послѣдовали въ домъ за Герикуромъ и тамъ, вдали отъ навязчивыхъ свидѣтелей, онѣ смолкли, выражая этимъ молчаніемъ все, что было у нихъ на душѣ. Виржини восторгалась своимъ мужемъ, героемъ, богачемъ и побѣдителемъ, глядя на него своими блестящими свѣтлыми глазами изъ подъ темныхъ, красивыхъ бровей.

Бернарду припомнился отецъ, котораго они убили своимъ эгоизмомъ. Отецъ припомнился ему еще молодымъ и зрячимъ, такимъ, какимъ онъ въ тотъ прекрасный вечеръ ждалъ возвращенія своего сына, на дорогѣ въ Артуа, въ своемъ коричневомъ сюртукѣ и въ вышитой черной атласной рубашкѣ, со своими добрыми, ярко красными щеками подъ бѣлой шапочкой съ козырькомъ; со своими проницательными сѣрыми глазами, смѣявшимися дорогому гусару, который вернулся невредимымъ послѣ большой войны.

Сынъ видѣлъ, какъ отецъ ему улыбается. О, нужно было возвратить ихъ роду то, что имъ было утрачено превосходнаго и энергичнаго въ лицѣ предка, умершаго въ отчаяніи въ Дюнкирхенскомъ домѣ.

И какъ торжествовалъ Бернардъ, когда, увѣрившись, что онъ будетъ отцомъ, осушилъ своими поцѣлуями слезы Авреліи, задушилъ смѣхъ Мальвины и страстный вздохъ жены.

— Венера одарила васъ красотою, а Марсъ далъ вамъ силу, вы такъ прекрасны,—заговорила первая Мальвина.

— О, я знаю твою силу на себѣ, Бернардъ! Твоя сила поражаетъ и созидаетъ!..—прошептала Виржини.

— Увы! всѣ наши созидающія силы также и убиваютъ,—замѣтила Аврелія.

Сестра и братъ смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Что было дѣлать съ безжалостною косою смерти, уничтожившею тысячи надеждъ людей молодыхъ, сильныхъ и жаждавшихъ дѣятельности? Развѣ всемогущая смерть не скоситъ также и кокетливую Мальвину, и страстную Виржини, и грустную Аврелію съ ея гибкою таліею, согнувшеюся подъ темными складками синяго сукна. Даже и сама Аврелія, такая хорошенькая посреди своихъ блестящихъ локоновъ, тоже повторила.

— Увы! всѣ наши созидающія силы также и убиваютъ.

Но Бернарду хотѣлось облегчить грусть сестры. Онъ назвалъ Денизу и Эдуарда и сказалъ:

— Если наши силы убиваютъ, то вѣдь онѣ также и создаютъ, тѣмъ самымъ себя увѣковѣчивая.

— Пусть же наши дѣти живутъ счастливо и любятъ другъ-друга!—отвѣтила она, отвернувъ голову, чтобы скрыть слезы.

Какъ бы упрекая ее за ея грусть, Мальвина поспѣшила замѣтить:

— Благородное и великодушное сердце должно любить силу и славу. Я ихъ люблю, словно я настоящая француженка!

— О! я, Бернардъ, я люблю тебя такъ, какъ Франція любитъ своихъ героевъ, воскликнула Виржини, проскальзывая между своимъ мужемъ и иностранкою.

Безъ сомнѣнія, это восклицаніе было внушено звукомъ трубы, раздавшимся подъ окнами вслѣдъ за лошадинымъ топотомъ и шумомъ людского говора. Мальвина отворила ставни. Офицеры полка появились у крыльца вмѣстѣ съ ротою избранныхъ. Они спѣшились. Ихъ заштопанные сюртуки, выцвѣтшіе отъ мытья нагрудники, и панталоны, сіявшіе отъ свѣжаго мѣла, придавали имъ столько же гордости, какъ и блескъ ихъ касокъ и вычищенныхъ сабель.

— Ахъ, я и позабылъ, мои милочки, что генералъ празднуетъ свое производство, сказалъ Бернардъ.—Это делегаты полка явились къ нему съ поздравленіемъ. Мнѣ нужно пойти къ нему.

Торопясь возвратиться къ своимъ товарищамъ, къ мужчинамъ, съ чувствомъ новаго торжества своей любви, онъ наткнулся на лѣстницѣ на Эдма, одѣтаго въ великолѣпную форму квартирмейстера. Молодой человѣкъ обнялъ его и быстро взбѣжалъ наверхъ къ своимъ родственницамъ.

На порогѣ генералъ принималъ депутацію.

Онъ говорилъ съ особеннымъ жаромъ: «Драгуны 23-го полка, я уношу съ собою воспоминаніе о вашей храбрости. Это воспоминаніе послѣдуетъ за мною во гробъ, служите вашему штандарту такъ, какъ вы всегда ему служили. Повинуйтесь пунктуально полковнику Герикуру. Онъ васъ поведетъ по пути чести и побѣды. А теперь, господа, сойдите съ лошадей Идемте выпить за здоровье его величества, императора!»

Хотя хозяинъ маіората и не показывался послѣ дерзкой выходки Меркера, тѣмъ не менѣе,онъ, очень любезно, ве-

лѣлъ открыть по случаю предстоящаго торжества четыре большія залы, шедшія анфиладой.

Новый генералъ велъ неловко подъ руку Аврелію, отвѣчалъ Мальвинѣ и улыбался мадамъ Герикуръ. Каванонъ пригласилъ ихъ и подвелъ къ почетнымъ мѣстамъ. Онъ расхваливалъ Герикура, думая ихъ этимъ очаровать. Бывшій конюхъ разсыпался въ почтительныхъ любезностяхъ передъ дипломатомъ: онъ потребовалъ, чтобы ему покрыли пладемъ ноги, передъ огнемъ. Онъ приказалъ замолчать солдатамъ, отпускавшимъ шуточки во второмъ залѣ.

«Ахъ, они шутники, графиня, настоящіе шутники... Ха! ха! И, далеко, не трусы... Но, нужно бы имъ было имѣть манеры, да, да, у нихъ недостаетъ хорошихъ манеръ ха, ха!» На загорѣлыхъ лицахъ этихъ худощавыхъ людей, смѣхъ оттѣнялъ еще болѣе жестокую усмѣшку. Вирживи увѣряла, что кажется, будто они все еще вдыхаютъ запахъ крови. Въ отвѣтъ на это, разгорячившійся дипломатъ началъ свою лекцію: это былъ слѣдъ пережитой доисторической привычки, гримаса угрожавшая сопернику укушеніемъ. Во время своихъ путешествій, онъ встрѣчалъ подобную гримасу у многихъ пандуровъ [1]). Весь знаменитый гусарскій полкъ Бланкенштейна, былъ отмѣченъ этимъ признакомъ. «Но, генералъ, продолжалъ онъ своимъ многозначительнымъ голосомъ, будьте увѣрены, что и вы также носите на себѣ этотъ признакъ, да и вы также, шуринъ, не болѣе не менѣе, какъ ассирійскіе цари, которыхъ мы видимъ въ Лондонѣ, въ кабинетѣ его британскаго величества, на барельефахъ, вывезенныхъ изъ Ниневіи», Онъ подвелъ ихъ къ трюмо, чтобы заставить посмотрѣться въ нихъ. «Во время моего проѣзда черезъ Ульмъ, я купилъ двухъ договъ, по совѣту г-на Талейрана, знающаго въ нихъ толкъ. У нихъ есть тотъ же признакъ. Клянусь честью, милѣйшій мой шуринъ, вы стали прекраснымъ человѣкомъ-хищникомъ, по примѣру вашихъ догинъ... ха, ха!» Онъ злобно посмѣивался, потирая руки, выставлявшіяся изъ кружевныхъ манжетъ.

— Что его превосходительство, г-нъ Талейранъ здоровъ? спросилъ генералъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Безъ сомнѣнія, онъ совершенно здоровъ, и это ему позволяетъ слѣдить, какъ слѣдуетъ, за своими дѣлами, которыя идутъ недурно, увѣряю васъ, господа. Городъ Брюнъ

---

[1]) Венгерскій пѣшій солдатъ.

— Если наши силы убиваютъ, то вѣдь онѣ также и создаютъ, тѣмъ самымъ себя увѣковѣчивая.

— Пусть же наши дѣти живутъ счастливо и любятъ другъ-друга!—отвѣтила она, отвернувъ голову, чтобы скрыть слезы.

Какъ бы упрекая ее за ея грусть, Мальвина посиѣшила замѣтить:

— Благородное и великодушное сердце должно любить силу и славу. Я ихъ люблю, словно я настоящая француженка!

— О! я, Бернардъ, я люблю тебя такъ, какъ Франція любитъ своихъ героевъ, воскликнула Виржини, проскальзывая между своимъ мужемъ и иностранкою.

Безъ сомнѣнія, это восклицаніе было внушено звукомъ трубы, раздавшимся подъ окнами вслѣдъ за лошадинымъ топотомъ и шумомъ людского говора. Мальвина отворила ставни. Офицеры полка появились у крыльца вмѣстѣ съ ротою избранныхъ. Они спѣшились. Ихъ заштопанные сюртуки, выцвѣтшіе отъ мытья нагрудники, и панталоны, сіявшіе отъ свѣжаго мѣла, придавали имъ столько же гордости, какъ и блескъ ихъ касокъ и вычищенныхъ сабель.

— Ахъ, я и позабылъ, мои милочки, что генералъ празднуетъ свое производство, сказалъ Бернардъ.—Это делегаты полка явились къ нему съ поздравленіемъ. Мнѣ нужно пойти къ нему.

Торопясь возвратиться къ своимъ товарищамъ, къ мужчинамъ, съ чувствомъ новаго торжества своей любви, онъ наткнулся на лѣстницѣ на Эдма, одѣтаго въ великолѣпную форму квартирмейстера. Молодой человѣкъ обнялъ его и быстро взбѣжалъ наверхъ къ своимъ родственницамъ.

На порогѣ генералъ принималъ депутацію.

Онъ говорилъ съ особеннымъ жаромъ: «Драгуны 23-го полка, я уношу съ собою воспоминаніе о вашей храбрости. Это воспоминаніе послѣдуетъ за мною во гробъ, служите вашему штандарту такъ, какъ вы всегда ему служили. Повинуйтесь пунктуально полковнику Герикуру. Онъ васъ поведетъ по пути чести и побѣды. А теперь, господа, сойдите съ лошадей Идемте выпить за здоровье его величества, императора!»

Хотя хозяинъ маіората и не показывался послѣ дерзкой выходки Меркера, тѣмъ не менѣе,онъ, очень любезно, ве-

лѣлъ открыть по случаю предстоящаго торжества четыре большія залы, шедшія анфиладой.

Новый генералъ велъ неловко подъ руку Аврелію, отвѣчалъ Мальвинѣ и улыбался мадамъ Герикуръ. Кавапонъ пригласилъ ихъ и подвелъ къ почетнымъ мѣстамъ. Онъ расхваливалъ Герикура, думая ихъ этимъ очаровать. Бывшій конюхъ разсыпался въ почтительныхъ любезностяхъ передъ дипломатомъ: онъ потребовалъ, чтобы ему покрыли плащемъ ноги, передъ огнемъ. Онъ приказалъ замолчать солдатамъ, отпускавшимъ шуточки во второмъ залѣ.

«Ахъ, они шутники, графиня, настоящіе шутники... Ха! ха! И, далеко, не трусы... Но, нужно бы имъ было имѣть манеры, да, да, у нихъ недостаетъ хорошихъ маперъ ха, ха!» На загорѣлыхъ лицахъ этихъ худощавыхъ людей, смѣхъ оттѣнялъ еще болѣе жестокую усмѣшку. Вирживи увѣряла, что кажется, будто они все еще вдыхають запахъ крови. Въ отвѣтъ на это, разгорячившійся дипломатъ началъ свою лекцію: это былъ слѣдъ пережитой доисторической привычки, гримаса угрожавшая сопернику укушеніемъ. Во время своихъ путешествій, онъ встрѣчалъ подобную гримасу у многихъ пандуровъ [1]). Весь знаменитый гусарскій полкъ Бланкенштейна, былъ отмѣченъ этимъ признакомъ. «Но, генералъ, продолжалъ онъ своимъ многозначительнымъ голосомъ, будьте увѣрены, что и вы также носите на себѣ этотъ признакъ, да и вы также, шуринъ, не болѣе не менѣе, какъ ассирійскіе цари, которыхъ мы видимъ въ Лондонѣ, въ кабинетѣ его британскаго величества, на барельефахъ, вывезенныхъ изъ Ниневіи», Онъ подвелъ ихъ къ трюмо, чтобы заставить посмотрѣться въ нихъ. «Во время моего проѣзда черезъ Ульмъ, я купилъ двухъ договъ, по совѣту г-на Талейрана, знающаго въ нихъ толкъ. У нихъ есть тотъ же признакъ. Клянусь честью, милѣйшій мой шуринъ, вы стали прекраснымъ человѣкомъ-хищникомъ, по примѣру вашихъ драгунъ... ха, ха!» Онъ злобно посмѣивался, потирая руки, выставлявшіяся изъ кружевныхъ манжетъ.

— Что его превосходительство, г-нъ Талейранъ здоровъ? спросилъ генералъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Безъ сомнѣнія, онъ совершенно здоровъ, и это ему позволяетъ слѣдить, какъ слѣдуетъ, за своими дѣлами, которыя идутъ недурно, увѣряю васъ, господа. Городъ Брюнъ

[1]) Венгерскій пѣшій солдатъ.

полонъ подводъ, привозящихъ ему тюки изъ Франціи и Испаніи. Его превосходительство держитъ лавочки посредствомъ подставныхъ лицъ въ Линцѣ, въ Вѣнѣ и въ Брюнѣ. Тюки и ящики привозятся въ его отели подъ видомъ посольскихъ тюковъ, не подлежащихъ таможенной оплатѣ пошлинъ, какъ принадлежащіе дипломатическому корпусу. Они оттуда выходятъ неоплаченными и наполняютъ магазины, гдѣ его агенты и продаютъ ихъ по цѣнамъ, съ которыми не могутъ соперничать другіе торговцы. Это подрываетъ торговлю нашихъ враговъ. Вотъ какимъ способомъ великій человѣкъ унижаетъ недруговъ своего отечества, пріобрѣтая въ то-же время славу и состояніе.

Онъ злобно посмѣивался. Ноздри его безшумно вдыхали воздухъ. Затѣмъ онъ передалъ сосѣду табакерку, которая и эбошла вокругъ стола: она была золотая, подарокъ императора, украсившаго ее своей миніатюрой. Эдмъ взялъ изъ нея щепотку табаку.

Каждый изъ нихъ радовался. Во первыхъ, Наполеонъ получилъ съ Австріи двадцать милліоновъ, которые бригадные кассиры должны были раздѣлить между офицерами. Многимъ изъ нихъ уже удалось заключить займы, обезпечивъ ихъ этою гарантіей, и они хвастались своимъ богатствомъ, пили, разсказывали другъ другу свои подвиги и свои любовныя похожденія и чокались.

За исключеніемъ виконта и Грелу, державшихся нѣсколько въ отдаленіи, всѣ они говорили громко и протягивали свои тарелки, на которыя слуги накладывали разной дичи. Въ концѣ зала, въ галлереѣ, вся компанія избранныхъ засѣдала за длиннымъ столомъ. Солдаты, уже близкіе къ полному опьяненію, пѣли во всю глотку, потрясая обглоданными костями дичи. Такъ какъ стульевъ не хватало, то нѣкоторые сѣли на полъ. Они колотили другъ друга въ шутку по краснымъ эполетамъ.

— Шутники, сударыня, неправда ли, какіе шутники, чортъ побери!.. повторялъ новый генералъ, обращаясь къ Вирживи.— Вы извините ихъ, неправда-ли? Они хорошо поработали, сражаясь съ непріятелемъ! Французскій солдатъ, это прекрасный солдатъ.

Кавапонъ, хорошій ораторъ, воспѣвалъ ихъ героизмъ. Онъ указывалъ на какое-нибудь находившееся въ концѣ обширной залы лицо съ профилемъ ворона, на физіономію, обрамленную сѣдыми бакенбардами, на какой-нибудь носъ съ обрубленнымъ

саблею кончикомъ. Мальвина вставала, отодвигала свой стулъ, чтобы лучше видѣть героевъ. На одну минуту она встала даже на стулъ и появилась на виду у всѣхъ въ своей желтой бархатной кофточкѣ. Она нагнулась и послала воздушный поцѣлуй квартирмейстеру, прославившемуся тѣмъ, что онъ прижалъ къ стѣнѣ своею лошадью пять австрійскихъ артиллеристовъ, собиравшихся выстрѣлить изъ заряженной картечью пушки. Удерживая ихъ своею саблею и пистолетомъ, онъ далъ время отряду своихъ товарищей опрокинуть пушку.

Вирджини встала въ свою очередь. Бернардъ указывалъ на другихъ храбрецовъ. Эти послѣдніе, польщенные всеобщимъ вниманіемъ, стали ободрять другъ друга разными шутками. Они пожелали выпить за здоровье французскихъ женщинъ! Мальвина захотѣла чокнуться стаканомъ токайскаго съ большимъ бокаломъ моравскаго вина, поднесеннымъ къ ней зеленымъ рукавомъ, обшитымъ потускнѣвшими серебряными галунами. Она похвалила физіономію унтеръ-офицера. Вирджини тоже чокнулась съ другимъ солдатомъ.

— Спасибо вамъ, храбрые воины, покрывающіе славою знамя моего мужа, продекламировала она.

Она была искренно тронута. Двѣ слезы скатились до ея толстыхъ губъ.

— Великодушные французы, подхватила Мальвина,— Европа восхищается вами и посылаетъ всѣ свои добрыя пожеланія вслѣдъ за полетомъ вашихъ орловъ!

— Да здравствуетъ императоръ! отвѣтили солдаты, чтобы произвести какой-нибудь шумъ.

Они залили виномъ свои чисто вычищенные пластроны и затѣмъ возвратились къ своимъ столамъ, на большую галлерею, находившуюся въ глубинѣ перспективы.

— Солдаты—мои дѣти, старался оправдать ихъ добрякъ генералъ, въ восторгѣ, что дамъ не раздражали всѣ эти гусарскія выходки.

— Я думаю, что молодой человѣкъ, причисленный къ главному штабу, не окажется неловкимъ, замѣтилъ Пракси-Блассанъ, нагнувшись надъ открытымъ лифомъ Мальвины.

— Когда же будетъ свадьба?

— Мы торопимся, созналась она.—Выходя за него замужъ, я становлюсь гражданкой Франціи. Я пью за Францію и жениха! Господа офицеры, кто же выпьетъ со мною?

Всѣ подняли стаканы.

— Пью за здоровье трогательной парочки, вздохнула Аврелія.—Пусть самая благородная страсть наполнитъ вашу жизнь славою и любовью!

— Конечно!.—объявилъ генералъ, хохоча очень громко.

— Знаете-ли вы, молодой человѣкъ, что Гаугвицъ чуть было не похитилъ вашу Мальвину?.. Да, да...

И Пракси-Блассанъ злобно усмѣхнулся, какъ человѣкъ кое-что знающій.

— Дорогая моя, заговорилъ Августинъ, впадая въ высокій слогъ, какимъ невѣдомымъ воздухомъ дышетъ тотъ варваръ, который бы могъ устоять противъ столькихъ прелестей? Все равно, будь это какой-нибудь молокососъ или бородачъ, полководецъ или посланникъ, тѣмъ болѣе я долженъ гордиться, что вы выбрали именно меня.

Она протянула ему руку, которую онъ и поцѣловалъ черезъ столъ.

Бернардъ хотѣлъ было вставить свое словцо; но виконтъ и Грелу уже философствовали посреди молчанія остальныхъ. Онъ проклялъ въ душѣ свою робость, затѣмъ ему стало грустно. Когда онъ начиналъ говорить, и рѣчь его затягивалась, то каждый затѣвалъ со своимъ сосѣдомъ другой разговоръ, вскорѣ заглушавшій его голосъ. Никому не нравились ни его военные разсказы, ни его анекдоты, и ему приходилось оканчивать свою рѣчь, адресуясь къ одному лишь ближайшему сосѣду, выслушивавшему его съ любезной, но разсѣянной улыбкой.

Ему было грустно. И взгляды Виржини напрасно старались ему напомнить, какъ она его любитъ.

— Полковникъ, настаивалъ Кавanонъ,—принцъ Мюратъ непремѣнно хочетъ, чтобы вы замѣстили вашего турецкаго коня точно такимъ же; онъ просилъ меня сообщить вамъ объ этомъ. Императоръ также этого желаетъ. Разсказываютъ даже, что онъ не дастъ вамъ креста до перваго парада, на которомъ вы явитесь во главѣ вашего полка, сидя верхомъ на такомъ же точно конѣ.

— О, добавилъ генералъ,—ты знаешь, что ты самый красивый солдатъ во всей великой арміи. Не правда ли, господа?

Всѣ на перебой стали восторгаться Бернардомъ, но его не радовали эти похвалы. На него смотрѣли, какъ на статую, стоящую на площади, какъ на безчувственную вещь, какъ на прекрасный предметъ.

Онъ страдалъ. Всею душою онъ желалъ, чтобы его будущій

сынъ имѣлъ кромѣ силы еще и умъ. Онъ желалъ этого всѣми силами судорожно натянутыхъ нервовъ, сдерживая бѣшенство, возбуждаемое въ немъ оскорбительными похвалами друзей.

За большими окнами ярко освѣщенной залы продолжали тѣсниться плѣнные: они все еще шли подъ надзоромъ конныхъ пастуховъ, одѣтыхъ въ зеленые сюртуки и мѣдныя каски.

Самъ Бернардъ былъ одѣтъ точно также; онъ былъ побѣдителемъ, около котораго тѣснились двѣ прекрасныя взволнованныя женщины. И офицеры и солдаты завидовали ему видя его между ними. Всѣ съ одного конца залы до другого любовались ими, начиная съ добряка новаго генерала, у котораго навертывались слезы отъ опьянѣнія и до самаго конца длинной бѣлой галлереи, гдѣ компанія Меркера стучала по столу кулаками, гнула серебряные вызолоченные стаканы, плескала шипучее вино въ физіономіи дрожавшихъ отъ страха лакеевъ. Эти несчастные въ желтыхъ казакинахъ были побѣждены. Они покорялись силѣ.

Герикуръ почувствовалъ, что его собственная сила напрягала его мускулы и приводила его въ радостно возбужденное настроеніе.

— Капитанъ, пѣлъ пронзительный голосъ Эдма,—когда я увидѣлъ, что юнкеръ прицѣлился въ меня, я обнажилъ саблю. Я еще и теперь спрашиваю себя, какъ я могъ сдѣлать это такъ скоро? Смотри, вотъ такъ (обнаженная Эдмомъ сабля сверкнула надъ головами гостей) и ударилъ вотъ такъ! (Задѣтая имъ люстра разлетѣлась на множество сверкающихъ кусковъ разбившагося въ дребезги хрусталя).

— И его киверъ соскочилъ, какъ этотъ разбитый хрусталь, докончилъ Эдмъ.

Питуэ началъ возражать. Онъ предпочиталъ удары концомъ сабли. Такъ какъ люстра была уже попорчена, то ничто не помѣшало ему доказать на практикѣ свою теорію. Онъ, обнажилъ шпагу и пронзилъ хрустальныя подвѣски вмѣстѣ съ пустымъ стекляннымъ шаромъ, который упалъ и разбился посреди стола. Эдмъ нашелъ ударъ слишкомъ вялымъ и однимъ толчкомъ подбросилъ тонкое зданіе хрустальныхъ призмъ и огней къ потолку, причемъ пирующіе были осыпаны воскомъ и сломанными профитками.

Мальвина и Виржини аплодировали. Весь розовый, покачиваясь изъ стороны въ сторону и положивъ свою саблю на скатерть, квартирмейстеръ наслаждался успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе Кавanонъ допускалъ превосходство рубящаго удара.

Его голубой съ золотой насѣчкой палашъ обрѣзалъ бронзовый прутъ, на которомъ висѣла люстра: все обрушилось цѣлою лавиной хрусталя и извести, такъ какъ потолокъ далъ трещину.

Смѣхъ Мальвины былъ громче шума, произведеннаго паденіемъ люстры. Виржини начала хвалить мускулы своего мужа. Герикуръ зналъ, что его могучая рука однимъ ударомъ сдѣлала бы все то, что тѣ сдѣлали тремя. Ему хотѣлось, чтобъ его попросили попробовать свою силу. Посреди общаго шума Кавانонъ началъ вызывать его на это и генералъ также. Эдмъ указывалъ на вторую люстру. Виконтъ иронически посмѣивался, а Грелу пожалъ плечами.

Этотъ жестъ заставилъ полковника рѣшиться. Герикуру захотѣлось внушить страхъ всѣмъ этимъ шутамъ. Сверхъ того винные пары уже бросились ему въ голову. Глаза Авреліи блеснули, какъ молнія, и ему показалось, что они увеличились. Зубы Мальвины также ослѣпляли его. Нужно было доказать, что онъ сильнѣе Пракси-Блассана, сильнѣе Августина, сидѣвшаго на краю дивана и машинально обрывавшаго шпорой его шнуры. И къ тому же нервы Бернарда были натянуты и дрожали, а зубы судорожно сжимались. Все звенѣло у него въ ушахъ: крики, смѣхъ и пѣсни, вздохи волынки, которую надувалъ одинъ бретонскій солдатъ съ круглыми щеками, сидѣвшій на концѣ послѣдней галлереи, и призывъ къ bourrée [1]) которую танцовали два оверница на большомъ мраморномъ одноногомъ столѣ, переплетаясь руками и притоптывая каблуками. Лица ихъ были красны отъ сильнаго прилива крови и рѣзко оживлены, выдѣляясь надъ красными пластронами. Въ одномъ углу забавлялись тѣмъ, что давили руками стаканы, обернутые въ платки. Въ другомъ два молодца вальсировали и кружились вихремъ посреди одобренія присутствующихъ. Но большинство интересовалось капитаномъ Меркеромъ, который засучилъ рукавъ и обѣщалъ расколоть столъ изъ золоченаго дуба, поддерживаемый присѣвшими на корточки фавнами. Начали спорить.

Полковникъ совѣтовалъ Меркеру ударить на-отмашь. Въ то время, когда тотъ отказывался понять, что говоритъ ему полковникъ, Бернардъ посмотрѣлъ на вторую люстру, свѣшивавшуюся почти до самыхъ бутылокъ. Мелькавшіе на ней огни слились и запрыгали въ его помутившихся глазахъ. Ему вдругъ показалось, что было бы славнымъ подвигомъ разру-

---

[1]) Родъ очень живого и веселаго танца.

шить эту громадную кисть хрусталя и огней. Ему чудилось, что свѣчи люстры смѣялись ему въ лицо, къ тому же онѣ утомляли его зрѣніе. Имъ овладѣло страстное желаніе увидѣть разрушеніе и осколки вмѣсто этого свѣта.

Стоитъ ударить на-отмашь въ середину этой люстры и, конечно, всѣ будутъ имъ восторгаться... И онъ ударилъ. Хрусталь и свѣчи разлетѣлись по полу, покатились по паркету, при страшномъ звонѣ стекла и бронзы. Лица присутствовавшимъ застыли отъ изумленія.

Мальвина встала на столъ во весь ростъ, выказавъ при этомъ свою прекрасную фигуру, задрапированную желтымъ бархатомъ, и сдѣлала видъ, что увѣнчиваетъ лаврами брата Августины. Всѣ его прославляли. Руки въ зеленыхъ рукавахъ съ красными отворотами апплодировали ему. Тамъ вдали волынка все еще продолжала вздыхать, а оверицы танцовали еще свою «bourée». Вдругъ всѣ драгуны, сидѣвшіе за однимъ изъ столовъ, обнажили шпаги и набросились въ свой чередъ на люстру, висѣвшую надъ ихъ кубками; другіе начали имъ подражать, крича во всю глотку. Одинъ прорвалъ своимъ сильнымъ кулакомъ спинку кресла. Другой рубилъ ножки стула, третій поднялъ на спину итальянскій шкафикъ, инкрустированный слоновой костью и перламутромъ, шкафикъ соскользнулъ у него со спины и разбился о мозаичный полъ. Меркеръ увѣрялъ, что онъ подниметъ нѣмца лакея на вытянутыхъ рукахъ. Тотъ сопротивлялся. Двадцать сильныхъ рукъ приподняли его на воздухъ. Товарищи его бросились на колѣни: они молили о пощадѣ.

— Ладно, ладно, проворчалъ генералъ,—наши дѣтки рисковали своей шкурой, теперь они забавляются. Не правда-ли, они имѣютъ на это право? Оставь ихъ, капитанъ, оставь!

Бывшій конюхъ наслаждался силою солдатъ. Каванонъ бросилъ наиболѣе отличившемуся золотую монету, а Мальвина послала ему воздушный поцѣлуй...

Тогда солдаты перестали стѣсняться. Толпою налегли они на запертую дверь, потрясая ее своими плечами.

Герикуръ ждалъ, когда треснетъ дерево подъ тяжестью этихъ зеленыхъ и бѣлыхъ фигуръ.

При видѣ ихъ усилій, онъ представлялъ себѣ, какъ сильно ихъ желаніе побѣдить препятствіе, и ему хотѣлось ради чести арміи, чтобы дверь поскорѣй уступила ихъ усиліямъ.

Наконецъ краска двери облупилась, образовалась длинная щель до самаго наличника. Створки двери раскололись,

заскрипѣли и упали подъ ударами сапоговъ. Пракси-Блассанъ, Грелу и Августинъ увели женщинъ. Мальвина не хотѣла уходить, она апплодировала. Вирджини подражала жестамъ и восторгу голландки.

Полковникъ сшибъ сильными ударами остатки двери, еще противустоявшей бѣшеному порыву пьяницъ, перелѣзъ черезъ нихъ, первый ворвался въ пустую залу и отбилъ саблей руки Ніобеи, тяжело свалившіяся на полъ. Потомъ открыли другую дверь. И всѣ узнали физическій кабинетъ, гдѣ стояла на пьедесталѣ горилла, сердито оскаливъ зубы. Они опрокинули чучело, распороли его, разбросали по полу отруби и сѣно, которыми оно было набито; Эдмъ нарядился въ его голову и шкуру. Драгуны разбили лейденскую банку, воображая, что она заключаетъ въ себѣ золотыя листья; Бернардъ прошедшій направо, открылъ круглую комнатку, зеркало, вызолоченныя умывальныя чашки на треножникахъ изъ чернаго дерева, пузатый коммодъ, фарфоровую ванну; каждый старался уничтожить какъ можно болѣе вещей въ возможно кратчайшій промежутокъ времени. Шелковая софа малиноваго цвѣта была раздавлена танцовавшими на ней людьми и изорвана шпорами. Безъ сомнѣнія полковникъ Герикуръ выказалъ себя самымъ сильнымъ: алебастровые каминные часы полетѣли отъ удара его оружія. Онъ нанизалъ на саблю голубыя плисовыя подушки, украшенныя желтыми гирляндами цвѣтовъ. Онъ убилъ крохотныхъ особъ изъ саксонскаго фарфора, обѣдавшихъ на этажеркѣ, затѣмъ вернулся въ библіотеку, внезапно охваченный злобой противъ тѣхъ книгъ, съ которыми онъ былъ такъ мало знакомъ, благодаря чему его постоянно унижали замѣчанія Августина, виконта и Грелу. Онъ былъ обязанъ этимъ книжонкамъ, этой нелѣпой пачкатнѣ, этимъ игрушкамъ слабыхъ и маніаковъ, униженіемъ, тяготѣвшимъ надъ нимъ всю его жизнь. Ему было пріятно смотрѣть, какъ солдаты рвали ихъ страницы, но смутный стыдъ удерживалъ его послѣдовать ихъ примѣру. Драгуны яростно набросились на математическіе трактаты и на латинскія сочиненія философовъ. Напрасно протестовалъ голосъ Грелу. «Оставь ихъ, они забавляются, что за бѣда!» отвѣчалъ ему счастливый генералъ. Нарядившійся въ шкуру гориллы Эдмъ подражалъ рыканію льва. Меркеръ подбросилъ ногою на воздухъ цѣлыхъ двадцать томовъ.

Передъ слѣдующею дверью недолго бились. Меркеръ сломалъ ея замокъ при помощи желѣзнаго каминнаго таганца. Стоявшій позади нея лакей съ двумя пистолетами въ рукахъ

тотчасъ же упалъ подъ ихъ ударами; пули затерялись въ потолкѣ. Окровавленный лакей зашатался, перевернулся и растянулся во всю длину у самыхъ ногъ больного господина. Они остановились въ изумленіи при видѣ этого тщедушнаго человѣка, стоящаго между своими костылями съ придворною шпагой въ рукѣ. Хилый, но рѣшительный онъ загораживалъ своимъ тѣломъ реторту, наполненную золотистою жидкостью, кипѣвшею на очагѣ. Двадцать стеклянныхъ трубочекъ, раздѣлявшихся склянками, наполненными металлическими веществами, кристаллами, жидкостями и порошками, примыкали къ шейкамъ реторты. Варвары, сначала было замолчавшіе, начали смѣяться, указывая на него другъ другу. Онъ закричалъ своимъ женственнымъ голосомъ:

— Вы меня убьете, прежде чѣмъ дотронетесь до этого!..

— Что это такое кипитъ въ твоемъ горшкѣ? спросилъ Меркеръ.

— Отвѣчай-же, капитану, хрюмуля!

— Дай-ка намъ попровать твоей стряпни, если она вкусна.

— Матушки, сколько у него этихъ чашекъ, склянокъ и трубочекъ!

Герикуръ замѣтилъ жилы, надувшіяся на лбу молодого ученаго, подъ его блѣдной кожей; его прозрачная рука судорожно сжимала филиграновую рукоятку шпаги.

Онъ посмотрѣлъ на лакея, лежавшаго въ обморокѣ съ краснымъ рубцомъ поперекъ лба, и сказалъ, пожимая плечами:

— Вы только сила, ничто иное, какъ глупая сила...

— Я тебя научу разговаривать! Хочешь, чтобъ я тебя высѣкъ по-нашему?

Меркеръ пошелъ впередъ, поднявъ кверху руку. Мысль эта показалась великолѣпной всѣмъ присутствующимъ; они закричали: «Да, да, капитанъ! высѣките его!» —Долой панталоны! Суньте его носомъ въ его рагу изъ мяса и зелени!

— Посади его на очагъ, чтобъ посмотрѣть, что съ нимъ будетъ!.

Хозяинъ замка уперся на свои костыли и, выставивъ впередъ лезвее шпаги, простоналъ:

— Выслушайте меня... послушайте... то, что находится въ этой ретортѣ, эта кипящая жидкость... послушайте!

— Что такое, какое мнѣ дѣло до твоей склянки и до твоего рагу?

— Это, быть можетъ, вылечитъ когда нибудь отъ смерти васъ, вашихъ дѣтей, весь родъ людской.

Но его дрожавшій голосъ былъ заглушенъ взрывомъ смѣха пятидесяти пьяницъ. Эдмъ ревѣлъ подъ шкурою гориллы. Меркеръ ударомъ сабли вышибъ изъ рукъ юноши придворную шпагу, которая зазвенѣла, ударившись о шкафъ. Больной запатался между своими костылями и, поднявъ глаза на полковника Герикура, бросилъ на него ироническій взглядъ. Послѣднему снова припомнились слова Пракси-Блассана, и онъ уже началъ отрезвляться и стыдился самого себя. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ этого смѣлаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустнаго взгляда, сожалѣвшаго побѣдителя за его глупость. Меркеръ протянулъ было руки къ плечамъ ученаго, но Бернардъ внезапно остановилъ капитана своею сильною рукою и помѣшалъ его намѣренію.

— Полковникъ, пробормоталъ Меркеръ,—я думаю, что я здѣсь не на службѣ.

— Смирно! скомандовалъ Герикуръ, въ которомъ снова закипѣла злоба.

Почти всѣ солдаты сдвинули пятки и замерли на мѣстѣ.

— Да вѣдь мы же здѣсь не на службѣ, во всякомъ случаѣ, повторилъ одинъ изъ нихъ.—Что же это тогда за праздникъ!

— Смирно! и молчать... Вложите шпаги въ ножны.

Всѣ клинки разомъ скользнули въ ножны.

— Налѣво кругомъ, маршъ!

Солдаты повиновались, пошатываясь изъ стороны въ сторону. Они ворчали, но виконтъ и Грелу вытолкали ихъ.

Тѣло высокаго лакея осталось на каменныхъ плитахъ пола, у ногъ больного, лицо котораго было покрыто потомъ.

— Ну, вы еще только полудикарь, шуринъ, злобно усмѣхнулся Пракси-Блассанъ.—Милостивый государь, прибавилъ онъ, обратившись къ больному. — примите, пожалуйста наше извиненіе. Эти люди пьяны.

Бернардъ подкатилъ кресло къ молодому человѣку.

Въ первый разъ въ жизни онъ испыталъ удовлетвореніе, унизивъ себя. Удивляясь самому себѣ, онъ собралъ подушки.

Въ сосѣдней залѣ генералъ растянуто и многословно журилъ солдатъ.

Больной бормоталъ какія то объясненія. Вотъ уже два года какъ онъ приготовлялъ эту жидкость, кипѣвшую на днѣ реторты, и теперь у него почти готовъ элексиръ, совмѣщающій въ себѣ всѣ органическія начала животной жизни. Онъ думалъ,

что ему удастся создать такую химическую комбинацію, которая дастъ силы слабымъ и здоровье немощнымъ, такъ что никто на свѣтѣ не будетъ болѣе страдать.

Владѣлецъ замка задыхался на креслѣ, куда его посадилъ полковникъ. По лицу его еще обильнѣе струился потъ. Бернардъ воображалъ, что онъ все еще переживаетъ прошлое мгновенье. Онъ видѣлъ себя глупо хваставшимся силой, которая быстро разрушала и уничтожала все, попадавшееся ей подъ руку, при восторженныхъ крикахъ остервенившихся солдатъ. Онъ презиралъ себя. Хорошъ характеръ, нечего сказать! Ему захотѣлось уйдти, онъ не могъ переносить грустныхъ упрековъ ученаго, Грелу и виконта.

Увидѣвъ дверь, онъ схватился за ножны своей сабли и побѣжалъ по корридорамъ и по пустымъ комнатамъ, словно онъ бѣжалъ отъ своихъ воспоминаній.

Онъ, этотъ побѣжденный побѣдитель, сбѣжалъ внизъ по широкой лѣстницѣ, отыскалъ крыльцо и, увидѣвъ карету, въ которую Пракси-Блассанъ вталкивалъ Аврелію, подъ какимъ то предлогомъ укрылся въ ней.

— О, эта сила, которая убиваетъ, вздохнула его сестра.

— Мнѣ стыдно за этихъ людей; а между тѣмъ они исполняютъ свою обязанность, расширяя границы отечества!

Пракси-Блассанъ, блѣдный отъ гнѣва, насвистывалъ арію изъ какой то оперы.

— Да и мы также сократили дни нашего отца, Бернардъ, чтобы увеличить престижъ нашего дома, возразила Аврелія.

Они оба замолчали. Они ожидали Виржини и Мальвину, которыхъ Кавапонъ упорно хотѣлъ увести. Наконецъ, дамы появились, Кавапонъ велъ подъ руку прекрасную Мальвину, а генералъ неловко поправлялъ мѣховую накидку на клѣтчатомъ платьѣ Виржини. Августинъ чистилъ позади нихъ рукавъ своего мундира. Въ эту минуту въ замкѣ отворилось окно: два черныхъ костыля больного вылетѣли оттуда и упали возлѣ солдатскихъ лошадей, потомъ показалось инертное тѣло въ широкомъ рединготѣ.

— Боже! вскрикнула Аврелія. Послышался глухой звукъ паденія и грубый охрипшій голосъ Меркера:

— Убирайся, философствуй себѣ тамъ, дуралей...

Въ окнахъ пьяныя рожи разразились взрывомъ смѣха.

— Да пошелъ же, кучеръ! приказалъ Пракси-Блассанъ.

— Варвары! крикнула имъ молодая женщина и, зары-

давъ, опрокинувшись на спинку кареты въ жестокомъ истерическомъ припадкѣ.

XVIII.

Августинъ и Мальвина, отпраздновавъ свою свадьбу, угостили весь главный штабъ Удино за своимъ столомъ, въ одномъ изъ маленькихъ городковъ Брауншвейга. Блестящіе парады слѣдовали одинъ за другимъ. Виржини въ полномъ развитіи красоты, любила, спала и купалась.

Бернардъ упивался страстью, онъ забылъ тяжелое прошлое посреди наслажденій, испытываемыхъ всѣмъ его существомъ.

Аврелія ласкала передъ очагами разныхъ гостинницъ Денизу, Эдуарда, Дельфину и Эмиля.

Они путешествовали изъ города въ городъ вмѣстѣ съ дивизіею, и оставили ее въ Майнцѣ. Потомъ почтовая карета покатилась подъ дождемъ по покрытымъ снѣгомъ полямъ.

. . . .

Вотъ и Парижъ!.... Духовенство служило молебенъ въ соборѣ Парижской Богоматери, и хвалебные гимны возносились къ небесамъ вверхъ по колоннамъ собора, украшеннымъ русскими, австрійскими, польскими и нѣмецкими знаменами!... Торжественные пушечные выстрѣлы раздавались каждую минуту подъ отягченнымъ тучами небомъ. «Императоръ! Да здравствуетъ императоръ!» Это былъ онъ, человѣкъ одѣтый въ тѣсный зеленый сюртукъ. Онъ поспѣшно вошелъ въ соборъ въ сопровожденіи своихъ министровъ въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, маршаловъ съ сіяющими на груди звѣздами, принцевъ въ алыхъ мундирахъ и робкихъ и неловкихъ королей.

Ливень барабанилъ по стекламъ. Небо становилось чернѣе, золото офиціальныхъ костюмовъ потемнѣло. Всѣ головы, обрамленныя длинными волосами, покрылись тѣнями вокругъ безстрастныхъ глазъ, подъ рѣзко очерченными носами. «Динь, динь, донъ»—звенѣли колокола....

— На караулъ!

Раздался одинъ дружный звонъ ружей передъ бѣлыми скрещенными на груди ремнями гренадеровъ. Бумъ!... Бумъ! повторяли пушки.

У алтаря архіепископъ, одѣтый въ золотыя ризы, и дьяконы въ серебряныхъ совершали жертвоприношеніе во имя Того, Кто умеръ за слабыхъ.

— На колѣни!

Гренадеры преклонили головы и штыки. Человѣкъ въ тѣсномъ сюртукѣ, стоя прямо, возвышаясь надъ склоненными головами, пристально смотрѣлъ на святое причастіе, поднятое надъ толпою старыми руками прелата.

«Динь, динь, донъ» — звонили колокола, возвѣщавшіе о совершеніи жертвы.

Затрубили трубы, загрохотали барабаны возвѣщая славу Господню. Трубные звуки потрясли своды храма, этого громаднаго лѣса сѣрыхъ камней съ его вѣтвями въ видѣ остроконечныхъ арокъ, лѣса, представляющаго собою символъ порыва земли къ невѣдомымъ небесамъ. Герикуръ, взволнованный всѣмъ этимъ величіемъ, ждалъ, что вотъ, вотъ эти трубные звуки приподнимутъ своды храма и унесутъ его къ Богу армій, протягивающему свои свѣтящіяся какъ лучи руки полковникамъ, генераламъ, министрамъ, принцамъ, королямъ, кирасирамъ, драгунамъ, артиллеристамъ, гусарамъ, гренадерамъ, пѣхотинцамъ и адъютантамъ главнаго штаба. Онъ, полковникъ Герикуръ былъ причастенъ ко всему этому потому, что онъ былъ силой создавшей этотъ тріумфъ.

Пракси-Блассанъ снова собирался въ путь. Кавруа, величественный, въ бѣломъ галстухѣ, давалъ справки посѣтителямъ пріемной министерства иностранныхъ дѣлъ. Камины дымили такъ сильно, что чиновники плакали надъ своими бумагами, заключавшими въ себѣ указы объ оккупаціи Венеціи, о движеніи войскъ въ Далмацію, объ уступкѣ Ганновера Пруссіи, о распредѣленіи королевствъ, вице-королевствъ, великихъ герцогствъ и герцогствъ. Европу разрѣзали на ломти, разсчитанные на всѣ аппетиты, на старомъ, покатомъ столѣ со скрипучими петлями, позади котораго Кавруа чинилъ свои перья.

Настала весна. Каролина, глядя съ чердака Герикуровскихъ мельницъ, не могла обнять своимъ взоромъ всего богатства ихъ семьи. Скарпа несла на себѣ барки съ углемъ, тянувшіяся гужемъ мимо зеленыхъ полей и луговъ. Маленькій Дьедоннэ ходилъ въ школу одинъ. Онъ поминутно сосалъ лакрицу и хладнокровно защищалъ ее своими большими кулаками отъ яростныхъ покушеній мальчугановъ. «Толстякъ, толстякъ», дразнили они его.

На Дюнкирхенскомъ полѣ, во время сильнаго вѣтра, растрепавшаго волосы Виржиніи, простились съ Жозефомъ, морякомъ, отправлявшимся на берега Явы, чтобы обогащать тамъ конторы Мальвины.

«Ты теперь уже не хочешь быть коннымъ морякомъ,

Бернардъ, не правда-ли? Помнишь, какъ ты хотѣлъ быть коннымъ морякомъ, на брикѣ. А всетаки ты, добрый малый. До свиданія, братъ». Къ тремъ часамъ, когда стало смеркаться, трехмачтовый корабль лишь смутно виднѣлся, за сѣдыми волнами моря, на горизонтѣ бурнаго неба.

. . . .

Сильный порывъ вѣтра пригибалъ къ землѣ ивы на маленькомъ кладбищѣ. Могила почти исчезла подъ пескомъ. Что дѣлалъ въ другомъ мірѣ ихъ старый слѣпой отецъ? Взвѣшивалъ ли тамъ золото или бродилъ ощупью и спотыкался этотъ старикъ, котораго они убили горемъ, точно такъ же, какъ убили того ученаго, немощнаго юношу, выброшеннаго драгунами изъ окна его моравскаго замка.

— Я тебя обожаю! утѣшала Бернарда Виржини, крѣпко его обнимая.

— Сила убиваетъ!

— Но она и создаетъ, Бернардъ....

И они еще тѣснѣе прижались другъ къ другу.

. . . .

Дениза смѣялась своими свѣтлыми глазами въ большой квартирѣ на Шоссэ д'Антэнъ. Полковникъ Лириссъ усаживалъ ее верхомъ на правое колѣно, а Эдуарда на лѣвое. Эмиль и Дельфина смотрѣли серьезно на полковника.

— Гопъ! Гопъ рысью.... въ галопъ...

— Ну, Эдуардъ, гопъ!... ободряла его Аврелія,—ты не смѣешься, мой малютка, ты будешь когда нибудь такимъ же красивымъ какъ Дениза. Я увижу твое счастье, дитя мое... Гопъ, гопъ, Эдуардъ, въ галопъ, навстрѣчу жизни, удачѣ, радости, любви и времени!....

— Рысью, въ галопъ, гопъ гопъ, подхватывалъ полковникъ Лириссъ, наклоняя свою тонкую до смѣшнаго шею и свою маленькую круглую морщинистую головку.

— Я тоже, я тоже хочу скакать галопомъ! закричали вмѣстѣ Дениза и Эмиль, протягивая свои маленькія ручки въ кисейныхъ рукавичкахъ.

— Гопъ, гопъ, свѣтлые глазки съ темными рѣсницами!... Сейчасъ, сейчасъ поѣдутъ другіе... Не торопитесь такъ скоро достичь счастья, мои малютки, прежде всего, чтобъ не испортить себѣ жизни, любите настоящее, не заботьтесь о будущемъ. Ахъ, если-бы люди умѣли цѣнить настоящее, вздохнула Аврелія, откидывая со своего прекраснаго лба завитки волосъ.

— Послушай, тихонько шептала Виржини Бернарду,—я тебя обожаю!

Теперь его утомляла эта ласка. Его тесть собирался подарить ему новую турецкую лошадь, приведенную изъ Бухареста. Ему скучны были поцѣлуи жены, стыдно было проводить часы въ бездѣйствіи въ то время, какъ лучшіе изъ молодыхъ людей употребляютъ всю свою энергію, чтобъ завоевать себѣ новую славу.

Скакать по свѣжему утреннему вѣтерку во главѣ полка, онъ только и мечталъ объ этомъ и ежеминутно объ этомъ думалъ. Ему такъ хотѣлось стать еще болѣе великимъ, заслужить восторгъ народовъ! Всѣ ему казались чужими: Каролина съ ея скупостью, Аврелія съ ея грустью, Кавруа съ его таинственными бумагами, Праксп-Блассанъ съ его ироніей, Августинъ съ его безчисленными хлопотами и попытками заслужить вниманіе великихъ міра сего. Что значатъ для него всѣ эти родственники? Только о своемъ отцѣ сохранялъ онъ почтительное воспоминаніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ возлѣ Лирисса, простого полковника въ пятьдесятъ лѣтъ, какимъ онъ уже былъ въ тридцать, Бернардъ Герикуръ уже не отказывался больше отъ блестящаго будущаго. Пусть только еще одинъ разъ посреди ужасающей свалки во время битвы его лошадь прорветъ непріятельскіе ряды, и онъ будетъ генераломъ. А, ставъ во главѣ бригады, онъ изумитъ весь главный штабъ, даже самого Мюрата. Онъ перечелъ труды Дюпати Дюклама, Тюрпена и Крисса. Онъ изучилъ карты обширныхъ лѣсовъ Германіи. Можетъ быть, вскорѣ пойдутъ туда, на сѣверъ. Онъ дѣлалъ визиты въ сопровожденіи Августина, былъ ласково принятъ генералъ-маіоромъ. Герикурамъ понравились его завитая шевелюра и золотая форма. Онъ былъ уменъ, поздравилъ ихъ, пообѣщалъ войну въ ближайшемъ будущемъ и проводилъ ихъ очень любезно. Онъ увѣрялъ, что императоръ непремѣнно дастъ орденъ Герикуру на первомъ же кавалерійскомъ парадѣ, на берегу Рейна, если только полковникъ будетъ при этомъ на такой же прекрасной лошади, какую убили подъ Працненомъ. Наполеонъ повторялъ это всякій разъ, какъ произносили имя Герикура.

Августинъ уже не презиралъ теперь своего брата. Онъ бралъ его съ собою, идя съ визитами, съ цѣлью выхлопотать назначеніе Кавруа въ государственный совѣтъ, который съ

этихъ поръ долженъ былъ утверждать счета поставщиковъ имперіи.

. . . .

. . . .

По грязнымъ германскимъ дорогамъ въ октябрѣ 1806 года начался для полковника Герикура нескончаемый походъ.

Кавалеръ ордена почетнаго легіона, пожалованнаго ему на смотру, на Кобургской дорогѣ, онъ считалъ себя героемъ, на обязанности котораго лежитъ возвеличеніе латинской расы.

. . . .

Подъ Іеною полкъ преслѣдовалъ разсыпавшихся зеленыхъ и голубыхъ пруссаковъ, разсѣкая саблями ихъ треуголки.

Когда Грелу былъ произведенъ въ капитаны, полкъ уже поднялся вдоль по рѣкамъ. Его каски были послѣдними отблесками во тьмѣ, покрывшей песочныя равнины. Онъ гналъ по нимъ стада плѣнныхъ нѣмцевъ. Между блестѣвшими какъ жесть озерами онъ взялъ въ плѣнъ два батальона у герцога Брауншвейгскаго, что сильно обогатило его фургоны. Въ Любекъ онъ вошелъ позади гренадеровъ, посреди пламени пылающихъ улицъ. Лошади попирали трупы, раздувшіеся отъ пива. Эдмъ былъ произведенъ въ лейтенанты. Полкъ продолжалъ идти впередъ. Оружіе звучало на площадяхъ вокругъ историческихъ памятниковъ. Звуки трубъ раздавались на уровнѣ первыхъ этажей. Они все шли. Они подходили къ городамъ, проходили черезъ нихъ, шли дальше. Тучи вороновъ поднимались съ полей при приближеніи авангарда. Лошади истекали кровью. Люди исхудали, у нихъ отросли бороды. Крестьяне прятали свою провизію. Дождь отягчалъ плащи. Зубы стучали отъ холода. Лихорадка окрашивала щеки. Послѣ многихъ приключеній, они увидѣли городъ, за которымъ виднѣлось холодное море. И они тамъ прожили нѣсколько времени подъ непрерывнымъ дождемъ. Бернардъ игралъ въ карты въ закоптѣлой тавернѣ.

. . . .

Полкъ опять двинулся впередъ. Подъ Эйлау имъ пришлось аттаковать врага. Сквозь хлопья падавшаго снѣга сіяли золоченыя митры русскихъ гренадеръ. Плотныя линіи армій, квадраты батальоновъ и безконечные кортежи ихъ пороховыхъ ящиковъ чернѣли на бѣломъ фонѣ снѣга. Драгуны Герикура заняли позицію влѣво отъ какого то полка, безпрестанно освѣщавшагося молніями боевого огня. Раздался страшный грохотъ, и съ правой стороны снѣгъ окрасился кровью двухсотъ убитыхъ и раненыхъ, свалившихся въ кучу. «Сержантъ, подберите мѣховыя

шапки»... закричалъ Августинъ, командиръ ихъ батальона. «Вторая рота, направо! Впередъ, въ атаку!» И всѣ солдаты и офицеры бросились въ движущуюся завѣсу снѣга. Бернардъ восхищался своимъ братомъ. Буря заглушала предсмертные хрипы и стона раненыхъ, лежавшихъ въ кучѣ. Вскорѣ къ нимъ подошли хирурги, привязывая носовыми платками ланцеты къ замерзшимъ рукамъ. Неподвижно стоявшіе драгуны спрятали уши подъ плащи, чтобы не слышать стоновъ ампутируемыхъ. Теперь предстояло еще пробиться сквозь глубокій снѣгъ въ ту сторону, откуда стрѣляла невидимая пѣхота. Кавапонъ указывалъ дорогу своимъ палашомъ. Полкъ Герикура бросился впередъ, вслѣдъ за кирасирами генерала Лирисса, навстрѣчу кружившемуся бѣлому снѣгу и налетѣлъ посреди ружейнаго огня и снѣжнаго вихря на штыки какой-то сѣрой толпы, также освѣщавшейся внезапными вспышками выстрѣловъ и скрывавшейся за густымъ дымомъ.

Полковникъ побѣдилъ эту бѣлую массу. Ряды его полка пополнились новыми лицами.

Полкъ все шелъ впередъ. Отъ фермъ остались однѣ обуглившіяся балки. Драгуны шли до самыхъ песковъ Польши.

Питуэ, произведенный въ полковники, уѣхалъ въ Испанію во главѣ двадцать пятаго полка. Бернардъ Герикуръ ѣхалъ рысью съ сѣвера на юго-западъ.

Весна снова одѣла зеленью лѣса. Бернардъ Герикуръ одерживалъ побѣду за побѣдой. Полкъ шелъ все впередъ позади трубачей, подъ блестящимъ орломъ. Меркеръ командовалъ эскадрономъ съ того времени, какъ собственноручно обезглавилъ какого то прусскаго графа.

Въ одномъ маленькомъ городкѣ, выстроенномъ изъ красныхъ кирпичей, Вирживи удалось пріѣхать повидаться съ полковникомъ. На другой день она уже ему казалась навязчивой, чуждой ему женщиной.

XIX.

Наконецъ, они дошли до спѣлыхъ жатвъ Ваграма. Толстый Наполеонъ сдерживалъ свою бѣлую лошадь. Взглядъ императора былъ гнѣвенъ, его жирныя руки натягивали поводья.— Вотъ прекрасный полковникъ двадцать третьяго полка и его турецкая лошадь.... Ну, сегодня надо вспомнить Аустерлицъ!..

— Да здравствуетъ императоръ! инстинктивно закричалъ Бернардъ. Онъ думалъ, что будетъ генераломъ въ тотъ же вечеръ. Битва разразилась. Ураганы кавалеріи бросались впе-

редъ и погружались въ спѣлую рожь и въ австрійскую пѣхоту. «Драгуны, впередъ!» Герикуръ привсталъ на стременахъ. Конныя статуи въ мѣдныхъ каскахъ двинулись впередъ. Маленькій толстый императоръ смотрѣлъ на нихъ съ высоты небольшого холма, стоя передъ своимъ главнымъ штабомъ, украшеннымъ цвѣтистыми султанами. Полкъ пригнулся къ сѣдлу, понесся галопомъ, налетѣлъ на высокій овесъ, смялъ его. Воздухъ разрывался, дымъ сгущался все болѣе и болѣе. Кровь окрасила траву. Сколько рыжихъ лошадей свалилось между снопами, сколько храбрецовъ умерло съ проклятіемъ на устахъ!

Пожаръ, зажженный остатками патроновъ, распространился по волнамъ ржи. Огненная завѣса раздѣляла враговъ. Она жгла скорчившіяся тѣла умирающихъ и гнала передъ собою австрійскую пѣхоту. Драгуны скакали за пожаромъ, оставившимъ за собою, въ видѣ слѣда, громадныя поля, покрытыя пепломъ. Лошадиныя копыты поджаривались на горячей золѣ. По ту сторону огненной завѣсы, при дрожавшемъ пурпурномъ свѣтѣ огня, Бернардъ и Эдмъ видѣли бѣгущій отрядъ пѣхоты, погоняемый пожаромъ.

Эдмъ закричалъ: «Они найдутъ убѣжище только въ небесахъ». Бернардъ Герикуръ думалъ то же самое. Эдмъ широко раскрылъ свои свѣтлые съ темными рѣсницами глаза, похожіе на глаза его сестры Виржиніи.

— Теперь рѣшается судьба расъ, сказалъ Грелу;—враги латинской расы найдутъ убѣжище въ своей Валгаллѣ! Огонь сражается за римскихъ орловъ и за Цезаря.

Они поискали глазами на горизонтѣ императора и увидѣли его стоящимъ на скамейкѣ коляски, очень далеко. Онъ казался маленькимъ и толстымъ, въ своемъ зеленомъ мундирѣ.

«Подожди, соперникъ, подумалъ полковникъ, я тоже буду когда нибудь Цезаремъ».

Они все еще шли впередъ, но пожаръ далеко опередилъ ихъ.

Ночью они смотрѣли на голыя, вытянутыя фіолетовыя ноги, которыя высовывались изъ покраснѣвшей соломы. Полковникъ Герикуръ заснулъ на межѣ.

На другой день полкъ продолжалъ двигаться впередъ. Направо отъ нихъ гренадеры вытянули свои бѣлоголубыя линіи. Артиллерійскіе парки занимали дорогу. Около полудня Герикуръ и его развѣдчики открыли покрытые дерномъ гласисы

и углы бастіоновъ изъ темныхъ кирпичей. Въ городкѣ бѣшено звонили въ набатъ.

Бернардъ, почти одинъ, любовался свѣтомъ, отраженнымъ черепицами и дрожащими листами деревьевъ, посаженныхъ на укрѣпленіяхъ. Эдмъ быстро галопировалъ во главѣ отряда къ небольшому пригороду. Что это такое, ужъ не пушечная ли мѣдь сверкнула тамъ, въ тѣни бѣднаго садика, огороженнаго жалкимъ заборомъ?

Бернарду захотѣлось ѣсть. Онъ подумалъ, что въ городѣ найдутся таверны. Ему хотѣлось выпить свѣжаго пива, поѣсть кислой капусты, говядины, поджаренной на прованскомъ маслѣ и хорошаго хлѣба. Все это достанутъ ему гренадеры. Они дефилировали въ двадцати шагахъ отъ него, вдоль по жнивью, вытянувшись во весь ростъ, подъ своими медвѣжьими шапками. Грязный потъ катился по ихъ впалымъ щекамъ.

Въ которой изъ улицъ этого городка могла находиться лучшая таверна? Вѣрно, возлѣ церкви? или въ этомъ предмѣстьѣ, можетъ быть, въ томъ домикѣ, ставни котораго были закрыты.

Что это, неужели рука титана сорвала Герикура съ лошади?..

Такъ значитъ—это пушечное ядро прогремѣло въ тѣни садика...

Лежа на землѣ, Бернардъ думалъ, что его лошадь околѣваетъ.

— Ваши ноги, полковникъ!

Ноги... онъ не смѣлъ сначала посмотрѣть на нихъ.

Что такое нужно было барабанщику, быстро соскользнувшему съ сѣдла, съ лицомъ, постарѣвшимъ отъ ужаса, и безпокойно двигавшему руками?

Герикуръ вдругъ рѣшился посмотрѣть на свои ноги. Разорванное мясо среди красной лужи со сломанною посерединѣ костью, вотъ что представляла изъ себя одна изъ нихъ. Другой не было видно, она находилась подъ неподвижной тушей лошади.

«Вытащи же меня, чортъ побери!» приказалъ онъ. Злоба противъ глупаго коварства судьбы выводила его изъ себя. Онъ не чувствовалъ сильной боли, но по поту, леденившему его виски, онъ догадывался, что лишится чувствъ. Изъ оторванной ноги била широкими струями кровь.

«Ахъ, подумалъ онъ, неужели я покончу съ жизнью?.. Уже?.. Теперь соперникъ восторжествуетъ навсегда... Да и жилъ-ли я еще! Онъ сталъ вспоминать лица тѣхъ женщинъ,

которыхъ онъ больше всего любилъ. Сейчасъ для него не будетъ больше свѣта?

Аврелія! Эдуардъ!.. Будетъ ли когда-нибудь его сестра представлять его себѣ умирающимъ. Безъ сомнѣнія... Франція также будетъ вспоминать о немъ.

Онъ разглядѣлъ передъ собою отрядъ полковыхъ барабанщиковъ. Они остановились. Барабаны сверкали на солнцѣ своею мѣдью. Гигантъ тамбуръ-мажоръ замахнулся своей палочкой до неба. Блѣдные подростки въ медвѣжихъ шапкахъ смотрѣли на него, на полковника, на эту каменную статую, быстро перебирая палочками по бѣлой кожѣ. Били походъ. Тамбуръ-мажоръ продолжалъ выростать. Солнце удвоилось, соскочило на мѣдь барабановъ, на галуны гиганта тамбуръ-мажора. Его палочка ударяла по небу. Небо разбилось, упало на барабаны тысячью осколковъ.

Бернардъ Герикуръ хотѣлъ уклониться отъ опасности, но члены ему не повиновались. Барабаны продолжали бить. Ему казалось, что кости его быстро раздуваются. Все отяжелѣло: кровь, мускулы, тѣло.

Герикуръ опустилъ вѣки. Онъ отдыхалъ во мракѣ и мракъ сгущался, по мѣрѣ того, какъ становился глуше барабанный бой, этотъ побѣдный гимнъ торжествующей силы.

Поль Адамъ.

Конецъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ежемѣсячный журналъ, заключающій въ себѣ обзоръ всѣхъ выдающихся и наиболѣе интересныхъ новинокъ русской литературы въ области беллетристики и науки, важнѣйшихъ журнальныхъ статей и лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ. Задача изданія—помощь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержанія новыхъ произведеній литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, можетъ до извѣстной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены особыя заботы о томъ, чтобы №№ изданія доставляли возможно болѣе интереснаго для чтенія матеріала. По мѣрѣ надобности въ журналѣ помѣщаются и произведенія беллетристики русской и иностранной, а также литературно-критическія и научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ. Съ 1-хъ книжекъ журнала въ будущемъ году начнется печатаніе романа М. Долинскаго—«Подъ гнетомъ подозрѣній». Открыта подписка на 1901 г. (7-й годъ изданія). Цѣна на годъ съ дост. и пер. ТРИ р. Адресъ: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, д. 10—Отъ жителей С.-Петербурга подписка принимается въ кн. магаз. Попова (уг. Невскаго пр. и Фонтанки).

Редакторъ-издатель М. В. Сиверцовъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію—*Петербургъ, Милліонная 34.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію почтамта направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

Отъ конторы редакціи:

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п., производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Милліонная, 34), между часомъ и четырьмя дня.

Редакторъ-издатель С. С. Сухонинъ принимаетъ для личныхъ объясненій по субботамъ отъ 7 ½ до 9 ч. веч.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 час. до 4 час. дня.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Первое въ Россіи, общедоступное, **ежемѣсячное иллюстрированное** историческое изданіе, посвященное ознакомленію русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи, съ точки зрѣнія идеи прогресса.

ЗАДАЧИ ИЗДАНІЯ: Путемъ широкой аналогіи освѣтить преемственность историческихъ явленій въ жизни народовъ, **научно** объяснить и **художественно** воскресить вѣчно живые образы прошлаго, установить связь **прошедшаго съ настоящимъ** и отмѣтить великія завоеванія человѣчества **въ безсмертной области духа, красоты и правды. Исторія продолжается, и на порогѣ XX вѣка, можетъ** быть, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо искать въ прошломъ разгадку **сложнѣйшихъ проблеммъ современности.**

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: *Н. Н. Аксаковъ, В. А. Апушкинъ, К. И. Арабажинъ, кн. В. В. Барятинскій, В. Ѳ. Боцяновскій, кн. Д. Н. Голицынъ (Муравлинъ), М. В. Головинскій, проф. А. Х. Гольмстенъ, В. М. Грибовскій, Н. А. Гриневская, академикъ И. Н. Ждановъ, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. И. И. Ивановъ, проф. гр. Л. А. Камаровскій, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Д. Ѳ. Кобеко, проф. Н. И. Ковалевскій, проф. Н. М. Коркуновъ, Іосибуми-Курено (лек. японскаго языка, петерб. унив.), проф. Н. П. Лихачевъ, С. В. Любимовъ, М. Н. Мазаевъ, А. А. Мироновъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. С. Морозовъ, К. В. Назарьева, Ф. К. Нелюховскій, В. Н. Никитинъ, Н. К. Никифоровъ, В. Н. Панаевъ, пр.-доц. В. Н. Перетцъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. А. Рейснеръ, В. Я. Свѣтловъ, проф. Н. И.* **Стороженко**, *А. Н. Субботинъ, А. Е. Суровцевъ, Я. Г. Сѣверскій, А. В. Тавастшерна (Сандръ), К. А. Тепловъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. А. Шифрановъ, А. Ф. Шидловскій, Н. К. Шильдеръ, проф. И. А. Шляпкинъ, Н. К. Ярышевъ, З. Ю. Яковлева, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.*

ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ ПОСВЯЩЕНЫ: «На рубежѣ XIX вѣка» — изображенію состоянія общества въ Зап. Европѣ наканунѣ нашего вѣка; **«Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи народовъ Европы»**—ближайшему историческому прошлому; **«Странички прошлаго»**—мелкимъ истор. фактамъ и курьезамъ; **«Изъ области археологіи»**—наиболѣе выдающимся фактамъ въ этой области и **«Литературная лѣтопись»**—ежемѣсячн. обзору русск. и иностр. журналовъ и нов. книгъ.

ВЪ ПЕРВЫХЪ КНИЖКАХЪ ЖУРНАЛА будутъ напечатаны: историч. ст. *проф. Н. Н. Ковалевскаго; Карла Каутскаго* — «Классовыя противорѣчія», «Табориты», «Перекрещенцы»; *проф. Н. И. Стороженко* — «Мартинъ Марпрелатъ и перв. пуритане»; *И. И. Иванова* — «Первый соціалистъ XIX вѣка»; *В. Смоленскаго* — «Судьбы Польши послѣ раздѣловъ»; *М. В. Головинскаго* — «Сверхчеловѣкъ конца прошлаго столѣтія»; *проф. М. А. Рейснера* — «Реформація и право реформированія въ Германіи» и др. ст. по исторіи **Франціи, Германіи, Англіи, Италіи и Греціи** и **по исторіи восточныхъ народовъ.**

ИСТОР. БЕЛЛЕТРИСТ. ПРОИЗВЕДЕНІЯ *Д. Л. Мордовцева, кн. Д. П. Голицына (Муравлина), В. М. Грибовскаго, В. Н. Никитина, В. Н. Лебедева, К. А. Теплова* — «Шунвѣрка» истор. повѣсть изъ древнерусской жизни, истор. романъ знаменитаго *Гверацци* «Беатриче Ченчи» и мн. др. **СЪ ДЕКАБРЯ** начнется печатаніемъ истор. романъ *В. Я. Свѣтлова*, подъ названіемъ **«Венецейская Лагуна»**, рисующій интересную картину сношеній древней Руси съ Западной Европой.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ (съ особ. нум. стран.): **Библіотека избран. сочин. по исторіи народовъ Европы.** — **«Исторія финскаго народа»** по *Шюбергсону*, въ излож. *Н. К. Ярышева* и *М. В. Головинскаго*, и **«Сборникъ иностр. истор. романовъ»** — **«Послѣдній афинянинъ»** истор. роман. *Рюдберга* изъ временъ Юліана Отступника.

Первая книга за 1901 годъ выйдетъ въ декабрѣ настоящ. го года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ (съ декабря по декабрь) съ дост. и перес. *6 р.* на полгода *3 р.* и за границу *9 р.* **ПОДПИСКУ ПРИНИМАЮТЪ ВСѢ КНИГОПРОДАВЦЫ.**

Контора и редакція **НА МИЛЮННОЙ УЛ, Д. 34. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.** Редакторъ-издатель **С. СУХОНИНЪ.**

Столичная типографія. Гороховая, № 12.

Digitized by Google

Widener Library
3 2044 099 709 420